

Правительство Новосибирской области
Министерство юстиции Новосибирской области
Управление государственной архивной службы Новосибирской области
Новосибирское региональное отделение
Российского общества историков-архивистов
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирский государственный педагогический университет
Государственный архив Новосибирской области

**«Освоение и развитие Западной Сибири
в XVI – XX вв.»**

**Материалы межрегиональной
научно-практической конференции,
посвященной 300-летию Чаусского острога**

г. Новосибирск, 2013

Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. — Новосибирск: Агентство «СИБПРИНТ», 2013. — ___ с.

ISBN978-5-94301-488-8

Редакционная коллегия:

Захаров К.В. (гл. редактор), Ивановская Е.В. (зам. главного редактора), Соловьева В.А. (ответственный секретарь), Баяндин В.И., Бородовский А.П., Катионов О.Н., Каменецкий И.П., Умбрашко К.Б., Фабрика Ю.А.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ:

Омелёхина Наталья Владимировна — заместитель Председателя Правительства Новосибирской области, министр юстиции Новосибирской области, председатель организационного комитета;

Захаров Константин Владимирович — начальник управления государственной архивной службы Новосибирской области, заместитель председателя организационного комитета;

Соловьёва Вероника Александровна — главный специалист отдела автоматизированных технологий и информационного обеспечения управления государственной архивной службы Новосибирской области, секретарь организационного комитета;

Аверин Виктор Петрович — Глава Кольванского района Новосибирской области;

Баяндин Владимир Ильич — ученый секретарь Новосибирского государственного педагогического университета, член Правления Новосибирского регионального отделения Российского общества историков-архивистов;

Бородовский Андрей Павлович — ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Новосибирского государственного педагогического университета, эксперт министерства культуры Новосибирской области по историко-культурному наследию;

Демина Тамара Викторовна — и.о. директора Государственного казенного учреждения Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области»;

Лошаков Игорь Анатольевич — заместитель начальника управления делами Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области;

Кошелев Александр Владимирович — начальник управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области;

Метёлкин Дмитрий Александрович — заместитель министра образования, науки и инновационной политики Новосибирской области;

Папова Марина Вячеславовна — член Правительства Новосибирской области, — руководитель департамента массовых коммуникаций Новосибирской области;

Решетников Игорь Николаевич — заместитель министра культуры;

Умбрашко Константин Борисович — заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, председатель Правления Новосибирского регионального отделения Российского общества историков-архивистов.

Сборник содержит материалы, подготовленные к межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI — XX вв.», посвященной 300-летию Чаусского острога (р.п. Кольвань), 25 апреля 2013 года).

Книга рассчитана на научных и архивных работников, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-94301-488-8

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ	8
1.1. Приветственное слово заместителя Председателя Правительства Новосибирской области, министра юстиции Новосибирской области <i>Натальи Владимировны Омелёхиной</i> на открытии пленарного заседания межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.», посвященной 300-летию Чаусского острога.....	8
1.2. <i>Аверин Виктор Петрович</i> . Колыванский район: будущее в прошлом и настоящем	9
1.3. <i>Бородовский Андрей Павлович</i> . Археологическое наследие в окрестностях Чаусского острога	11
1.4. <i>Катионов Олег Николаевич</i> . Развитие картографической ситуации в районе Чаусского острога.....	16
1.5. <i>Ильиных Владимир Андреевич</i> . Сельское хозяйство Западной Сибири в XX веке: динамика и проблемы развития.....	20
1.6. <i>Фабрика Юрий Аркадьевич</i> . Участие колыванцев в войнах начала XX столетия	25
2. СЕКЦИЯ № 1. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА	43
2.1. <i>Зверев Владимир Александрович</i> . «Народ изверился»: о секуляризации сознания и демографического поведения сибиряков в конце имперского периода.....	43
2.2. <i>Кузнецова Фаина Силантьевна</i> . Крестьянский «мир» Чаусской волости в XVII — начале XIX века	47
2.3. <i>Сидорчук Оксана Николаевна</i> . История торговли Сибири на страницах журналов второй половины XIX — начала XX вв.	53
2.4. <i>Дашинамжилов Одон Борисович</i> . Тюменская область в постсоветский период: динамика миграционных процессов.....	58
2.5. <i>Давыденко Наталья Алексеевна, Гурко Мария Андреевна</i> . Взаимодействие государственных и общественных организаций Западной Сибири по модернизации сибирского животноводства в конце XIX — начале XX вв.	62
2.6. <i>Лыгденова Виктория Васильевна</i> . Малые и средние города Западной Сибири в послевоенное время (1960–1980 гг.)	67

2.7. <i>Соколовский Иван Ростиславович</i> . О некоторых причинах продвижения крестьянского населения на земли Новосибирского Приобья в XVIII в.	71
2.8. <i>Тимофеева Юлия Викторовна</i> . Библиотечное строительство в Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.)	74
2.9. <i>Тихомирова Елена Евгеньевна</i> . Концепт «Путь» в творчестве сибирского писателя Г.Д. Гребенщикова	78
2.10. <i>Алексейцева Алена Анатольевна</i> . Рязанские традиции свадебных обрядов в Новосибирской области начале 20 века.....	82
2.11. <i>Лобанова Анна Александровна</i> . «Подводные камни» в работе землемеров в Западной Сибири (2-я пол. XIX — начало XX вв.).....	87
2.12. <i>Лобанов Михаил Юрьевич</i> . Колывань–Чаус на старых картах и чертежах.....	91
2.13. <i>Минина Наталья Алексеевна</i> . Из истории первых базарных площадей Новониколаевска	95
2.14. <i>Миронова Анна Александровна</i> . Новосибирская область: прошлое, настоящее, будущее.....	98

3. СЕКЦИЯ № 2. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА.. 103

3.1. <i>Баяндин Владимир Ильич</i> . Изменения территории и административного деления Новосибирской области (по материалам Государственного архива Новосибирской области).....	103
3.2. <i>Умбрашко Константин Борисович</i> . Чаус — Колывань — Новониколаевск: ирония судьбы. Источниковедческий аспект	108
3.3. <i>Бушма Дарья Дмитриевна, Филонов Сергей Владимирович</i> . Фотоколлекция «Колыванский район Новосибирской области. 1980-е» как новый источник в музейной и культурно-просветительской деятельности	115
3.4. <i>Рыкова Валентина Викторовна</i> . Освоение Сибири и Севера: базы данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН как источниковедческая основа научных исследований	117
3.5. <i>Воротникова Елена Юрьевна</i> . Исследование планов плавильной фабрики Сузунского медеплавильного завода для создания промышленно-исторического музея (по архивным материалам РГИА и ГААК)	119
3.6. <i>Золотова Галина Васильевна</i> . Новосибирский краеведческий портал.....	128

3.7. <i>Бортникова Елена Алексеевна</i> . История Чаусского острога в дореволюционных фондах Государственного архива Новосибирской области	131
3.8. <i>Лидия Сергеевна Пащенко</i> . Уникальные документы Государственного архива Новосибирской области о проектировании и строительстве Новосибирской ГЭС	134
3.9. <i>Кривченко Евгения Юрьевна</i> . Публикации по истории Кольванского района Новосибирской области за 1957–2011 гг.	141
3.10. <i>Франк Артем Владимирович</i> . Благотворительные общества в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.	145
3.11. <i>Мовисян Манушак Абеловна</i> . Письма И.В. Сталину на страницах периодических изданий в довоенные годы	149
4. СЕКЦИЯ № 3. РАННЯЯ ИСТОРИЯ КОЛЫВАНИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	153
4.1. <i>Мжельская Татьяна Владимировна</i> . Вклад профессора Т.Н. Троицкой в изучение археологического наследия Кольванского района	153
4.2. <i>Росляков Сергей Георгиевич</i> . Новые открытия в урочище Березовый мыс	155
4.3. <i>Горохов Сергей Валерьевич</i> . История археологических исследований сибирских острогов	157
4.4. <i>Кениг Александр Владимирович, Новиков Андрей Владиленович</i> . Краткий очерк истории изучения Казымского (Юильского) острога	161
4.5. <i>Кениг Александр Владимирович, Новиков Андрей Владиленович</i> . Краткие итоги археологических работ на территории Казымского острога в 2005–2008 гг.	166
4.6. <i>Скобелев Сергей Григорьевич</i> . Стены заплотного типа в русском сибирском остроге (на примере Саянского острога XVIII в.)	171
4.7. <i>Шаповалов Андрей Валерьевич, Росляков Сергей Георгиевич</i> . Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора	175
4.8. <i>Маркс Антон Васильевич</i> . Опыт натурной реконструкции деревянных оборонительных сооружений сибирского острога	179
4.9. <i>Бородовская Елена Львовна</i> . Археологический материал сибирских острогов в образовательном пространстве учреждения дополнительного образования детей (из опыта работы объединения «ИКАР» Дома детского творчества им. В. Дубинина)	184

5. СЕКЦИЯ № 4. ИСТОРИЯ КОЛЫВАНИ: ОСТРОГ, ВОЛОСТЬ, ГОРОД, ОКРУГ, РАЙОН 189

- 5.1. *Полева Валентина Петровна*. Административные метаморфозы Колывани 189
- 5.2. *Шиловский Михаил Викторович*. Как собирались везти наследника престола через Чаусскую волость (1891 г.) 192
- 5.3. *Фурсова Елена Федоровна*. Этнографическая характеристика старожилов Колыванского района Новосибирской области по данным полевых исследований 1989–1990 гг. 196
- 5.4. *Каменецкий Иван Павлович*. История Чаусского острога — города Колывани в документах, записках ученых-путешественников и исследованиях 202
- 5.5. *Андреанова Ирина Юрьевна*. О проекте зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных в р.п. Колывани 210
- 5.6. *Прецер Дарья Владимировна*. Биографические сведения о жителях г. Колывани XIX века в документах Государственного архива Новосибирской области 214
- 5.7. *Дорохова Антонина Ивановна*. Из истории населения и хозяйства Чаусской волости 218
- 5.8. *Верин Александр Анатольевич*. Историческое значение Чаусского острога в освоении русскими Среднего Приобья и Алтая 222

6. СЕКЦИЯ № 5. МАЛАЯ РОДИНА: ИСТОРИЯ РОДНЫХ МЕСТ И ПЕРСОНАЛИИ 229

- 6.1. *Бобров Леонид Александрович*. Шлемы российских воинов в Сибири в конце XVI–XVII вв. 229
- 6.2. *Румянцев Петр Петрович*. В.Я. Кокоулин: промышленный управленец и общественный деятель 238
- 6.3. *Лыков Олег Михайлович*. Послевоенная повседневность Ордынской деревни (1945–1953 гг.) 243
- 6.4. *Гайер Ирина Николаевна*. Каинск в середине XIX века 253
- 6.5. *Беликов Вадим Владимирович*. Прошлое и настоящее Венгеровского района 258
- 6.6. *Чубарова Нина Ивановна*. Кочковскому району 89 лет 270
- 6.7. *Крупницкий Дмитрий Владимирович, Пермякова Наталья Викторовна, Гулиева Аида Зилфугаровна, Щеглова Юлия Сергеевна*. Федор Анисичкин — солдат Победы! 275

6.8. <i>Ермакова Анна Александровна</i> . Человек на своем месте	279
6.9. <i>Коломбет Ирина Викторовна</i> . Начальный этап гражданской войны в Исылькульском районе	282
6.10. <i>Помыткина Вера Леонидовна</i> . Тарский педагогический техникум (колледж): первые годы деятельности (1928–1935 гг.)	287
7. СЕКЦИЯ № 6. ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ В РАБОТАХ ЮНЫХ ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ	294
7.1. <i>Батлук Ульяна, Левчук София</i> . Берестяных дел мастера	294
7.2. <i>Глушкова Эльвира</i> . Чеховская страница в жизни Колывани	297
7.3. <i>Иванюлов Кирилл</i> . Археологические исследования на территории Венгеровского района	300
7.4. <i>Камаев Радмир</i> . Мало-Корюковская инородческая волость в начале XX века	305
7.5. <i>Карпухина Татьяна</i> . Гавриил Иванович Пастухов: Колыванский купец второй гильдии (1823–1893 гг.)	308
7.6. <i>Кулешов Никита</i> . У истоков родной школы (История Новотырышкинской школы в архивных материалах)	311
7.7. <i>Михеева Ксения</i> . Каргатский уезд в 20-е годы XX века (по материалам Уфинотдела)	315
7.8. <i>Небосева Ольга, Косенкова Татьяна</i> . Колыванский мятеж	321
7.9. <i>Обыденников Андрей</i> . История одной улицы	324
7.10. <i>Попель Юлия</i> . «Село мое, Бураново родное»	328
7.11. <i>Савкова Маргарита, Скобёлкина Ольга, Нестерова Екатерина, Ильина Людмила</i> . Любимая Колывань в задачах	331
7.12. <i>Терентьева Анастасия</i> . Не зная прошлого — не понять настоящего	334
7.13. <i>Черенкова Анастасия</i> . Визиты Н.С. Хрущёва в Новосибирск в периодической печати	338
7.14. <i>Шипова Елена</i> . П.М. Пономаренко — подвижник краеведения	342
7.15. <i>Ермаков Артем</i> . Памятники истории и культуры Исылькульского муниципального района	349

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

заместителя Председателя Правительства Новосибирской области, министра юстиции Новосибирской области Натальи Владимировны Омелёхиной на открытии пленарного заседания межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.», посвященной 300-летию Чаусского острога

Добрый день, уважаемые участники и гости конференции!

Позвольте передать слова приветствия от имени Губернатора Новосибирской области и Правительства Новосибирской области, поздравить со столь знаковым событием для Новосибирского региона — проведением межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.».

Исторический календарь нашей области в последние годы является богатым и насыщенным событиями. В прошлом году мы отмечали 75-летие Новосибирской области и 90-летие Новониколаевской губернии, в этом году мы готовимся встретить 120-летний юбилей города Новосибирска. Сегодня мы отмечаем еще одну значимую веху в истории Западной Сибири — 300-летие Чаусского острога, который, с легкой руки сподвижника Петра I Дмитрия Лаврентьева, стал центром развития Среднего Приобья.

Именно Чаусский острог сыграл значимую роль в исторической судьбе Новосибирской области — в формировании региона как административного центра и крупного транспортного узла. За столь непродолжительный период времени из оборонительного сооружения Чаусский острог, возводимый изначально с целью обороны южных границ Российского государства, вырос до купеческого города Кольвань — главного перевалочного пункта Московско-Сибирского тракта, стал колыбелью развития животноводства, торговли и сельского хозяйства.

В настоящее время это более 80 памятников истории и архитектуры, более 200 памятников археологии, уникальные образцы деревянного и каменного зодчества, культурные традиции, ставшие основанием для включения Кольвани в число исторических поселений России.

Проводимое сегодня мероприятие показывает неподдельный интерес к богатой истории Кольвани, которую необходимо рассматривать во всех направлениях гуманитарных исследований, не ограничиваясь рамками истории и культурологии. Например, с позиций юридической науки значимым является следующий факт: развитие Чаусского острога происходило параллельно с формированием пенитенциарной системы Российского государства. Более того, подобным образом развивались многие поселения на территории нашей области и, в целом, Сибирского края. Однако интересными видятся вопросы о том, что послужило импульсом исторического

развития Новосибирской области и как повлияло небольшое оборонительное укрепление Сибири — Чаусский острог — на формирование правовой основы российской государственности. Надеюсь, в сегодняшних выступлениях мы сможем найти ответы.

Необходимо отметить, что Правительством Новосибирской области уделяется постоянное внимание сохранению культурного наследия региона и популяризации данного наследия как зримого свидетельства того, с чего начиналась Западная Сибирь. Руководство нашей области постоянно отмечает, что сохранение и развитие памятников истории и культуры, исследование исторических событий Новосибирского края должны стать локомотивом, определяющим вектор современного инвестиционного развития области, служить отправной точкой будущих перспективных горизонтов формирования экономической, социальной и культурной политики Новосибирской области.

Позвольте мне еще раз от имени Губернатора Новосибирской области Василия Алексеевича Юрченко, всех членов Правительства и себя лично поздравить вас с ярким историческим событием — 300-летием Чаусского острога, поблагодарить жителей колыванской земли за радушный прием и хорошую организацию такого важного события — межрегиональной научно-практической конференции «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.», высказать благодарственные слова представителям академической науки, которые проявили искренний интерес и максимум усилий для того, чтобы сегодняшнее мероприятие состоялось. Выражаю уверенность, что конференция пройдет на высоком творческом уровне и каждый из вас откроет для себя новые страницы истории нашей области.

Желаю успехов!

**Аверин Виктор Петрович,
глава Колыванского района Новосибирской области**

КОЛЫВАНСКИЙ РАЙОН: БУДУЩЕЕ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

В современном мире у каждого участника экономического рынка в своем портфеле хранятся материальные и нематериальные активы. Первое — это производство, техника, оборудование и прочее. К нематериальным относят деловую репутацию, имидж. Мне хочется, чтобы в портфеле нашего Колыванского района были обе группы активов, и я верю, что наша конференция будет содействовать этому. Например, в зале сидит потенциальный инвестор — и это решающая встреча для него. Сегодня он находится на стадии выбора места дислокации своего производства пива и безалкогольных напитков. В нашем районе он увидел один явный минус

— отсутствие железной дороги. Указание на то, что Колывань обладает уникальной историей, показалось ему не самым веским аргументом. Но когда я предложил бизнесмену слоган «От производителя с 300-летней историей», он серьезно задумался.

Сегодня мне бы хотелось, чтобы в воображении мы создали с вами машину времени, чтобы пролистать уникальные страницы истории Колывани и Чаусского острога.

Территория Колыванского района составляет 10,6 тысяч кв. км. Чтобы оценить, много это или мало, приведем такие цифры: в мире сегодня 193 государства, 32 из них — территориально меньше нашего района. Таким государством является, например, Кипр. Конечно, нам нужно потрудиться, чтобы принимать такие же потоки туристов, как на Кипре. Наша конференция — еще один шаг в этом направлении.

Для меня остается непонятным только один безрадостный факт в истории Чаусского острога: как богобоязненное, просвещенное и, в целом, зажиточное население в 20-е годы прошлого столетия бросилось крушить кресты и купола, расстреливать священников, идти против брата своего. «Сибирская Вандея» — так называют ученые это кровавое историческое событие. В одном из докладов большого ученого-историка, директора Института истории СО РАН, члена-корреспондента РАН, В.А. Ламиня услышал, что после этого восстания В.И. Ленин издал секретный документ о том, чтобы лишить Колывань статуса города навечно. И это отразилось на судьбе района.

Но жизнь показала, что все, что ни делается, все к лучшему. Возможно, если бы не этот указ, Колывань превратилась в обезличенный тихий провинциальный городок, которых в России тысячи.

На сегодняшний день есть распоряжение Губернатора Новосибирской области «О подготовке и проведении празднования 300-летия Чаусского острога», которым, на наш взгляд, окончательно снято действие секретного документа. Мы ожидаем больших перемен в экономике, культуре и других сферах жизни.

Впереди колоссальная работа: в этом году будет проведена газификация более 400 домовладений района, запущен новый детский сад, отремонтированы дороги и объекты социальной сферы.

Думаю, что несмотря на вступление России в ВТО, сельское хозяйство нашего района, считающееся одним из лидеров на рынке региона, сможет адаптироваться к возникшим условиям и продолжит развиваться. В этом году будет введена в эксплуатацию вторая очередь Кудряшовского свинокомплекса, в четырнадцати километрах от Колывани. Это будет один из самых современных свиноводческих комплексов в мире.

Есть еще один момент. Он не связан с экономикой, но очень важен для Колывани. В 20–30-е годы прошлого столетия в городах и селах России

господствовала урбанистическая топонимика. Купеческая улица стала Советской, Мещанская — Ольги Жилиной и так далее. Мы не будем пытаться стереть эту часть истории, и на сегодняшний день решено, что для улиц Кольвани будут изготовлены таблички с актуальным названием улицы и ее прежним, историческим.

Надеюсь, что работа сегодняшней конференции будет плодотворной. Мы откроем для себя множество новых горизонтов и поймем, что будущее, как это ни парадоксально звучит, определяет наше прошлое.

Бородовский Андрей Павлович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии
наук, профессор Новосибирского государственного педагогического
университета, эксперт министерства культуры Новосибирской
области по историко-культурному наследию

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ОКРЕСТНОСТЯХ ЧАУССКОГО ОСТРОГА*

Археологическое наследие Кольванского района является одним из самых представительных для Новосибирской области. Такой факт в России был осознан почти триста лет тому назад, когда по указу Петра I на территории Сибири начались первые научные сборы археологических предметов. Стимулом к этой государственной инициативе послужили материалы знаменитой Сибирской коллекции, которая вплоть до настоящего времени составляет одно из ценнейших археологических собраний, сформированных на рубеже XVII–XVIII столетий.

Этот период, как ни странно, имеет значительные параллели с современностью, когда грабительские раскопки способствовали значительному притоку артефактов, нуждающихся в своей научной атрибуции. Так называемое «бугровщичество» — достаточно массовая деятельность местного сибирского населения по поискам и разграблениям могильного золота — приобрело на рубеже XVII–XVIII вв. значительные размеры. Результаты этого промысла получили известность за рубежом (коллекция Витзена в Голландии) и стали одной из проблем во внешнеполитических взаимоотношениях с центральноазиатскими соседями (джунгарами).

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: соглашение № 14.В37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла»; НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла»

Следует напомнить, что, еще находясь в Голландии в 1697 г., Петр I был ознакомлен у известного коллекционера Н.К. Витзена [6, с. 20] с собранием сибирского могильного золота. Собственно говоря, именно благодаря этой коллекции, вывезенной из России, «цивилизованная» Европа получила первое представление об уровне и масштабах археологического наследия нашей страны. По возвращении на родину интерес самодержца был частично удовлетворен в 1715 г. подарком промышленника А.Н. Демидова «бугрового золота», который также занимался его скупкой в Сибири. Эти сокровища А.Н. Демидов преподнес Екатерине по случаю рождения царевича Петра Петровича. В 1716 г. на завершающем этапе сибирский губернатор князь М.П. Гагарин доставил Петру I коллекцию древних золотых изделий из курганов, скопившихся к тому времени в г. Тобольске. По злой иронии судьбы, через некоторое время после этого дара М.П. Гагарин попал в опалу и был казнен. Такой факт в связи с будущими трагическими судьбами М.П. Гагарина и царевича Петра Петровича вполне может быть истолкован сторонниками «мистического подхода» в истории как проклятие «могильного золота». Эти события происходили в завершающий период сибирского «бугровщичества» XVIII столетия.

Однако в итоге упомянутые приношения древностей Демидова и Гагарина составили основу Сибирской коллекции Петра Великого и определили издание знаменитого указа о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г., заложившего основу Российского законодательства об учете, выявлении и охране археологических памятников [6, с. 17].

В 1721 г. это постановление было уточнено еще одним разъяснением, суть которого состояла в покупке древних вещей в Западной Сибири и дальнейшей их пересылке в Берг и Мануфактур-коллегию. К этому же периоду относится последнее письменное упоминание о поступлении «сибирского могильного золота» от сибирского губернатора князя Черкасского, преемника опального Гагарина [4, с. 11].

Одним из первых фактов осуществления подобной практики на территории современного Колыванского района Новосибирской области были попытки покупки в 1722 г. Д.Г. Мессершмидтом у местного населения Чаусского острога на Оби древних вещей. Происходило это во время работы первой академической экспедиции в Сибири. По описаниям Д.Г. Мессершмидта, со слов жителей Чаусской слободы организация промысла «бугровщиков» выглядела следующим образом. В середине или начале весны по старому стилю (в зависимости от состояния снежного покрова) из окрестных сел собирались большие артели по 200–300 человек, которые последним санным путем отправлялись на поиски «могильного золота» в степь на 20–30 дней езды. Учитывая то, что за сутки при передвижении на лошадях можно было пройти не более 30–40 км, очевидно, что раскопки курганов велись на расстоянии 600–1200 км от Чаусского острога на тер-

риториях Барабы и Кулунды [3, с. 417, 418]. Такой факт можно рассматривать не только в формате грабежа древностей, но и как часть процесса постепенного освоения обширных территорий юга Западной Сибири, еще не входивших в состав Российского государства. При этом археологические ресурсы были одним из серьезных стимулов для активизации такого процесса, имевшего в дальнейшем государственное значение, вплоть до существенного расширения границ Российской империи во второй половине XVIII в. на юг Западной Сибири.

Впечатляет и численный состав участников артелей бугровщиков. Количество человек этих «поисковых партий» не только велико само по себе, но и значительно в сравнении со всей численностью Чаусского острога и его округи в начале XVIII века. По свидетельству того же Д.Г. Мессершмидта, в 1721 г. в слободе острога, не считая казаков, проживало не более 150 человек. Общее население Чаусской волости составило несколько сотен только к 1741 г., когда насчитывалось 874 человека. Таким образом, очевидно, что «бугровщицеством» занималось практически все взрослое активное население этой территории. Кроме этого, численность бугровщицеских партий вполне сопоставима с родовыми группами, кочевавшими на территории Кулунды в Прииртышье. По данным Г.Ф. Миллера, это количество превышало 200 человек [5, с. 48]. Таким образом, Чаусский острог вполне заслуженно приобрел сомнительную «археологическую» славу, что даже отличало его, по материалам письменных источников, от других сибирских острогов XVIII столетия.

Еще одним из не менее важных факторов значительных объемов кладоискательства в древних курганах являлось то, что такое занятие зачастую приводило не только к конфликтам с местным сибирским населением, но и становилось проблемой для русской дипломатии в Центральной Азии. По этой причине вооруженные столкновения на юге Западной Сибири в первой четверти XVIII века стали достаточно регулярными. По описаниям капитана от артиллерии И. Унковского, возглавлявшего в 1722–1723 гг. русское посольство в Джунгарию, отмечено, что в среднем течении р. Иртыша на стыке Барабы и Кулунды находится множество раскопанных «бугров». В ответ на недовольство джунгар такой деятельностью «русских» на спорных или пограничных территориях, И. Унковский пытался оправдать деятельность артелей «бугровщиков». Руководствуясь дипломатическими соображениями, он разъяснял джунгарскому посланнику, что в этих курганах будто бы погребались жившие здесь еще до принятия христианства русские люди. Несмотря на всю фантастичность такой версии, отметим, что И. Унковский еще в начале XVIII века предвосхитил гипотезу основателя Томского университета В.М. Флоринского о «первобытных славянах» в Сибири, в научном плане развитую уже в конце XIX столетия. Такая интерпретация археологического наследия Сибири

давно стала достоянием историографии российской и сибирской археологии. Однако актуальность осмысления археологического наследия Сибири в связи с динамикой исторических и этнических процессов крайне остра вплоть до настоящего времени.

В XVIII веке существующая проблема разграбления сибирских древностей была решена принятием в 1722 г. указа о «недозволении» крестьянам и разночинцам отправляться на «бугровщичество» в сторону «Казачьей Орды» (Северного Казахстана и Кулунды). Еще через пять лет, в 1725 г. сибирский губернатор специальным распоряжением запрещает «бугрование» под страхом жесткого наказания. Причиной появления этих постановлений была, конечно, не только «забота о памятниках древности» и исполнение петровских указов на местном уровне. Главным мотивом являлось стремление сохранить и ограничить активность достаточно малочисленного русского населения юга Западной Сибири. Поскольку при «бугровании» оно либо угонялось в полон кочевниками, либо «убивалось до смерти на тех буграх».

В качестве одного из последствий деятельности «бугровщиков» XVIII столетия результаты современных достаточно детальных исследований археологического наследия Кольванского района позволяют зафиксировать достаточно любопытный факт [2, с. 5]. На этой территории в материалах археологических памятников практически отсутствуют существенные находки из драгоценных металлов. Хотя такие изделия известны на территории других районов Новосибирской области. Такую особенность отмечал уже в начале XVIII века Д.Г. Мессершмидт. Он указывал, что многие «языческие могилы» по берегам р. Оби были в основном разграблены. Поэтому нужно было обладать особым счастьем, чтобы найти что-нибудь, «да притом весьма важное».

Другим фактором, влияющим на наличие предметов из драгоценных материалов, является их присутствие в элитных курганах значительных размеров. Основная часть этих археологических объектов действительно расположена значительно южнее и выше по течению р. Оби, а также в Барабинской лесостепи и Кулундинской степи. Одним из таких курганов на севере Новосибирского Приобья является Дубровинский бугор. Он расположен около Московского тракта, идущего от Чаусского острога на северо-восток к переправе через р. Обь. Осмотр этого кургана в последнее время позволил выявить все признаки погребального элитного сооружения. Среди них — особое место расположения, у дороги (переправы) на скальной подошве, а также значительные размеры насыпи и, как следствие, огромная грабительская воронка, позволяющая судить не только об искусственном характере этого надмогильного сооружения, но и масштабах разграбления. Сравнение с аналогичными сооружениями эпохи раннего железа позволяет предполагать, что по своим размерам и статусу Дуб-

ровинский бугор вполне мог до разграбления располагать предметами, соответствующими Сибирской коллекции Петра Великого Эрмитажа и собрания Витзена, исчезнувшего в Голландии. Тем более что в захоронениях скифского времени (Быстровка-2) по берегам р. Обь встречаются бронзовые копии золотых предметов, входящих в состав Петровской коллекции [1, с. 120, рис. 89].

В целом на основании представленных данных можно сделать несколько выводов. Во-первых, археологическое наследие в окрестностях Чаусского острога, включая территорию современного Кольванского района Новосибирской области, во все времена было в центре внимания специалистов по «сибирским древностям». Во-вторых, история первых попыток научного изучения археологических древностей этой территории синхронна с начальным периодом становления археологии России. В-третьих, можно с полным основанием говорить о том, что территория Кольванского района Новосибирской области была одной из первых в России и Сибири, где представители государства уже начале XVIII века пытались осуществлять попытки сохранения археологического наследия. В этой связи необходимо подчеркнуть, что к концу XX столетия органам охраны археологических памятников вместе с учеными из вузов (НГПИ–НГПУ) и Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) удалось одними из первых осуществить издание материалов свода археологического наследия Кольванского района Новосибирской области.

Библиографический список

1. Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». — Вып. 6. — Новосибирск, 2002. — 208 с.
2. Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». — Вып. 2. — Новосибирск, 1996. — 192 с.
3. Радлов В.В. Из Сибири. — М.: Наука, 1989. — 600 с.
4. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. САИ. Д 3–9. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 80 с.
5. Уманский А.П. Телеуты и их соседи в XVII — первой четверти XVIII века. — Ч. 2. — Барнаул, 1995. — 222 с.
6. Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. — М.: Наука, 1986. — 238 с.

**Катионов Олег Николаевич,
доктор исторических наук, директор Института истории,
гуманитарного и социального образования Новосибирского
государственного педагогического университета**

РАЗВИТИЕ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РАЙОНЕ ЧАУССКОГО ОСТРОГА

Уважаемые участники конференции, под картографической ситуацией мы понимаем расположение объектов картографирования на соответствующих картографических предметах, то есть картах.

В течение XVIII–XX вв. шел процесс накопления различной информации и нанесения её на карту, создавая образ визуализации конкретного региона в соответствующее ему время.

В XVII в. о Сибири имелась общая географическая информация, отображенная на различного рода чертежах, составленных землепроходцами, бывальцами, воеводами.

Наиболее всего известен и сохранился до наших дней чертеж Тобольского воеводы П.И. Годунова, составленный в 1667 г.

На данном чертеже картографическая ситуация в районе будущего Чаусского строга отображена схематически. Известен г. Томск, возникший в 1604 г., и далее вверх по р. Оби мы видим только Телецкое озеро и на западе близкое к Томску Ямышевское озеро, которое сейчас находится в Казахстане. Естественно, что эта карта-чертеж даже визуально дает нам очень мало информации о будущих местах расположения и Чаусска, и о других ранее возникших острогах, например, Уртамском.

Более конкретную топографическую ситуацию показывает чертеж из «Хорографической книги» С.У. Ремезова. «Хорография» в переводе с греческого — землеописание. Хранится «Х. кн.» — национальное достояние России — в настоящее время в Хоутонской (или Гуфтоновской) библиотеке Гарвардского университета США. В настоящее время американцы выставили ее в сети Интернет. В отличие от руководства наших архивов и библиотек, американцы считают доступ к раритетам вполне обычным явлением. С.У. Ремезов располагал картографические материалы по соответствующим рекам или водным бассейнам, в зоне влияния которых располагались те или иные объекты визуализации, например, города, остроги, другие населенные места, волоки и т.п. В частности, на Л. 128 «Х. кн.» мы уже видим ситуацию, при которой изображена река Обь, впадающие в неё реки, река или юрты Чаус, юрты Чацкие, что дает нам основание утверждать, что данные места хорошо освоены русскими, которые знают топографию данной местности и интенсивно ее осваивают.

На фрагменте чертежа хорошо видны элементы дороги из Томского уезда через Барабу на Тару — город в Омской области, возникший в 1594

г., расположенный на р. Иртыше напротив впадения в него р. Тары, которая частично протекает в настоящее время по северо-западной территории НСО. Однако на 128 листе указана только одна русская деревня, которая находится сейчас на территории Тогучинского района — это д. Гутова на р. Ине (Ние) и Уртамский острог.

Проходит 30 лет, и мы видим уже довольно освоенную в картографическом плане территорию в районе расположения Чаусского острога. На карте 1736 г., составленной Василием Шишковым, помимо Чаусского острога мы видим деревни, входящие в зону его влияния. Обратим внимание на то, что Бердский острог со своими деревнями отделен от Чаусского границей Кузнецкого уезда. Если Чаусский оставался в составе Томского уезда, то Бердский был под юрисдикцией Кузнецкого воеводы.

Следующей картой, попавшей в зону наших интересов, является карта 1750 г. Странно, на наш взгляд, название карты: «Ландкарта Удорской провинции Томского и Кузнецкого уездов». Если это ошибка чертежника, то тогда ясно. Удорская провинция находилась в районе Архангельской губернии Яренского уезда, то есть в европейской части страны. Возможно, эта ландкарта — один из проектов административных преобразований, в частности, В.Н. Татищева, который предлагал свой вариант устройства империи. Картографическая ситуация на ландкарте довольно реальна. Отображены населенные места уездов, в том числе и зоне наших интересов, то есть Чаусска. Буготакские сопки на карте обозначены как «горы Тавалганские».

Переходим к карте Сибири 1758–1760 гг., хранящейся в БАН (Санкт-Петербург). Выполнена она в старой картографической традиции. Юг вверху, север внизу, то есть так же, как и карты П.И. Годунова и С.У. Ремезова. Хотя к этому времени петровские геодезисты работают по европейским стандартам. Можно сделать вывод о том, что в среде служилых людей XVIII в. стародавние фряжские (фрязи или фряги — итальянцы) или арабские традиции передавались из поколения в поколение при домашнем воспитании и образовании.

На фрагменте карты показаны остроги Чаусский и Бердский соответственно в Томском и Кузнецком уездах. Около Чаусска деревни.

Обратимся к карте 1764–1766 гг. Чаусский острог изображен стоящим на Сибирском тракте, который в это время усиленно заселялся и устраивался сибирскими властями. Здесь впервые мы видим разделение Сибири на две губернии: Тобольскую и Иркутскую в 1764 г. Карта составлена под смотрением первого Иркутского губернатора К.Л. фон Фрауендорфа — любителя наук, организовавшего у себя дома в Иркутске чертежную, где обучал и экзаменовал чертежному делу. Был очень жесток. Действовал по принципу: «Троих забей — одного выучи». Автор карты — штурман М. Татаринов, давший имя герою книги В. Каверина «Два капитана» капитану Татарину, экспедиция

которого погибла. Эту точку зрения высказал Н. Колотило, автор книги «Моряки Байкала».

Если карты геодезистов ориентированы вверх на север, то карта Чаусской земской конторы 1771 г. ориентирована на юг, то есть изготовлена тоже в старой фряжской традиции. Обратите внимание, с севера на юг (в нашем понимании) по дороге показаны: село Кривошеково, деревни Толмачева, Криводанова, Коткова, Крохалева, Грязнова, Соколова, Малый Оёш, Самочернова, Бол. Оёш, Мельникова, Чаусский острог. С Сибирского тракта в сторону Чауса: Подволошная, Мысовская, Тырышкина, Панафидина, Черемшанская, Воробьева, Киселева и далее Малый Оёш.

На экспликации карты Чаусской земской конторы видно, с какой целью она составлялась — для организации учета передвижений подведомственных Кольвано-Воскресенским заводам приписных крестьян, несших заводские повинности.

Фрагмент карты 1820-х гг. уникален для истории Кольвани–Чауса. На этой карте показана Кольвань еще как Чаус. То есть картограф изображает Чаус под названием Кольвань, когда на три года (с 1821 по 1823 гг.) была образована Кольванская губерния с центром в Чаусе, переименованным в Кольвань. На фрагменте это подтверждается тем, что д. Подгорная находится южнее самой Кольвани–Чауса. Затем был образован окружной город Кольвань, а Чаус как село стал центром одноименной волости. Однако Кольванский округ в 1856 г. был упразднен, город стал заштатным, то есть безуездным. Такая картина сохранялась вплоть до начала XX в.

Подтверждением служит карта Томской губернии 1914 г., изданная руководством Томского переселенческого района. На ней схематически показана Чаусская волость с безуездным городом Кольванью. Карта интересна тем, что на ней пунктиром показана спроектированная железная дорога от Новониколаевска на Барнаул.

Карта Томской губернии 1919 г. условно названа нами «колчаковской», потому что отражает время действия колчаковской администрации и земского местного самоуправления. Фактически это переселенческая карта, с информацией на 1912 г. Но она послужила топоосновой для информации о врачебных и фельдшерских пунктах на 1919 г. Район г. Кольвани и Чаусской волости на карте менее всего затет процессом переселенческой колонизации, так как эта местность была заселена плотно еще в XVIII в.

Прошли революционные годы. Началось новое административное устройство. На карте Новониколаевской губернии 1921–1924 гг. показаны Каинский, Каргатский, Каменский (Камень-на-Оби), Черепановский и Ново-Николаевский уезды.

На этой карте мы обнаруживаем новые границы проектируемых округов будущего Сибирского края. Новониколаевск изображен как центр эко-

номического тяготения будущего округа. Обратите внимание на линии зеленого цвета, идущие от города, в том числе и за Колывань до Сидоровки. Каргатский и Черепановский уезды пересечены границей зеленого цвета и, судя по всему, должны войти в состав Новониколаевского округа.

Карта 1930 г. показывает ситуацию с 1925 по 1930 гг. Это время существования Сибкрая с центром в Новосибирске. Новосибирск был центром одноименного округа, разделенного на районы, в том числе Колыванский и Пихтовский. Обратите внимание на названия других районов: Романовский (Чулым), Алексеевский (Мошково), Вассинский (Тогучин), Ужанихинский и др.

После разделения в 1930 г. Сибкрая на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, осталось районное деление. В этот период с 1930 по 1937 гг. Колыванский район сливается с Пихтовским. Обратите внимание на фрагменты карт Сибкрая и Западно-Сибирского края. После того, как из Западно-Сибирского края в 1937 г. была выделена Новосибирская область, вновь из Колыванского образуется Пихтовский район. На карте Новосибирской области 1943 г. будущая территория Томской входит еще в состав Новосибирской. В 1943 г. из Новосибирской выделена Кемеровская область, а Томская — в 1944 г.

Карта Новосибирской области 1947 г. (фрагмент) показывает уже границы Томской области. А возле Колывани отображены два населенных пункта: Подгорная, в скобках (Чаусское) и Чаус. Это информация для краеведов. Районы Колыванский и Пихтовский существуют.

На карте Новосибирской области 1958 г. Пихтовского района уже нет, есть один Колыванский. Карта сельскохозяйственного назначения. Интересны названия сельхозпредприятий. В феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, на котором с докладом о преодолении последствий культа личности Сталина выступил Н.С. Хрущев. А названия колхозов, носящих имя Сталина, еще сохраняются. Мы можем соотнести названия поселений и форм организации сельского хозяйства. Например, в Колывани колхоз им. Кирова, в Скале — «Путь Сталина», во Выюнах — колхоз «Имени Сталина». И в других районах области было немало колхозов, носивших имя Сталина. В Новосибирском сельском — Березовка и Шелковичиха составляли колхоз им. Сталина, по железной дороге чуть дальше в Тогучинском районе в с. Репьево — колхоз им. Сталина. В 1975 г. он носил имя колхоз «Заря», а в 1977 г. в связи с 70-летием Октябрьской революции из него выделили колхоз им. 60-летия Октября, отделив Лъниху с названием «Заря».

На врезке карты Новосибирской области 1985 г. показана агроклиматическая карта области. В частности, среднегодовой термический показатель сельскохозяйственных культур, вызревающих при постоянной температуре свыше **1700 ???** градусов за 105–110 дней, для Колывани оставялял

только картофель, свеклу и пшеницу раннюю яровую. Для подсолнечника и кукурузы проблема созревания была крайне сложной.

На фрагменте карты Новосибирской области мы наблюдаем процесс приближения Колывани к Новосибирску. Если раньше движение автобусного транспорта осуществлялось через ст. Чик, вокруг Кудряшовского бора, то в 1969 г. автобус ходил уже до Кудряшей, а на карте показано, как через бор пробита дорога, по которой еще автобусы не ходили.

Карта 1969 г. имеет вставку авиалиний местного значения. Приходиться удивляться тому количеству авиасообщений, которые имелись 45 лет тому назад. Можно было улететь до Колывани–Пихтовки, в Маслянино–Дубровку, в Битки–Сузун, в северные и южные районы Новосибирской области: Кыштовку, Северное, Чаны, Венгерово, Купино, Красноозерку, Карасук, Здвинск, Довольное и другие. И, главное, можно было прилететь обратно.

На последующих картах 1979 и 1996 гг. картографическая ситуация изменится с точки зрения краеведческого значения тех или иных районов области. Появляются карты разной направленности: туристские, охотничьи и т.д. На карте туриста-краеведа отмечены красными знаками памятные места захоронений участников гражданской войны и сторонников Советской власти.

На карте Новосибирской области 2011 г. картографическая ситуация в районе Новосибирск–Колывань обозначена появлением новой дороги — Северного объезда. Но уже экологическая опасность над бором нависла. После его постройки никто не компенсировал потери бора, не высадив аналогичное количество погубленных деревьев, скажем, где-нибудь в районе Колывани или вдоль трассы Байкал.

Мы благодарим управление государственной архивной службы Новосибирской области за предоставленные картографические материалы, М.Ю. Лобанова за материалы из личной коллекции и Р.Ю. Смагина и И.А. Дуракова за техническое сопровождение доклада.

Ильных Владимир Андреевич,
доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XX ВЕКЕ: ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

В начале XX в. в Западной Сибири происходило наращивание производительных сил сельского хозяйства, прерываемое только в посленеурожайные годы. Посевные площади в регионе с 1897 по 1914 г. увеличились в 2,5 раза. Еще более быстрыми темпами, чем зерновое хозяйство, разви-

валось товарное производство животного масла. В 1909–1913 гг. Сибирь поставляла 16 % мирового экспорта данного продукта и 60 % — российского. Наметившаяся в годы Первой мировой войны, умеренная рецессия в начале 1920-х гг. перешла в стадию полномасштабного кризиса. Площадь посева в регионе к 1922 г. снизилась в 2,1 раза. Резко ускорился сброс поголовья. Основными причинами кризиса стали два подряд сильных неурожая зерновых и трав в 1920 и 1921 гг. и сверхнормативное изъятие произведенной крестьянами продукции по продразверстке и продналогу.

Восстановление сельского хозяйства на базе нэпа началось в 1923 г. Площадь посева в 1928 г. была больше, чем в 1922 г., в 2,4 раза, поголовье крупного рогатого скота (КРС) — в 1,8, овец — в 2,9, свиней — в 2,3 раза. Максимальные показатели предшествующего периода были превзойдены по количеству овец в 1924 г., КРС и посевных площадей — в 1926 г., числу коров — в 1927 г. Однако в середине десятилетия темпы развития отрасли замедлились. Базовая причина недостаточных темпов развития аграрного производства заключалась в низкой товарности мелких крестьянских хозяйств.

Начавшаяся в 1930 г. массовая коллективизация должна была решить задачу замены мелкотоварного крестьянского уклада крупным социалистическим. Следствием скоротечного реформирования аграрного строя стало сокращение объемов сельхозпроизводства. Наибольшие потери понесло животноводство. В Западно-Сибирском крае поголовье лошадей в 1932 г. снизилось по сравнению с 1929 г. в 2,2 раза, КРС — в 2,1, коров — в 1,8, овец и коз — в 3,6, свиней — в 4,6 раза. Снижение производства растениеводческой продукции было не столь глубоким, но, тем не менее, ощутимым. В 1932 г. зерновых в крае засеяли на 24 % меньше, чем в 1929 г.

Причинами глубокого сельскохозяйственного кризиса являлись сверхнормативное изъятие сельхозпродукции, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и отсутствие у колхозников стимулов к труду. Действовали и природно-климатические факторы. Летом 1931 г. юго-западные районы Сибири поразила сильная засуха.

В 1933 г. перед центральными и местными властями вновь встал задача восстановления разрушенного ими сельского хозяйства. Его подъему способствовало реформирование системы государственных заготовок сельхозпродукции, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, наращивание материально-технической базы. С 1933 г. начался рост производства. К концу 1930-х гг. удалось добиться наращивания по сравнению с концом 1920-х гг. посевных площадей (примерно на 15 %). Однако восстановить поголовье скота так и не удалось. Кроме того, ухудшились качественные показатели производства (урожайность, продуктивность). В то же время обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением

уровень отчуждения сельхозпродуктов («принудительная товарность») существенно вырос.

Великая Отечественная война принесла сибирской деревне новые испытания. Несмотря на невосполнимые людские и материально-технические потери, деревня за счет мобилизации внутренних резервов обеспечивала фронт и тыл необходимым минимумом продовольствия и сырья. Тотальное выкачивание ресурсов привело сельское хозяйство в состояние глубокого кризиса. Возросшие мясоставки и ухудшение кормовой базы вызвали снижение численности скота. С 1940 по 1945 г. посевные площади в Западной Сибири сократились на 30 %. Из-за вынужденного несоблюдения необходимых агротехнических приемов резко упала урожайность. Хлеба в регионе в 1945 г. собрали в 2 раза меньше, чем в неурожайном 1940 г. Поголовье КРС в колхозах Западной Сибири за 1941–1945 гг. уменьшилось более чем на треть.

В 1946 г. началось послевоенное восстановление сельского хозяйства. К концу 1940-х гг. количественные показатели развития сельского хозяйства Западной Сибири приблизились, а по ряду параметров превзошли довоенный уровень. В начале 1950-х гг. действие восстановительных механизмов закончилось и сельское хозяйство региона практически потеряло позитивную динамику. Медленно увеличивались посевные площади, особенно под зерновыми культурами. В колхозах Западной Сибири занятая ими площадь превысила довоенный уровень лишь на 3 %. В животноводстве ощущалась катастрофическая нехватка кормов. Объем производства и заготовок сельхозпродукции не обеспечивал выполнения государственных планов и потребностей страны.

Стагнация в аграрном секторе экономики региона в начале 1950-х гг. возникла вследствие действия различных факторов. В 1949 г. началось сокращение трудовых ресурсов в связи с окончанием демобилизации и массовым оттоком сельского населения в промышленность. На развитии отрасли в Юго-Западной Сибири сказалась сильная засуха, которая продолжалась три года подряд, начиная с 1951 г. Но главной причиной кризиса сельского хозяйства являлась низкая производительность подневольного и практически бесплатного труда колхозников.

В постсталинский период основанная на внеэкономическом принуждении и социальной дискриминации крестьянства система была демонтирована. Началось техническое перевооружение отрасли. Существенно повысились закупочные цены на сельхозпродукцию. Основным стимулом труда сельских тружеников стала заработная плата, размер которой в силу снижения уровня изъятия земельной ренты постоянно увеличивался.

Подъем сельского хозяйства во второй половине 1950-х гг. был достигнут в основном за счет экстенсивных факторов. В 1954 г. началась кампания по освоению целинных и залежных земель. Среднегодовой вало-

вой сбор зерновых в 1954–1958 гг. по сравнению с 1949–1953 гг. вырос в Западной Сибири в 2,3 раза. Обратной стороной достигнутых успехов являлось практически полное забвение основ агротехники в процессе вовлечения в сельхозоборот новых земель.

Во второй половине 1950-х гг. увеличились темпы прироста производства животноводческой продукции. Однако выполнить поставленную Н.С. Хрущевым задачу — в течение 5–6 лет удвоить производство основных продуктов животноводства — не удалось. Количественные и качественные показатели развития животноводства оставались низкими и не удовлетворяли потребностям страны.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. тотальные нарушения агротехники начали сказываться на развитии зернового хозяйства. В результате снижения плодородия почв резко сократилась урожайность. В 1959–1963 гг. среднегодовые размеры хлебозаготовок в Западной Сибири сократились относительно показателей 1954–1958 гг. на 37 %. Пик кризиса зернового хозяйства пришелся на 1963 г. В Сибири и по стране в целом стала ощущаться острая нехватка не только фуражного, но и продовольственного зерна. Замедлились темпы развития животноводства.

Весьма противоречивые результаты «щелинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения хозяйства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства.

Во второй половине 1960-х гг. были достигнуты высокие темпы наращивания сельхозпроизводства. Валовое производство продуктов растениеводства и животноводства за 1966–1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием в целом по региону увеличилось на 20 %, производство зерна — на 40 %, молока — на 25 %, мяса — на 22 %, яиц — на 28 %. Однако в 1970-е гг., несмотря на постоянное наращивание капитальных вложений, темпы роста аграрного производства начали снижаться. Если среднегодовое увеличение валовой продукции сельского хозяйства в 1966–1970 гг. в регионе составляло 4,0 %, то в 1971–1975 гг. — 2,3 %, в 1976–1980 гг. — 0,5 %.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Резко упала эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. Данные факторы в сочетании с двумя подряд неурожаями привели в Западной Сибири в 1981–1982 гг. к 12 %-ному сокращению объема аграрного производства. В стране ощущался дефицит продовольствия. В связи с этим началась реанимация карточной системы.

Главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельхозпредприятий. Колхозники и рабочие совхозов, трудившиеся в громоздких и трудноуправляемых подразделе-

лениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Нарастающее отчуждение от средств производства и результатов труда приводило к ослаблению трудовой, исполнительской и технологической дисциплины, нерациональному расходованию сырья, материалов, энергии. Значительное распространение получили негативные формы поведения на производстве.

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР в начале 1980-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали бесперспективность продолжения прежней аграрной политики. С этого времени с целью преодоления отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда началось повсеместное внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда. Распространение новых форм организации труда, продолжающееся введение в эксплуатацию крупных птицефабрик и животноводческих комплексов, а также относительно более благоприятные погодные условия позволили уже в годы одиннадцатой пятилетки улучшить ситуацию в сельском хозяйстве региона. Среднегодовой темп прироста валовой продукции в Западной Сибири повысился за 1983–1988 гг. до 3,3 %, что существенно превосходило показатели 1970-х гг.

Однако общество жаждало более впечатляющих перемен. В начале 1990-х гг. в стране была проведена радикальная аграрная реформа. Сельское хозяйство реагировало на нее, как на всякую революцию, падением производства. С 1991 по 2000 г. в Западной Сибири общая численность КРС снизилась наполовину, коров и свиней — на треть. Падение поголовья овец было практически обвальным: за 10 лет — в 3,9 раза. Сокращение количества скота привело к снижению объемов продукции животноводства.

В растениеводстве кризис проявился, прежде всего, в ежегодном сокращении посевных площадей. В 2000 г. в регионе пашни засеяли на 2/5 меньше, чем в 1991 г. Наиболее значительным было снижение посевов кормовых культур, что определялось сокращением поголовья скота в крупхозах. В 2000 г. кормовые в Западной Сибири занимали площадь на 30 % меньше, чем в 1990 г. Сокращение посевов зерновых составило за тот же период 14 %, а посевы пшеницы, напротив, увеличились на 4,5 %. Существенно выросли посадки картофеля и овощей, производство которых практически полностью переместилось в ЛПХ населения. Сокращение объемов производства привело к падению потребления основных продуктов питания населением региона и страны в целом.

**Фабрика Юрий Аркадьевич,
заслуженный работник культуры РФ,
член Союза журналистов, старший научный сотрудник Музея
истории Сибирского военного округа, член-корреспондент
Петровской академии наук и искусств**

УЧАСТИЕ КОЛЫВАНЦЕВ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Немалые испытания выпали на долю России и Сибири в начале XX века, народам которой предстояло вынести трагедии двух войн — Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.).

В обеих войнах, как всегда было и прежде, население страны, сибиряки проявили лучшие качества, свойственные русскому народу: патриотизм, готовность разделить с воюющими на фронте все тяготы войны, желание быть полезным в борьбе с врагом.

I.

Тяжёлое бремя названных войн не обошло и самый молодой за Уралом город — Новониколаевск, развивающийся в это время столь стремительно, что «история его казалась прямо-таки феерической» [1, с. 305].

Новониколаевский поселок возник в 1893 г. и располагался он на правом берегу р. Оби и на речке Каменке, впадающей в нее в том месте, где было предположено пересечение ее с Великой Сибирской железнодорожной магистралью. Вызванный к жизни проведением железной дороги Новониколаевский поселок разрастался с замечательной быстротой, приобретая с каждым годом все большее и большее значение благодаря выгодному своему местоположению. Первая перепись 28 января 1897 г. установила в пос. Новониколаевском 7800 жителей, через 7 лет, в 1903 г. в поселке считалось уже 22 257. За 1904–1906 гг. его население возросло до 47 тыс., более чем вдвое! В 1910 г. в городе было уже 52 695 человек [6, с. 30; 22, 1906 г., с. 353; 38, Ф.Д-97. Оп. 1, Д. 26. Л. 44 об.; 38, Ф.Д-97. Д. 32. Л. 111 об.].

Через десять лет после возникновения поселок становится городом. Географически выгодное положение города при судоходной реке, в пункте ее пересечения с железной дорогой, быстро придало Новониколаевску значение экономического господствующего центра Сибири. Город в начале XX в. стал единственным собирателем и главным центром распределения продовольственных грузов своего района. В районе тяготения к ст. Обь находился г. Барнаул с населением около 35 тыс. чел., г. Бийск с населением около 20 тыс. чел., с. Камень с населением 8,5 тыс. чел., а также ст.

Кривошеково и Кривошековская волость — в общем, до 20 сел и деревень с населением до 20 тыс. чел., Колывань* с населением около 11 тыс. чел.

Из указанных городов и селений к ст. Обь для отправления по Сибирской железной дороге подвозились грузы: хлеб в зерне и муке, семена масленичные, лен и пенька, лесные строительные материалы, мясо домашних животных и свинина, сало, кожи, масло топленое и сливочное, масло конопляное, веревки и канаты, войлок, камень строительный и мн. др. Вальная обувь — из с. Бердского, Колывани, Барнаула и Бийска, кора осоко-ренная с верховьев и низовьев Оби.

Ярмарки бывали в Новониколаевском поселке, в г. Барнауле, в селах Бердском, Крутихе, Смоленском, Камне, Колывани [21, с. 50–51].

Сибирская магистраль была единственной артерией, обеспечивавшей выход хлебу за пределы Западной Сибири. Не случайно почти все уезды, имевшие наибольшие посевы и наибольшее количество хлеба, располагались вблизи железной дороги (Омский, Петропавловский, Томский и др.).

Станция Новониколаевск занимает первое место в Сибири по вывозу сельскохозяйственных грузов и грузообороту вообще [34, Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 90. Л. 3].

Станция Обь превращается в крупнейший перевалочный пункт товаров на Восток и Запад со значительным грузооборотом — речным и железнодорожным. По данным статистического сборника коммерческого отдела Сибирской железной дороги, рост грузооборота ст. Обь за 1902–1907 гг. (грузооборот — отправление и прибытие — в тыс. пуд.) был таким: в 1903 г. — 5 740 828, в 1904 г. — 3 988 722, в 1905 г. — 6 198 980, в 1906 г. — 10 224 828, в 1907 г. — 13 721 125.

Станция Обь играет первостепенную роль, стягивая к себе наибольшую массу грузов в сравнении с другими станциями Западно-Сибирского участка дороги (12,9 %); второй по количеству отправляемых грузов в 1905 г. стояла ст. Курган, затем шли Петропавловск, Томск и Омск [33, с. 8; 34, Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 32. С. 11 об.; 34, Д. 90, л. 3 об., 6 об.].

В экономической жизни Сибирского края большую роль играла пристань на р. Оби. В 1899 г. по реке и ее притокам работало около 100 пароходов с 200 баржами; в 1904 г. в течение навигации работало по рекам Обского бассейна 119 паровых судов, общая сумма номинальных сил кото-

* Колывань — заштатный город Томской губернии. При р. Чаус в 8 верстах от р. Оби. От железнодорожной станции в 40 верстах. От Петербурга 3 700 вёрст, от губернского города 358 вёрст, число жителей: мужского пола — 5 478, женского пола — 5 585, число домов — 1 474. Православных церквей — 3. Кладбищ 2. Учебных заведений 7. Библиотек 2. Больниц 2. Аптек 3. Фабрик и заводов 116 с оборотом в 38 750 руб. Ярмарок 1 (с 1 по 10 ноября), оборот до 10 000 руб. Улиц и переулков 22, протяжение их 27 вёрст. Площадь заселённой части 336 десятин [31, с. 3].

рых определялась в 7 750, число барж достигало 380, а подъемная способность всех судов выражалась в 17 млн пудов. Число же паровых судов, совершавших свои рейсы в бассейне р. Оби в 1905 г. выросло до 132 (в т.ч. буксирных 52, буксиро-пассажирских 36, служебных 23, товаропассажирских 12, товаро-буксиро-пассажирских 3, пассажирских 2, перевозных 2, товарных 1 [3, с. 2; 28; 29, 1904, 28 октября; 1905, 13 сентября]).

Рост населения, городского бюджета, грузооборота, торговых и банковских оборотов поставили Новониколаевск в ряд крупнейших городских центров Сибири. Он делается торговыми воротами для вывоза, ввоза и транзита грузов и играет все более крупную и значимую экономическую роль в торгово-промышленной жизни Азиатской России, повышается и его оборонное значение. В городе началось строительство продовольственных магазинов, мельниц, пекарен, сахарного завода военного ведомства.

27 января 1904 г. раздался первый гром орудий на Дальнем Востоке, резко нарушивший все течение общественной жизни в Сибири.

Высочайший приказ о мобилизации всколыхнул всю страну, не было уголка в России и Сибири, где бы не провожали призванных в ряды войск запасных и ратников ополчения с благословениями и искренними пожеланиями. Потянулись к сборным пунктам вереницы подвод и команды, следовавшие пешим порядком, к бесчисленным поездкам, они, в свою очередь, до отказа набитые людьми — к театру военных действий.

На помощь военному ведомству в этот грозный для Отечества час пришло почти все население страны.

Первым днем мобилизации войск Сибирского военного округа было назначено 2 февраля 1904 г. [26, с. 27]. Были призваны все запасные, находящиеся в районе Сибирского военного округа: запасных 92 698, ратников 39 070, казаков 8 263, итого 157 855 [37, Ф. 1. Оп. 2. Д. 795. Л. 1 об.; 7. 1904. № 4, с. 240]. По объявлении мобилизации многие запасные чины добровольно прибыли из Европейской России, чтобы быть отправленными на театр военных действий [37, Ф. 1. Оп. 2. Д. 795. Л. 2–2 об.].

Война резко повысила значение Сибири и Сибирского военного округа, ставшего ближайшим военным округом к театру боевых действий. Уже в первые же месяцы войны он отдает на формирование армий все свои полевые и резервные войска и в то же время принимает на себя задачу по охране Великого Сибирского пути, протянувшегося в пределах военного округа от границы Казанского военного округа (ст. Зырянская) до ст. Иркутск и отсюда в пределах Забайкальской области до границы Приамурского военного округа [2, с. 239]. Оценивая войска, уходящие на Дальний Восток (4-й Сибирский армейский корпус и 6 полков Сибирского казачьего войска), командующий войсками СибВО генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин отметил: «... части войск, несмотря на короткий срок обучения и напряжённую деятельность, достаточно сплочены, дисциплинированы, а

люди производят отличное впечатление своим бодрым, здоровым и молодцеватым видом» (Приказ по войскам Сибирского военного округа и Сибирскому казачьему войску № 24 от 3 апреля 1904 г.).

Отдалённость театра войны, тонкая связь его с Европейской Россией одною железнодорожной колеёю, обслуживающей не только армию, но и весь край, необходимость подвоза из далёкого тыла продовольственных, артиллерийских и других запасов и т.д., не позволяли провести быстрой массовой перевозки на Дальний Восток европейских войск и заставили отказаться от производства массовой мобилизации в Европейской России.

В отличие от европейской части России, где прошли 9 выборочных мобилизаций по различным губерниям и уездам, в СибВО, ближайшему к театру боевых действий, мобилизация носила *всеобщий* характер: были призваны *все* запасные и *все* (*выделено мною — Ю.Ф.*) ратники 1-го и 2-го разрядов, что сразу же легло всей тяжестью на одну, сравнительно небольшую, часть населения Сибири [19, Т. 5. С. 1 277; 37, Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 5]. «Сибирская жизнь» в это время писала: «Мобилизация... потребовала от населения высшего напряжения сил. На войну ушли самые здоровые и самые нужные в крестьянском хозяйстве люди...» [29, 1905, 8 января]. Из сибирских городов и деревень ушли не только запасные, но и ополченцы, как уже отмечалось выше. В результате такого призыва оказалось, что в сибирских селах и деревнях по несколько семей соединились в одну, часть пашен осталась необработанной, а на обработанных полях во многих местах хлеб оказался несобраным [8, 1905, № 256].

Мобилизация в Сибири прошла гладко, отношение населения к призыву было сочувственным, а случаи уклонения от явки являлись исключительными. Процент явки на призывные пункты в Сибири был самым высоким по стране — 99,2 % [26, с. 31]. «Вообще, впечатление от мобилизации получилось самое отрадное», — говорится во «Всеподданнейшем отчете о деятельности Главных управлений Военного Министерства, вызванной войной с Японией в 1904–1905 гг.» [9, с. 12].

Новониколаевск с большим патриотическим подъемом встретил следовавшего через ст. Обь 5 марта 1904 г. командующего Маньчжурской армией генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина: «К 10⁴⁰ станция была запружена народом. На платформе, кроме военных должностных лиц, ему представились крестьянский начальник Кандауров с волостными старшинами и писарями волостей: Кривошековской, Кайлинской и Чаусской. Г. Кандауров преподнес Его Превосходительству икону во имя Казанской Божьей Матери и 1 000 рублей, пожертвованные названными волостями на нужды армии Дальнего Востока» [29, 1904, 10 марта]. Сотни и тысячи солдат и офицеров Русской Армии, следовавшие по Транссибирской магистрали, везде встречали тёплое сердечное сибирское радушие, заботу и внимание.

«Сибирская жизнь» 6 апреля 1904 г. писала: «Ст. Чулым Сибирской железной дороги. На весьма незначительной и затерянной в просторе Барабинской степи станции Чулым, местный буфетосодержатель г. Чиндорин всем проезжавшим через эту станцию в Страстную субботу и первые два дня Св. Пасхи воинским нижним чинам нашел возможным сделать пасхальный подарок в форме яиц, сыра, булок, ветчины и т.п., вследствие чего солдатики, вероятно, унесли с собою доброе воспоминание о нашей маленькой станции...» Эта же газета (1904 г., 20 апреля) отметила: «Об отношении обывателей ст. Поломошная к проходящим войскам. На масленицу в субботу и воскресенье по инициативе приходского священника и начальника станции служащими станции и жителями ст. Поломошная проезжающим чинам с п.п. № 42 и 44 были предложены блины и закуски».

"Геройски сражаются наши земляки-сибиряки и в далекой Маньчжурии, и на Флоте, отдавая свои молодые жизни за Веру, Царя и Отечество, многие были ранены и контужены, пропали без вести, остались на поле боя... Многие были удостоены боевых наград.

Вспомним же имена хотя бы некоторых из них, склоним перед их мужеством свои головы и помолимся за них — Кривошековской волости Томского уезда: с. Каменского ефрейтор Плотников Николай, д. Плотниковой младший унтер-офицер Воронов Федор (ранен), д. Репьевой стрелок Овчинников Илларион (ранен); Каинского уезда д. Комаровской стрелок Рыльский Филипп; Каинского уезда Кыштовской волости: п. Багаевского ефрейтор Воронов Ефим, п. Черновка Гребнев Лукиан, д. Ново-Шуховой стрелок Шухов Игнатий, д. Ереминой стрелки Бобров Афанасий и Трегубов Петр, д. Любимовской стрелок Долгих Ананий (ранен); Каинского уезда Усть-Тартасской волости с. Спасское стрелок Чернов Михаил; Каинского уезда Казаткульской волости д. Казанской стрелок Мошков Василий; Томского уезда Кайлинской волости д. Русаковой стрелок Колмаков Иван; г. Колывани стрелки Степанов Серафим и Черепанов Андрей и многие, многие другие... [29, 1904, 19 октября, 11, 12 декабря и др.].

В бою у Чемульпо на крейсере «Варяг» принимал участие матрос 1-й статьи омич Ф.Е. Михайлов, на канонерской лодке «Кореец» служил врачом тюменец В.А. Маркушев. Напомним, что все моряки, участники этого боя с японской эскадрой, были удостоены высшей военной награды России — ордена Св. Георгия 4-й степени. Совершил свой бессмертный подвиг трюмный машинист миноносца «Стерегущий» В.Н. Новиков, потопивший свой корабль, чтобы он не достался врагу. Василий Николаевич, наш земляк, призванный на флот в Сибирском военном округе (д. Еловка Тюкалинской волости Томской губернии), стал единственным героем, удостоенным сразу двух Георгиевских крестов — 4-й и 3-й степени. Рядом с ним воевали и геройски погибли на «Стерегущем» и «Страшном» уроженцы Томской губернии и ее уездов — Александр Артамонов, Алексей

Булдаков, Иван Белявский, Андрей Севрюков. Среди матросов «Рюрика» были уроженцы нынешней Новосибирской области — командор Тимофей Солодякин из Колывани, кочегар Степан Аксенов из Бердска, матрос 2-й статьи Федор Илюшин из Сузуна.

В обороне Порт-Артура отличился сибиряк — капитан Курковский. Он пал при защите горы Дагушань. Раненый в грудь навывлет, с шашкой в руке повел свой взвод в атаку. 8 врагов изрубил он и, проколотый штыками, упал на землю...

С возникновением войны с Японией в 1904 г. Сибирь явилась основной базой питания Маньчжурских армий (стоимость перевозок провианта и фуража из Европейской России равнялись бы стоимости самого продукта) и транзитным путем для подкреплений и предметов снабжения, непрерывным потоком лившихся по Сибирской магистрали.

Итого, в течение войны в Сибири было заготовлено 2 908 291 пуд муки и 52 500 пудов крупчатки (всего в России было заготовлено для нужд армии муки 6 084 983 пуда, следовательно, заготовки в Сибири муки составили около 50 % от общегосударственных. — Ю.Ф.) [9, с. 104].

Распоряжением Главного интендантского управления масло и сало также заготавливались в Сибири [26, с. 215].

В снабжении войск продовольствием важнейшее место занимало Обское интендантское продовольственное заведение, сформированное в 1903 г. При строительстве Сибирской железной дороги уже предусматривалось строительство в Оби сухарного военного завода мощностью в 500 пудов сухарей в сутки (1 млн пудов в год) и участок для остановочного воинского пункта, рядом с продовольственным пунктом [36. Ф. 170. Оп. 4. Д. 610. Л. 25; 38. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2 275. Л. 204, 216; 24, с. 67–68].

Командующий войсками Сибирского военного округа генерал-лейтенант Н.Н. Сухотин докладывал Военному Министру: «... В течение 1904 г. заведение перемолотило зерна на муку 362 216 пудов, выпекло и отпустило хлеба 16 389 пудов и сухарей 145 485. Заведение действовало исправно [37, Ф. 1. Оп. 2. Д. 795. Л. 74–78].

В 1904–1905 гг. Сибирский военный округ принял большое количество раненых и больных воинов, разместившихся в 168 заведениях: 43 санитарных поездах, 83 запасных госпиталях, 2 постоянных госпиталях, 14 местных лазаретах и др., в т.ч. был расширен Колыванский местный лазарет с 7 до 70 мест.

Что же касается лечебных заведений Красного Креста, то на Запад от Иркутска, в том числе в пределах СибВО, их имелось 20, а на территории нынешней Новосибирской области — 4 (все размещались на переселенческих пунктах): в Оби на 103 места (в нем проведено больничных дней офицерами 162, нижними чинами 11 719), в Новониколаевске на 28 мест (больничных дней соответственно 118 и 7 224), в Кургате на 34 места (2

020 дней нижними чинами), в Татарской на 10 мест (799 дней нижними чинами) [10, с. 40–41; Приказание по войскам СибВО № 377 от 13 ноября 1904 г.; 13, с. 207–208; 27, Приложение № 25, с. 1 112–1 113].

Эвакуационная комиссия Красного Креста по рассеиванию больных и раненых воинов предполагала небольшими партиями отправлять легкораненых водным путем вглубь Сибири, в т.ч. на юг Томской губернии, в Барнаульский и Бийский округа. Местное духовенство получило предписание — озаботиться собиранием предварительных сведений для будущего расквартирования раненых выздоравливающих по деревням [8, 1904 г., 17 августа].

В Томске, помимо губернского эвакуационного комитета, организованного при местном губернском управлении, был организован уездный распорядительный комитет по эвакуации больных и раненых воинов, которые в свою очередь открываются два филиальных отделения — в г. Колывани и г. Новониколаевске.

В г. Колывани предполагалось разместить по частным квартирам 79 воинов. Жители села Чаусского изъявили желание бесплатно разместить по своим домам 35 человек, в деревне Больше-Оешинский крестьяне тоже изъявили согласие принять на свое попечение 26 воинов.

В Новониколаевске вагоны с ранеными воинами прибывали к пристани на р. Оби (к ней была проложена железнодорожная ветка в 1895 г.), там раненые тут же пересаживались на приспособленные баржи Красного Креста.

Для тяжелораненых и больных в Колывани должны были быть приспособлены 50 помещений, а после выступления из Колывани дружин Государственного ополчения — бывший военный лазарет и главный корпус казарм. На пристани у Усть-Чауса купцом Беляновым бесплатно уступалось светлое хорошее помещение для временного размещения раненых. Перевозить раненых от пристани предполагалось на специально приспособленных для этого лодках.

Ученики Колыванской второклассной школы собрали 62 руб. 39 коп.; эта сумма состояла из пожертвований учеников и сборов на патриотическом вечере. Священник П. Комаров препроводил её в епархию, откуда деньги поступили в Томский дамский комитет на пошитие белья для раненых воинов [32, 1904, № 9, с. 5].

Один из воинов, поручик 5-го Сибирского полка М.Г. Гуин, после раны, полученной в бою, был отправлен вглубь Сибири, где получил хороший уход и быстро поправивший свое здоровье, вновь попросился, как и многие другие, в действующую армию [12, 1904, № 75, с. 595–596].

Русско-японская война четко обозначила тенденцию возрастания роли и значения молодого растущего города в обороне страны, и это понимают городские власти, понимает правительство.

...Портсмутским договором 23 августа 1905 г. закончилась война России с Японией, продолжавшаяся 21 месяц.

Для России, столкнувшейся на Дальнем Востоке фактически с целой группой держав, она была неудачной. Но «честь русского народа вовсе не затронута поражениями и погрешностями нашей военной бюрократии, — подчеркнул «Вестник Европы» [4, 1905 г., № 2, с. 838]. — Народ в лице серой солдатской массы исполнил свое дело так безропотно и самоотверженно, что ничего большего требовать от него нельзя; поправлять же ошибки командующих — не в его власти».

Прошло более ста лет с тех незабываемых времен. Мы с чувством глубочайшей гордости чтим своих отцов, дедов и прадедов, прославивших Родину нашу славными ратными делами, беззаветной стойкостью в боях и мужеством в борьбе с многочисленным и сильным врагом. Неудачная для России война несколько не приуменьшает героизм славных воинов в Русско-японскую войну, проявленный на полях Маньчжурии и в Порт-Артуре, у Чемульпо и у о. Цусима, подвигов тружеников тыла.

«Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо...», — писала иркутская губернская газета «Восточное Обозрение» [8, 1904 г., № 256].

В полной мере эта справедливая оценка касается Новониколаевска, Кольвани, других больших и малых городов и сёл всей необъятной Сибири.

II.

Приближающееся 100-летие со дня начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. является весомым поводом обратиться к событиям тех далеких лет, дать им объективную оценку, показать жизнь и судьбы людей на войне, воздать дань уважения героям войны — офицерам и солдатам Русской Армии, труженикам тыла, честно исполнившим свой долг перед Родиной.

Первая мировая война была для нашего народа Отечественной, ибо Германия и ее союзники покушались на независимость и территориальную целостность России. Именно потому война дала столько примеров героизма и массового, и индивидуального.

Война оказала огромное воздействие на жизнь России: экономическую, социальную, общественно-политическую, во всех отношениях охватив и Сибирь. Оставила она в жизни Сибири и сибиряков Новониколаевска (с 1925 г. Новосибирска) и новониколаевцев неизгладимый след, к сожалению, до сих пор в науке слабо изученный и неразработанный.

Не претендуя на полноту освещения обозначенной проблемы, остановимся на некоторых ее аспектах, позволяющих получить известное пред-

ставление о подвиге новониколаевцев, колыванцев и многих других сибиряков в ту далекую и незаслуженно забытую Великую войну...

Накануне Первой мировой войны молодой сибирский город Новониколаевск уже представлял собою один из крупнейших в стране и первый по значимости за Уралом, в Азиатской России, экономический, торговый и транспортный центр стратегического уровня, все более проявлявший тенденцию к дальнейшему возрастанию своей роли и значения в обороне страны. В военное время растет значение экономики, расположенной за Уралом. Возрастает экономическое и оборонное значение молодого сибирского города Новониколаевска.

Это уже подтвердила Русско-японская война 1904–1905 гг., это подтвердила вся последующая 120-летняя история города Новосибирска. В полной мере мы видим подтверждение этого вывода и в годы Первой мировой войны.

К началу войны г. Новониколаевск, располагая населением около 60 тыс. человек, являлся центром магистральных путей сообщения, в котором судоходная р. Обь пересекалась с Великим Сибирским путем и Алтайской железной дорогой. Строилась железная дорога, которая должна была соединить город с Кузнецким каменноугольным округом (Кольчугинские копи), предстояло строительство железной дороги до городов Верного и Ташкента [34, Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 196. Л. 6–6 об.; 11, с. 2–3; Новосибирск: Справочник по городу и району. — 1936, с. 354].

Город являлся центром богатого сельскохозяйственного района, местом средоточения громадного количества сырья — льна, кож, продовольствия, строительных материалов — бутового камня, кирпича, песка, леса, рядом находился единственный в Сибири цементный завод. Регион обладал большими человеческими ресурсами (в Томской губернии насчитывалось 4 млн чел. населения) и представлял собой огромный рынок сбыта.

Из всех станций Сибирской железной дороги Новониколаевск был самым крупным пунктом по экспорту сливочного масла и мясных продуктов. Отсюда ежегодно вывозилось масла свыше полутора миллионов пудов. Здесь на городской скотобойне на мясо перерабатывалось 17–18 тыс. голов крупного рогатого скота и такое же количество баранов. По железной дороге со станций Новониколаевск и Чик отправлялось мяса скотского до 400 тыс. пудов, свинины — до 250 тыс. пудов, дичи — свыше 25 тыс. пудов. В 1913 г. грузооборот ст. Новониколаевск составил 567,4 тыс. тонн, а общий грузооборот Новониколаевской пристани составил 339 тыс. тонн [38, Ф. 4. Оп. 1. Д. 3556. Л. 13–13 об.; 34, Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 227. Л. 84; 34, Д. 296. Л. 4].

С началом войны, в августе 1914 г. из Омского военного округа уходит на фронт 11-я Сибирская стрелковая дивизия, в состав которой входил и 41-й Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в военном городке

Новониколаевска (в этом полку, а также в сформированных позже 53-м и 533-м Сибирских стрелковых полках, служили многие жители, призванные в армию в пределах современной Новосибирской области. — *Ю. Ф.*) [35, Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 55, 58–59, 62 об., 64].

Война превратила город в крупнейший за Уралом центр подготовки войск для фронта.

В соответствии с приказом войскам ОмВО от 28 августа 1914 г. № 237 в Новониколаевске началось формирование 4-й стрелковой запасной бригады, в которую вошли 17, 18, 21, 22, 23 и 24-й Сибирские стрелковые батальоны, горный и мортирный артиллерийские взводы. Запасные батальоны готовили личный состав для пополнения частей действующей армии. Учеба, подготовка молодых солдат длилась от 6 до 12 недель.

Сибирь давала фронту отличных воинов. Посетив воинские части гарнизона г. Новониколаевска (июль 1915 г.), командующий войсками ОмВО генерал Н.А. Сухомлинов отметил: «Сегодня смотрел маршевые команды, состоящих из нижних чинов местных команд. Внешний вид людей — отличный: прекрасная выправка, одеты и снаряжены весьма хорошо... Курс стрельб в установленных пределах пройден. На задававшиеся вопросы люди отвечали бойко и толково. От лица службы благодарю всех начальников, потрудившихся для подготовки людей, и выражаю уверенность, что виденные мною молодцы, как в пути на театр военных действий, так и в бою с врагами покажут себя настоящими сибиряками».

Из округа в 1914–1915 гг. ежемесячно отправлялось по 25 тыс. человек, т.е. по 100 маршевых рот, а в последующие месяцы — по 15 тыс. человек, т.е. по 62 маршевых роты [34, Ф.Д-136. Оп. 1. Д. 4. Л. 78; Приказ войскам ОмВО 19 сентября 1914 г. № 274. Экстренно; Приказ войскам ОмВО 3 января 1915 г. № 7. Секретно]. Так было на протяжении всей Великой войны. В Новониколаевске готовились к отправке на фронт и ряд дружин Государственного ополчения, предназначавшихся как для пополнения действующей армии, так и для охраны военных объектов [35, с. 4, 13, 18–19; 35, Ф. 54. Оп. 2. Д. 17. Л. 56; Приказ войскам ОмВО 29 августа 1914 г. № 238].

Воинские части ОмВО, находившиеся в городе, несли охрану военных объектов: моста через р. Обь (длина 377 сажений), маслохранилища, военного остановочно-питательного пункта, железнодорожной станции и др.

Уже в самом начале войны население города увеличивается вдвое, достигая до 110 тыс. человек, причем в Новониколаевском гарнизоне было от 40 до 70 тыс. военнослужащих — более половины населения города. Городская дума в своем постановлении 27 июля 1915 г., опираясь на свидетельство Томского губернатора, отметила: «Город Новониколаевск переобременен войсками и военнопленными, как ни один другой город округа. Ничего подобного не знает ни Томск, ни даже Омск» [35, Ф. 54. Оп. 2.

Д. 21. Л. 116–116 об., 118, 121-122; 35, Ф. 54. Оп. 1. Д. 151. Л. 1; Приказ войскам ОмВО 8 августа 1915 г. № 373].

...Русские герои Первой мировой войны известны разве что специалистам да любителям истории. Многочисленные факты говорят о беспримерной стойкости сибиряков, наших земляков. В 1914–1918 гг. 41-й, 53-й Сибирские стрелковые полки, 533-й Новониколаевский стрелковый полк, сформированные в основном из новониколаевцев, доблестно сражались на Западном и других фронтах.

В Праснышских боях против неприятеля 13 июля (30 июня) 1915 г. 11-я Сибирская стрелковая дивизия потеряла 105 офицеров и 10 951 низших чинов — свыше 70 % своего состава [34, Ф.Д-97. Оп. 1. Д. 195. Л. 26–26 об.]. В этих упорнейших боях 41-й полк понес тяжелые потери, но задачу командования выполнил и свои позиции не уступил. За отличие в этих боях командиру полка полковнику Кременецкому Владимиру Александровичу было объявлено Высочайшее благоволение. Разведчики 41-го младший унтер-офицер Павел Трофимович Дрон был удостоен Георгиевского креста 3-й степени, а стрелок Никодим Петрович Каменев — 4-й степени [20, с. 43–44, 53].

Величайшее мужество и героизм проявил 53-й Сибирский стрелковый полк (сформирован в г. Новониколаевске). Во время боя 18 мая 1915 г. полк вместе с 55-м Сибирским полком подвергся газовой атаке противника. В материалах Чрезвычайной Следственной Комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками говорится: «Только за этот и последующие дни, когда газ, оставшийся в окопах, продолжал свое губительное действие, в полках из строя выбыло 33 офицера и 5 752 нижних чина из общего числа 74 офицеров и 7 118 нижних чинов. Особенно тяжелые потери в 53-м полку, в котором из 35 офицеров выбыли 17 и из 3 788 нижних чинов — 3 441 или около 90 %... Несмотря на громадные потери, сибиряки отбили начавшуюся атаку противника со значительными для него потерями».

Достоин воевал в 1916–1917 гг. 533-й Новониколаевский полк, сформированный в ноябре 1916 г. из новониколаевцев и томичей. Среди сибиряков, служивших в этом полку, были отмечены боевыми наградами: полным Георгиевским кавалером стал подпрапорщик Лукьян Гопаненко, Георгиевского креста 2-й степени был удостоен младший унтер-офицер Федор Гнилицын, 3-й степени — старший унтер-офицер Федор Любый, подпрапорщик Кирилл Островерхов (еще имел Георгиевскую медаль «За храбрость»), 4-й степени — старший унтер-офицер Павел Брейтер, фельдфебель Георгий Полозенко, ефрейторы Степан Сахаров, Георгий Шеин и другие [34, Ф.Д-135. Оп. 1. Д. 5. Л. 81].

Городские власти и население пристально следили за судьбой своих земляков, близких и родных, воевавших в этих воинских частях, собирали

для них продукты, теплую одежду, подарки, оказывали моральную поддержку, на фронт приезжали делегации горожан.

Из Сибири к западным границам России, охваченным огнем войны, по Великому Сибирскому пути бесперебойно шел поток войск и военных грузов: отобюрозованные сибирские полки, продовольствие, фураж, военные грузы. Стратегическое значение Сибирской железнодорожной магистрали резко возрастает и на ней в связи с военными действиями вводятся чрезвычайные меры охраны с 14 июля, а военное положение — с 8 августа 1914 г.

Повышается в условиях войны роль Новониколаевска как важнейшего транспортного узла. Здесь формировались и уходили на фронт воинские части, отсюда вывозилось продовольствие, через Новониколаевск потоком шли военные грузы из Иркутского и Приамурского военных округов, из Владивостока, порт которого становится по своему значению в русском импорте первым.

Совет Министров 24 марта 1916 г. отметил: «...Сибирская магистраль занята обслуживанием почти исключительно потребностей армии...» [РГИА, Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1790. Л. 13 об.].

В Новониколаевске, как и в Сибири в целом, велась заготовка муки, крупы, хлеба, масла, мяса, мясных консервов, сухарей, рыбы и других продуктов, овса, сена, а также заготовка мешков, брезентов, конской упряжи. Оборудовались продовольственные магазины (склады), велась постройка новых промышленных предприятий. Помимо нескончаемого потока войск, перемещавшихся по железной дороге из Сибири в Европейскую часть России, ежедневно вывозились грузы в количестве 750 вагонов в сутки: воинские из Владивостока — 160, воинские из Сибири — 80, интендантские (овес, сено, сало, масло, крупа, мороженое мясо) — 150, горнозаводские грузы — 60, уголь — 100 и др. Только овса и крупы из Сибири на фронт ежедневно отправлялось по 48 вагонов [РГИА, Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1790. Л. 54]. За 1914–1915 гг. для нужд фронта из Сибири поставлено сена 9 700 тыс. пудов из 12755 тыс. пудов, заготовленных и поставленных в стране [15, с. 18; 16, с. 18. (или 76 % общероссийского уровня. — Ю.Ф.)]. Вывоз хлеба из Сибири в 1915 г. составил 81,3 млн пудов, мяса — 3,7 млн пудов в 1916 г. — 53,6 и 5,13 млн пудов соответственно. Всего же за 1915–1917 гг. из Сибири вывезено 174,1 млн пудов хлеба [17, с. 49; РГИА, Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1790. Л. 84; 30, 1920, 6 мая]. Огромную роль в поставках продовольствия и фуража для армии играл Новониколаевск, в котором находился крупнейший за Уралом склад (магазин) для закупленных муки и овса — 800 тыс. и 500 тыс. пудов соответственно [14, с. 33–34, 41; 5, с. 27; 18, с. 29; 34, Ф.П-5. Оп. 3. Д. 104. Л. 47].

В трудный для страны час нравственной опорой народа стала Русская Православная Церковь.

Церковь — великая народная организация — в тяжелейшие годы нашей истории не только утешала россиянина в скорби. В ней черпал он Веру, Надежду, Любовь, то есть те нравственные силы, которые, в конечном счёте, позволяли человеку преодолеть все испытания, залечить душевные раны.

В дни объявления мобилизации во всех сибирских городах прошли патриотические манифестации, во всех церквях служились торжественные молебны о даровании победы русскому воинству над врагом. Зазвонили колокола всех церквей, сопровождая молитву в храмах и на площадях.

Повсюду зазвучала проповедь, она предвещала обнародование манифеста, напутствовала отходящие части войск, отбывавшие отряды сестёр милосердия, выступавших ратников ополчения. Традиционные церковные обряды наполняются глубоким гражданским содержанием. Проповедь идёт не только устная, но и печатным словом. В армию, лазареты и госпитали направляются Евангелия, молитвенники, миллионы листовок и брошюр религиозно-нравственного содержания.

С началом войны в адрес Протопресвитера приходят сотни телеграмм-просьб от священников направить их в действующую армию. С такой просьбой в Томскую духовную консисторию обращаются сотни сибирских священников, среди которых были и священники г. Новониколаевска, и прилегающих уездов: градо-Воскресенской церкви г. Новониколаевска о. Александр Смычков, градо-Кольванского о. Павел Угодин, священники с. Мочищенского, с. Покровского при ст. Чаны Сибирской железной дороги, псаломщики с. Легостаевского, Маслянинского, Дорогино-Займского и мн. др.

Огромную патриотическую работу ведут все храмы Томской, Омской и других епархий Сибири, духовенство и прихожане.

Начались всевозможные сборы, церковные и нецерковные, деньгами, тёплыми вещами, подарками — в пользу детей воинов, павших на поле брани; на нужды по призрению и материальному обеспечению больных и раненых воинов; общества памяти, павших в войну; на пособие беженцам; на организацию учебно-трудовой помощи увечным; на госпитальные учреждения и т.д.

Так, в октябре 1914 г. на больных и раненых воинов было собрано по церквям: с. Чаусского Богоявленская — 3 руб., с. Вьюнского Троицкая — 20 руб., с. Тропинского — Михайло-Архангельская — 1 руб., с. Сидоровского Покровская — 1 руб. и др., всего 34 руб. 65 коп.

Священник Кольванской Александро-Невской церкви Агапий Сухорученко 12 июня 1915 г. докладывал в Томскую консисторию: сбор для оказания помощи пострадавшим от военных действий, произведённый в деревнях Большой Оеш, Малый Оеш и Киселёвском приходе Александро-Невской церкви дал 43 руб. 23 коп.

Нередко священники лично ходили по приходу, собирая всевозможные вещи и деньги. В каждом новониколаевском и колыванском храме (как и везде по стране) были учреждены приходские попечительские советы с задачей заботы о семьях лиц, призванных в ряды войск. Советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, муку, крупу, доставляли дрова, уголь, чинили постройки и т.д. — вели благородную и огромную по своим масштабам работу.

На 16 марта 1915 г. из общего числа 42 000 православных приходов попечительские советы о семьях лиц, призванных в ряды войск, были открыты и действовали в 24 563 приходах 14 епархий, в т.ч. и в Томской.

Проявляя заботу о семьях, отправивших на фронт кормильцев, попечительские советы при церквях составляли ведомости для семейств воинов. Учитывалось семейное и имущественное положение призванного: жена, дети, совершеннолетние ли они, кто ещё находился на его попечении, чем до призыва добывал средства на жизнь (хозяйство, ремесло), какие пособия получало семейство призванного (из казённых средств, из общественных или частных).

Томская духовная консистория 2 сентября 1914 г. предписывает открыть во всех православных приходах попечительные советы об оказании помощи семьям лиц, призванных на войну [36, Ф.Д-159. Оп. 1. Д. 21. Л. 191].

Попечительский совет Колывани уже был открыт 30 июля 1914 г.

На 1 октября 1914 г. на учёт попечительскими советами было взято семейств: в с. Чаусском — 24, Подгорном — 18, Амбинском — 29, Тырышкино — 53, Сидоровке — 15, Южино — 10, Черемшанском — 47.

Попечительский совет при церкви с. Прокудского в феврале 1915 г. собрал и передал в действующую армию сухарей 7 пудов 15 фунтов, 13 рубах, 7 пар портков и другие вещи, а совет при Михайловско-Архангельской церкви с. Кандауровского — 30 кисетов, 4 рубахи, 30 аршин холста и др. [34, Ф. 1206. Оп. 1. Д. 84. Л. 42, 45].

Бьюнским попечительским советом было в 1914 г. взято на учёт 87 семейств, подавляющее большинство которых получало пособие от совета, им оказывалась помощь полевыми работами: уборкой сена, жатвой, молотьбой хлеба и проч.*

Россия не оставляет без внимания, заботы и поддержки и своих сынов, оказавшихся во вражеском плену.

С начала 1915 г. Томская епархия приступила к составлению списка церковных попечительств, желавших оказать помощь русским военнопленным в сношениях их с родиной. В этом списке оказались попечитель-

* Все названные выше населённые пункты находятся в пределах современного Колыванского района Новосибирской области. (Примеч. авт.)

ства практически всех храмов епархии, которые на удовлетворение религиозно-нравственных нужд пленных выделяют посильные средства.

Все храмы России организуют культурно-просветительскую и материальную помощь военнопленным: сбор пожертвований, собрание и отправка в Германию и Австро-Венгрию книг — для богослужения, учебников по сельскому хозяйству, религиозного характера, русских классиков, отправляют посылки с продовольствием, тёплыми вещами, обувью, церковной утварью и облачением.

Духовенство и прихожане сибирских храмов подготовили к Рождеству (1915 г.) для подарков на передовые позиции свыше 20 тыс. предметов, которые и были отправлены.

«...Трудно без волнения читать душевные, трогательные выражения благодарности в письмах воинов на имя комитета. В массе писем выражается удовольствие, что сибиряки помнят о своих земляках. Почти все письма содержат заверения непоколебимой решимости сломить врага. Нередки заявления: «Не пожалеем сил наших и жизнь свою отдадим, чтобы вы, родные наши и дорогие земляки, с гордостью вспоминали о сибиряках и наших подвигах», — читаем мы в архивных документах [38, Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 17].

Редакция газеты «Алтайское Дело» 10 января 1917 г. публикует привет с фронта: «Живы, здоровы, шлём горячий привет с лучшими пожеланиями с фронта и поздравляем с праздником Рождеством Христовым и наступающим Новым годом родных, друзей и знакомых.

Новониколаевцы: Тикунов Андрей, Рыжков Николай, Пленков Иван, Дмитриев Дмитрий, Сребров Павел и др.».

В ещё одной телеграмме из Кинбургского полка шлют свои поздравления фельдфебель С. Туркин, взводные командиры Я. Кургановский и П. Токарев, а также А. Семейкин, А. Несвитаев, Ф. Глухонин, А. Беспалов, П. Перетокин, Д. Добрянский и В. Антонов.

Газета «Свободная Сибирь» 4 мая 1917 г.: «С фронта от группы солдат тяжёлого дивизиона: «Шлём всему городу наше сердечное спасибо. Мы получили рождественские подарки 25 марта, за которые благодарим несколько раз. Подарки угодили к сибирским солдатам и подарки встречены, будто свои сродственники».

«Свободная Сибирь» 13 мая 1917 г. Из действующей армии: «Настоящим имеем честь выразить вам свою искреннюю благодарность за присланные ваши пасхальные подарки на фронт, которые мы вчера получили в количестве, в каком ещё не получали до настоящего времени. Ваши благодеяния удвоили, так сказать, узы братства и гражданства, которые — мы уверены, не разрушатся. Все мы искренне благодарим тех людей, которые жертвуют гроши своего скудного заработка, дабы помочь тем братьям, которые сидят в окопах.

Мы понимаем, что вы делаете для нас всё то, что только можете. Будьте уверены, что и мы не позволим нашему врагу поработить нашу дорогую свободную Родину. Да здравствует равенство и братство!»

В этой же газете публикует своё письмо химическая команда 53-го Сибирского стрелкового полка: «Привет из армии. Гражданин редактор! Прошу поместить в вашу любимую газету мой привет всем горожанам города Новониколаевска и передать также привет моим дорогим родителям, проживающим в селе Сидоровке (ныне Колыванского района Новосибирской области. — Ю.Ф.) Чаусской волости Томской губернии и уезда.

Из действующей армии 61-го Сибирского стрелкового новосформированного полка команды пеших разведчиков стрелок Тимофей Ефимович Горлов».

Высокую оценку работы, проводимой Томской епархией (к ней относились и новониколаевские, и колыванские церкви), дал русский полковник А.А. Брусилов. В своей телеграмме на имя Антония, епископа Томского и Алтайского, 18 июля 1917 г. он писал: «От лица армии... прошу передать сердечную благодарность духовенству и мирянам за пожертвования на нужды армии деньгами. Поручаю армию и себя Вашим молитвам...» [34, Ф.Д-159. Оп. 1. Д. 90. Л. 31].

У нашего Отечества не было дня Победы в Первой мировой. Однако, несмотря на то, что российским воинам не довелось быть увенчанными лаврами победителей, они внесли большой вклад в победу над Германией и ее союзниками, сковывая до половины всех сил противника и тем самым обеспечив успех войск Антанты.

Война закончилась в 1918-м. Впереди Россию ожидали новые испытания, новые повороты неповторимой, трагической и героической судьбы великой державы. В полной мере они отразились и в судьбе Сибири, и в судьбе Новониколаевска–Новосибирска, и в судьбе новониколаевцев–новосибирцев...

В небольшой статье невозможно показать все примеры храбрости, мужественности и жертвенности, проявленные сибиряками в годы Первой мировой войны на фронтах и в тылу. Но документальные свидетельства, приведенные во многих исследованиях и в этом тоже, должны обогатить историческую память нынешнего поколения, связать героический подвиг всех поколений россиян в одну неразрывную цепь.

Подвиги наших дедов и прадедов на фронтах Первой мировой и в тылу, лозунг «Все для фронта, все для победы!», родившийся в 1914 г. и вновь возродившийся в 1941-м, опыт перевода экономики на военные нужды, размещение эвакуированных предприятий, прием тысяч беженцев, организация помощи раненым и больным воинам, а также семьям воинов, призванных на действительную службу, оказался неоценимым опытом, востребованным страной, Сибирью, новониколаевцами–новосибирцами в

годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 1418 дней и ночей у мартиновских печей не будут страна, Сибирь и наш город смыкать своих очей, будут вести тяжелую битву труженики тыла, положат на алтарь Отечества свои молодые жизни дети и внуки героев Русско-японской и Первой мировой...

Великий подвиг наших отцов и матерей, разгромивших фашизм и спасших человечество — продолжение героических традиций поколения Первой мировой войны. Будем же помнить, что герои фронта и тыла Первой мировой войны — это отцы и матери героев Великой Отечественной войны, дошедших до Берлина в 1945-м.

Источники и литература

1. Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1–2.
2. Армия в первой революции. — М.–Л., 1922.
3. Великий путь. — Красноярск. Виды Сибири и ее железных дорог. — 1899.
4. «Вестник Европы». — 1905. — № 2.
5. Вестник финансов, промышленности и торговли. — Омск, 1919. — № 3.
6. Весь Новониколаевск. — Новониколаевск, 1924.
7. Военный сборник. — 1904. — № 4.
8. «Восточное Обозрение». — Иркутск, 1905. — № 256.
9. Всеподданнейший доклад о действиях Военного Министерства за 1904 г. — СПб., 1906.
10. Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного Министерства, вызванной войной с Японией в 1904–1905 гг. — Б.м., б.г. Секретно.
11. Город Новосибирск и район: экономический справочник. — Новосибирск, 1932.
12. Дневник войны. — СПб., 1904. — № 75.
13. Доклад исполнительной комиссии главного управления России общества «Красного Креста» по оказанию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке. — Б.м., 1906.
14. Жизнь Сибири. — Новониколаевск, 1925. — № 5
15. Журнал Совещания по интендантскому снабжению, состоявшегося в Ставке 15–16 мая 1916 г. Б.м., б.г.
16. Известия Главного Комитета по снабжению армии. — М., 1916. — № 12.
17. Известия Всероссийского Союза Городов. — М., 1916. — № 33.
18. Известия Министерства Земледелия. — Омск, 1919. — № 9–10.
19. История Русско-японской войны. — СПб., 1909. — Т. 5.
20. Корольков Г. Праснышское сражение. — М.–Л., 1928.

21. Краткий обзор коммерческой деятельности Сибирской железной дороги за 1902 г. — Томск, 1904.
22. «Народная летопись». — 1906.
23. Приказание по войскам СибВО № 377 от 13 ноября 1904 г.
24. Омский военный округ. Военно-географическое и статистическое описание. Отдел IX. Средства округа. — Омск, 1909.
25. Расписание запасных частей и частей Государственного ополчения, находящихся внутри империи (по данным к 15 октября 1914 г). Б.м., б.г.
26. Русско-японская война 1904–1905 гг. — СПб., 1910. — Т. 7. — Ч. 1.
27. Русско-японская война 1904–1905 гг. — СПб., 1910. — Т. 7. — Ч. 1. Приложение № 25. — С. 1 112-1 113.
28. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. — СПб., 1903.
29. «Сибирская жизнь». — 1904, 28 октября; 1905, 8 января, 13 сентября.
30. «Советская Сибирь». 1920. 6 мая.
31. Список населённых мест Томской губернии на 1911 год. — Томск, 1911.
32. Томские Епархиальные Ведомости. — 1904. — № 9.
33. Экономическая записка по проекту Алтайской железной дороги Барнаул–Обь по изысканиям 1907 г. в связи с проектом Туркестано-Сибирской железной дороги. — Новониколаевск, 1908.

Архивы

34. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО, г. Новосибирск).
35. Государственный архив Омской области (ГАОО, г. Омск).
36. Государственный архив Томской области (ГАТО, г. Томск).
37. Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).
38. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК, г. Барнаул).

СЕКЦИЯ № 1

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Зверев Владимир Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной
истории Новосибирского государственного педагогического
университета, ведущий научный сотрудник сектора
историко-демографических исследований Института истории СО РАН

**«НАРОД ИЗВЕРИЛСЯ»: О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ
СОЗНАНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ СИБИРЯКОВ
В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА**

В России второй половины XIX — начала XX вв. доминировали традиционные формы культуры и общественной жизни, у большинства сельчан и горожан была высока степень религиозности. Церковь оказывала огромное влияние на сознание и все формы жизненной активности, в частности, на демографическое поведение людей. Например, она прямо санкционировала половые отношения (косвенно — и производные от них зачатия и рождения) в одни календарные сроки, запрещая или ограничивая в другое время — в посты, большие религиозные праздники, определенные дни недели.

Однако известно, что именно тогда, в конце имперского периода, наметилась секуляризация массового сознания и поведения россиян. Историк Б.Н. Миронов установил, в частности, что в Европейской России доля населения, по религиозным соображениям практиковавшего половое воздержание (абстиненцию) во время Великого поста, и без того довольно скромная, со временем сокращалась. Если в 1860-х гг. она составляла около четверти, то в 1880-х — 15–17 %, а в 1901–1910 гг. — только 12 % (у православных людей — 14, в городском населении — 4 %). Другой статистически проявившийся признак секуляризации — наличие заметного слоя прихожан, не исполнявших без уважительных на то причин христианский долг исповеди и причастия хотя бы раз в году. Таковых было, впрочем, в Европейской России немного — до 10 % к 1913 г. [5, с. 230–234].

Нам представляется, что в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. существовала типологически сходная ситуация. Подтверждения этой мысли встречаются в научной литературе. Например, историк Ю.М. Гончаров установил, что в Барнауле в 1871–1874 гг. доля жителей, практиковавших абстиненцию во время Великого поста, составляла всего 13,4 % [3, с. 37]. Чтобы проверить свою гипотезу на материале, более основательном по хронологическому, территориальному и социальному охвату, мы вос-

пользовались обобщенными показаниями церковных метрических книг из городов и селений нескольких сибирских субрегионов. Таким способом было установлено календарное распределение рождений, относящееся к разному времени и различным местностям (см. таблицу).

**Распределение рождений по месяцам в Сибири:
хронологические, субрегиональные и поселенческие варианты,
на 1000 чел. населения**

Месяц	Забайкальская обл. 1861–1910 гг.	Акмолинская обл. 1878– 1887 гг.	Томская губ. 1870– 1880 гг.		Тобольская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская губ. 1902– 1903 гг.	
			селения	города	селения	города	селения	города
Январь	78	84	89	84	67	81	85	82
Февраль	73	75	79	79	77	87	74	82
Март	78	81	84	80	91	93	86	89
Апрель	65	77	75	78	97	75	75	80
Май	87	69	83	81	92	77	72	77
Июнь	88	80	95	94	79	95	89	83
Июль	89	95	92	89	89	93	90	86
Август	88	95	86	83	85	80	96	90
Сентябрь	89	81	73	77	73	72	79	84
Октябрь	87	100	85	93	89	90	91	85
Ноябрь	94	87	85	84	76	82	91	87
Декабрь	84	76	74	78	85	75	72	75

*Подсчитано по данным источников: [1, с. 664–665; 2, с. 146–148; 4, с. 11–12; 8, с. 252–254; 9, с. 252–254].

Анализируя показатели таблицы, можно установить характер воздействия многодневных постов — Рождественского и Великого — на цикличность зачатий и рождений у сибиряков. Через девять месяцев после того и другого поста — соответственно, в сентябре и декабре — почти повсеместно наступал спад количества рождений. В качестве эталонной величины «нормального» уровня репродукции в данном случае примем рождаемость не в январе, как предполагает известная методика Б.Н. Миронова, а в июле. Дело в том, что в 1902 и 1903 гг. Великий пост охватывал целиком март и значительную часть апреля. Абстиненция понижала рождаемость не только в декабре, но также и в январе. Значит, по крайней мере, в два этих года (а на самом деле — и в некоторые другие годы изучаемого периода, когда Великий пост захватывал часть апреля) январь для сопоставления с декабрем не годится. Поэтому для сравнения с декабрем мы выбрали июль, в течение которого рождались младенцы, зачатые в октябре — том месяце, который не затрагивал ни один из многодневных постов.

Положим, в декабре спад по сравнению с июлем в некоторой степени объясняется биологической причиной: специалисты-медики знают о естественном снижении способности женщин к оплодотворению примерно на 14 % в насыщенный и холодный период февраля-марта. Расчеты по данным нашей таблицы показывают, что у жителей станицы Стретенской и прилегающих к ней селений Нерчинского округа (уезда) Забайкальской области в 1861–1910 гг., у православных горожан Томской губернии в 1870–1880 гг., у сельских жителей Тобольской губернии и горожан Енисейской губернии в 1902–1903 гг. снижение рождаемости в декабре не превышало биологической нормы. Это означает, что здесь практически никто не соблюдал церковную рекомендацию воздерживаться от сексуальных отношений в период Великого поста. Однако в других случаях репродуктивная «яма» в декабре была более глубокой: обнаруживается некоторая доля лиц, строго придерживавшихся полового воздержания в пост. У православных сельчан Томской губернии в 1870–1880 гг., обитателей Пресногорьковской казачьей линии в Петропавловском уезде Акмолинской области в 1878–1887 гг., у деревенских жителей Енисейской губернии в 1902–1903 гг. таковых насчитывалось по 6 %, у горожан Тобольской губернии в 1902–1903 гг. — 5 %. Расчет производился следующим образом: от разности между рождаемостью в июле и декабре, выраженной в процентах к июльскому уровню, вычиталось 14 %, и таким образом получалась искомая величина.

По такой же методике мы обработали сводные данные сборников «Статистика Российской империи» за 1902 и 1903 гг., выделив в Тобольской и Енисейской губерниях население самых больших городов (в первом

случае — Тобольска и Тюмени, во втором — Красноярска и Енисейска), а также наиболее многочисленную здесь, как и во всей Сибири, категорию приверженцев официальной Русской православной церкви. Выяснилось, что в крупных городах на Енисее спад рождаемости в декабре по сравнению с июлем не превышал биологической нормы — сексуальная активность в Великий пост не прекращалась. В то же время в Тюмени и Тобольске абстиненцию практиковали 10 % горожан, в среде собственно православных жителей (сельчан и горожан) таковых насчитывалось в Приенисейском крае — 7, а в Тобольской губернии — 12 %. Во всех случаях это небольшая величина, близкая к показателям Европейской России.

Теперь о сибиряках, пренебрегавших исполнением христианского долга исповеди и причастия. В свое время советский историк Л.В. Островская собрала и опубликовала сведения о количестве православных крестьян, не исповедовавшихся «по нерадению», учтенных церковной статистикой в епархиях Сибири. Мы подвергли дополнительную обработке данные, относящиеся к самой густонаселенной Томской епархии, и получили следующие показатели. В 1860–1870 гг. здесь без всяких уважительных причин (в качестве таковых церковь признавала «малолетство», отлучки с места жительства, приверженность «расколу») уклонялись от исповеди 52 % всех прихожан, относящихся к крестьянскому сословию. В 1870-х гг. таковых оказалось 67 %, в 1880-х гг. — 65, а в 1891–1901 гг. — 38 %. В Енисейской епархии в 1891–1903 гг. манкировало исповедью 49 % крестьян, в Тобольской епархии в 1892–1908 гг. — 23 %. В городах Сибири население находилось под более бдительным церковным контролем, чем в деревнях, но и здесь, согласно докладам епископов в Священный Синод, ежегодно «по нерадению» отказывалось от исповеди, а значит, находилось вне непосредственного религиозного влияния храма и клира 17–25 % прихожан [подсчитано по: 6, с. 131–151].

Не только статистика, но и исторические источники других категорий — делопроизводственные документы различных инстанций государственной власти и Русской православной церкви, материалы личного происхождения — свидетельствуют о нарастании масштабов секуляризации сознания и образа жизни сибиряков с конца XIX и особенно в начале XX в. Будучи ограниченными объемом публикации, процитируем лишь один отрывок из отчета главы Забайкальской епархии за 1910 г.: «Недавняя смута [1905–1907 гг.] произвела разрушающее действие как на веру и православность, так и на порядок семейной и общественной жизни. Открытое кощунство, даже богохульство, расстройство в семейной жизни, непочитание детьми родителей, ослабление престижа власти — вот плоды, оставленные в обществе днями свободы» [7, л. 11–12]. Разумеется, не только усиливающаяся социальная напряженность, вылившаяся на излете изучаемого периода в острые политические конфликты, но и более долгосрочные фак-

торы наметившейся модернизации традиционного общества и культуры, а также общественной и культурной дезорганизации обусловили распространение атеизма и агностицизма в мировоззрении некоторой части населения Сибири, а антиклерикализма — в еще больших масштабах. Более детальная историческая динамика, субрегиональная, социально-групповая, этническая, поселенческая специфика распространенности этих явлений требуют специального изучения.

Библиографический список

1. Белявский А.К. Рождаемость, брачность и смертность г. Сретенска Забайкальской области с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. — 1925. — № 21.
2. Гедройц-Юраго В.П. Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. — 1890. — № 8.
3. Гончаров Ю.М. Репродуктивный цикл городской семьи Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. — Новосибирск: Параллель, 2011. — Вып. 2.
4. Ефимов А.И. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 гг. СПб.: ЦСК МВД, 1890.
5. Миронов Б.Н. Историческая социология России: учебное пособие. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербург. ун-та; Интерсоцис, 2009.
6. Островская Л.В. Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984.
7. Российский государственный исторический архив. — Ф. 796 (Канцелярия Синода). — Оп. 442. — Д. 2388.
8. Статистика Российской империи. СПб.: ЦСК МВД, 1907. Вып. 66.
9. Статистика Российской империи. СПб.: ЦСК МВД, 1909. Вып. 70.

Кузнецова Фаина Силантьевна,
кандидат исторических наук, доцент

КРЕСТЬЯНСКИЙ «МИР» ЧАУССКОЙ ВОЛОСТИ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Крестьянская община в Сибири как социальный коллектив, с многообразием её функций, охватывающая все стороны жизни сельских жителей, в достаточной степени изучена. Исследования облегчают краеведческие поиски и систематизацию документов по истории конкретного мира крестьян Чаусской волости.

На основе архивных фондов ГАНО можно выявить, как возникло локальное крестьянское сообщество Чаусская волость, кто были его первыми колонистами, потомки которых ныне проживают в Кольванском районе, их образ жизни. Волость образована в 80-е гг. XVIII в. в ходе административной реформы в Сибири. Основанием для реформы послужили результаты четвёртой ревизии (1782 г.), которые выявили на юге Западной Сибири сложившийся контингент русского населения. На современной территории Новосибирской области было создано два типа волостей: русские и татарские (инородческие) с разными обязанностями перед государством. Волости Приобья были включены в состав Томского округа, волости Барабинской степи — во вновь образованный Каинский округ. Важнейшая черта реформы — придание волостям статуса юридически признанного государством коллективного субъекта права на землю и гаранта права на землю каждому её члену по установленной норме не более 15 десятин на ревизскую душу мужского пола.

Границы земельных владений Чаусской волости устанавливались постепенно в практике их использования и роста населения. Уравнительный принцип землепользования не был реализован в условиях колонизируемых пространств, самовольные захваты земель не пресекались. Недостатка в выборе земельных участков крестьяне ещё долгое время не испытывали, но при решении спорных вопросов власть уже не принимала во внимание их прежние купчие и «крепости» на землю. В резолюциях по таким вопросам выносились решения, что «земля есть общественная и принадлежит казне».

Первоначально Чаусская волость объединяла двенадцать селений, расположенных по реке Вьюне и на её ручьях: Чаусское (620 человек обоёго пола, 95 домохозяйств) и деревни: Подгорная, Мельникова, Скалинская, Вьюнская, Кандыкова, Паутова, Тропина, Южина, Анбинская, Черемшанская, Белоярская. В волости по данным V ревизии (1795 г.) «заводских крестьян — 1092 человек м.п., государственных — 37 [4, л. 488].

Четырнадцать деревень в районе речки Оеш и на прилегающей к ней территории составили Тырышкинскую волость — 862 чел. м.п. По списку 1787 г. деревни: Большая Оешная, Малая Оешная, Самочернова, Соколова, Грязнушинская, Тырышкина, Мысовская, Подволошная, Черемшанская, Табатчикова, Воробьева, Киселева, Вахрушева, Панафидина [7, л.118–119].

Решением горной конторы Кольвано-Воскресенского округа в 1799 г. обе волости в составе названных двадцати шести деревень с населением 2167 человек м.п. (данные V ревизии 1795 г.) были соединены в одну под названием Чаусская [1, л. 505].

Места для поселения колонисты выбирали самостоятельно. Смотрели, есть ли места пригодные для пашни, сенокосов, березовые и сосновые леса

в урочищах речек. Выбор оправдал себя на века. Вьюны, Новотырышкино, Скала — сегодня центры сельских советов Кольванского района, продолжается жизнь в деревнях Большая Черемшанка, Амба, Большой и Малый Оеш, Южино, Паутово, Тропино, Подгорной, приближаясь к 300-летию юбилею.

Образование волости сопровождалось определением её поземельных владений, но происходило это постепенно. В нашем распоряжении нет такого документа, который однозначно мог бы указать границы земельные владения Чаусской волости. В колонизируемых районах юга Сибири поземельные отношения складывались под влиянием двух факторов: отмены десятинной пашни и наличия большого фонда пригодных для сельского хозяйства земель, что привело к господству захватной формы землепользования крестьян. Государство, заинтересованное в исправном поступлении денежного подушного оклада, без необходимости не вмешивалось в поземельные отношения жителей, однако каждый раз, когда дело касалось владельческих прав, стремилось подчеркнуть права государства.

Земельные владения Чаусской волости были определены постепенно в практике их использования самими крестьянами. Об этом красноречиво свидетельствуют первые межевые работы, начатые в 30–40-е годы XIX в., когда землемеры обнаружили запутанное расположение земельных угодий сельских и волостных общин, а попытки разграничить владения вызвали взрыв возмущения и письменные протесты крестьян.

Земельный участок для пашни и покоса — основа жизнеспособности крестьянской семьи и выполнения возложенных на неё обязанностей. Сибирские власти не учитывали размеры земельных владений крестьян, учету подлежало лишь количество посевов зерновых и технических культур, количество скота. Крестьянские хозяйства края развивались в условиях свободного пользования земельными угодьями, которые зависели от трудовых ресурсов семьи. Самостоятельность крестьянского мира в решении земельных вопросов гарантировала общине устойчивость её развития, право выбора видов хозяйственной деятельности. Отличительной чертой сибирской деревни явилось отсутствие недоимки. Историки высоко оценили значение волостной реформы 80-х гг. XVIII в. Признано, что она конструктивно решила важнейшие социально-экономические проблемы крестьянства на восточной окраине России и надолго определила его относительно лояльные взаимоотношения с центральной властью [9, с. 73–74].

Благополучие крестьянского хозяйства — основа исправных платежей податей, исполнения заводских работ, ремонта дорог и отправления почтовой гоньбы по тракту. Кроме того, оно обеспечивало возможность закупки хлебной продукции и провианта для корма лошадей. В Кольвано-Воскресенском округе сложился свой порядок закупки по подрядам. Крестьяне подписывали подряды вперед на год или несколько месяцев, полу-

чая часть платы в виде аванса, обязываясь к определённому сроку поставить в назначенный завод или рудник эту продукцию. Продавали муку ржаную и пшеничную, ячневую крупу, овёс. Были подряды на поставку дёгтя и золы. Почти ежегодно часть крестьян вовремя не выполняли свои обязательства, об этом напоминают ведомости, отправленные в волостное правление. Должники при окончательном расчёте получали уменьшенную сумму [1, л. 99–10; 5, л. 33–34; 6, л. 161–164]. Возможно, серьёзные обстоятельства помешали им вовремя выполнить контракт, а может быть, продажа по более выгодной цене другим покупателям. Горное начальство в XVIII в. не стеснялись устранять конкурентов для снижения цен, запрещало скупку продуктов в округе частным лицам, пока не закуплено продовольствие для заводов и рудников.

На крестьянский мир власть возлагала социальные функции оказания помощи поселщикам. 31 июля 1785 г. Томский нижний суд приказывает Чаусской земской конторе разместить в деревни 20 человек одиноких мужчин (посельщиков) в возрасте 26–55 лет (лишь один с женой). Приказ сопровождался указанием: «На первый случай отвесь им пристойные к добрым людям квартиры, и для домообзаводства в деревнях под дворовое строение, и для сенных покосов в принадлежащих местах отвесь надлежащее количество земли. Ежели есть из порожних, а буде порожних нет, то уделя у крестьян, у кого она со излишеством, с которой они сами распахивать и сен скашивать не могут. И при распределении их в деревнях десятникам и обывателям подтвердить. Да и самим сотским и выборным неослабное смотрение иметь, чтоб те посельщики не могли кто утечь. А равно и воровства учинить. А наипаче неослабно к работе крестьянской понуждать, чтоб праздно жить не могли, а брали б привычку ко всему крестьянскому трудолюбию» [3, л. 348, 360]. При расселении «престарелых и дряхлых» (возраст от 55 до 80 лет), крестьянский «мир» обязан был оказать им помощь, на два человека отвести место для постройки дома и смотреть, чтобы они по возможности тоже работали, а не жили праздно [3, л. 347, 364]. Комментарии к такому выразительному тексту излишни. Традиции крестьянской жизни не представляли ситуации, когда человек мог бы жить на социальное пособие.

Крестьянский мир Чаусской волости жил в условиях самоуправления. Раскладка на каждое семейство общей суммы подушного оклада, положенного на волость, его сбор, организация исполнения заводских отработок, рекрутские наборы, разрешение конфликтных ситуаций и прочие дела выполняли выборные лица: старшины, сотские, десятники. На них же возлагались полицейские функции, организация помощи сиротам и одиноким старикам. Помощь старикам и сиротам в большей степени сводилась к тому, что мир платил за них подушную подать. Пропитание на жизнь предстояло зарабатывать своим трудом. Срок службы выборных обычно

один год, так как исполнение обязанностей отрывало от хозяйства, должности исполняли на общественных началах, позже стали оплачивать только должность головы волости, старшин и писаря за счет сборов с крестьян. Авторитет и уважение общинников приобретали крестьяне, умеющие силами семьи рачительно вести свое хозяйство, честно и ответственно исполнять выборную должность. Документы свидетельствуют о выделении круга «лучших людей», пользующихся повышенным доверием и авторитетом. О крестьянах, уже побывавших в роли выборного, общество имело определенное представление. Честность, ответственность во время исполнения должности становилось для крестьянского «мира» гарантией правильности выбора, таких людей избирали повторно, но не обязательно подряд.

Выборным предстояло немалых усилий, настойчивости и дополнительной траты личного времени при выполнении обязанностей. Примером служит работа выборного крестьянина Москвина, отвечавшего за работу при Павловском заводе в 1808 г. Он сумел организовать выполнение работ полностью. Об этом свидетельствует квитанция от 31 мая 1808 г., в которой говорится, что при перевозке угля крестьянами волости при выборном Москвине выполнена вся работа за 400 душ сполна. Какие усилия потребовались для этого? Лишь частично их раскрывает его рапорт земскому управителю Богданову от 26 марта и переписка с выборным волости. К 26 марта были выполнены работы явившимися крестьянами и норма работ за 23 и $\frac{3}{4}$ ревизских души не явившихся силами вольнонаёмных людей, однако вернуться домой он мог только после 31 мая. Москвин отмечает, что все работы выполнены, «не допуская излишних хлопот со стороны конторы» и сообщает, что вывоз древесного угля из леса обошелся по цене 1 руб. 35 коп за короб, «ныне же за таковые работы выборные платят по 1 руб. 50 коп. за короб». Но после окончания работ Москвин не мог вернуться домой. Предстояло возратить в контору деньги, потраченные на вольнонаёмных работников, выполнивших работы за «нетчиков». Теперь эти деньги предстояло собрать с тех, кто не явился, и возратить в контору горного округа. Усилиями старосты Петра Власова, с которым он вёл переписку, часть денег получил, но оставалось ещё семь человек должников. «Не имея тех денег, проживаюсь напрасно», — писал Москвин, и вновь прилагал список должников [2, л. 275–278]. Организаторские способности, умение ладить с людьми, грамотность — все эти качества отличали Москвина. Однако при всем том ему пришлось лишних два месяца потратить на общественную работу.

Драматическими коллизиями и недовольством односельчан сопровождались рекрутские наборы. Земским управителям поступали жалобы от бедных людей, что «при распределении в заводскую работу, и в земскую гоньбу против семьянистых и прожиточных отягощены. Отчего к платежу

подушных денег приходят в несостояния, а равно и при ныне рекрутском наборе, старосты, выборные и сотские в рекруты выбирают не по очереди». Земский управитель указывал старосте на необходимость соблюдения справедливости в отношении неимущих, но при этом напоминал, что в рекруты «отдавать должно, которые обществу крестьянскому не приносят плода, а живут по срокам, забиячат и подушные деньги в указно положенные сроки не платят» [3, л. 471]. С точки зрения власти и крестьянского мира тоже была своя сторона справедливости. Крестьянский мир требовал трудолюбия и исполнения обязанностей.

Работа выборных являлась сложным делом. Они имели право наказания розгами и плетью провинившихся, но обычно не делали этого по собственному почину, что небезопасно, а добивались распоряжения о наказании от вышестоящих властей «поступить по строгости законов». В условиях круговой поруки, когда общий оклад положенных денежных выплат и натуральных повинностей сельские и волостные общины обязаны были сполна исполнить, несмотря на полную несостоятельность отдельных семей за все ревизские души, возникала проблема раскладки денежных платежей на тех, кто имел такую возможность. В каждой деревне к концу XVIII в. сложилось социальное расслоение, выделились группы «семьянистых и прожиточных» крестьян. Большая и дружная семья при наличии работоспособных её членов была основой процветания. На такие семьи власть делала ставку и не поощряла разделы больших семей. С другой стороны, были группы неимущих, в основном малосемейные, одинокие.

Самоуправляемые сельские и волостные общины формировали самосознание сибирских крестьян, чувство собственного достоинства, независимости, самостоятельность и деловые качества в решении всех хозяйственных проблем, что в XIX в. так поражало приезжих чиновников, ученых и путешественников.

Библиографический список

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 78 . Оп. 1. Д. 1.
2. ГАНО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 7.
4. ГАНО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАНО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАНО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАНО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1.
8. ГАНО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 4.
9. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. / Отв. ред. М.В. Шиловский. — Новосибирск: Параллель, 2009.

Сидорчук Оксана Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
Института истории, гуманитарного и социального образования Ново-
сибирского государственного педагогического университета

ИСТОРИЯ ТОРГОВЛИ СИБИРИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.*

Журнальная периодика в разных контекстах привлекает внимание исследователей: как институт формирования, структурирования и трансляции общественного мнения [1], как средство формирования исторического сознания современников [2] и др.

Несмотря на то, что торговля Сибири пореформенного периода является довольно исследованным сюжетом, тем не менее до сих пор нет специального исследования по изучению журнальных статей, посвященных торговле Сибири в частных и ведомственных журналах второй половины XIX — начала XX в.

В качестве источников были привлечены как ежемесячные («толстые») экономические журналы, так и еженедельные, ежедекадные («тонкие») специализированные журналы, издававшиеся в разные годы обозначенного периода: «Вокруг света», «Природа и люди», «Финансовое обозрение», «Экономический журнал», «Экономическое обозрение».

Задачами данной статьи являлось выявление источниковедческого потенциала журнальной прессы для характеристики торговли второй половины XIX — начала XX в., выделение наиболее обсуждаемых проблем, характеристика специфики «толстых» и «тонких» журналов в представлении интересующей нас темы.

Для большинства журналов были актуальны следующие сюжеты по истории торговли Сибири:

1. Внутренняя торговля. Практически в каждом номере «Экономического обозрения» и «Финансового обозрения» публиковались сведения о крупных (оптовых) ярмарках Сибири или ярмарках, где широко были представлены сибирские товары. Так, Ирбитская ярмарка в 80-е гг. XIX в. переживала свой расцвет, журналы фиксировали рост товарооборотов год от года.

Таким образом, ярмарочная торговля рассматривается в журнальных публикациях этих изданий в трех содержательных контекстах: в рамках изучения изменения форм торговли под воздействием модернизации, при

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX — начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

детальном анализе торговли пушниной, при характеристике развития банковской системы на ярмарках региона.

«Природа и люди» и «Вокруг света» с конца 70-х гг. XIX в. печатали на своих страницах этнографические очерки, посвященные жизни народов российских окраин. Объектом внимания становились недавно присоединенные территории (Кавказ) и территории, осваиваемые русскими на протяжении веков, но малоизвестные читателю Европейской России (север Западной Сибири, Восточная Сибирь, Дальний Восток). С возникновением повышенного интереса к Дальнему Востоку, очерки становятся регулярными. Рубрики «Народы России» журнала «Природа и люди» и «Наши окраины» журнала «Вокруг света» открывали каждый номер журнала и посвящались описанию отдельного народа. Сведения о торговле обычно помещались в материале о традиционных занятиях народа.

2. Внешняя торговля Сибири. Внешняя торговля Сибири была представлена в журнальных публикациях «толстых» журналов более емко. Большая часть статей характеризовала чайную торговлю. Только в 1887–1888 гг. в «Экономическом журнале» были опубликованы три аналитических статьи, посвященные данному сюжету: «Чайная торговля и потребление чая в России», «Торговые обороты в Фучжоу и обороты русских в ней фирм за 1886 г.», «Ввоз чая» [4]. «Тонкие» журналы не публиковали на своих страницах специальных статей о внешней торговле Сибири, ограничиваясь лишь некоторыми фразами внутри текстов, посвященных более широким вопросам [5].

Остановимся более подробно на одном из самых распространенных сюжете журнальных публикаций — организации ярмарочной торговли с «инородцами», выделив некоторые содержательные линии.

Функциональное значение ярмарок и неэквивалентный обмен / меновой характер ярмарочной торговли. К. Ельницкий в очерке о сибирских самоедах очень точно определил функциональное значение ярмарок на примере Обдорска и Березова *как место сбыта произведений промыслов (шкур оленей и диких зверей, рыбы) «инородцев» (самоедов)*. Традиционные партнеры инородцев на этих ярмарках — русские и зырянские купцы.

Рубеж веков несколько изменил «наивность» самоедских продавцов, продумавших вариант ухода от грабительского (неэквивалентного) характера торговли, предложенного русскими купцами. Так К. Ельницкий отмечал: «В последнее время самоеды сделались более осторожными в торговле. Подъехавши, например, к городу с товаром на нескольких нартах, самоед въезжает в город только на одной нарте, дабы значительным привозом товара не сбить с него цену, затем продавши товар в одной нарте, отправляется за другой и т.д.» [6, с. 205].

Организация ярмарки. При описании ярмарочного торгового авторами использовалась подробная (ежедневная) хронология. Приведем пример описания Островной ярмарки: «Февраля 11, когда комиссар собрал с чукчей подати ... за право торговли, совершилось в часовне торжественное богослужение и молебствие о счастливом окончании торгового, а потом подняли на башне крепости флаг, в знак открытия ярмарки» [7, с. 7].

В очерках описывались и подробности организации ярмарочного торгового. «Между тем подошла и ярмарка. Острова, расположенные перед Баунтовской управой, закишели народом, десятки юрт разбросались кругом и задымили своими верхушками, а между тем запестрели стада оленей» [8, с. 758].

Особенности совершения торговых сделок. Интересны торговые «казусы» при заключении сделок, описываемые авторами публикаций. Так, торговый счет самородки обозначали нарезками на палке, принимая каждый нарез за единицу ценности (шкурка песца). Палку с нарезками раскалывали после совершения торговых операций пополам: одну половину отдавали кредитору (русскому купцу), а другую половинку оставляли у себя, для того, чтобы при выплате долга, соединив обе половинки палки, произвести оплату [6, с. 205].

География посещения ярмарок аборигенными народами. Журнальные материалы позволяют выделить географию посещения ярмарок. Так, тунгусы, как и все сибирские аборигены, раз в год посещали ярмарки в Киренске, Олекминске, Баргузине, Чите, Охотске. «Очевидно, что на этих ярмарках идет такая же торговля, как и на всех других ярмарках крайнего севера, и предметы торговли одни и те же, и потребности кочевников везде одинаковы» [9, с. 6].

Остяки собирались в конце декабря в Обдорске на ярмарке. В Обдорске обменивали свои произведения, как-то пушной товар, готовое платье из оленя, оленину, мерзлых осетров, мамонтовую кость и т.п. на муку, печеный хлеб, табак, горшки, котлы, кожу, иголки, медные пуговицы, бусы и многие другие изделия [10, с. 4].

Главный товар ярмарок — пушнина. Центральным местом («ядром») описания любой инородческой ярмарки становилось описание главного товара — пушнины. «Мех, привозимый чукчами, состоит главнейше из черных и чернобурых лисиц, песцов, куниц, выдр и бобров, также привозятся шкуры и моржовые ремни и клыки, и все, что чукчи выменивают в Америке» [7, с. 7].

Авторы публикаций отмечали **праздничную атмосферу, «звуки» торгового,** заставляющие «проснуться» маленькие города, украшавшие практически незаселенную местность. Интересны описания «ритма» начала и окончания ярмарок: «Я каждый день по несколько раз выходил на обрывистый, красивый берег реки к храму, с которого открывался величественный вид на Обь, долину этой могучей реки и белые горы Урала ... днем

можно было видеть еще за десять верст эти бойкие, небольшие караванчики торговых людей, спешащих сюда для покупки» [13, с. 436].

Типы торговцев на ярмарке. Примечательны поведенческие стратегии различных торговцев. «Особенно ревностью и деятельностью отличаются русские. Обвешанные топорами, ножами, трубками, бисером и другими товарами, таща в одной руке тяжелую кладь с табаком, а в другой железные котлы, купцы перебегают от одних саней к другим, торгуются, кланутся, перевозносят свои товары» [7, с. 9].

Ярмарочные развлечения. После окончания торговых операций начинались различные игры и забавы: «На льду был очищен бег, почти все посетители ярмарки собрались туда толпами. Для победителей назначались бобровый и песцовый меха и два отличные клыка. По данному знаку началась скачка, причем равно надобно было удивляться необыкновенной быстроте оленя и искусству управлять этим животным и поощрять его» [7, с. 11–12].

Несмотря на изменения, которые происходили в торговой структуре Сибири (уменьшение числа периодических торгов, увеличение различных форм стационарной торговли), интерес авторов еженедельных журналов к ярмарочной торговле не ослабевает. Журнал «Вокруг света» в 1901 г. в 13 номерах опубликовал этнографический очерк этнографа К. Носилова «Самодейская ярмарка», являющийся ценнейшим источником по изучению особенностей организации, проведению, товарообороту, ассортименту товаров одной из самых значимых для Сибири Обдорской ярмарки. В начале очерка К. Носилов определяет значение исследования ярмарки для специалиста-этнографа: «Ярмарка — это живая панорама их («инородцев» — *О.С.*) жизни, это удобнейший момент, когда можно увидеть дикаря в нарядной одежде, живым, деятельным, когда вместе с его типом, характером обрисовывается и вся его страна, где он живет» [15, с. 411].

Таким образом, торговля Сибири являлась одним из востребованных сюжетов в журнальных публикациях второй половины XIX — начала XX века. Особый интерес у авторов вызывали характерные особенности проведения торговых операций на инородческих ярмарках Сибири, лишь способ подачи материала в «толстых» и «тонких» журналах был различен. Так, журналы «Экономическое обозрение», «Финансовое обозрение», «Экономический журнал» лишь констатировали проведение наиболее крупных и значимых для Сибири ярмарок, помещая на своих страницах краткие статистические отчеты. В то время как «Природа и люди», «Вокруг света» предлагали подробные описания хода ярмарок. Это объясняется различием читательской аудитории и задачами журналов. «Толстые журналы» были ориентированы на подготовленную аудиторию специалистов, «тонкие» — на широкий круг читателей из различных слоев населения. Статьи специализированных (экономических) журналов демонстри-

ровали развитие Сибири как части Российской империи, где стационарная («правильная» торговля) под воздействием модернизационных процессов вытесняла периодическую/ярмарочную торговлю («неправильную», «не-развитую», «грабительскую», «меновую»). Еженедельные журналы (этнографические) решали другую задачу — познакомить читательскую аудиторию, представив сведения о народах, проживающих на территории империи, продемонстрировав схожесть и различие в культуре, отметить специфические черты.

Библиографический список

1. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. — Новосибирск, 2006.
2. См. например: Родигина Н.Н. «Виды, сцены и типы в Сибири»: презентация сибирских «инородцев» в журнале «Всемирная иллюстрация» второй половины XIX века (статья) // Вопросы истории Сибири. — Вып. 5. — Омск, 2012. С. 41–44; Дмитриев С.С. Русские исторические журналы по истории СССР // Дмитриев С. С. и др. История СССР. Период капитализма. — М. 1961. — С. 167–170 и др.
3. Ирбитская ярмарка // Финансовое обозрение (далее ФО). — 1910. — № 3. — С. 8; Торговый мир о роли и значении ярмарки // ФО. — 1910. — № 14. — С. 7.
4. Чайная торговля и потребление чая в России // Экономический журнал (далее — ЭЖ). — 1887. — № 2. — С. 1–34; Торговые обороты в Фучжоу и обороты русских в ней фирм за 1886 г. // ЭЖ. — 1887. — № 10. — С. 111–114; Ввоз чая // ЭЖ. — 1888. — № 7. — С. 104.
5. Андреев А. Очерки Сибири // Вокруг света (далее — ВС). 1885. 18 августа. — № 32. — С. 505–506; 25 августа. — № 33. — С. 525–526; Н. Д. Камчатка и ее обитатели // ВС. 1886. 1 июня. — № 21. — С. 330–331; Чайный караван в Сибири // ВС. 1891. 23 июня. — № 13. — С. 204; Масленников П. Тюлений промысел на Командорских островах // ПиЛ. 1892/93. 12 августа. — № 41. — С. 650; Ср-ский П. За Уралом // ПиЛ. 1896/1897. 16 января. — № 11. — С. 170–172; 23 января. — № 12. — С. 190–192; 30 января. — № 13. — С. 205–208; 6 февраля. — № 14. — С. 217–222; 5 июня. — № 31. — С. 494–498; 12 июня. — № 32. — С. 511–515.
6. Ельницкий К. Сибирские самоеды // ПиЛ. 1891. 31 января. — № 13. — С. 205–206.
7. Чукчи // ПиЛ. 1880. — № 6. — С. 6–12.
8. Комаровский В. В таежной глуши // ПиЛ. 1901. 30 сентября. — № 47. — С. 758–760.
9. Тунгусы и юкагиры // ПиЛ. 1880. — № 4. — С. 1–19.
10. Остяки // ПиЛ. 1880. — № 1. — С. 1–16.

11. Носилов К. Самоедская ярмарка // ВС. 1901. — № 34. — С. 532–534.
12. Носилов К. Самоедская ярмарка // ВС. 1901. — № 31. — С. 486–487.
13. Носилов К. Самоедская ярмарка // ВС. 1901. — № 28. — С. 435–436.
14. Ср-ий П. В стране якутов // Природа и люди. 1897. 9 октября. — № 49. — С. 783.
15. Носилов К. Самоедская ярмарка // Вокруг света. 1901. — № 26. — С. 411–413.

Дашинамжилов Одон Борисович,
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института
истории СО РАН

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ДИНАМИКА МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ*

Одним из наиболее экономически и стратегически важных регионов Российской Федерации является Тюменская область (область рассматривается вместе с округами). От ее хозяйственного развития в значительной степени зависят социально-экономические перспективы страны в целом. В результате реформ конца 1980-х гг. и либеральных преобразований 1990-х гг., распада СССР, ликвидации командно-административной системы демографические процессы в России, в том числе миграции, претерпели большие изменения. В этой связи представляется интересным рассмотреть механическое движение населения в Тюменской области в условиях реформ во всех сферах жизни общества.

Согласно Всероссийской переписи 2002 г. численность жителей области, начиная с 1989 г., увеличилась на 5,4 %, в том числе Ханты-Мансийского автономного округа на 11,7 %, Ямало-Ненецкого — на 2,5 %. Так же как в Российской Федерации и Западной Сибири в целом, в регионе был зафиксирован механический прирост населения, однако он оказался небольшим, составившим за 1989–2002 гг. по приблизительным подсчетам только 20,8 тыс. чел. Если на предшествующем историческом этапе по размерам положительного сальдо миграции Тюменская область являлась абсолютным лидером, обеспечивавшим основную часть прироста Западной Сибири за счет пространственных перемещений, то в 1990-е гг. на первое место вышел прежде активно отдававший свое население Алтайский край. Тюменская область оказалась только на третьем месте, пропустив перед собой также и Новосибирскую область.

В основе миграционных процессов в 1990-е гг. лежало несколько важных факторов, определивших специфику переселений в каждой отдельно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01285.

взятой республике, области или крае. Региональные экономические комплексы в условиях рынка оказались в разной степени подготовлены к переходным условиям. Социально-экономические и политические преобразования, рост межтерриториальной дифференциации в уровне доходов на душу населения, концентрация экономической жизни преимущественно в европейской части России и регионах, на территории которых размещались предприятия, производившие товары, пользовавшиеся повышенным спросом в стране и за рубежом, привели к углублению диспропорций в миграционных потоках [2, с. 258].

Если говорить о Сибири в целом, то здесь кризис социалистической системы хозяйствования проявился заметнее. Исторически динамика численности населения, проживающего за Уралом, в немалой степени зависела от государственной политики, проводимой центральными органами власти. Воплощение в жизнь крупных хозяйственных проектов стимулировало приток мигрантов из других частей страны и, соответственно, рост численности местного населения. В результате свертывания в 1990-е гг. большей части экономических программ привлекательность территорий, располагающихся в азиатской части России, сильно уменьшилась, что в совокупности с менее развитой социальной сферой и суровыми климатическими условиями активизировало перемещение населения в более благополучные, преимущественно европейские регионы страны, а также за границу.

Среди регионов Западной Сибири экономический кризис затронул Тюменскую область меньше всего. В отличие от многих других административных образований азиатской России формирование Западно-Сибирского нефтегазового комплекса было практически завершено уже к началу 1980-х гг., а его продукция была высоко востребована на отечественном и мировом рынках. Тогда как, например, в других регионах в основе хозяйственной системы лежали предприятия машиностроения, в том числе и оборонного профиля, сельское хозяйство или угольная отрасль, не отличавшиеся высокой конкурентоспособностью и сильно пострадавшие от экономического кризиса. По уровню доходов на душу населения Тюменская область оказалась в числе лидеров среди субъектов Российской Федерации, заметно опередив своих соседей по экономическому району.

С другой стороны, на миграционные процессы постсоветского периода косвенное влияние оказывали предшествующие этапы хозяйственного развития. Старые индустриальные центры со сформировавшейся социальной инфраструктурой в условиях кризиса «отдавали» меньше своего населения другим регионам по сравнению, например, с территориями недавнего экономического освоения. Удельный вес населения, проживающего в области с рождения, в 1989 г. составил только 31,6 %, тогда как в целом по

Западной Сибири — 44,2 %. Почти половина (48,8 %) прежних переселенцев находилась в Тюмени не более пяти лет. Среди постоянного населения доля лиц, проживавших в области 25 лет и более, не превышала 15,0 %, тогда как, например, в Кемеровской области этот показатель достигал 38,7 %, в Новосибирской — 37,8 %, Алтайском крае — 35,1 %, Томской области — 27,7 % [3]. В этой связи жители Тюмени в условиях кризиса были в большей степени ориентированы на смену постоянного места жительства по сравнению со старыми промышленными и аграрными районами Сибири, население которых было сильнее закреплено работой, семейно-родственными отношениями и т.д. Некоторая часть населения региона, сформировавшегося в основном за счет масштабных перемещений из других районов страны, в начале 1990-х гг. стала возвращаться в родные места. Мобильность его жителей повышал также высокий удельный вес молодежи в возрастной структуре.

В результате взаимодействия вышеуказанных факторов сальдо миграции области в 1989–2002 гг. стало испытывать сильные колебания. В начале 1990-х гг. отрицательные последствия распада союзного государства, рыночных реформ еще не стали в полной мере очевидными для граждан страны, а социально-экономические различия между тем или иным регионом или республиками пока не были явными. Показатели деятельности предприятий и организаций народного хозяйства ухудшались в приблизительно равной мере и повсеместно на территории Советского Союза, а также в первый год после его распада. Часть прежних мигрантов, особенно если они прибыли сравнительно недавно, стала покидать районы и города области. В 1990–1992 гг. отток населения достиг таких величин (-85 тыс. чел.), что даже приток переселенцев в последующие десять лет едва смог его компенсировать. Именно поэтому положительный баланс миграционного обмена Тюмени за межпереписной период (1989–2002 гг.) составил только 20,8 тыс. чел., тогда как в предшествующие четырнадцать лет (1975–1988 гг.) — 1045,0 тыс. чел.

В ходе исследования было выявлено, что переселенческие процессы в северной и южной части Тюмени обладали своей спецификой. Так, например, динамика миграций на юге области в 1990-е гг. имела много общего с перемещениями населения в других регионах Западной Сибири в этот период. До начала 1960-х гг., несмотря на то, что по масштабам проведенных хозяйственных мероприятий Тюменская область уступала своим соседям по Западной Сибири, она долгое время оставалась типичным сибирским регионом с высокой ролью машиностроения и сельского хозяйства в экономической жизни.

Возведение топливно-энергетического комплекса в первую очередь повлияло на экономическое и демографическое развитие автономных округов. В новых условиях г. Тюмень стал играть роль опорного пункта

освоения нефтегазодобывающих районов, производственная деятельность многих предприятий и организаций, учебных учреждений города была переориентирована на обеспечение последних промышленной продукцией и квалифицированными кадрами. Среди крупных проектов можно также выделить строительство в 1974 г. нефтехимического комбината в г. Тобольске, за счет чего численность его жителей только за одно десятилетие (1979–1989 гг.) выросла в 1,5 раза (с 62,0 тыс. чел. до 94,1 тыс. чел.) [1, с. 226].

Хотя рост численности жителей на юге Тюмени оказался довольно существенным (на 45,8 % за 1959–1989 гг.), превосходившим аналогичный показатель по Западной Сибири в целом (33,3 %), он заметно уступал автономным округам. В 1990-е гг. миграционный отток из южных районов принял значительные размеры, а результат переселенческих процессов за 1990–2002 гг. оказался отрицательным (-37,9 тыс. чел.). В этом отношении динамика миграций на юге Тюмени имела немало общих черт с перемещениями граждан в других регионах Западной Сибири, например, в Омской области.

Несколько иное положение сложилось в автономных округах. В годы становления и развития Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса они продемонстрировали очень высокие темпы увеличения населения. Так, за 1959–1989 гг. численность жителей в ХМАО увеличилась в 10,2 раза, в ЯНАО — в 7,8 раза. Число горожан в ХМАО выросло за 30 лет в 34,4 раза, в ЯНАО — в 17,4 раза. В результате удельный вес населения, проживавшего в автономных округах не с рождения, заметно повысился. Именно поэтому динамика миграционных процессов у них оказалась несколько иной, чем на юге области. В 1990–1992 гг. отток населения из северных районов Тюмени принял значительно больший размах. Демографическая убыль Ханты-Мансийского АО за счет миграций достигла в эти годы 37,6 тыс. чел., Ямало-Ненецкого округа — 41,3 тыс. чел. В последующий период баланс прибывшего и выбывшего населения, за исключением отдельных лет, в отличие от юга области, складывался в пользу округов, хотя его размеры заметно уступали показателям, которые были отмечены в советское время. Демографические процессы в автономиях обладали своими отличительными чертами, обусловленными их территориально-географическим положением, климатическими условиями и прежними этапами социально-экономического развития. Если сальдо миграции ХМАО за 1990–2002 гг. оказалось в конечном итоге положительным и достигло 70,2 тыс. чел., то ЯНАО за счет переселений потерял приблизительно 30,0 тыс. чел.

Таким образом, в условиях распада Советского Союза, рыночных реформ и трансформации территориальных перемещений населения на постсоветском пространстве миграционный оборот Тюмени приобрел новые

характеристики. Прекращение политики хозяйственного освоения азиатских территорий России в 1990-е гг. негативно отразилось на демографическом развитии всех сибирских регионов. Несмотря на выгодное территориально-географическое положение и солидный экономический потенциал сальдо миграции области заметно сократилось, что в перспективе может оказать негативное воздействие на последующие этапы ее экономического развития.

Библиографический список

1. Городские поселения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. — М., 1991.
2. Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. — Новосибирск, 2011.
3. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 3084. Л. 52; Д. 3092. Л. 1; Д. 3088. Л. 31; Д. 3091. Л. 1; Д. 3075. Л. 1.

Давыденко Наталья Алексеевна,
кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета

Гурко Мария Андреевна,
магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО МОДЕРНИЗАЦИИ СИБИРСКОГО ЖИВОТНОВОДСТВА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Всесторонняя характеристика социально-экономических условий развития животноводства в Сибири в конце XIX — начале XX вв. относится к числу одной из наиболее разработанных тем в отечественном сибиреведении. Глубокий анализ влияния железной дороги, переселенческого движения, маслоделия на состояние этой отрасли сельского хозяйства был сделан в работах известных сибирских историков Л.М. Горюшкина, В.И. Асалханова, И.А. Пронина, Г.А. Бочановой. Однако вопрос о деятельности государственных и общественных учреждений как важных факторов ее развития по-прежнему остается вне поля зрения исследователей [1, с. 52–80]. Между тем, его изучение поможет скорректировать устоявшиеся представления о роли государственных и общественных структур в инновационных процессах, происходивших в животноводстве, о формах, ха-

рактуре и масштабах взаимодействия государства и общества по его модернизации.

На рубеже XIX–XX вв. на территории Сибири формируются ветеринарная и агрономическая службы, создаются сельскохозяйственные склады Переселенческого управления, в крупных городах появляются местные отделы Московского общества сельского хозяйства, в сельской местности зарождаются различные виды кооперативных организаций. Многие сотрудники местных органов Министерства земледелия и государственных имуществ, Министерства путей сообщения и других государственных учреждений являлись одновременно активными членами городских сельскохозяйственных обществ. Примечательно обращение И.К. Окулича к участникам Курганского съезда молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству, состоявшемуся в 1901 г.: «По поручению Западно-Сибирского сельскохозяйственного общества позвольте приветствовать съезд деятелей по молочному хозяйству, присоединив к нему и свои лучшие пожелания, как Правительственный агроном по Томской губернии» [2, с. 33]. Сочетание в одном лице крупного чиновника, обладавшего широкими полномочиями, и общественного деятеля, выражавшего интересы местного края, имело серьезные преимущества для координации действий между различными центральными и местными организациями. Опираясь на поддержку своего ведомства и населения, чиновник имел возможность более эффективно воздействовать на ход и направление проводимых мероприятий, влиять на сокращение сроков рассмотрения тех или иных вопросов. За сравнительно недолгое время пребывания в должности Томского губернского агронома И.К. Окуличу удалось воплотить многие начинания в области маслоделия и животноводства, которые предлагались в обществе. При его участии в 1902 г. была открыта первая в Сибири школа молочного хозяйства, в Англии закуплено 40 племенных свиней, которые были размещены в Томской, Тобольской губерниях и в Акмолинской области, подобраны кандидатуры заведующих для первых лабораторий молочного хозяйства. Такой же результативной для сибирского животноводства была работа и целого ряда других сотрудников государственных учреждений, являвшихся в течение многих лет членами местных отделов МОСХ. Выполняя директивы своего ведомства, агрономический персонал принимал непосредственное участие в создании крестьянской кооперации. Министерство земледелия оказывало материальную и финансовую поддержку с/х обществам: отпускало средства на проведение мероприятий и издание с/х литературы, выделяло награды для участников выставок животных и конкурсов по маслоделию (золотые, серебряные, бронзовые медали, похвальные листы), помогало обществам в приобретении племенных животных и семян кормовых трав.

Распространенными формами сотрудничества государственных и общественных учреждений становились в это время с/х совещания и съезды, съезды деятелей по молочному хозяйству, периодически созываемые, как агрономическими службами, так и крупными городскими с/х обществами. Численность их участников колебалась от нескольких десятков до сотни и более человек, выражавших интересы разных ведомств, общественных организаций и частных лиц. В Положении о съезде деятелей сельского хозяйства, созванном в Омске 1–10 августа 1911 г. по инициативе Омского отдела МОСХ, указывалось, что его участниками могли быть «члены с/х обществ, агрономы, ветеринарные врачи, преподаватели с/х учебных заведений, заведующие с/х складами, представители центральных и местных органов Главного управления землеустройства и земледелия и Министерства путей сообщения, сельские хозяева и маслоделы, экспортеры масла и представители их контор, пароходовладельцы, сельские учителя, священники и вообще все лица, интересующиеся сельским хозяйством и торговлей сельскохозяйственными продуктами» [3, с. 1]. Согласно списку делегатов, принявших участие в работе данного съезда, 20 человек представляли различные ведомства, 61 — общественные организации, частные фирмы и хозяйства [3, с. 3]. По мере роста численности кооперативных организаций в сельской местности увеличивалось и количество их представителей на съездах. На сельскохозяйственном и кооперативном съезде, состоявшемся 2–12 января 1916 г. в Омске, из 147 участника 44 представляли кооперативные учреждения из Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области [4, с. 6].

На заседаниях секций по животноводству заслушивались доклады, подготовленные специалистами, обосновывались конкретные меры по развитию отдельных отраслей животноводства, намечались наиболее оптимальные пути взаимодействия крестьянского населения с агрономической и ветеринарной службами, составлялись обращения в соответствующие департаменты и ведомства. Например, на секции по животноводству на Омском с/х и кооперативном съезде в 1916 г. было заслушано несколько докладов, в том числе такие как: «Неотложные мероприятия в деле массового улучшения местного коневодства», «Современное положение свиноводства в крае и необходимые меры к его улучшению», «О необходимости учреждения зоотехнической станции в Степном крае и Сибири». А на аналогичной секции, работавшей на Омском съезде деятелей сельского хозяйства в 1911 г., предметом обсуждения стали вопросы, предусмотренные программой съезда: способы обследования и методы улучшения местного скота, устройство скотоводческих союзов и выставок животных, усовершенствование техники маслоделия и сыроварения. Владельцы крупных скотоводческих хозяйств, присутствовавшие на секции, выразили согласие на предложение со стороны агрономической службы принять участие в

организации опытов по метизации скота. Большое внимание на секциях по земледелию и животноводству уделялось проблеме распространения в Сибири искусственного травосеяния. Выработанные съездами резолюции доводились до сведения правительства и по ним уже в ближайшее время принимались те или иные решения. По словам председателя Омского отдела МОСХ В.И. Пищикова, интересы маслодела Сибири всегда находили поддержку в Министерствах путей сообщения, земледелия, финансов [5, с. 7]. Самыми яркими примерами реагирования правительства на просьбы сибиряков об оказании помощи в области маслодела современники называли выделение средств на устройство маслодельных артелей, открытие регулярного движения по железной дороге специальных составов, обеспечивавших вывоз сибирского масла на внутренние и внешние рынки. В числе положительно разрешаемых в Петербурге проблем являлась и кадровая. В 1890-е годы Министерство земледелия направило в Курган, Каинск и Барнаул по одному инструктору и по два техника по маслоделению. На 1 января 1913 г. в Тобольской губернии насчитывалось уже 37 специалистов по животноводству и молочному хозяйству, в Томской — 34 [6, с. 166]. Эти губернии занимали второе место в Российской империи по числу названных специалистов, уступая лишь Лифляндской губернии [6, с. 166].

Эффективными формами совместной деятельности агрономического персонала и населения по внедрению разнообразных улучшений в животноводческое хозяйство сибирских крестьян служили с/х выставки и курсы по сельскому хозяйству и кооперации, конкурсы мастеров маслодела. С/х общества и маслодельные артели были опорными пунктами, на базе которых агрономическая организация устраивала рассадники племенных животных, проводила курсы по подготовке мастеров маслодела и показательные мероприятия по животноводству. Они активно участвовали в организуемых службой опытах по посеву кормовых трав, рациональному кормлению и содержанию скота, являясь связующими звеньями между крестьянами, отделами МОСХ и агрономами. По словам инструктора С.М. Косарева, «артели, руководимые инструкторской организацией, всегда чутко отзывались, воспринимали и проводили в жизнь различные культурные мероприятия, предлагавшиеся правительством по улучшению сельского хозяйства и скотоводства» [7, с. 14]. Председатель Омского отдела МОСХ Ф.Ф. Штумпф так выразился об итогах подобной работы в своем докладе на Омском сельскохозяйственном и кооперативном съезде в 1916 г.: «В ознакомлении населения с лучшими приемами скотоводства много помогли устраиваемые за последние годы правительственной агрономической организацией выставки домашних животных. В настоящее время уже имеются благоприятные результаты работы агрономической организации: во многих местах устроены теплые скотные дворы и скот

кормится по весу и продуктивности и даже нарождаются контрольные союзы» [4, с. 679–680].

Своеобразными площадками для налаживания конструктивного диалога между соответствующими учреждениями и крестьянской аудиторией, для обмена мнением о путях развития животноводства выступали с/х газеты и журналы, издаваемые местными отделами МОСХ. В предвоенные годы свои печатные органы имели Курганский, Омский, Томский отделы МОСХ, Каинское общество молочного хозяйства, возглавляемые в ряде случаев руководителями агрономической организации. Так, в течение нескольких лет во главе популярного среди крестьян журнала «Сибирский земледелец и садовод» и «Сибирское сельское хозяйство» стояли правительственные агрономы Томской губернии Н.И. Пересвет-Салтан и С.И. Иванов, а акмолинский областной правительственный агроном А.А. Митаревский являлся редактором газеты «Сельскохозяйственная жизнь», издаваемой Омским отделом. Сотрудники агрономической и ветеринарной служб не просто описывали улучшенные приемы ведения животноводства, но и обобщали результаты первых опытов по изучению сибирского скота, по испытанию различных типов сеноуборочных машин, по борьбе с эпизоотиями. Печатные органы помещали материалы, авторы которых высказывали противоположные точки зрения в отношении методов улучшения сибирского скота, занимали разные позиции по поводу настоящего и будущего сибирского животноводства. В условиях неизученности многих проблем такие публикации имели важное значение для обоснования конкретных мер, намечаемых сельскохозяйственным ведомством по его развитию.

Таким образом, материалы источников позволяют сделать вывод о том, в конце XIX — начале XX вв. наблюдалось стремление со стороны центральных и местных институтов власти и общественных организаций Западной Сибири к согласованию своих действий по развитию животноводства. В условиях кадрового и финансового дефицита были найдены оптимальные формы взаимного сотрудничества агрономической службы и с/х обществ по распространению и внедрению новаций в животноводческую деятельность крестьянского населения. Наибольшие результаты были достигнуты в молочном животноводстве, так как удалось добиться максимальной концентрации сил и средств с обеих сторон, потому что совпали интересы власти и общества.

Библиографический список

1. Ноздрин Г.А. Ветеринария в Сибири в XIX–XX вв. // Опыт природопользования в Сибири XIX–XX вв. — Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001.

2. Труды съезда молочных хозяев и деятелей по молочному хозяйству в Кургане при выставке продуктов маслоделия Западной Сибири в 1901 г. — Томск: Изд-во Моск. о-ва. сельск. хоз-ва. Первый Тобольск. отд., 1902.

3. Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 г. в Омске. — Омск: Художеств. типо-литография, 1912.

4. Труды сельскохозяйственного и кооперативного съезда в г. Омске 2–12 января 1916 г. — Омск: Художеств. типогр., [Б. г.].

5. Журналы съезда деятелей по молочному хозяйству и скотоводству в г. Омске в 1904 г. [Б. м.], [Б. г.].

6. Луппо С.И. Персонал животноводства и молочного хозяйства // Молочное хозяйство. — 1914. — № 8.

7. Косарев С.М. О мерах содействия к развитию маслодельной промышленности среди крестьян и киргиз в Акмолинской области // Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. — 1913. — № 4.

Лыгденова Виктория Васильевна,
кандидат философских наук, научный сотрудник Института
археологии и этнографии СО РАН

МАЛЫЕ И СРЕДНИЕ ГОРОДА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ (1960–1980-Е ГГ.)*

В условиях урбанизации в РСФСР демографическое развитие городских поселений отличающихся по численности населения, функциям, административному статусу в отдельных экономических районах протекало неодинаково. В нашей статье мы попытаемся проанализировать динамику численности населения малых и средних городов в Западной Сибири в послевоенный период (включая поселки городского типа, пгт). В понятие «малый» и «средний» город специалисты в разное время вкладывали неодинаковый смысл [1, с. 9–12]. В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации, согласно которой к малым городам отнесены городские населенные пункты с людностью до 50,0 тыс. чел., к средним — 50,0–100,0 тыс. чел., к крупным — свыше 100,0 тыс. чел.

За тридцать лет (1959–1989 гг.) в Российской Федерации снизилась доля горожан, проживающая в небольших (с 37,6 % до 27,2 %) и средних городских поселениях (с 11,3 % до 10,5 %). Соответственно, значительно увеличился удельный вес крупных городов — с 51,0 % до 62,4 %. В Западной Сибири ситуация развивалась несколько иначе. Доля мелких городских поселений снизилась в меньшей мере, чем в РСФСР, а средних городов выросла. При этом на фоне снижения удельного веса малых городских

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-31-01211.

поселений (с 30,9 % до 25,7 %) также немного сократилась и доля крупных (с 66,9 % до 63,7 %). Значительно (в пять раз) увеличился вклад средних городов (с 2,1 % до 10,5 %). Если в 1959 г. к категории средних городов относились только расположенные в Кузбассе Междуреченск и Осинники с общим населением 122,6 тыс. чел., то к 1989 г. таковых стало насчитываться уже 16 (1,1 млн чел.). При этом в Тюменской области Всесоюзной переписью 1989 г. было отмечено семь средних городов (Ишим, Тобольск, Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Нягань), в Новосибирской области — три (Искитим, Куйбышев, Бердск), в Кемеровской области — четыре (Белово, Осинники, Юрга, Березовский) и два — в Алтайском крае (Новоалтайск, Заринск). Средних городов не оказалось только на территории Омской и Томской областей.

Рост численности и удельного веса средних городских поселений связан с несколькими причинами. Во-первых, численность средних городов выросла за счет последовательного демографического роста прежде малых городских поселений. К таковым нами были отнесены Ишим Тюменской области, Искитим Новосибирской области и Новоалтайск Алтайского края. Экономическое развитие последних в послевоенное время происходило эволюционным путем за счет реконструкции и расширения старых промышленных предприятий, строительства объектов социального, образовательного и культурного значения. Так, людность г. Ишима за 1959–1989 гг. возросла на 38,9 %, г. Новоалтайска — на 57,9 %. Несколько выпадает из этого ряда г. Искитим (+97,8 %), численность жителей которого повысилась намного больше, что связано не только с активным развитием в послевоенное время индустрии строительных материалов, но и производств, связанных с оборонным комплексом.

Кроме этого, рост количества средних городских поселений происходил благодаря возведению на территории некогда малых городов крупных градообразующих предприятий (одного или нескольких) союзного значения и сопутствующей производственной инфраструктуры. Это было связано с попытками центральных государственных органов предотвратить объективный процесс концентрации индустриальных предприятий только в крупных городах и ослабить нагрузку на их социально-культурную сферу. К таким городам нами были отнесены Тобольск Тюменской области, Куйбышев и Бердск Новосибирской области, Юрга Кемеровской области и Заринск Алтайского края. Так, например, стимулом для повышения численности жителей Тобольска (рост в 2,4 раза) стало строительство нефтехимического комбината, Куйбышева (+68,3 %) — химического завода, Бердска (в 2,7 раза) — сразу трех крупных предприятий (радио- и электромеханический заводы и предприятие по производству биопрепаратов). Импульс интенсивному демографическому развитию Заринска дал коксохимический завод, за счет которого население города увеличилось за 10

лет в 2,7 раза. Несколько выпадает из списка вышеперечисленных городских поселений Юрга. Дело в том, что его градообразующее предприятие (Юргинский машиностроительный завод) было построено в годы войны. Вместе с тем его развитие в послевоенные годы было также очень активным, что сильно отразилось на экономическом и демографическом облике города (рост в 2,0 раза) [2, с. 145–148].

Самый большой демографический рост продемонстрировали города, хозяйственная деятельность которых была напрямую связана с добычей сырья. Практически все они, за исключением Березовского, территориально оказались расположены в Тюменской области (Нефтеюганск, Надым, Новый Уренгой, Ноябрьск, Нягань). Целенаправленная государственная политика хозяйственного освоения богатых полезными ископаемыми северных районов Западной Сибири и направленные для выполнения этой задачи огромные материальные ресурсы привели к формированию одного из крупнейших в мире хозяйственных комплексов по добыче нефти и газа. Именно поэтому рост городского населения оказался здесь очень высоким, значительно опередившим средние показатели по экономическому району. Расчет демографической статистики по этим городам осложняется тем, что большинство из них в 1959 г. еще не были основаны, поэтому целесообразнее провести только некоторые абсолютные цифры. Например, даже в 1979 г. статусом городов не обладали Новый Уренгой (получил в 1980 г.), Ноябрьск (1982 г.) и Нягань (1985 г.), однако уже к 1989 г. они насчитывали в своих рядах 93,2 тыс. чел., 85,9 тыс. чел. и 54,1 тыс. чел. соответственно. Демографическое наполнение других средних городов ЗСНГК также происходило высокими темпами: население Нефтеюганска за 10 лет (1979–1989 гг.) увеличилось на 79,3 %, Надыма — в 2,0 раза. Численность жителей единственного «угольного» города (Березовского), расположенного в Кузбассе, увеличилось за 1959–1989 гг. приблизительно в 2,3 раза.

Наконец, следует выделить два средних города, население которых за исследуемый период уменьшилось. К ним были отнесены расположенные в Кемеровской области Осинники (-7,9 %) и Белово (-12,9 %), причем последний из них попал в группу средних городских поселений из более высокой категории (1959 г. — 106,9 тыс. чел.). Подобное не случайно произошло именно в Кузбассе. В конце 1950-х гг. руководство страны принимает решение об изменении топливного баланса страны в пользу углеводородного сырья. Кроме того, значительный импульс для своего развития в 1960–1970-е гг. получила гидроэнергетика. В этой связи уже с 1960-х гг. в угольной отрасли начинают возникать стагнационные явления. В результате изменения топливного баланса претерпел трансформацию и демографический баланс в экономическом районе. Прирост городского населения в Кузбассе, начиная с 1960-х гг., стал происходить более умеренными темпами.

Что касается малых городских поселений, то количественное представительство этой категории в целом по РСФСР возросло с 2238 до 2900 (+29,6 %), ее население увеличилось с 23338,4 тыс. чел. до 29312,3 тыс. чел. (+25,6 %), а удельный вес снизился с 37,6 % до 27,2 %. Между тем в Западной Сибири как в сравнительно малозаселенном районе роль малых городов за 30 лет уменьшилась не так значительно. Для освоения больших пространств требовалась густая сеть городских поселений, для чего применялась практика административных преобразований больших сел в поселки городского типа. Кроме того, огромную роль сыграло начало разработки месторождений нефти и газа северных территорий, потребовавшее создания большого количества новых населенных пунктов (только в Тюменской области за 1959–1989 гг. возникло около 50 новых пгт). В этой связи количество малых городов и пгт в исследуемом экономическом районе увеличилось на 73,2 % (с 138 до 239), численность их жителей повысилась соответственно на 57,8 %, а удельный вес этой категории хотя и снизился, но в не в такой мере, как по РСФСР (с 30,9 % до 25,7 %).

Если рассматривать только поселки городского типа, то их количественное представительство в РСФСР возросло за 1959–1989 гг. на 41,0 % (с 1555 до 2193), а число жителей в них повысилось с 9799,6 тыс. чел. до 13509,5 тыс. чел. (+37,9 %). Вклад пгт в общую численность городских жителей уменьшился с 15,8 % до 12,5 %. В Западной Сибири количественный состав пгт за 30 лет увеличился на большую величину (с 101 в 1959 г. до 194 в 1989 г. или на 92,1 %), а население возросло с 771,2 тыс. чел. до 1561,6 тыс. чел. или более чем в два раза (+102,5 %). При этом вклад пгт в общую численность городских жителей также поднялся с 13,4 % до 14,3 %.

Что касается непосредственно малых городов, то их формирование в РСФСР и Западной Сибири имело больше общих тенденций. Так, численное представительство малых городов в Российской Федерации возросло на 3,8 %, в Западной Сибири — на 21,6 %. При этом количество жителей в них увеличилось соответственно на 17,6 % и 21,6 %. Ведущую роль в численном росте малых городов и проживающего в них населения сыграло начало добычи сырья на севере Западной Сибири. Интенсивное экономическое развитие Урая, Лабитнангов, Когалыма, Радужного, Мегиона, Лангепаса, Белоярского, Стрежевого и Кедрового оказало заметное воздействие на удельный вес и численность населения малых городов изучаемого экономического района.

Однако во многих других городах Западной Сибири, в особенности тех, где они выполняли транспортные функции, были тесно связаны с аграрным сектором и осуществляли местную организующую роль, таких как Исилькуль (+3,6 %), Тара (+15,7 %), Тюкалинск (+19,5 %), Черепаново (+4,3 %), Тогучин (+18,3 %), Мариинск (+0,4 %), Алейск (+4,5 %), демографический прирост был умеренным. В 12 городах за 1959–1989 гг. про-

изошло сокращение количества жителей (Называевск, Барабинск, Татарск, Болотное, Купино, Чулым, Гурьевск, Тайга, Калтан, Салаир, Славгород, Змеиногорск), в основном, за счет переселенческих процессов. Миграционный отток был стимулирован их транспортным расположением, в частности, близостью железнодорожной магистрали, а также умеренным развитием или стагнацией профилирующих производств.

Таким образом, в Западной Сибири переход к интенсивной стадии урбанизации обладал своей спецификой. На примере малых и средних городских поселений выявлено, что экстенсивные факторы в ней продолжали играть весомую роль: увеличилась численность и удельный вес средних городских поселений, продолжала оставаться высокой градообразующая активность. Однако, несмотря на влияние Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса, характер урбанизации в целом по экономическому району все больше приобретал интенсивные черты.

Библиографический список

1. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М., 2001. С. 19.
2. Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. — М., 1972.
3. Города Кузбасса. Серия — города Сибири. — Том 1. — Новосибирск, 2002.

Соколовский Иван Ростиславович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института
истории СО РАН

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПРОДВИЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЗЕМЛИ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ В XVIII В.

Согласно общепринятым представлениям строительство Чаусского острога (Колывани) «началось 29 июня (9 июля по новому стилю) 1713 года и было закончено 4 (15) сентября того же года» [1, с. 24–25].

Продвижение русских по долинам Оби и Иртыша в XVIII в. происходило в рамках изменения политической обстановке в регионе и было связано с постепенным ослаблением Джунгарского ханства, которое с 1715 по 1720 г. вело борьбу за Тибет.

Отступление джунгар открывало доступ к плодородным приобским землям. Цепь острогов и крепостей по Иртышу давали защиту. Были ли еще какие-то стимулы, которые побуждали крестьян к переселению на новые земли?

Общим местом отечественного сибиреведения второй половины XX в. были представления о росте феодального гнета, который толкал крестьян к уходу на новые земли [2, с. 103]. С тех пор точка зрения историков менялась. Нет уже монолитного представления о смене формаций, больше внимания уделяется изучению агрикультуры. Выдвигаются различные гипотезы.

В Российском государственном архиве древних актов мы обнаружили документ, проливающий свет на финансовое состояние Сибирской губернии в 1710 г. [РГАДА, Ф. 248, Оп. 7, Д. 373 Л. 23 об. — 25 об.]. Это ответ Сибирской губернии на указ 19 апреля 1711 г., требовавший собрать данные об объеме таможенных сборов.

Обобщенные данные этого документа приводятся в таблице 1. При составлении таблицы мы опустили имеющиеся в источнике деление на недоимки и платежи поступившие в срок и деление по видам налогов. Все данные источника, приведенные в рублях, копейках, алтынах и деньгах, были пересчитаны нами в рубли. Числа даны с точностью до сотого знака.

Таблица 1. Таможенные поступления Сибирской губ.

Годы	1701	1702	1703	1704	1705
Сумма налогов	10 536,49	10 111,94	4 147,16	3 934,96	22 558,63
Годы	1706	1707	1708	1709	1710
Сумма налогов	20 372,47	13 006,64	7 867,11	20 166,53	3 561,48

Суммы налоговых поступлений известны не только сибироведам, но и историкам России, и сенсации не представляют. Однако даже беглого взгляда на таблицу достаточно, чтобы увидеть, что суммы сборов колебались в 2–7 раз. Картина станет еще более ясной, если мы представим ее в виде графика (График 1).

Интерпретация этого графика несложна. В начале мы видим стабильные годы, 1701–1702, когда война еще не затронула хозяйственную жизнь страны. В 1703 г. происходит значительное падение сборов, которые уменьшаются в 2,5 раза и остаются на таком уровне до 1704 г. На фоне первых военных успехов потребность в деньгах возрастает, и правительство предпринимает комплекс мер по увеличению налогового бремени. Эти меры дают кратковременный результат, когда в 1705 г. объемы налоговых поступлений от торговли двукратно превышают уровень 1701 г. Однако этот успех очень быстро выдыхается, и к 1708 г. налоговые поступления снижаются до уровня 1701 г. В победный Полтавский год правительству удается опять поднять сборы почти до рекордного уровня, однако семикратное падение поступлений в 1710 г. приводит правительство к осознанию финансового кризиса и вызывает к жизни указ, требующий отчета о доходах Сибирской губернии.

Любые свидетельства исторических источников могут быть подвергнуты множественной интерпретации. Из других источников мы знаем, что в Сибирской губернии существовала проблема казнокрадства. Среди пленных шведов ходили слухи о возможном сепаратизме Сибирской губернии. Огромное влияние на размер таможенных сборов оказывала очень выгодная караванная торговля с Китаем. Все эти интерпретации важны для понимания полученного нами графика.

Однако нам хотелось бы обратить внимание именно на динамику. Подъемы и спады действуют в рамках короткого цикла в 10 лет. Возможно, конечно, что эти колебания имеют чисто природные причины. В отдельные периоды человеческая активность под влиянием природных факторов увеличивается, в другие — уменьшается. С нашей точки зрения, гипотеза о природном характере этого цикла может быть отброшена на основании анализа разницы между экстремумами. Их разброс, короткие временные промежутки приводят нас к мысли, что подобные колебания не могут быть объяснены только природными факторами.

Исходя из нашей основной гипотезы, что правительство остро нуждалось в средствах на проведение Северной войны, мы предполагаем, что это вело к неравномерному увеличению налогового гнета. Поскольку крестьяне не имели возможности воздействовать на правительство напрямую, они прибегали к пассивным мерам протеста. Одной из таких мер был уход на новые земли.

Поэтому, по нашему мнению, этот график показывает, что тяжелое финансовое положение государства способствовало освоению Приобья крестьянами, ушедшими с прежних мест своего проживания.

Библиографический список

1. Миненко Н.А. По старому московскому тракту. — Новосибирск, 1986.
2. Баггер Х. Реформы Петра Великого. — М.: Прогресс, 1985.

Тимофеева Юлия Викторовна,
кандидат исторических наук, преподаватель Новосибирского
областного колледжа культуры и искусств

БИБЛИОТЕЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

Библиотеки являются, с одной стороны, важнейшим элементом культуры, с другой — показателем уровня ее развития. Поэтому изучение вопросов библиотечного строительства, создания и расширения библиотечной сети, комплектования книжных фондов, состава читателей и их требований может в значительной степени способствовать расширению и углублению наших знаний о культурном развитии страны в целом и отдельного региона, факторах, направлениях, трудностях и итогах этого развития.

Территориальные границы нашего исследования охватывают Западную Сибирь в пределах существовавших в изучаемый период административных единиц — Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей. Эта территория совпадала, что очень важно для заявленной темы, с границами существовавшего в 1885–1917 гг. Западно-Сибирского учебного округа, ведь деятельность его учреждений и служащих, как будет показано ниже, играла большую роль в библиотечном строительстве региона.

При написании данной работы были использованы и делопроизводительные документы ведомств, статистические и законодательные источники, документы личного происхождения. Среди последних наибольшую важность представляют воспоминания великого сибирского мецената-просветителя Петра Ивановича Макушина, около полувека своей жизни посвятившего устройству библиотек в Томске и Томской губернии.

В конце XIX — начале XX вв. библиотеки были главным каналом проникновения книг в западносибирское село. Обусловлено такое положение дел было факторами как объективного, так и субъективного характера. К первым можно с полной уверенностью отнести нехватку денежных средств у части сельского населения, недостаточность развития стационарной книготорговли в деревне, отдаленность многих селений от городов, трактов, железных дорог, стимулировавших книжную торговлю, что делало сам акт покупки книги крайне затрудненным, а порой и просто невозможным. Ко вторым — психологическую неготовность тратить деньги на приобретение книг вообще или иных книг, кроме духовно-нравственных. Последнее во многом объяснялось тем, что статьи расходов, как правило, устанавливались старшими членами семьи, предпочитавших литературу духовно-нравственного содержания, а в ведении хозяйства ориентировавшихся на «дедовские» — традиционные — методы. Однако модернизаци-

онные процессы, набиравшие в этот период времени силу в стране, сказались и на отношении к книге и ее покупке. Чаще стали приобретать развлекательную литературу, появился у селян спрос на «полезную» книгу, в основном по сельскому хозяйству, и периодические издания, на которые они теперь оформляли подписку.

С конца XIX в. по всей стране началось активное устройство библиотек. Одним из значимых импульсов, придавших библиотечному строительству определенный размах, значительную, в сравнении с предшествующим периодом, масштабность стали изданные 15 мая 1890 г. «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними». Согласно им бесплатные библиотеки и читальни теперь могли открываться земствами, городскими и сельскими обществами, частными обществами и лицами с разрешения местного губернатора и по соглашению с попечителем местного учебного округа и местным архиереем. Новые правила основательно расширили возможности для реализации просветительских инициатив российской интеллигенции, как столичной, так и провинциальной, а также всех заинтересованных в просвещении народа лиц, в отвлечении его от пьянства, приобщении к культурному досугу. Содержащиеся в «Правилах» разрешения широкому кругу обществ и частных лиц инициировать открытие бесплатных народных читален способствовали мощному развертыванию библиотечной деятельности, в разы (а в отдельных местностях в десятки и даже сотни раз) увеличив число этих важнейших учреждений культуры.

В рассматриваемый период в селах Западной Сибири преобладали библиотеки двух типов: школьные и народные.

Согласно данным, выделенным Н.С. Юрцовским из Однодневной переписи начальных школ Российской империи 1911 г., в Западной Сибири общее число школ составило 3446, 2668 из них имели ученические библиотеки, в каждой из которой было в среднем 249 томов, при 260 школах были народные библиотеки с 47 книгами на каждую [4, с. 166].

Школьные библиотеки состояли, как правило, из двух отделов: учебной литературы и книг для внеклассного чтения. Со временем их все чаще старались дополнять литературой для учителей, в том числе специальной, например, методической. Книжными фондами школьных библиотек пользовались не только учащиеся и учащие (как тогда называли учителей). Заведующие сельскими школьными библиотеками старались не отказывать в выдаче книг для внеклассного чтения всем желающим. Кроме того, в рассматриваемый период были широко распространены домашние чтения для родных, соседей и даже односельчан, на которых один человек читал вслух для всех присутствующих. Последние же могли при этом заниматься каким-нибудь делом: прядением, вышиванием, починкой инвентаря. Та-

ким образом, школьная книга становилась общим достоянием всех сельчан.

Народные библиотеки также предоставляли книги бесплатно всему местному населению без каких-либо ограничений по возрасту, полу, социальной, национальной, конфессиональной принадлежности. Книжные же фонды народных библиотек должны были, по идее, быть значительно шире школьных фондов, в том числе за счет большего наполнения отделов исторической, географической, этнографической, сельскохозяйственной литературы. Это различие во многом объяснялось разницей в решаемых библиотеками задачах. К основным задачам народных библиотек инициаторы их создания относили содействие самообразованию народа, профилактику рецидива безграмотности (явления довольно распространенного в обозначенный период), отвлечение народа от пьянства и приобщение его к правильному и полезному проведению свободного времени.

Инициаторами устройства сельских народных библиотек довольно часто выступали учителя. Они же, как правило, становились заведующими библиотеками, принимая на себя эти обязанности добровольно и, за редчайшими исключениями, безвозмездно. Так, в 1914 г. учителя составляли в Томской и Тобольской губерниях соответственно 84 и 81,4 % заведующих народными библиотеками, в Семипалатинской обл. — 77,5 %. Исключение составляла Акмолинская обл., в которой среди заведующих библиотеками учителей было лишь 26,1 % [подсчитано по данным: 1, л. 11–11 об., 18–18 об., 41–41 об., 48–48 об., 55–55 об., 63–63 об., 68–68 об., 89–89 об., 96–96 об., 103–103 об., 110–110 об., 117, 122–126 об., 148–148 об., 175–175 об., 181–181 об., 188–188 об., 218–218 об., 227–227 об., 273–273 об., 280, 285 об.]. В открытии и заведении библиотек принимали участие и другие образованные или хотя бы грамотные селяне, прежде всего сельские и волостные писари, священно- и церковнослужители, а также медицинские работники и иногда крестьяне.

Земских учреждений, обычно довольно активно занимавшихся устройством библиотек в своих губерниях, в Западной Сибири не было. В какой-то степени земская деятельность компенсировалась библиотечной работой разного рода обществ, прежде всего попечительств о народной трезвости и начальном (народном) образовании, православных религиозных организаций, но они и в центральной части страны с большей или меньшей энергией занимались созданием народных библиотек. Как и по стране в целом, в нашем крае значительную активность в библиотечном строительстве проявляли уездные комитеты попечительств о народной трезвости. Так, в 1914 г. в Западной Сибири им принадлежали 162 библиотеки, что составляло 30,2 % общего числа библиотек [подсчитано по данным: 1, л. 11–11 об., 18–18 об., 41–41 об., 48–48 об., 55–55 об., 63–63 об., 68–68 об., 89–89 об., 96–96 об., 103–103 об., 110–110 об., 117, 122–126 об., 148–148 об., 175–175

об., 181–181 об., 188–188 об., 218–218 об., 227–227 об., 273–273 об., 280, 285 об.].

Особенностью развития библиотечного дела в Томской губернии стало наличие общества, специализирующего свою просветительскую деятельность только на открытии библиотек и их продуктивной работе с читателями — Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (далее — Общество содействия), созданного П.И. Макушиным. Этот местный книгоиздатель, книготорговец, поборник народного просвещения, меценат посвятил устройству библиотек свои доходы, время, энергию. Подводя итоги работы своего Общества, Макушин вспоминал, что «к 1919 г. Томская губерния имела 600 бесплатных библиотек, в коих находилось около 300 тыс. книг, число пользовавшихся книгами превышало 50 тыс. человек» [3, с. 41]. Таким образом, менее чем за два десятка лет Обществом содействия было открыто в губернии более полутысячи бесплатных сельских библиотек, что позволило Томской губ. выйти в безоговорочные лидеры по количеству библиотек среди других административно-территориальных единиц Западно-Сибирского учебного округа: Тобольской губ., Акмолинской и Семипалатинской областей.

Финансовую помощь устроителям народных библиотек в Западной Сибири оказывали столичные книгоиздатели и книгопродавцы, деятели и сторонники народного просвещения общероссийского масштаба. Среди последних — завещавшие на создание библиотек свои капиталы Ф.Ф. Павленков и Д.Д. Полубояринов.

Павленковские библиотеки в центральных губерниях России устраивали наполовину на средства из фонда, оставленного для этой цели меценатом Ф.Ф. Павленковым, и наполовину земством или же каким-либо благотворительным обществом. В нашем крае такую функцию брали на себя общества попечения о начальном образовании и Общество содействия, а иногда и сельские общества. К 1912 г. в Томской губ. было открыто уже 37 павленковских библиотек [2, с. 10].

Всего в 1914 г. в Томской губ. функционировало 233 народные библиотеки, в Тобольской — 171, в Акмолинской обл. — 44, в Семипалатинской — 89 [подсчитано по данным: 1, л. 11–11 об., 18–18 об., 41–41 об., 48–48 об., 55–55 об., 63–63 об., 68–68 об., 89–89 об., 96–96 об., 103–103 об., 110–110 об., 117, 122–126 об., 148–148 об., 175–175 об., 181–181 об., 188–188 об., 218–218 об., 227–227 об., 273–273 об., 280, 285 об.].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. ускорилось развитие библиотечной сети в крае. Библиотеки постепенно становились узнаваемым и востребованным у населения элементом социокультурной инфраструктуры западносибирского села.

Создание и показатели деятельности библиотек наглядно демонстрировали соответствие культурного развития Западной Сибири в рассматри-

ваемый период общероссийским социокультурным процессам. Рост числа приговоров сельских и волостных сходов о необходимости открытия библиотек, а иногда и их финансировании, значительное увеличение количества библиотек (в десятки, а порой в сотни раз), рост грамотности населения и, соответственно, числа потенциальных и реальных читателей — все это и многое другое было характерно для страны в целом и отдельных ее территорий и свидетельствовало о поступательном развитии отечественной культуры в рассматриваемый период.

Библиографический список

1. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084.
2. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества [содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ.] за время его существования и отчет Совета Общества за 1910–1912 гг. — Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1912.
3. Макушин П.И. Из «Автобиографии» // Сибирская старина. — 2002. — № 19.
4. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. — Новосибирск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. Вып. 1: общий ход развития школьного дела в Сибири, 1703–1917 гг.

Тихомирова Елена Евгеньевна,
кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории
культуры и музеологии Института истории, гуманитарного
и социального образования Новосибирского государственного
педагогического университета

КОНЦЕПТ «ПУТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ СИБИРСКОГО ПИСАТЕЛЯ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

Представления о пути, дороге являются универсалией культуры и архетипом в художественных произведениях. В текстах одного из наиболее интересных писателей и культурных деятелей XX столетия Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1882–1964) им самим определена специфика его жизненного кредо — открывать лучшие пути жизни для человека. Г.Д. Гребенщиков родился в Томской губернии, его первые литературные опыты были опубликованы в Петербурге, потом волею судеб он оказался в эмиграции сначала во Франции, а затем в США, создал там русский поселок Чураевка, мечтая о городе-саде, который был проводником русской культуры в Америке, переписывался с Н. Рерихом, Г. Потаниным, М. Горьким, написал более 30 томов художественных и публицистических

произведений, переведенных на многие языки мира. Вся его жизнь — это совершение и преодоление пути в пространстве и во времени.

На семантическом уровне универсальность языка и культуры представляется уже не просто как «всеобщность» (от лат. *universalis*), но как встраиваемость человека в мир, в универсум. Под ним в философии подразумевается обозначение всей объективной реальности во времени и пространстве (латинское *universum*). На глубинном уровне и языковой, и культурной универсалией является матрица S (субъект) — V (предикат, действие) — O (объект), в которой отражено сознание человека. Она описывает системный характер деятельности человека. Иерархические связи между S, V и O предполагают адекватность. Иерархия этих связей показывает, что в основании языка и культуры стоит человек, направленно движущийся в пространстве и времени. Сама культурная же модель связана со временем, встраиванием в эволюционный контекст.

Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка, для того чтобы научиться понимать действующее помимо языка искусство. Но человек чувствует и знает, что язык для него только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью [1, с. 277]. Знакомство с паремиологическим фондом языка позволяет расширить представление о концептосфере народа, с этой целью обратимся к словарю В.И. Даля. Являясь словарем-тезаурусом, то есть словарем, отражающим всю широту русского национального языка и культуры, он дает непосредственные языковые манифестации концепта *путь*. Для этого исторического периода характерно синкретическое наполнение концепта *путь*, включающая смыслы концепта *дорога*. *Дорога*, также *путь* в переносном значении, представляет собой *средство, способ для достижения чего; род жизни, образ мыслей, дела и поступки человека* и прочее. Развиваются вторичные значения, уже связанные с этической оценкой человека и его поступков: *Туда ему и дорога!* (то есть нечего жалеть человека, о котором идет речь, он лучшей участи и не стоит). Связь с вертикальным движением духа к трансцендентному абсолюту, идеалу жизнестроительства, реализуются в таких связанных значениях, как: *быть на хорошей дороге*, то есть *повышаться службою, почестями или стремиться к добру. Туда тебе нет дороги, не дорога, не след ходить*. Осмысление индивидуально направления движения на протяжении жизни, указание на личную ответственность за нравственный выбор сформулировано в поговорках: *Всякому своя дорога, свой путь, поприще*. Концепт *путь* вербально манифестируется как *способ или средство, образ достижения чего-либо, направление*: изначально задается духовно-нравственная составляющая движения человека как существа культурного, которому необходимо сделать выбор координат этого движения в реальном пространстве, не нарушая культурных

границ, нравственных бинарных оппозиций «можно–нельзя»: *пути жизни. Пути Божьи, пути Провидения неисповедимы. Пути праведников, грешников. Ходи всегда путем правды. Он достиг этого путем ходатайства, поклонов, подкупа.* Очень жестко представлены границы поведения в рамках бинарной оппозиции «правый (правильный) — левый (лукавый)»: *сбить кого с пути, с толку, расстроить, совратить. Сбиться с пути, путать, плутать; спутаться, смешаться в речи; совратиться, развратиться. Всеми путями прошел, пролаз, пройдоха, бывалый.* Воспитание, создание человека связывается со следованием по пути предков, передачей глубинного опыта, знаний о способах выживания человека представлено в связанных фразеологических единицах: *направить, наставить кого на путь, на путь истины, научить, посоветовать, вразумить. За Богом пойдешь, добрый путь найдешь. Слушайся добрых людей, на путь наведут. Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет.* Человек, лишившийся жизненных ориентиров, *беспутный человек*, противопоставляется в народном сознании человеку *путному*, при этом *путность* рассматривается как *качество путного, годного, доброго* [2, с. 236].

Существует мнение, что нравственность в своей реальности как будто бы содержит предпосылки «деуниверсализации», или что партикуляризация, субъективизация, ситуативизация морали происходят спонтанно, в силу сложившегося порядка вещей, «по логике» личного нравственного или около-нравственного опыта. Универсальность морали обнаруживается не в одинаковости мыслей и поступков и не в непременной исполненности во всех ситуациях соответствующих нравственных установлений, и не в том, что каждый индивид обладает моральными способностями и чувствами. Моральная ценность носит всеобщий характер, но ее всеобщность проявляется не в том, что каждый человек обладает этой ценностью или принимает ее, но в том, что эта ценность вменяется в исполнение каждому человеку. Моральное суждение или действие универсализуемо в том смысле, что высказывая суждение и совершая действие, человек предполагает, что каждый на его месте в аналогичных обстоятельствах должен бы высказать такое же суждение или совершить такое же действие. Другой вопрос, что в нравственности универсальным является, главным образом, принцип, тогда как сообразные ему действия носят конкретно-индивидуальный характер [3, с. 251–252].

Рассмотрим, каким же образом национальный концепт путь преломляется в культурных текстах Г.Д. Гребенщикова «Моя Сибирь» и «Гонец. Письма с Помпепага», отражающих постепенное преодоление и присвоение пространств России, Сибири, Алтая, расширения личного культурного пространства и возрастания личности к нравственным вершинам.

Субъектом пути, дороги у писателя выступают кочевые народы и оседлые, казаки, ссыльные переселенцы, борцы за истинную веру и Гонец, посланник добра и света, к которому автор обращается с заветом: «Спешите —

твой путь далек и труден, и опасен. И много раз тебе придется спешиваться с твоего крылатого коня, в местах неведомых, в недружелюбных странах, подчас среди врагов. Но чистою улыбкою любви и искренней готовности помочь даже врагу — ты завоюешь всех, и, безоружный всюду будешь побеждать» [4, с. 131]. Субъектом литературной дороги является и сам Г.Д. Гребенщиков: «...мою [литературную. — *вписано над строкой*] дорогу можно [сравнить. — *зачеркнуто*] представить следующим образом. Вот я полз где-то в темной, сырой и [грязной. — *перечеркнуто*] холодной трущобе, полз ощупью и вдруг попал на узкую тропинку. Она ведет меня, виляя и попадая в речки, теряясь в россыпях, прячась у корней лесин... Но вот выхожу я на более широкую тропку, и мне становится светлее и теплее, уже просвечивают лучи солнца... Наконец я вижу перед собою необъятный простор с горами, лесом, лугами, реками и высоким чистым небом и множеством живых существ... Я чувствую, что есть о чем сказать тем, кто здесь не были или не увидел этого простора... и вот я только боюсь, как бы ни перепутать, как бы постепенно удержаться себя от бестолковой спешки...» [5, с. 69].

В целом человек представляется как вечно ищущий нового, более светлого и счастливого, гармоничного существования. Он показывает примеры жизненного пути исторических личностей, готовых провести всю жизнь в дороге не вследствие кочевого образа жизни, а вследствие готовности к пожизненному движению в пространстве: «В 1880 году сибирский деятель Сибиряков потратил 70 суток для того, чтобы пройти от Югорского шара через Обдорск–Березов на Тобольск на нартах и оленях. Во многих местах он ехал по совершенной целине, и взявший его вести оленевод взял с собою весь свой табун оленей, всю семью и чумы, не надеясь одолеть пространство, но готовясь где-нибудь остаться по дороге на всю жизнь» [6, с. 89].

Объект прохождения, преодоления — это дорога, путь в пространстве представлены конкретными реалиями, сопоставимыми с ширью Евразии, которые существовали исторически и существуют до сих пор. Это почтовое, ямщицкое сообщение, паромы, движение на лыжах, на собаках, на утлых челноках с помощью шестов, на плотках по горным рекам, на нартах и оленях, проселочные дороги. Как в целом для Сибири и Алтая в исторической перспективе, так и для отдельного человека путь предстает как разрастание: тропинка — дорога — тракт. Дороги железные, морские, речные предстают как способ преобразования Сибири, новый импульс для развития человека. На пересечении путей и дорог человек всегда созидает жилище тела или духа. Предвидение туризма (рюкзак как дом за спиной) и курортолечения (временный дом) мыслится автором новым объектом пути.

Действием по преодолению пространства в пути и его освоения с помощью конструирования пространства дома, храма, курорта является творческий труд: «...все технические средства и даже власть должна быть по возможности в руках людей мысли и духа, способных к творческому

созиданию. Бедность же, ежели она не величава, как бедность Христовых апостолов, я называю матерью пороков. Во всяком случае, она тормозит развитие сознания» [7, с. 50–51].

В целом в первом приближении можно выявить следующие основные векторы понимания пути в произведениях Г.Д. Гребенщикова. Это горизонтальный вектор: исторические пути русского народа на Восток и Запад по освоению природных и культурных пространств. Общими реперами освоения пространства выступают ярмарки, а позднее банки. Другое направление представляет вертикальный вектор пути человеческого духа, который связан не только с подъемом на гору, но и с созиданием, переустройством пространства природы. На пересечении этих горизонтальных и вертикальных векторов человеком — субъектом пути — творчески создается чум, дом, скит, храм. В этом плане интересно представление гипотезы о движущихся материках и будущем духовном сближении Сибири и Америки и конкретные шаги по строительству культурного и духовного центра Чураевки в Америке, что требует продолжения исследования.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/ Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. — Т. 3. — М.: Русский язык, 2002.
3. Апресян Р.Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. — М.: ИФРАН, 1995.
4. Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помпеярага. — М.: МАСТЕР-БАНК, фирма БИСАН-ОАЗИС, 1996.
5. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: Диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии). — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
6. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
7. Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помпеярага. — М., 1996.

**Алексейцева Алена Анатольевна,
ведущий методист по традиционной культуре отдела
художественного творчества Новосибирского государственного
областного Дома народного творчества**

РЯЗАНСКИЕ ТРАДИЦИИ СВАДЕБНЫХ ОБРЯДОВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ 20 ВЕКА

В последнее время мы все чаще и чаще обращаемся к нашим исконным традициям и стараемся понять — а как же жили наши предки? Какую мудрость через века хотели передать нам — своим потомкам? Почему так,

а не иначе строили свои дома, обустривали и украшали свой быт, одевались, какое значение вкладывали в обряды, сопровождающие человека на протяжении всей его жизни. И этот интерес вовсе не случаен. Являясь начальной формой общественного сознания, народное творчество выступает как закономерная ступень в развитии духовной жизни общества, закладывает основы национального самоутверждения.

В Государственном архиве Новосибирской области находится на хранении фонд ВООПИК, в документах которого отложились материалы фольклорной экспедиции 1972 года под руководством М.Н. Мельникова, В.Г. Захарченко. Среди других экспедиционных материалов есть очень интересное описание свадебного обряда с. Покровка Усть-Тарского района, в основу которого легли рязанские традиции.

М.Н. Мельников отмечает, что «свадьба имела огромное нравственно-психологическое, магическое и правовое значение не только для вступающих в брак, но и для всех членов рода, а позднее и для односельчан, и в первую очередь для родственников».

Сибирь — своеобразный край. Состав коренного населения в краях и областях европейской части нашей страны относительно однороден. Этим определяется устойчивость фольклорных традиций. С конца 16 века началось заселение Западной Сибири. Особо интенсивным было заселение Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков. В русские поселения приходили белорусы, украинцы, чуваша, мордва, морийцы, латыши, эстонцы, немцы. Иногда в небольшой деревеньке селились выходцы из Рязанской, Тамбовской, Тульской, Полтавской губерний, эстонцы, немцы (например, Покровка Усть-Тарского района), калужане, смоляне, куряне, белорусы, украинцы (Ольшанка Коченевского района). Такое соотношение типично для большинства городов, сел и деревень Западной Сибири. Это создавало условия для смешения различных языковых и диалектных пластов, для взаимодействия различных культурных традиций, процесс взаимодействия сложен и противоречив, далеко не везде при сходных условиях протекает одинаково. Широкое распространение смешанных браков способствовало полному отсутствию национальной неприязни.

Каким бы сложным ни был состав населения той или иной деревни, все люди были связаны общностью интересов, сближение различных культурных тенденций было неизбежным. Наиболее тесное соприкосновение, сплавление культурных традиций происходило при заключении брачных союзов. Свадебная обрядность являлась если не совершенным, то удобным и единственно возможным способом решения сложных экономических, нравственных и психологических проблем, и потому повсеместно развивалась. В брачные взаимоотношения вовлекались не только все жители села, деревни, но зачастую целые группы сел и деревень. Это, в свою очередь, требовало выработки если не единого, то доступного и понятного

всем обряда. Если деревня заселялась по преимуществу выходцами из одного уезда, одной губернии России (село Гжатск Куйбышевского района) — из Гжатского уезда Смоленской губернии, деревня Ночка Венгеровского района из Пензенской губернии и т.д., то, естественно, не стояла проблема выработки нового обряда.

Но большинство сел и деревень имело смешанное население. Каждая группа поселников приносила свои культурные, в частности, свадебные традиции. Чей обряд будет принят в деревне? Это зависело от многих причин, от времени поселения той или иной группы, от количественного состава групп, от их имущественного положения, от эстетических и прочих достоинств обряда. Например, в с. Покровке Усть-Гарского района проживают выходцы из Рязанской, Тамбовской, Тульской, Полтавской и Киевской губерний. Национальные и областные традиции хорошо прослеживаются в орнаменте вышивок, в узорах самотканых дерюжек и ковров. В основу же свадебного обряда легли рязанские традиции. Но и здесь рязанская свадьба развивалась, обогащалась. Какие обстоятельства были решающими в процессе естественного отбора обряда? Точно сказать трудно, но очевидно, не последнюю роль играли эстетические достоинства обряда. Но на лицо и другие факторы. Например то, что с. Покровка было основано в девяностых годах прошлого столетия рязанцами. Рязанцы застроили центральную часть. Престольным был избран праздник Покрова, построена церковь Покрова Пресвятой Богородицы — тот праздник и тот храм, что на родине у рязанцев. Приезжавшие с интервалом в несколько лет переселенцы из других губерний вынуждены были приспособливаться к реально сложившимся обстоятельствам. Рязанские свадебные традиции были составной частью этих реальных обстоятельств, и переселенцы принимали их.

Проживая в Сибири, рязанцы продолжали некоторое время мыться в русских печах, сохраняя другие бытовые традиции и привычки. Но в свадебную игру был введен обряд бани, хотя он и не обрел характерной для северной свадьбы магической направленности, не стал поэтически содержательным. В целом свадьба представляет очень сложную драматическую игру, насыщенную свадебными песнями и причетами. В ней зримы следы тотемизма («медведь» в сопровождении ряженных обходит все улицы и переулки деревни, его угощают молоком из каждого дома (обряд «овес молотить» матриархата). В последний день свадьбы матерей молодого и молодой усаживают на подушки в кошевку, впрягаются люди, родственники, и провозят их по всем улицам деревни.

Но в свадебной игре появились ритуалы, явно позаимствованные у украинцев, но в основе своей свадьба оставалась рязанской. Тульские, тамбовские, полтавские традиции оказались менее устойчивыми.

Наряду с процессами активного взаимодействия различных свадебных традиций, наблюдались и случаи локализации обрядности. Рязанские сва-

дебные обычаи не пошли дальше Покровки. В 8 км от нее, в д. Шевченко, развивались украинские традиции, в 18 км в с. Еланка — «чалдонские», в 2 км от Первой Петропавловки расположена небольшая д. Ночка. В первой развивались украинские традиции, во второй — пензенские. И это не единичные случаи.

В архивном деле сохранилось наиболее детальное описание свадебного обряда с. Покровка Усть-Тарского района. Участниками фольклорной экспедиции были очень интересно описаны его 12 составляющих частей:

- Сватовство
- Сговор
- Сборная (невестина) неделя
- Запой
- Баня
- Девичник
- Свадебный поезд
- Венчание
- **Жуток**
- Большой стол и гуляния у жениха
- Блинные и гуляния у молодой
- «Овес молотить» (горох молотить).

Согласитесь, даже некоторые названия нам кажутся архаичными, незнакомыми нам. Давайте подробно остановимся на одном из них. Итак, что же включала в себя та часть обряда, которая называлась «Жуток»?

Участниками фольклорной экспедиции дается такое описание: «Из церкви впереди шел дружок и вел за рушник молодых. Усаживал их в сани жениха, где уже сваха (крестная жениха) расстилала подстилку, уложила подушку с бантами. У церкви молодых никто не встречал, поезд двигался к дому молодого. У крыльца их встречали отец и мать с хлебом-солью и иконой на расшитом рушнике. Встречали все родные. Дружок подводил молодых к крыльцу, они становились на колени и трижды кланялись, сначала отцу, затем матери. Родители благословляли молодых вместе иконой. Затем родители молодого, молодые, дружок заходили в дом. Невесте полагалось оберечь себя молитвой: «Господи, благослови. Аминь» и рекомендовалось не наступать на порог, иначе будут становиться на дыбы лошади. Отец с матерью уходили в кухню, а дружок вел по ходу солнца вокруг стола в красный угол молодых. Рядом с женихом садилась сваха — его крестная мать, рядом с невестой — ее крестная мать. Все выпивали по первой рюмочке, закусывали.

Затем невесту закрывали занавесом — большой шалью. Занавес держали посторонние люди. Сваха молодой снимала с нее гребни, ленты, венки и складывала все это в банку. Приготовляли заранее жуток, фальшонку, расчесывали волосы молодой и начинался обряд заплетания кос. Плели

сначала правую косу, затем левую. Начинала сваха, продолжали молодой, потом невеста, заканчивала сваха. Вплетали косоплеточки, косы собирали узлом и связывали косоплеткой. Обе косы плели по мелкому. Сваха надевала жуток и повязывала фальшонку, а сверху — платок полушалок. Занавес убирали. Крестная говорила: «Поглядите на нашу молодуху, какая она красавица да пригожая». Всем давали по рюмочке, молодым давали рюмку на двоих. Сначала пил жених, потом невеста. Много не ели, присказок не говорили, горько не кричали. Дружко выходил из-за стола и говорил: «Будем звать родных». Все выходили из-за столов. Молодые садились в кошевку жениха и ехали созывать родных и близких на большой стол. Первыми приглашались родители невесты, которые встречали молодых у крыльца и вели их в дом. Первым шел дружко, за ним молодые. Перед входом в дом крестились. Сиделись за стол и, немного выпив, дружко поднимался: «Ну, сват и сватья, милости просим к нам на большой стол». Это же повторяли и молодые. Затем обезжали всех родных и близких. Молодые приглашали, а дружко оставался с лошадьми». Даже эта небольшая часть обряда нам открывает как бы двери в древнюю седую старину...

...Быть может, кто-то в и наши дни решит сыграть свадьбу по древней рязанской традиции, отголоски которой пришли в Сибирь и были подробно описаны участниками фольклорной экспедиции 1972 года. Тех, кто решит воплотить этот обряд в жизнь, да и всех тех, кто просто интересуется историей нашего края, приглашаю на страницы нашего журнала «Народное творчество в Новосибирской области», где в № 2 за 2013 год, который увидит свет к началу осени, подробно дается описание рязанского свадебного обряда с. Покровки Усть-Тарского района.

Так или иначе, обращение к нашим традициям, истокам, корням духовно обогащает жизнь общества и нашего с вами познания, это неиссякаемый источник мудрости, кладовая знаний наших предков, огромная информация об историческом прошлом народа, которая раскрывает основы национального самоутверждения и самосознания и является одним из средств отражения и изменения реального мира.

Источники

ГАНУ. Ф.Р — 2054. Оп. 1. Д. 86. ЛЛ. 43–66.

Лобанова Анна Александровна,
старший преподаватель Новосибирского государственного
педагогического университета

Научный руководитель: Катионов Олег Николаевич, доктор
исторических наук, директор Института истории, гуманитарного
и социального образования Новосибирского государственного
педагогического университета

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» В РАБОТЕ ЗЕМЛЕМЕРОВ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (2-Я ПОЛ. XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)*

Начиная со 2-й половины XIX в. подготовка колонизационного фонда и землеустройство местного населения в азиатском регионе Российской империи становятся приоритетным направлением аграрной политики правительства. Объемы работ возрастают с каждым годом. Если в период с 1838 по 1850 гг. в Тобольской и Томской губерниях заготавливалось в среднем 167 тыс. дес. в год [11, л. 126], в 1890 г. в этих же губерниях было заготовлено уже 242 тыс. дес. земли [6, л. 17], то с 1911 г. по 1914 г. в среднем ежегодно устраивалось до 10 367 тыс. дес. земли [3, с. 87]. Исследователи обращают внимание на эти цифры, в основном не упоминая тех, кто непосредственно обеспечил этот процесс — землемеров. В действительности же работы по упорядочению земельного фонда были сложными и во многом проблематичными.

Работа в полях — дело нелегкое. От работника требовалась физическая выносливость, терпение и усердие. Государственная межевая служба подразумевала эти качества у своих представителей — землемеров, землеустроителей и чертежников. Основными требованиями при приеме на службу были здоровое телосложение, хорошее зрение [2, с. 3].

Вместе с тем служба предполагала ежедневные переходы от участка к участку на весь полевой период — с мая по октябрь, выезды «на межу» для решения земельных споров, освоение ранее не тронутых лесных, таежных, болотистых массивов, полевую измерительную работу, установку межевых знаков, ведение документации, вычерчивание карт и планов. И хотя в управлении межевой службы отмечали простоту освоения элементарных правил землемерия, квалифицированных кадров было немного, и работа их представляла особую ценность.

Треть всего курса обучения землемеров составляло изучение нормативно-правовой базы, представленной «Сводом законов межевых». Помимо него в работе землемеров имели широкое распространение разного ро-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, региональный грант № 13–11–54001а(р).

да инструкции, положения и ведомственные циркуляры. Вся обширная законодательная база имела множество противоречий и неточностей, что приводило к разночтениям и, как следствие, неверному выполнению работ. Как отмечалось руководством, межвое законодательство на начало XX в. было несовершенно, противоречиво и громоздко. «Медленность землеустроительных работ лишь отчасти находит себе оправдание в трудности самого дела, главнейшее же — зависит она от сложности действующих поземельно-устроительных правил», — указывалось в протоколе заседания рабочей комиссии Переселенческого управления [9, л. 32].

Неопределенность полномочий и обязанностей служб, участвовавших в подготовке земельного фонда, также не способствовали эффективной работе землеустроителей. Дело в том, что до конца XIX в. управление межевыми процессами в Азиатской России находилось в ведении нескольких министерств: государственных имуществ, внутренних дел и юстиции (лишь в 1896 г. общее руководство было передано в Переселенческое управление). Обязательную консультативную функцию в планах межевания выполнял и губернатор. Отсутствие единства в управлении неизбежно порождало противоречия и разногласия между службами, а соответственно и на местах: «Главное (переселенческое. — *А.Л.*) Управление неоднократно рассматривало пререкания между различными местными чинами в вопросах, не имеющих принципиального характера, и при нормальном ходе должностные быть разрешенными на месте же путем взаимного всестороннего обсуждения их представителями интересов государственных имуществ, поземельного устройства и переселенческого дела. Принимая во внимание, что все три указанные отрасли управления, как входящие в состав одного ведомства, должны быть направлены к одному соглашению, впредь такие вопросы будут решаться СовеЩанием с участие представителей от этих организаций, а решение — путем голосования с правом определяющего голоса главноуправляющего» [7, л. 2]. Тем не менее, с данным циркуляром разногласия не прекратились. Они ярко иллюстрируются следующей докладной: «На совещании по вопросу об условном зачислении душевых долей на запроектированных, но еще не утвержденных участках, мною — заведующим переселенческим делом в Тобольском районе (*А.И. Шершенко. — А.Л.*), старшим чиновником по составлению отводных записей *И.А. Андрониковым* и управляющим землеустройством и земледелием не было достигнуто согласия, и, не получив одобрения от остальных, управляющий государственными имуществами Тобольской губернии *М.Ф. Фролов-Багреев* отправил документы на подпись» [7, л. 4].

Отсутствие единоначалия приводило не только к замедлению в принятии решений, но и к тому, что партии занимались не своей работой. К примеру, производство дополнительных прирезок к ранее сформированным старожильческим наделам не относилось к обязанностям землеустро-

ительных партий, а являлось задачей поземельно-устроительных отрядов. Однако в ряде районов именно партии занимались данной работой, не успевая выполнить собственную [4, с. 42].

По причине широкого распространения аналогичных ситуаций начальник переселенческого управления Г.В. Глинка в 1908 г. писал: «На первое место следует поставить необходимость большей согласованности в каждом районе отдельных работ по разным отраслям колонизационного дела... При существующих же условиях землеотводные работы не дают непосредственного результата» [8, л. 17].

Характерной чертой в работе землеустроительной службы была несогласованность работ с чинами лесоустроительных партий. О происходящем землеустройстве работники лесного ведомства узнавали зачастую чуть ли не по факту и нередко утверждали работы без согласования [4, с. 42].

Одной из серьезных проблем, с которой столкнулись землеустроители, было отсутствие планового материала. Конечно, в распоряжение партий поступали планы и планшеты съемок «Сибирского межевания». Это позволяло лишь поверять планшеты и работать землемерам уже над выделением переселенческих участков [5, с. 19]. Но многие местные планы либо отсутствовали, либо находились в хаотичном состоянии, либо не отражали реально существующего землепользования. Поэтому в большинстве районов землемерам приходилось проводить межевые работы практически «с нуля».

«Переброски» партий с одной территории на другую из-за ускорения темпов заготовки земель также являлись проблемой для межевых чиновников: «Предстоявшее осенью 1895 г. перемещение партии в Восточную Сибирь вынуждало землеустроителей параллельно с полевыми работами осуществлять и камеральные, что, по отзыву заведующего партией, было «крайне затруднительным в летнее время в душных избах и отвлекало межевых чинов от действий в поле» [4, с. 38].

Одним из серьезных факторов, задерживающих исполнение запланированных межевых работ, было сопротивление местного старожилото населения производству землеотвода. В 1891 г. начальник отряда чинов по образованию переселенческих участков в Западной Сибири и отводу их переселенцам сообщал, что «работы по отграничению крестьянских наделов в значительной степени были затруднены противодействием со стороны крестьян села Медведчиково. Сопротивление столь сильное, что передано на рассмотрение Томского губернского суда» [6, л. 3]. В отчетах партий регулярно упоминалось о недоброжелательном и все ухудшающемся отношении населения к поземельно-устроительным работам. Рабочие не приходили на межевание, портили межевые знаки, порой оказывали и физическое сопротивление.

Тяжелые климатические условия были еще одной существенной сложностью в работе землемеров. С 1908 г. начали расширяться землеотводные

работы в малодоступных районах Западной Сибири. Освоение тайги шло медленно и мучительно. Тяжелая проходимость мест, болота, гнус значительно замедляли темпы работы. К 1915 г. в таежных районах Томской и Тобольской губерний было расчищено только 1767 десятин земли. Лесные заказники выделялись в основном специальными лесостроительными партиями, однако в ряде случаев этим приходилось заниматься партиям по отводу переселенческих и запасных участков. Выдержка из прошения крестьянина Александра Григорьева производителю работ Томского переселенческого отряда: «В текущем (1908. — *А.Л.*) году по 6 ноября я состоял рабочим в северной экспедиции по обследованию Нарымского края в пределах системы реки Вас-Юган и при возвращении с работ обморозил себе ноги, так как морозы захватили экспедицию в ненаселенной местности, теплой же обуви в запасе не было, и я по настоящее время нахожусь на излечении в больнице...» [10, л. 1]. Условия работы землемеров были не лучше. В документах встречаются сведения об ухудшении здоровья межевых чинов при работе в полях. Многие врачебные записки сопровождаются просьбами о переводе в климатически более благоприятные регионы. В связи с частыми прошениями (особенно при ускорении темпов работ) в 1908 г. (повторно в 1914 г.) вышло циркулярное распоряжение о запрете перевода чинов в другие районы без действительной надобности [8, л. 96; 1, л. 2].

Рост объема межевых работ в регионе требовал значительного усиления состава партий. К началу XX в. вопрос уже не стоял лишь о профессиональных землемерных кадрах — их даже при условии ускоренной подготовки не хватало. Были дополнительно открыты училища, проводились ускоренные курсы землемеров-таксаторов. К работам привлекали межевых техников, частных землемеров. В Переселенческом управлении отмечали, что «заместить все новые вакансии лицами со специальным землемерным образованием не представилось возможным благодаря громадному спросу на межевых техников в Европейской России для поземельного устройства...», в связи с чем заведующим районами предлагалось подготовить к полевому сезону кондукторов лесного ведомства [8, л. 19 об.]. Очевидно, что подготовка и обучение учеников проходили без отрыва от работы, но с ее вынужденным замедлением.

Следует упомянуть и о сложности технических работ. Управлением было признано, что «существующий порядок постановки временных межевых признаков при проектном отграничении является на практике весьма неудобным, так как временные признаки очень часто теряются, в виду чего приходится вновь измерять границы, и кроме того вообще приходится ставить признаки 2 раза» [9, л. 27]. При огромных масштабах землеустройства такие межевые правила являлись существенным препятствием к скорейшему выполнению работ.

Таким образом, помимо очевидных факторов, множество на первый взгляд незаметных, но столь существенных обстоятельств, влияли на темпы и качество работы межевых служащих в Западной Сибири. Во многом личным усердием и самоотверженным трудом землемеров задачи по переселению и землеустройству в регионе были выполнены.

Библиографический список

1. ГАТюмО. Ф. И–8. Оп. 1. Д. 9.
2. Наставление о содержании при корпусе межевщиков питомцев воспитательных домов и крестьянских мальчиков, и о дальнейшем их назначении. Б.М. — 1848. — 31 с.
3. Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. — Новосибирск: Изд. НГУ, 1991. — 309 с.
4. Отчет председателя Высочайше учрежденной в 1895 году Комиссии для изучения и общего направления работ по образованию переселенческих и запасных участков. — СПб., 1896. — 268 с.
5. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков 1893–1899 гг. — СПб., 1900. — 176 с.
6. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 31.
7. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 317.
8. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 734.
9. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1267.
10. РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1289.
11. ТФ г. Тобольск. Ф. 154. Оп. 22. Д. 12.

Лобанов Михаил Юрьевич,
соискатель кафедры истории и политологии Новосибирского
государственного технического университета

Научный руководитель: Куценко Сергей Владимирович, доктор
философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории
и политологии Новосибирского государственного
технического университета

КОЛЫВАНЬ–ЧАУС НА СТАРЫХ КАРТАХ И ЧЕРТЕЖАХ

История любого региона, города или села может быть рассмотрена на основе различных источников. К таковым можно отнести текстовые документы — ревизии, списки населенных мест, памятные книги, а также устные источники — рассказы местных жителей и т.д. Особое место в ряду письменных источников занимает картографический материал. Именно по старым картам можно наглядно проследить развитие региона, возникнове-

ние и исчезновение населенных пунктов, изменение их местоположения, функционирование путей сообщения и т.д. На основе анализа старых карт и топографических описаний попытаемся проследить два века истории Кольвани как населенного пункта и административной единицы.

Доподлинно известно, что Кольвань была основана как Чаусский острог в 1713 году близ устья реки Чаус. Первым топографически точно зафиксировал его местоположение Г.Ф. Миллер в 1734 г. в «Описании Томского уезда Тобольской провинции»: «1. Усть-Скалинская (деревня. — *М.Л.*), в 3 верстах от острога и в 3 верстах от устья Чауса, на устье р. Скалы. 2. Чеусская или Белова, на западном берегу Чауса в 1 версте выше острога. 3. Мельникова, на том же берегу в 4 верстах от предыдущей» [1, с. 42]. Деревня Скалинская (Скала) и в настоящее время находится на своем историческом месте в устье речки Скалушки. Так же доподлинно известно историческое место деревни Мельниковой — южная окраина р.п. Кольвань, в излучине речки Чаус. Путем топографических измерений на современной карте можно достаточно точно установить расположения острога и деревни Чеусской (Белова), выполнявшей, судя по всему, функцию слободы при остроге. Оба этих объекта в настоящее время находятся в границах деревни Чаус Кольванского района.

В 1-й половине — середине XVIII в. Чаусский острог имел важное административное и военное значение. На ландкарте 1750 г. Чаус нанесен как самый крупный населенный пункт этого района [1]. По утверждению Н.Ф. Емельянова, в 1741 г. в Чаусской слободе находилось 80 дворов [2, с. 133]. Ко 2-й половине XVIII в. в ведении Чаусского острога было достаточно большое количество населенных пунктов. Так на «Карте состоящих в ведении Чаусской земской канторы крестьянских селений», составленной в 1771 г. шихт-мейстером Иваном Черницким, к Чаусскому острогу отнесены деревни по рекам Оби — от Ургамского острога на севере до речки Кирза на юге, от реки Порос и Иня на востоке и до реки Омь и Узакла на западе. Это огромная территория Барабинской степи и Приобья. На данной карте Чаус обозначен как «Чаусский острог» [7]. Судя по названию, в это время он еще должен был иметь военное значение, хотя Н.А. Миненко и указывает на то, что к 1777 г. в Чаусе уже не было служилых людей [3, с. 55]. Кроме того, в 1773 году П.С. Паласс, проезжая через Чаусский острог, отметил, что, по словам местных властей, в самом поселении имеется 400 дворов (по-видимому, с учетом прилегающих деревень. — *М.Л.*), укрепления острога-крепости сгнили и разрушились, а острог со слободой превратились в большое село [2, с. 134]. На генеральной карте Кольванской губернии, составленной в 1786 г., Чаус обозначен как «Острог Чаусский» на западном берегу реки Чаус. На этой же карте впервые появляется деревня Подгорная. Примечательно, что Бердский острог

на данном источнике фигурирует как «Место, назначенное под город Колывань» [8].

В XIX век Чаус вступил, будучи крупным селом на Тарско-Томском участке Московского тракта. Выгодное географическое положение на пересечении сухопутной дороги — Московского тракта — и судоходной Оби позволило бывшему острогу-крепости развиваться в серьезный торгово-экономический центр региона. Стоит отметить, что река Чаус в те годы была гораздо полноводней и являлось судоходной, а острог располагался всего в 7–8 км от места впадения реки Чаус в Обь. На «Подробной карте Колывано-Воскресенской горной округи», составленной А. Пансером в 1816 г., Чаус обозначен как крупное село на Сибирском тракте с подписью «Чаусской», видимо, составитель карты имел ввиду «острог» и просто опустил это слово. Около Чауса обозначены деревни Скалинская, Подгорная, Мельникова, Б. Оешинская и другие [9]. По словам Н.А. Миненко, указом от 14 июня 1823 г. Чаус был объявлен уездным городом Колывань. Причем изначально город планировалось возвести в статус губернского. Память о намерении правительства сделать Колывань губернской столицей долго жила среди местного населения [3, с. 89]. В конце 40-х годов XIX в. здесь побывал петербургский писатель и историк П.И. Небольсин. «В городе Колывань, то есть в деревне Чаусах, — пишет он, — останавливался я у крестьянина или горожанина — это все одно. Он в восторге от своего родного города и ужасно хвастался, что бывший Чаусский острог... переименованный Колыванью чуть было не возвели на степень губернского города вместо Томска. Колывань, стоя на большой дороге, в тридцать лет не выросла ни на вершок. В 1826 г. в этом городе было 800 душ жителей обоего пола, а в 1846 в нем числилось 600 мужчин и 600 женщин, одна церковь, один казенный каменный дом и 250 деревянных дворов» [3, с. 89].

На картах, датируемых второй половиной 20-х годов XIX в., г. Колывань — бывший Чаусский острог — расположен на берегу реки Чаус между деревнями Подгорная и Скалинская. Масштаб этих карт довольно подробный, позволяет оценить размеры города и достаточно точно определить его границы. Город Колывань в этот исторический период располагался на территории современной деревни Чаус, несколько выходя за ее границы в сторону деревни Подгорная вверх по течению реки. Город находился между озером и рекой. В настоящее время озеро сильно уменьшилось в размерах. Северная граница города примерно совпадает с современной северной границей деревни Чаус [10]. Из-за постоянных наводнений и неудобного месторасположения г. Колывань — бывший Чаусский острог — было решено перенести в другое, более удобное место в 1834 г. [3, с. 91]. Но еще на картах 1870-х гг., правда, переизданных с более ранних, г. Колывань значится на месте Чаусского острога. По словам Н.А. Миненко, чаусские жители еще долго не желали переселяться на

вновь отведенные им территории. Властям пришлось принять «энергичные меры» к выдворению горожан с насиженного места [3, с. 91]. По спискам населенных мест Томской губернии за 1859 г. в селе Чаусском значится всего 91 двор, православная церковь и волостное правление. По этому же документу в перенесенном на новое место г. Колывань 258 дворов. Очень интересно обозначение Колывани в этом источнике «Колывань (Чаусскъ) [5, с. 2 приложение]». На картах 1893 и 1911 гг. г. Колывань расположен на месте современного р.п. Колывань [11]. Новая Колывань «поглотила» старожильческую трактовую деревню Мельниково, некогда расположенную в южной части города на излучине реки Чаус. Что же касается села Чаусского (Чаусского острога — г. Колывани), то после переноса города на новое место этот населенный пункт сильно уменьшился в размерах, почти в три раза и оставался таким до конца XX в., пока на месте бывшего города не началось активное строительство жилых домов и разработка песчаного карьера. И сейчас на поле между деревнями Подгорная и Чаус кое-где можно наблюдать следы изб, покинутых людьми во время переноса города в середине XIX в.

Современный р.п. Колывань и муниципальные единицы колыванской сельской администрации, исходя из анализа исторических карт, включают в себя старинные деревни Большую Оешинскую, Подгорную, Мельниково и Чаусский острог — «старую Колывань». С деревнями Б. Оеш и Подгорная р.п. Колывань составляет по факту один населенный пункт. Деревня Мельникова исчезла с карт после переноса города, но сохранила свое имя в неофициальном народном названии южной окраины р.п. Колывань «Мельниковский край». Деревни Чаус и Подгорная по-прежнему расположены на своих исторических местах и носят свои исторические названия.

Библиографический список

1. Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири. // Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., Л., 1937. — Т. 1. — С. 68.
2. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими среднего Приобья в феодальную эпоху. — Томск: изд-во Томск. ун-та, 1981.
3. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. — 118 с.
4. Описание, данное селениям Томской губернии 1809 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19110.
5. Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 года. СПб: Центральный статистический комитет Министерства Внутренних дел, 1868.
6. Ландкарта 1750 г. // ГААК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 18.
7. Карта Чаусской земской канторы, 1771 г. // ГААК, Ф. 50. Оп. 8. Д. 21.

8. Генеральная карта Колыванской губернии 1786 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20252.

9. Подробная карта колывано-воскресенской горной округи 1816 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20299.

10. Карта деревень, расположенных в границах нынешнего Колыванского уезда. Без даты // ГААК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 37.

11. Карта частей Томского, Кузнецкого и Барнаульского округов, вошедших в район строительства Сибирской железной дороги, 1893 г. // ГААК. Ф. 50. Оп. 12. Д. 12.

**Минина Наталья Алексеевна,
старший научный сотрудник государственного автономного
учреждения культуры Новосибирской области «Новосибирский
государственный краеведческий музей»**

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ БАЗАРНЫХ ПЛОЩАДЕЙ НОВНИКОЛАЕВСКА

Значительная часть истории нашего города связана с развитием торговли. Даже современный Новосибирск носит отпечаток бурного торгового прошлого, и прежде всего свидетельством остается планировка главной улицы, по линии которого последовательно сформировались три исторические торговые площади: две Старо-Базарных — в районе автовокзала и площади Свердлова, и Базарная (Ярмарочная, Ново-Базарная) — современная пл. Ленина. В докладе будут приведены некоторые подробности развития двух первых, старейших площадей города.

История новониколаевских площадей исследовалась в двух аспектах: развитие торговли и территориальное развитие (градостроительство). Известные историки: Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев затрагивали тему торговых площадей как раз с точки зрения торговли; градостроительный аспект стал привлекать внимание исследователей позже [1], со временем стали использоваться новые источники, в том числе карты [7]. В новосибирском краеведении сложилось представление о том, что впервые организованная торговля зародилась в устье р. Каменки (р-н автовокзала), но скоро площадь оказалась тесной для растущего поселка, поэтому была перенесена севернее, на удобное и просторное место. Комплексный анализ землеотводного дела Кривошековского выселка позволяет сделать вывод, что первая Базарная площадь как открытое, приспособленное для торговли пространство, была реализована только в проекте [2]. Это подтверждают не только документы, но и планы того времени [3, л. 1].

Напомним, что непосредственным управлением этой территорией ведало Главное Управление Алтайского округа, находившееся в Барнауле. Еще

задолго до строительства Сибирской железной дороги в устье Каменки расположился Кривошековский выселок, который практически полностью попал в полосу отчуждения Западно- и Средне-Сибирской железной дороги [4]. Чиновники были обязаны следить за законностью землепользования на этой территории, которую очень активно начали осваивать разночинцы, прибывавшие на строительство железной дороги и моста, а также расселить крестьян-кривошековцев; причем имеющееся представление, что их действия были направлены исключительно на выдворение поселившихся, безосновательны. Как показывают документы, алтайское ведомство имело целью упорядочить стихийно развивающееся поселение и сохранить от вырубки Обской бор, причем первая планировка Кривошековского выселка была произведена уже летом 1894 г., которая предусматривала селитьбу и торговую площадь.

Любопытные подробности из торговой жизни поселка приводит чиновник по сбору аренды Бородухо в докладе от 24 мая 1894 г. По его сведениям, в полосу отчуждения попали 28 из 33 усадеб кривошековских крестьян, а остальные пять владельцев сдали свои усадьбы, расположенные по самому правому берегу Каменки почти в ее устье, под жилье и торговые заведения; в подробном списке «субарендаторов» предприимчивых крестьян фигурируют известные имена, в том числе — именитые купцы. Так, крестьянин Ермолай Утев сдавал участки под торговлю среди прочих колыванскому купцу Ипполиту Александровичу Жернакову и барнаульскому купцу Федору Даниловичу Маштакову, Тимофей Ушаков — колыванскому купцу Николаю Тимофееву Орлову и барнаульскому купцу И.Т. Сурикову. Остальные же, как было сказано, переселились за линию железной дороги, где тоже вели деятельность, не присущую крестьянству.

Летом 1894 г. Земельная часть Алтайского округа разработала на месте план поселка Кривошековского, утвержденный начальником Округа генералом Болдыревым 11 августа того же года [2, л. 95]. По этому плану за линией железной дороги предполагался базар. Но место предполагаемого базара, как уже было сказано, заняли крестьяне, и их, чтобы соблюсти распланировку, неоднократно предполагалось выселить. Так, Болдырев, изучив многочисленные доклады с мест, 2 августа 1894 г. распорядился: «всех кривошековцев выселить на левый берег, а на правом оставить только разночинцев — людей, необходимых при работе на строительстве ж/д» [2, л. 50]. Со временем было решено оставить их с условием, что они поставят свои дома в соответствии с планом и оплатят за усадьбы как за торговые места — 10 руб. в год (за селитбное место аренда составляла 1 руб.). Таким образом, как таковой базарной площади, территориально соответствующей современному автовокзалу, здесь так и не образовалось, хотя торговля, конечно же, велась. Вот что пишет об одном из засельщиков площади Петре Кондратьеве чиновник Бородухо: «Имевши усадьбы в самом селе Кривошеково, захватил еще и в новом посел-

ке в боровом месте землю под торговую баню и усадьбы, которую разными сделками уступил колыванским купцам Евграфу Александрову Жернакову под усадьбу и магазин по улице 8 сажен и во двор 30 сажен, и Соломону Абрамову Толоконскому и торговому дому Рубанович для двух лавок...» [2, л. 108]. Обратим внимание на то, что до сих пор популярно мнение, будто бы торговля в поселке началась с открытия «Магазина универсальной торговли» Е.А. Жернакова...

Купцы действительно могли оперативно открыть торговлю в поселке, только договорившись с крестьянами об уступке усадебного места: до распланировки местности Алтайский округ не имел законных оснований для предоставления торговых мест купечеству — такими правами в крестьянском поселении пользовались только крестьяне, приписанные к Кривошековскому сельскому обществу.

Документы свидетельствуют, что колыванские купцы желали бы «развернуться» шире в таком доходном месте, как Кривошековский выселок — существующее положение и отсутствие нормальной базарной площади их явно не удовлетворяли. 3 сентября 1894 г. они посылают коллективную телеграмму Болдыреву, вот ее текст:

«На отведенной Сергеевым базарной площади находится до 40 усадеб крестьян, которые не скоро очистят площадь от своих построек. Просим коллективно быстрее отвести удобнейшую площадь для торговли, изменить план намеченного селения и отвести торг площадь. Подписали: доверенные Жернакова — Можаров, Маштакова — Суворков, Орлова — Кривцов, Толоконского — Зайцев, Жернакова — Рождественский, Толстикова — Буранов, Пискулина — Яковлев, купец Семенов, Торгового дома Рубанович и Толоконские — Сергеев». Алтайское ведомство отказало в просьбе купцов, ссылаясь на имеющийся план, который неудобно было исправлять. Но поселок неумолимо рос, территория его раздвигалась; в районе просимой площади участки в апреле 1895 г. были розданы уже не в аренду по 10 рублей, а сданы с торгов по баснословной цене: от 30 до 193 рублей!

1895 год в истории поселка стал поворотным: население стало инициировать устройство нормального общественного управления, которое бы позволило развиваться различным сферам экономической и общественной жизни. Открытием Ново-Базарной площади в районе проектируемого храма завершился начальный этап развития населенного пункта: по плану 1896 г. Кривошековский выселок вместе со станцией Обь становился единым целым — Новониколаевским поселком — будущим городом Ново-Николаевском [7, с. 15].

Библиографический список

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945 гг. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986.

2. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 913.
3. ГААК. Ф. 50. Оп. 8. Д. 289.
4. ГААК. Ф. 50. Оп. 1. Д. 66.
5. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Л.Н. Цепляев. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX — нач. XX в. — Новосибирск, Наука, 1978.
6. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск: «Наука», 1993.
7. Новосибирск. История генеральных планов в документах / автор-сост. В.Н. Шумилов. — Новосибирск, 2007. — 440 с.

**Миронова Анна Александровна,
учитель истории и обществознания I квалификационной категории
муниципального казенного образовательного учреждения
«Барабинская средняя общеобразовательная школа № 92»**

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Главная цель моей педагогической деятельности — воспитание современного, цивилизованного, а значит, толерантного человека — гражданина и патриота своей Родины, или в более практическом плане — подготовка учащихся к ответственной, осмысленной жизни и деятельности в демократическом правовом государстве. Патриотизм призван стать важной движущей силой преодоления кризиса российского общества, формирования национального самосознания, возрождения единой России. Он в полной мере поможет формирующейся личности стать настоящим Гражданином своей страны. Для этого необходимо школьникам прививать любовь к своей малой родине.

Обратимся к истории родного края. Сибирская губерния была образована царским Указом от 18 декабря 1708 года. Это была территория от Вятки до дальневосточного побережья России. Губернатор по этому Указу наделялся полной административной, судебной, полицейской, финансовой, хозяйственной и военной властью. Губерния разделялась на уезды, во главе которых встали воеводы. Затем, в двадцатые годы XVIII века, уезды заменились провинциями, а из них каждая делилась на волости. Во главе волостной приказной избы стоял приказчик.

Еще позже Сибирь разделили на Тобольскую и Иркутскую губернии. В 1779 году в составе Тобольской появилась Колыванская область. В начале восьмидесятых годов учреждены три наместничества: Тобольское, Иркутское и Колыванское. Каинский уезд входил в состав Томской области Тобольского наместничества. По Указу от 12 декабря 1796 года наместничества упраздняются, и Сибирь вновь возвращается к губернско-

му управлению. В 1804 году из Тобольской губернии выделена Томская, а Каинский уезд стал округом.

А поистине золотым для Барабы стало тридцатилетие на рубеже веков вплоть до Первой мировой войны. Расцвет экономики начался с прокладки железной дороги. «В моих понятиях, — писал министр финансов граф С.Ю. Витте, — устройство Великого Сибирского пути неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население Европейской России и там (в Европейской России) являлось больше свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны, этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем благодаря переселению можно было надеяться, что сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать» [6].

А что же представляет Новосибирская область сейчас? Каковы же перспективы развития?

Перспективы промышленного развития Новосибирской области связаны, прежде всего, с коренным техническим перевооружением действующих предприятий. Другими перспективными направлениями являются: развитие инновационной деятельности, освоение и расширение выпуска конкурентоспособной и импортозамещающей продукции; рациональное использование местных сырьевых ресурсов, увеличение объемов производства и повышение качества выпускаемой промышленной продукции; повышение конкурентоспособности и финансовой устойчивости сельхозпроизводства, внедрение новых технологий, совершенствование мер государственной поддержки сельхозпредприятий; развитие градостроительства и инфраструктуры области (транспорт, дороги, связь, информатизация, банковский сектор, торговля, бытовое обслуживание, туризм); обеспечение отраслей экономики и социальной сферы области специалистами с высшим и средним профессиональным образованием, рабочими массовых профессий [5].

Внутренний региональный продукт (ВРП) Новосибирской области в 2012 году возрос на 5 % по сравнению с 2011 годом — до 625 млрд рублей, о чем сообщил губернатор региона Василий Юрченко. «По тем данным, которые предоставляют органы мониторинга и статистики, ВРП области по итогам года вырастет на 5 %. Объем составит 625 млрд рублей против 560 в прошлом году», — сказал он. По словам В. Юрченко, объем привлеченных в экономику области инвестиций увеличится на 10 % и составит около 168 млрд рублей [8].

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

На начало 2013 года численность населения составляет 2 709 836 тыс. человек [7]. По данным МФЦ в Новосибирской области при численности экономически активного населения в 1422,1 тысяч человек уровень экономической активности составил 68,4 %. Это выше среднего показателя по

Сибирскому федеральному округу (66,2 %) и в целом по Российской Федерации (68 %).

За последние 5 лет в Новосибирской области отмечен рост рождаемости. Если в 2007 году число родившихся (на 1000 человек) составило 12,5, то в 2012 — уже 13,9. Естественный прирост населения постоянно увеличивается. Если в 2007 году он составлял -3,3 %, то в 2012 году -0,3 % (знак (-) означает естественную убыль населения) [7].

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Новосибирская область занимает выгодное экономико-географическое положение и расположена рядом с промышленными центрами — Кемеровской и Омской областями, а также Алтайским краем. Ведущей отраслью промышленности Новосибирской области является машиностроение и металлообработка (электротехническое оборудование, приборостроение, металлургическое оборудование). Также развиты электроэнергетика, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность, пищевая промышленность, промышленность строительных материалов, электроэнергетика.

ОАО «Новосибирскэнерго» обеспечивает энергоснабжение Новосибирской области. В состав генерирующих мощностей ОАО «Новосибирскэнерго» входят 5 тепловых электрических станций и ГЭС. Большая часть электроэнергии и тепла производится на тепловых станциях, работающих на угле.

Химическая и нефтехимическая промышленность как отрасль представлена ОАО «Сибар», ОАО «Химпласт», ОАО «Сибтехгаз им. Ф.И. Кима», ЗАО «Завод пластмасс», ЗАО «Завод редких металлов» и др.

В машиностроении ведущими предприятиями отрасли являются: ОАО «НАПО имени В.П. Чкалова», ОАО «НПО «Сибсельмаш» (в 2013 г. признано банкротом), ООО Корпорация «Новосибирский завод «Электросигнал», ОАО «Бердский электромеханический завод».

В лесной и деревообрабатывающей промышленности такие крупные предприятия как ГУ «Новосибирсксельхозлес», ГУП «Новосибирская лесная корпорация», ОАО «Большевик», ОАО «Новосибирский лескомбинат».

Топливная промышленность представлена ОАО «Новосибирскнефтегаз», ОАО «Северное», ГУП «Новосибуголь».

Пищевая промышленность полностью базируется на местном сырье. Лидирующими предприятиями являются ОАО «Новосибхлеб», ОАО «Хлебокомбинат «Восход»», ОАО «Новосибирский мясоконсервный комбинат», ФГУП ОАО «Сибирское молоко».

Основными видами сельскохозяйственной продукции являются зерно, картофель, овощи, лен, молоко, яйцо, шерсть, мясо крупного рогатого ско-

та, свиней, овец, птицы. В незначительной степени развито коневодство, пчеловодство, звероводство и прудовое рыбоводство.

Железнодорожный транспорт: эксплуатационная длина железнодорожных путей общего пользования — 1529 км. По области проходит участок Транссибирской магистрали. Речной транспорт: судоходство на Оби осуществляет АО Новосибирский речной порт. Воздушный транспорт: на территории области действуют 4 аэропорта. Автомобильный транспорт: протяженность автомобильных дорог составляет 11 486 км.

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В регионе зарегистрировано 26,7 тыс. единиц малых предприятий. Из них 3,5 тыс. единиц — в сфере промышленности, 2,7 тыс. единиц — в строительстве и 14,6 тыс. единиц функционируют в сфере торговли и общественного питания. Остальные — в сфере сельского хозяйства, транспорта, науки и научного обслуживания [5].

Во внешнеэкономической деятельности основными продуктами экспорта Новосибирской области являются: продукты неорганической химии, соединения органические и неорганические, черные металлы и изделия из них, механические и электрические машины, станки, турбогенераторы, ускорители частиц, древесина и изделия из нее и пр. Основные продукты импорта — одежда, теле- и радиоаппаратура, бытовая техника, приборы и аппараты оптические, фотографические и кинематографические, мебель, продукты питания.

В связи с увеличением темпов экономического роста в последние годы достигнуты достаточно высокие результаты:

- произошёл рост доходов населения, значительно сократился уровень бедности;
- существенно увеличены объёмы финансирования образования, здравоохранения и ЖКХ.

Вместе с тем остаются нерешёнными существенные проблемы, препятствующие позитивному социальному развитию нашего региона. В их числе всё ещё высокая поляризация населения по доходам, доступу к качественному образованию и здравоохранению. Жилищные условия для значительной части населения трудно признать удовлетворительными.

Библиографический список

1. Корчагин Ю.А. Региональная финансовая политика и экономика. — М.: Изд-во: Феникс, 2006. — 284 с.
2. Поздняков А., Лавровский Б., Масаков В. Политика регионального выравнивания в России // Вопросы экономики, 2000, № 10.
3. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 416 с.

4. Сайт Администрации Новосибирской области / Департамент экономики и планирования / Стратегия развития области до 2025 года.
<http://www.adm.nso.ru>
5. <http://www.sibarchives.ru>
6. http://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Новосибирской_области
7. <http://www.interfax-russia.ru/Siberi>

СЕКЦИЯ № 2
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНА

Баяндин Владимир Ильич,
кандидат исторических наук, ученый секретарь Новосибирского государственного педагогического университета, член Правления Новосибирского регионального отделения Российского общества историков-архивистов

ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ И АДМИНИСТРАТИВНОГО
ДЕЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Хорошо известно, что в предвоенные десятилетия в Советском Союзе происходили масштабные преобразования в народном хозяйстве, которые охватили сельское хозяйство, промышленность, транспорт и другие сферы хозяйственной жизни. Известно, что и в общественно-политической жизни советского общества в эти годы происходили серьезные изменения: принятие Конституции в 1936 году, выборы в Верховный Совет СССР и многое другое. Менее известно об административно-территориальных изменениях, которые также происходили в этот исторический период. Естественно, что такие преобразования не обошли стороной Сибирь и Дальний Восток. Следует подчеркнуть, что административно-территориальные преобразования в некоторых регионах страны, начавшиеся еще в предвоенные десятилетия, продолжались до 60–70-х годов, то есть несколько десятилетий. И это отчетливо просматривается на примере нашей Новосибирской области.

Вскоре после окончания гражданской войны и освобождения территории Западной Сибири, в 1921 году была создана Новониколаевская губерния. В 1925 году был образован обширный Сибирский край, площадь которого составляла более 4 млн кв. км (4.064.000 кв. км), но прошло всего пять лет и вместо Сибирского края в 1930 году появились два края — Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Естественно, что площадь Западно-Сибирского края оказалась уже более чем в три раза меньше, «все-го» 1 263 500 кв. км. Запсибкрай просуществовал несколько дольше своих предшественников, почти семь лет, пока осенью 1937 года на карте Советского Союза появилась Новосибирская область, которая в прошлом 2012 году отметила 75-летие своего существования.

Интересный факт — в январе 1934 года на территории Западной Сибири была создана Обско-Иртышская область, но к нашей области это образование никакого отношения не имела. Обско-Иртышская область была

создана из Тобольского, Тюменского и Ишимского округов бывшей Уральской области, центром Обско-Иртышской области была определена Тюмень.

Новосибирская область была образована Постановлением правительства СССР, 28 сентября 1937 года председатель ЦИК СССР М.И. Калинин подписал решение о разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область с центром в Новосибирске и Алтайский край с центром в Барнауле. В названном постановлении перечислялись лишь районы, которые должны были войти в состав Алтайского края: 55 районов и Ойротская автономная область. Далее указывалось, что остальные районы должны быть оставлены в составе Новосибирской области, при этом сами районы в постановлении не были названы. Из вошедших первоначально в нашу область 65 районов и поныне существуют следующие районы: Барабинский, Болотнинский, Венгеровский, Доволенский, Здвинский, Искитимский, Каргатский, Колыванский, Коченевский, Куйбышевский, Купинский, Кыштовский, Маслянинский, Мошковский, Новосибирский, Ордынский, Северный, Сузунский, Татарский, Тогучинский, Убинский, Усть-Тарский, Чановский, Черепановский, Чистоозерный, Чулымский районы, то есть 26 районов. Следует подчеркнуть, что некоторые из перечисленных районов в последующие десятилетия могли быть ликвидированы, объединены, разъединены и конечно же в таком случае меняли свою конфигурацию, территорию, количество населенных пунктов, численность населения иногда в весьма значительной мере. 75 лет существования Новосибирской области, на наш взгляд, можно разделить на три исторических периода:

1937–1963 гг. — период интенсивных преобразований (почти 27 лет);

1964–1972 гг. — период частичных преобразований (8 лет);

1973–2012 гг. — период административной стабилизации (40 лет).

В государственном архиве Новосибирской области имеется фонд 270 «Коллекция картографических документов», представленный картами, хронологически охватывающими период с 40-х годов XIX в. и до последней четверти XX в. Обратимся и мы к материалам этого фонда. В деле № 204 нам удалось обнаружить, скорее всего, одну из первых карт Новосибирской области — «Административная карта Новосибирской области», изданная в 1939 году. На ней отмечено, что эта карта была подписана в печать 13 апреля 1939 г., то есть через полтора года после образования нашей области. Карта была отпечатана в г. Омске тиражом 10 500 экземпляров. На карте обозначены 66 районов области, из них 8 районов входивших в состав Нарымского округа. Но информация, представленная на этой карте, устарела к моменту ее появления. В начале 1939 г. из сельской местности семи городов области было организовано семь новых сельских районов. Один из прежде существующих районов был ликвидирован, точ-

нее, этот район был разделен на три новых, т.е. было образовано 11 новых районов. Таким образом, количество сельских районов в Новосибирской области возросло до 76. Из них теперь уже 13 районов были отнесены к Нарымскому округу.

Пришлось вносить изменения и в феврале 1941 г. была отпечатана новая карта Новосибирской области, в которой были отражены изменения, которые произошли в 1939 г. Эта карта под названием «Новосибирская область. Административная карта» находится в деле № 205 названного фонда. Но на данной карте обозначено лишь 75 районов области.

Казалось бы, начавшаяся вскоре Великая Отечественная война должна была прекратить или временно приостановить процесс административного реформирования, но фактически это не произошло. Исследователям хорошо известно, что именно в годы войны на территории Западной Сибири произошли весьма значительные территориально-административные изменения, имевшие прямое отношение к нашей области. Из Новосибирской области в январе 1943 г. решением правительства была выделена Кемеровская область, а в августе 1944 г. — Томская область. Естественно, что эти правительственные решения привели к очень большим изменениям: уменьшилась территория области, численность населения, количество городов, заметно сократился и экономический потенциал Новосибирской области. Но следует сказать, что Новосибирская область не только отдала значительную часть своих районов во вновь образуемые сибирские области, но кое-что в эти военные годы она приобрела у своих соседей. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 апреля 1944 г. пять районов Алтайского края: Андреевский, Веселовский, Карасукский, Кочковский и Краснозерский были переданы в Новосибирскую область.

Карта «Новосибирская область», изданная в начале 1943 г. (Д. 206), отражала состояние области накануне последовавших вскоре масштабных территориально-административных преобразований.

В ряде случаев изменения могли происходить лишь в рамках какого-либо одного района и не затрагивая территорию соседних районов. В качестве примера можно привести Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 октября 1946 г., согласно которому центр Андреевского района Новосибирской области был перемещен в п. Баган, но район сохранил свое прежнее название, которое просуществовало еще более полутора десятилетий.

Карта «Новосибирская область», составленная в 1950 и изданная в 1951 г. тиражом 12 000 экземпляров, позволяет понять, как выглядела область в первое послевоенное десятилетие. На этой карте обозначено 36 сельских районов, один город республиканского подчинения и лишь три города областного подчинения: Барабинск, Бердск и Татарск (Д. 207). На карте «Новосибирской области», составленной в сентябре 1954 года и

напечатанной в том же году (Д. 208) изменения носят минимальный характер. Область состоит из 36 сельских районов, одного города республиканского подчинения, но зато городов областного подчинения теперь обозначено пять: Барабинск, Бердск, Искитим, Куйбышев и Татарск.

Административно-территориальные изменения в Новосибирской области и весьма заметные продолжались также и в дальнейшем. Вначале, как отмечают составители «Справочника по административно-территориальному устройству Новосибирской области 1937–2006 гг.»: «В течение 1954–1957 гг. ряд районов области был ликвидирован. Этот процесс затронул следующие районы: Ирменский (23 декабря 1954 г.), Легостаевский (23 декабря 1954 г.), Пихтовский (20 сентября 1955 г.) и Ояшинский район (5 апреля 1956 г.)». Ликвидация указанных районов сопровождалась передачей территории упраздняемых районов другим, соседним с ними районам, последние заметно выросли как территориально, так и по численности населения.

Период хрущевских реформ оставил свой яркий след не только в памяти граждан СССР, но и в территориально-административном делении нашей области. Бурная волна перемен прокатилась по области в 1963 году. В феврале 1963 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об укрупнении районов и изменении подчиненности районов и городов Новосибирской области». Согласно этому указу вместо 32 сельских районов области планировалось создать 19 укрупненных сельских районов. Жертвами масштабной программы укрупнения пали следующие районы: Андреевский, Венгеровский, Веселовский, Здвинский, Коченевский, Кочковский, Маслянинский, Михайловский, Мошковский, Северный, Чистоозерный, Убинский, Усть-Тарский. «Выжили» и существенно расширили свою территорию, правда, на непродолжительный период времени, следующие районы: Барабинский, Болотнинский, Доволенский, Искитимский, Карасукский, Каргатский, Кольванский, Краснозерский, Куйбышевский, Купинский, Кыштовский, Новосибирский, Ордынский, Сузунский, Татарский, Тогучинский, Чановский, Черепановский и Чулымский. Эти административно-территориальные преобразования прошли в последние годы правления Н.С. Хрущева.

Еще не успела осесть пыль после реализации программы укрупнения районов, как тут же начинается обратный процесс их разукрупнения. 9 марта 1964 г. создаются (а точнее сказать — воссоздаются) Венгеровский и Чистоозерный районы. Менее чем через год, 11 января 1965 г. решением правительства создаются, а вернее — вновь восстанавливаются еще шесть бывших районов: Здвинский, Коченевский, Маслянинский, Северный, Убинский и Усть-Тарский районы, а в конце того же года, 3 ноября, было принято решение о создании Баганского и Кочковского районов Новосибирской области.

В составленной в 1966 г. и исправленной в 1969 г. «Карте Новосибирской области» представленное территориально-административное деление вновь отстает от реалий нашей быстроменяющейся жизни. На карте указаны лишь 29 сельских районов, хотя их уже насчитывалось более 30. Но зато на этой карте впервые появляется схема местных авиационных линий, связывающих областной центр с многочисленными районами области. Легенда карты содержит краткую, но интересную информацию об НСО. «Территория области составляет 178,2 тыс. кв. км. Население области — 2 469 700 человек, численность населения г. Новосибирска — 1 079 300 человек» (Д. 210). Как известно, Новосибирск стал первым в Сибири городом, численность населения которого достигла миллиона человек, это событие произошло летом 1962 года.

Если есть первые, то, как правило, должны быть и последние. На сей раз быть последним выпала судьба Мошковскому району.

31 марта 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в результате разукрупнения двух сельских районов — Новосибирского и Болотнинского — был образован Мошковский район. Таким образом, через десять лет после печально знаменитого укрупнения, почти все ранее ликвидированные районы Новосибирской области вновь были восстановлены. На картах, изданных после 1972 года, можно увидеть, как выглядит Новосибирская область в настоящее время. Правда, исчезли с карты области Андреевский, Веселовский и Михайловский районы, но появился новый район — Баганский. Можно с уверенностью утверждать, что затеянная административная перестройка сельских районов, связанная сначала с укрупнением, а затем вскоре с разукрупнением, должна была сказаться не только на состоянии общественных настроений населения сельских районов области, но и на экономическом состоянии этих районов. Это были бездарно потраченные годы и значительные финансовые средства. А кто считал, сколько здоровья и нервной энергии у должностных лиц: партийных и советских работников, а также и населения унесли эти непродуманные мероприятия. Такова была цена тех, подчас непродуманных, не просчитанных, но зато решительных экспериментов в сфере административно-территориального деления в РСФСР.

В начале 80-х гг. XX века в Новосибирской области насчитывалось 30 сельских районов, все они сохранились, и в начале XXI века, то есть за последние 40 лет, никаких изменений в административно-территориальном делении нашей области не происходило, но насколько сохраниться такая ситуация в дальнейшем — ответ даст только будущее время.

Таким образом, в момент своего создания в сентябре 1937 года Новосибирская область имела площадь 595 тыс. кв. км, а население 4 100 000 человек. За 75 лет своего существования территория области сократилась и составляет в настоящее время 178,2 тыс. кв. км, то есть уменьшилась в

3,3 раза, а численность населения за этот исторический период сократилась до 2 709 000 человек, то есть в 1,6 раза.

В Западной Сибири Новосибирская область по площади уступает лишь Тюменской и Томской областям, но превосходит по территории Кемеровскую, Курганскую, Омскую области и Алтайский край.

Источники

1. ГАНО. Ф. 270. Оп. 1. ДД, 143, 146, 204–208, 210, 212, 218.

Библиографический список

1. Новосибирская область за 50 лет. Статистический сборник. — Новосибирское отделение издательства «Статистика», 1967.
2. Справочник по административно-территориальному устройству Новосибирской области 1937–2006 гг. — Новосибирск, 2007.
3. Нашей истории строки. Историческая хроника административно-территориальных единиц Новосибирской области 1937–2012 гг. — Новосибирск, 2012.
4. Новосибирская область. Экономико-географическое описание. — Новосибиргиз, 1939.

Умбрашко Константин Борисович,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, председатель Правления Новосибирского регионального отделения Российского общества историков-архивистов

ЧАУС — КОЛЫВАНЬ — НОВНИКОЛАЕВСК: ИРОНИЯ СУДЬБЫ. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Населенные пункты на близлежащих территориях современного города Новосибирска стали появляться задолго до возникновения самого города. В начале XVII в. на Средней Оби возникли первые русские поселения. В 1713 г. по инициативе правительства Романовых был построен Чаусский острог. Вокруг острога возникли деревни и села.

В 1733 г. по указу Сената началось строительство Московско-Сибирского тракта. В 1735 г. тракт был проложен через Тюмень, Тобольск, Тару, Каинск, Чаусский острог, Томск и далее на Восток. Чаусский острог стал важным транспортным узлом в Западной Сибири: от него шло ответвление тракта на Алтай.

Во второй половине XVIII в. Чаусский острог вырос в большое поселение. В его волости было 26 деревень, 606 крестьянских домов. Крестья-

яне (общее количество — 4457) с 1761 г. были приписаны к Алтайским Колывано-Воскресенским заводам, находившимся во владении Кабинета Его Императорского Величества. Уточним: Алтайский горный округ Его Императорского Величества как ассоциативно-частная собственность членов дома Романовых был образован в 1747 г. на базе отобранных у А.Н. Демидова алтайских заводов и рудников.

А.Н. Радищев в «Записках путешествия в Сибирь» в 1791 г. писал о Чаусском остроге: «...есть старая деревянная крепость, в ней живут старые беломестные казаки. Чаусский острог стоит на изрядном месте при Чаусе...» [1, с. 10].

В 1779 г. из пределов Тобольского наместничества была выделена Колыванская область с Колыванским (Алтайским), Бийским, Кузнецким, Семипалатинским и Красноярским округами. В 1783 г. область преобразована в губернию с губернским городом Бердский острог, переименованным в город Колывань. 14 лет Бердский острог носил название Колывань, затем оно было с него снято. В 1797 г. губерния была упразднена, но в 1804 г. была учреждена новая — Томская губерния с губернским городом Чаусским острогом, названным вновь Колывань. В 1823 г. Колывань стала уездным городом. На деле город оставался селом, жители которого занимались в основном земледелием и рыболовством на Оби.

С 1856 г. Колывань — заштатный город. В том же году он был перенесен на 7 км выше по реке Чаус на высокий берег Оби к деревне Мельниково, которая срослась затем с ним. В 1858 г. в Колывани проживал 2251 житель, в 1897 г. — 11703 жителя. Колывань была крупным поселением: Бийск этого времени насчитывал 17200, Курган — 10300, Барнаул — 21000, Томск — 53000 жителей. Благодаря местоположению на Московско-Сибирском тракте, близости к обскому водному пути, Колывань до конца XIX в. играла существенную роль в экономической жизни Сибири [1, с. 10].

Процветанию Колывани положило конец сооружение Транссиба, который, вопреки желаниям колыванских и томских купцов, начал строиться на 40 км южнее Колывани у села Большое Кривошеково, линия Транссиба прошла на восток на 80 км южнее Томска.

Возникновение и первоначальная история города Новосибирска связаны со строительством Великого Сибирского железнодорожного пути. Правительство Романовых приняло стратегически правильное решение: строить дорогу на средства казны, без прямого участия иностранного капитала. 19 мая 1891 г. во Владивостоке состоялась торжественная церемония закладки Великого Сибирского пути.

Работы по постройке участка Сибирской дороги от Челябинска до реки Обь начались в 1892 г. Срок окончания строительства был определен 1 января 1897 г. Но уже 1 сентября 1894 г. было открыто временное движе-

ние пассажирских и товарных поездов от Челябинска до Омска, 1 сентября 1895 г. от Омска до реки Обь. 27 февраля 1893 г. определено направление Средне-Сибирской железной дороги от перехода Оби у села Кривошеково на города Мариинск, Красноярск, Нижнеудинск и Иркутск. 1 декабря 1894 г. началась временная эксплуатация пути между станциями Обь и Болотная 1 сентября 1896 г. — всего участка до г. Красноярска.

Строительство моста через Обь положило начало новому городу, ставшему впоследствии одним из крупнейших в Сибири. День закладки первого камня в основание железнодорожного моста через Обь — 20 июля 1893 г. — стал датой рождения Новосибирска.

Первоначально поселение, «выросшее с американской быстротой», предполагалось назвать Обским. В докладе агента одной из российских торговых фирм Ю.А. Шмидта в Общем собрании Русского Географического общества (1894 г.) отмечалось: «Расположенный при впадении маленькой речки Каменки в Обь, город, по-видимому, должен иметь солидное будущее как крупный торговый центр. В настоящее время он представляет кучу безобразных наживо сколоченных построек, занятых пришлым на железную дорогу рабочим людом и различными торговцами». Но публикация о новом поселке в журнале «Нива» расставила несколько иные акценты: «К лету 1894 г. правый берег реки совершенно преобразился: бор постепенно исчез, а на его месте росли уже не землянки, а вполне приличные дома... Само собой разумеется, что между этими жилыми помещениями, расположенными в самом хаотическом беспорядке, много было... таких, что невольно поражаешься выносливости русского человека, способности жить в помещении, в которое добрый хозяин постесняется и скотину запереть...» [1, с. 16].

Но название «поселок Обской» не прижилось. Общий сход населения в 1895 г. постановил: «Поселок Кривошековский ввиду постройки церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского переименовать в Александровский...». В 1898 г. Министерство внутренних дел вынесло решение о замене наименования поселка Александровский на Новониколаевский. 7 января 1904 г. Министерство внутренних дел сообщило томскому губернатору: «Государь Император, в 28 день декабря минувшего года, согласно положению Комитета Министров, Высочайше повелеть соизволил:

1. Поселение Новониколаевск при станции Левая Обь, Томского уезда и губернии, возвести на степь безуездного города того же наименования в пределах ныне занимаемой оным селитебной площади и выгонных земель с тем, чтобы по точной силе Высочайшего повеления 13 февраля 1903 года из этого пространства земли общего пользования в количестве 4881 десят. 226 кв. саж., или какое окажется при окончательном отводе,

поступили в безвозмездную собственность города, а усадебные участки представлены были обывателям на выкуп в собственность;

II. Представить Министерству внутренних дел сделать распоряжения:

а) о введении в поселке Новониколаевске общественного управления по Городовому Положению 1892 года...

б) о производстве оценки недвижимых имуществ в городе для определения прав их владельцев на участие в первоначальном сходе домохозяев через особую избранную владельцами недвижимых имуществ из своей среды оценочную комиссию под председательством лица, назначенного Томским губернатором...» [1, с. 22].

Город Новониколаевск-Новосибирск — стратегический населенный пункт России на Транссибирской железнодорожной магистрали. В обыденном сознании его феноменально быстрый рост связывается с «заоеваниями социализма» и советской системой плановой экономики. Даже во внешнем облике центра города местные власти советской эпохи постарались стереть почти все следы дореволюционного прошлого. Николаевский проспект превратился в «Красный» не только по названию, но и по архитектурному облику. Градостроительная политика эпохи СССР безжалостно уничтожила роскошные купеческие особняки, здания банков, культовые сооружения, напоминавшие о «проклятом» царском режиме. То, что не сносилось, надстраивалось, перестраивалось, реконструировалось таким кардинальным образом, что иногда трудно угадать в современном облике таких зданий дореволюционный прообраз. Все это было подчинено одной цели — представить Новосибирск как образцовый социалистический город, не имевший никаких перспектив для роста до 1917 г.

Резон в таком подходе имеется. Действительно, 1917 год Новониколаевск встретил в статусе безуездного города Томской губернии с населением около 70 тыс. жителей. В 1921 г. было принято постановление об образовании Новониколаевской губернии (включавшей Каинский, Каргатский, Каменский, Новониколаевский, Черепановский уезды) с центром в г. Новониколаевске. В 1925 г. был образован Сибирский край с центром в г. Новониколаевске (включавшего Омскую, Новониколаевскую, Алтайскую, Томскую, Енисейскую губернии и автономную область Ойротию). В 1926 г. Новониколаевск был переименован в Новосибирск. В 1930 г. создан Западно-Сибирский край с центром в г. Новосибирске (в составе 14 округов и автономной области Ойротия бывшего Сибирского края). В 1934 г. из него была выделена Омская область, а в 1937 г. Западно-Сибирский край был разделен на Новосибирскую область с центром в г. Новосибирске и Алтайский край с центром в Барнауле. И лишь в годы Великой Отечественной войны границы Новосибирской области (после выделения из ее состава Кемеровской и Томской областей) приобрели современные очертания.

Таким образом, именно на годы советской власти падает основной административный «взлет» Новосибирска. Но «бурная молодость» города в начале XX века стала основой этого «взлета».

Большое значение имели отношения города с царской администрацией. Дело в том, что город возник на кабинетских (государственных) территориях, поэтому муниципалитет вел активный диалог с центральными властями по различным аспектам административной, хозяйственно-экономической, политической, общественной жизни горожан. В начале XX в. в территориально-административном отношении включал Змеиногорский, Бийский, Барнаульский, Кузнецкий и южные волости Томского уездов Томской губернии [2, с. 22]. Это территории современных Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, части Томской, Семипалатинской, Павлодарской областей. Всего 42 млн десятин. За пользование кабинетскими землями горожане платили арендные платежи, которые быстро росли. В 1893 г. стоимость аренды за кв. сажень земли составляла 7 коп., а в 1910 г. — 80 коп. [3, с. 585].

По данным Л.М. Горюшкина в 1893 г. за аренду усадьбы 10 на 25 саженей ежегодная плата составляла 1 руб., в 1900 г. — 100–200 руб. (в зависимости от района), в 1903 г. — 1500–2000 руб. [4, с. 126].

С.Н. Баландин отмечал: «И от нового поселения на берегу Оби, на «Гусинском имении», или «даче» Кабинета, царь стал извлекать выгоды. Усадебные места новым поселенцам Кабинет сдавал в аренду на 30 лет с платой от 2 руб. 50 коп. до 10 руб. в год с правом увеличивать арендную плату через каждые 6 лет на 10 %. Таким образом, поселенцы платили двойные налоги» [1, с. 17].

Г.А. Ноздрин указал, что в 1893 г. арендная плата составляла 1 руб. в год за усадьбу в 250 кв. сажен, потом она выросла до 10 руб. В 1900 г. усадьбы в 250 сажен арендовали за 100–200 руб. В 1903 г. — за 1500–2000 руб. Земля сдавалась в аренду на 24 года и через 6 лет Кабинет мог увеличить плату за нее на 10 % [5, с. 353].

В 1891 г. будущий царь Николай II проехал через Сибирь и поднял вопрос о строительстве объектов культуры в районе Транссиба. Был создан фонд имени императора Александра III для постройки церквей и церковных школ при них. Кампанию взносов на строительство церкви в Новониколаевске среди железнодорожных служащих и рабочих-строителей открыл инженер Н.П. Меженинов. Фонд Александра III передал на храм 45 тыс. рублей. Николай II — из средств Кабинета Его Императорского Величества — 5 тыс. рублей, затем еще 6,5 тыс. рублей и отвел безвозмездно для церкви землю из владений Кабинета. В 1899 г. состоялось освящение собора Александра Невского и деревянной церкви св. Даниила у вокзала (стоимость постройки — 12 тыс. рублей). При церкви была открыта школа.

С ноября 1897 г. ведомство Алтайского округа выделяло суммы на общественные нужды поселка: 5500 руб. на полицию, 400 руб. на поддержание пожарного общества и 3000 руб. на благоустройство поселка. В то же время, от сдачи в аренду земли, перевоза через Обь, содержания тракторов и питейных заведений и других доходов от поселения семейство царя извлекало более 45 тыс. рублей в год [1, с. 17].

В 1900 г. Кабинет получил с поселка за аренду земли, перевоз через Обь, деятельность торговых и других заведений 39 тыс. руб. Расход на содержание поселка составил 25 тыс. руб. Чистый доход составил 14 тыс. руб. [6, с. 28].

В 1903 г. Новониколаевск получил статус безуездного города с упрощенным городским управлением. Указом Николая II в муниципальную собственность города безвозмездно передавалось 4881 дес. (площади, улицы и т.п.), 582 дес. усадебных участков — в собственность их владельцев за выкуп. Но выкупная сделка состоялась лишь в 1907 г. Администрация Кабинета уменьшила площадь бесплатно передаваемой городу земли до 171 дес., подлежащую выкупу увеличила до 3184 дес. Город получил меньше чем просил (10 тыс. дес.) и меньше чем ему обещали (5463 дес.). Кабинет оставил в своей собственности территорию 9 кварталов, участок под переселенческим пунктом и др. Сумма выкупа составила 600 тыс. руб., которые город должен был внести в течение 20 лет с уплатой 4 % годовых с непогашенной суммы. Всего предстояло выплатить Кабинету ок. 1 млн руб., к 1917 г. город внес примерно половину этой суммы [6, с. 29].

М.В. Шиловский уточняет: Алтайский округ Кабинета в пределах города сохранил за собой два квартала в Вокзальной части, пять — в Центральной, два — в Закаменской, 2443 десятины по рекам Большая и Малая Ельцовки, часть Инской оброчной статьи близ деревни Усть-Иня, правобережная береговая полоса р. Обь в черте города [2, с. 22].

В 1909 г. Новониколаевск получил полное городское положение. В 1910 г. в нем проживало 52695 человек. Быстро росла стоимость недвижимости города: в 1900 г. она определялась всего в сумме 280760 руб., а в 1909 г. эта сумма составляла 3224845 руб. В 1906 г. по сумме недвижимости имущества Новониколаевск занял второе место в Сибири после Томска.

В 1907 г. Новониколаевску отвели 7771 десятину земли (8470,4 га). Но царский Кабинет не просто отдал эту землю. Он потребовал у города выкуп в 600 тыс. рублей из городского бюджета и тех сумм, которые слугались от продажи городских участков застройщикам. Выкуп должен был быть выплачен в течение 20 лет, 1 марта 1908 г. город сделал первый взнос в сумме 150 тыс. рублей; впоследствии он должен был вносить по 50 тыс. рублей ежегодно, а потом, в течение 15 лет, по 20 тыс. рублей [1, с. 25].

Строительство Транссиба «мимо» некогда важных населенных пунктов дорого обошлось Чаусу–Колывани (а вместе с ними и Томску) и имело самые благоприятные последствия для города Новониколаевска. Строительство железнодорожного моста через Обь положило начало новому городу, ставшему впоследствии одним из крупнейших в Сибири. В конечном счете это способствовало тому, что Новониколаевск стал губернским городом и столицей Сибири.

Библиографический список

1. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. — 136 с.
2. Шиловский М.В. Алтайский округ Его Императорского Величества / М.В. Шиловский // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. — С. 21–22.
3. Ноздрин Г.А. Новониколаевская недвижимость в начале XX в. / Г.А. Ноздрин // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. — С. 585.
4. Горюшкин Л.М. О муниципальной собственности на землю в Новониколаевске (1907–1919 гг.) / Л.М. Горюшкин // Сибирь: Политика. Экономика. Управление. — 1995. — № 1. — С. 126–135.
5. Ноздрин Г.А. Землеустройство и землепользование до 1917 г. / Г.А. Ноздрин // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. — С. 353.
6. Горюшкин Л.М. О муниципальной собственности на землю в Новониколаевске (1907–1919 гг.) / Л.М. Горюшкин // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2007 год. — Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2006. — С. 28–30.
7. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. — 472 с.
8. Справочник по городу Ново-Николаевску. 3-е издание. — Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1992. — 231 с. (Воспроизведение 2-го изд.: Ново-Николаевск: Электротпечатня Н.П. Литвинова, 1912).
9. Календарь памятных дат и знаменательных событий Новосибирской области. 2012 год. — Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2011. — 256 с.
10. Горюшкин Л.М. Так начинался Новосибирск: конец XIX — начало XX вв. / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. — 176 с.

11. Горюшкин Л.М. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — нач. XX в.) / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. — 293 с.

12. Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2003. — 1071 с.

Бушма Дарья Дмитриевна,
заведующая музеем истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина
Новосибирской государственной архитектурно-художественной
академии (НГАХА)

Филонов Сергей Владимирович,
главный хранитель фондов музея истории архитектуры Сибири
им. С.Н. Баландина Новосибирской государственной
архитектурно-художественной академии (НГАХА)

ФОТОКОЛЛЕКЦИЯ «КОЛЫВАНСКИЙ РАЙОН
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ. 1980-е» КАК НОВЫЙ ИСТОЧНИК
В МУЗЕЙНОЙ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 2013 г. отмечаются две юбилейные даты, ключевые для истории Новосибирской области: 300 лет исполняется Чаусскому острогу, предшественнику современного поселка Колывань, и 120 лет — городу Новониколаевску (Новосибирску), который можно назвать потомком Колывани. Цель настоящей статьи — представить коллекцию фотографий из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии как новый информационный источник, иллюстрирующий историческую преемственность между двумя населенными пунктами — Новосибирском и Колыванью.

Развитие Новониколаевска не было бы возможно без участия колыванских купцов, перевезших свой бизнес в новый город, ближе к Транссибирской железнодорожной магистрали. Колыванские купцы включились в формирующийся социальный актив Новониколаевска, обеспечивающий городу быстрое развитие надлежущей инфраструктуры: магазинов, больниц, школ, церквей, гостиниц, дорог и пр. Существовал даже вариант отсчета даты основания Новониколаевска с 1894 г. — с момента открытия на Старобазарной площади магазина универсальной торговли колыванского купца Е.А. Жернакова [1, с. 24]. Тесная связь Колывани и Новониколаевска, особенно в дореволюционный период, обязывает уделять этой совместной ис-

тории большое внимание при разработке экскурсий, музейных экспозиций, печатных изданий и других форм культурно-просветительской работы.

Материалом для подобных проектов могут служить различные источники: недвижимые памятники (жилые дома, перевезенные из Колывани или возведенные в Новониколаевске на манер колыванских образцов), бытовые предметы (вещи переселенцев), изделия декоративно-прикладного творчества, архивные документы, воспоминания, бытующие легенды и мн. другое. В настоящей статье в качестве исторического источника предлагается фотоколлекция «Колыванский район Новосибирской области. 1980-е гг.». В коллекцию входят 95 черно-белых фотоотпечатков размером от 11x17 до 18x24 см. Фотоснимки были сделаны группой архитекторов (Н.П. Журин, К.П. Зайцев, Е.А. Смирнова, Н.Н. Филиппова и др.) под руководством профессора, доктора архитектуры Сергея Николаевича Баландина (1930–2004). Работа велась по заказу областного органа по охране и эксплуатации памятников истории и культуры, поэтому итоговые фотографии вошли в научные паспорта зданий, которые получили впоследствии статус охраняемых объектов. Коллекция в целом виде осталась в виде негативов и фотоотпечатков в собственности С.Н. Баландина и через 20 лет была оформлена как часть фотофонда «Архитектура городов Сибири» Музея истории архитектуры Сибири.

В состав коллекции входят: 57 фотоснимков фасадов и деталей зданий в Колывани, 15 снимков домов в деревне Скала и селах Вьюны, Пихтовка и Юрт-Акбалык. Адреса объектов в Колывани: ул. Калинина, 22, 55, Кирова, 96, 102, 111, 118, Ленина, 69, Маркса, 65, Московская, 4, 8, 10, 30, Революционный проспект 41, 43, 45. Еще 23 фотографии удалось описать только в общем плане (этажность и форма дома, виды резьбы), т.к. здания, изображенные на них, в настоящее время не имеют статуса объектов историко-культурной значимости и могли либо быть утрачены, либо реконструированы. Все фотографии имеют музейный шифр, который можно использовать для оформления ссылок в научных работах [2, с. 28–34].

Ценность описываемых материалов состоит в том, что они представляют собой целостную картину состояния исторической застройки Колывани в 1980-е гг., то есть, с одной стороны, до проведенных реставрационных работ на памятниках архитектуры и истории, и, с другой стороны, до появления уличной рекламы и некоторых других объектов. Коллекция характеризует научную работу архитекторов и историков, связанную с переоценкой значимости дореволюционного архитектурного наследия в СССР в 1970–1980-е гг.

Фотографии переведены в электронную форму и отретушированы. В настоящее время коллекция находится в свободном доступе для посетителей Музея, в будущем фотоснимки должны стать частью открытого электронного архива изображений по истории архитектуры Сибири, разработа-

тываемого Музеем в рамках Государственного задания Министерства образования и науки России.

Библиографический список

1. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
2. Филонов С.В. Фонд городов Сибири: Колывань // Отчет НИР по проекту «Научно-методическое обеспечение деятельности Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина». — Новосибирск: 2008.

Рыкова Валентина Викторовна,
старший научный сотрудник Государственной публичной
научно-технической библиотеки СО РАН

ОСВОЕНИЕ СИБИРИ И СЕВЕРА: БАЗЫ ДАННЫХ СОБСТВЕННОЙ ГЕНЕРАЦИИ ГПНТБ СО РАН КАК ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ОСНОВА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Освоение сибирских и северных территорий, важнейших ресурсных и геостратегических регионов России с XVI в. считалось задачей первостепенной государственной важности, которая актуальна и в настоящее время, так как с ее решением связаны перспективы дальнейшего прогресса нашей страны, ускорения темпов ее экономического и социального развития.

ГПНТБ СО РАН, как крупнейшая библиотека за Уралом, многие годы работает над решением проблемы информационного сопровождения научных проектов и программ. Региональные исследования всегда были в центре внимания ученых и специалистов СО РАН, поэтому Отделом научной библиографии накоплен богатейший библиографический материал по Сибири, Дальнему Востоку и Крайнему Северу, который проанализирован и представлен в Интернете в виде проблемно-ориентированных баз данных (ПОБД).

Вопросы различных аспектов освоения азиатских территорий России нашли отражение в БД:

— с текущим пополнением — История Сибири и Дальнего Востока; Природа и природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока; Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока; Экономика Сибири и Дальнего Востока; Проблемы Севера; Коренные малочисленные народы Севера (входят в БД «Научная Сибирика» в виде отдельных информационных массивов);

— ретроспективных — Освоение Сибири; Сибирская и дальневосточная книга (сводный каталог); Литература о Новосибирской области.

Ретроспектива и объем информационных массивов ПОБД, которые могут служить источниковедческой основой для информационного обес-

печения исследований по освоению отдельных регионов Азиатской России, представлены в Таблице 1.

Таблица 1. БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН, содержащие материалы по освоению Сибири и Севера

Название базы данных	Ретроспектива	Кол-во док.
История Сибири и Дальнего Востока	1991 — по настоящее время	114 500
Природа и природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока	1988 — ...	259 200
Литература, искусство Сибири и Дальнего Востока	1991 — ...	61 800
Экономика Сибири и Дальнего Востока	1990 — ...	112 000
Проблемы Севера	1988 — ...	195 600
Коренные малочисленные народы Севера	1988 — ...	18 200
Сибирская и дальневосточная книга	XVIII в. — 1917 г.	16 330
Освоение Сибири	XIX в. — 2000 г.	12 374
Литература о Новосибирской области	начало XX в. — 2005 г.	35 215

Информационные ресурсы, генерируемые нашей библиотекой, выгодно отличаются от библиографических продуктов, выпускаемых другими учреждениями, систематизацией предложенных материалов по предметным и географическим рубрикам, что существенно облегчает поиск релевантного (особенно регионального) материала, поскольку географическая рубрика включает не только район исследований, указанный в статье, но и более крупную единицу физико-географического или административного деления. Именной указатель (поле БД «автор, редактор, составитель, персоналия») включает имена русских и иностранных землепроходцев, первооткрывателей, путешественников, ученых, внесших весомый вклад в изучение обширного региона от Урала до Тихого океана, использование которого помогает быстро найти материалы о конкретной исторической личности.

Документальные массивы БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН формируются на основе обязательного экземпляра отечественной литературы и иностранных изданий, поступающих в научно-исследовательские учреждения СО РАН, и включают книги, статьи из периодических изданий и научных сборников, постатейно расписанные материалы конференций, научные отчеты, авторефераты диссертаций, депонированные рукописи, методические рекомендации, патенты, карты и атласы. Поиск в базах данных возможен по ключевым словам из заглавия, аннотации или перевода заглавий, фамилии автора, редактора, составителей, году и месту издания, предметной рубрике, языку и виду документа. При необходимости можно

осуществить сложный поиск по нескольким параметрам одновременно. Все БД находятся в свободном доступе для пользователей Интернета на сайте библиотеки по адресу: www.spsl.nsc.ru (опции «Ресурсы и услуги» → «Электронные каталоги и базы данных» → «Библиографические БД») (Рис. 1). Документы, информация о которых представлена в наших БД, хранятся в фондах ГПНТБ СО РАН или библиотеках сети, поэтому их можно легко получить по межбиблиотечному абонементу в электронной или традиционной форме. Материалы из БД собственной генерации ГПНТБ СО РАН можно также получить по электронной почте, обратившись по адресу: onb@spsl.nsc.ru в Отдел научной библиографии.

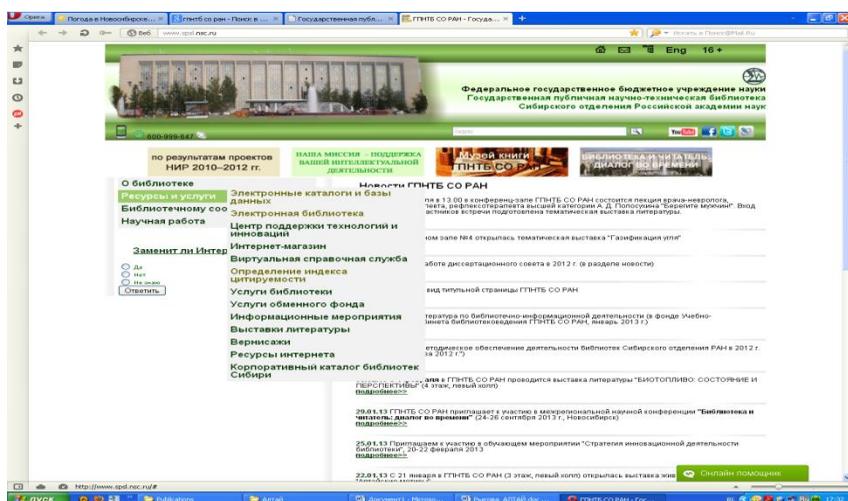

Рис. 1. Сайт ГПНТБ СО РАН

Воротникова Елена Юрьевна,
старший преподаватель кафедры экономики сервиса Новосибирского государственного технического университета

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЛАНОВ ПЛАВИЛЬНОЙ ФАБРИКИ СУЗУНСКОГО МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ПРОМЫШЛЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РГИА И ГААК)

Сузунский завод с монетным двором — первое предприятие на территории Новосибирской области, история которого тесно связана с развитием горнозаводской промышленности конца XVIII — начала XX в. На про-

тяжении ста пятидесяти лет, с 1766 по 1914 г., завод работал без остановок, постоянно выплавляя медь, периодически — серебро и свинец, и до 1847 г. выпуская медные монеты.

В 2012 г. в исторической части Сузуна было организовано достопримечательное место — «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор». В его границах располагаются интереснейшие свидетельства времени бытования завода — гидротехнические сооружения (плотина, прорезы для спуска воды, ряжи), фрагменты водораспределительных механизмов (лари), памятник второй половины XIX в. — толчельня, а также ряд исторических и архитектурных памятников местного значения. Наличие ценных исторических, архитектурных и археологических объектов, уникальных для Новосибирской области, которые, безусловно, должны быть сохранены и актуализированы, послужило основанием для разработки муниципальной долгосрочной целевой программы «Создание музейно-туристического комплекса «Завод Сузун и монетный двор» (2012–2016 годы). Проект создания музейно-туристического комплекса (*далее — МТК*), также входит в областную долгосрочную целевую программу «Формирование системы исторических территорий, достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музейно-туристических комплексов в Новосибирской области на 2012–2017 годы». В настоящее время начались работы по организации будущего МТК — произведены археологические раскопки на территории достопримечательного места, подготовлено к реставрации здание толчельни, создано Муниципальное автономное учреждение культуры «Музейно-туристический комплекс «Завод Сузун. Монетный двор», разработана научная концепция его функционирования. В этой связи требуются серьезные научные исследования по изучению архивных документов — планов, чертежей, описаний Сузунского завода, дающих представление о сооружениях, оборудовании, технологиях, а также уникальных объектах социально-бытового назначения, связанных с промышленным производством. Такие исследования необходимы для соотнесения данных с результатами археологических работ, реставрации и реконструкции объектов, создания экспозиций и экскурсий, проведения мероприятий для популяризации сузунской истории.

Для решения этих задач был изучен ряд документов, касающихся функционирования Сузунского завода, периода с 1798 по 1910 г., из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) Санкт-Петербурга и Государственного архива Алтайского края (ГААК) города Барнаула. В частности, нами были исследованы планы и чертежи плавильной фабрики и расположенных в ней машин и механизмов, что обусловлено задачами реконструкции руинированного здания толчельни (которое, возможно, является частью фабрики) и создания в нем промышленно-

исторического музея, с демонстрацией технологий плавильного производства XIX века.

Плавильная фабрика была одним из основных объектов Сузунского металлургического комплекса — завода с монетным двором. Завод располагался в крепости из бревенчатого частокола, по правую сторону от главного прореза плотины [9]. Кроме плавильни, на заводской территории находились другие производственные и вспомогательные помещения: обжигательная фабрика (кальцинирофен), кузница, лазарет, лаборатория и пр. (Рис. 1).

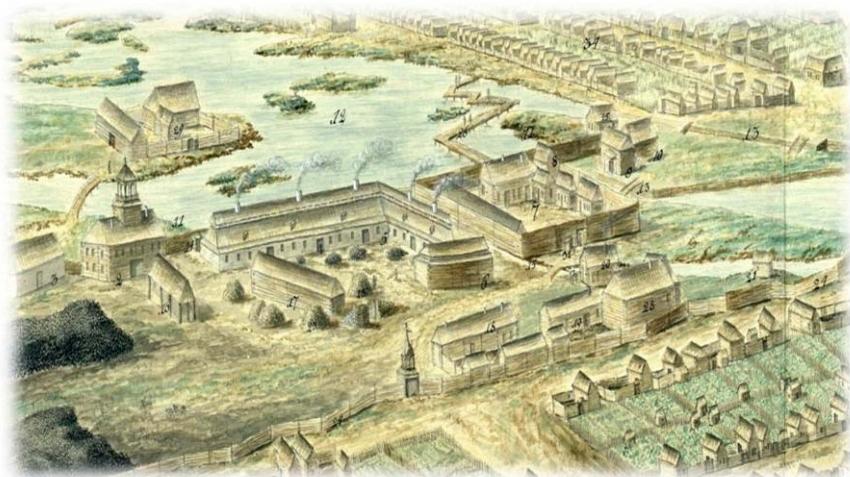

Рисунок 1. Вид на территорию Нижне-Сузунского завода с монетным двором, 1798 год. Фрагмент графического рисунка П.К. Фролова [9].

Фабрика представляла собой производственный цех, в котором располагались печи разного вида, работающие от энергии воды, падающей на колеса, устроенные возле воздуходушных механизмов (мехов) плавильных агрегатов. В здании фабрики также находились рабочие помещения — мусорная толчея, хранилища для инструментов и письменных материалов, шихт-плацы. Первоначально фабрика — «гармахерская с 12 горнами» — была построена к ноябрю 1764 г. под руководством советника Улиха, но летом 1765 г. была уничтожена пожаром. Через год на этом месте по плану маркшейдера Пятинина была построена «деревянная плавильная фабрика длиной 30 и шириной 11 сажень с 12 гармахерскими горнами и шплейсофенами» [4, с. 17]. В плане фабрика имела форму прямого угла; одно крыло здания протянулось параллельно плотине, другое — перпендикулярно ее оси, вдоль капитального ларя (основной рабочий элемент плотинного устройства, разводящий воду из пруда к колесам фабричных ме-

ханизмов). Оба крыла имели вытянутые по горизонтали объемы с высокими кровлями [6]. Такая форма производственного помещения, наиболее экономичная в исполнении, была связана с необходимостью устанавливать плавильные агрегаты, действующие от водяных колес, в ряд вдоль ларей (Рис. 2).

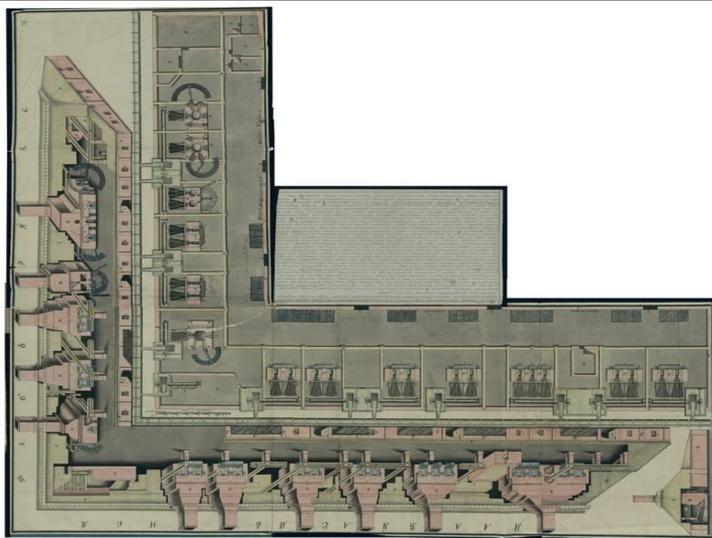

Рисунок 2. План медеплавильной фабрики Нижне-Сузунского завода 1798 года [6].

Набор плавильных печей фабрики был обусловлен технологией производства меди, разработанной управляющим Уральскими казенными заводами Вильямом де Гениным, и применявшейся в то время на заводах Урала и Алтая. В общем виде схема выплавки выглядит следующим образом. Сначала изготавливалась смесь различных составляющих для плавки (шихта), в которой использовались штейны (сплав металлов, содержащий большой процент меди), сырые и обожженные руды, старые шлаки и известковый камень. Шихта загружалась в крумофены («косые» плавильные печи), из которых выпускался продукт первой плавки — роштейн или купферштейн — медь со значительным содержанием серы в сплаве с железом и в небольших количествах с другими металлами. Затем купферштейн обжигался в специальных печах, из него испарялась сера, и получалась «черная медь» — сплав меди с железом. Далее медный продукт обрабатывался в гармахерских разделительных горнах, в которых от меди отделялось железо, и окончательно выжигались серные примеси. В результате этой операции получался гаркупфер — почти чистая красная медь с

небольшим количеством примесей (золото, серебро, никель, цинк). При необходимости получения еще более чистой меди, гаркупфер мог подвергнуться дальнейшей плавке — операция выполнялась или в том же разделительном горне, или в шплейзофене (преимущественно использовался с конца XVIII в.). В завершение готовый продукт разливали по чугунным емкостям — изложницам, для получения штыков — медных слитков (Рис. 3).

Производство меди

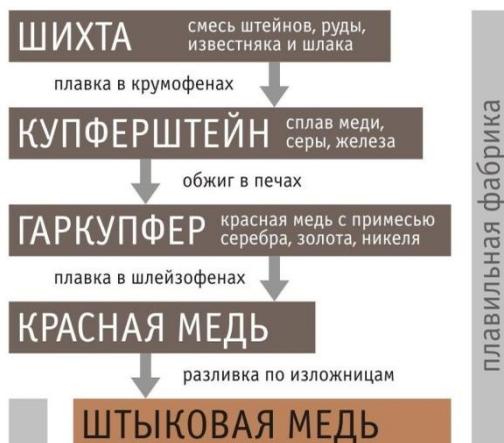

Рисунок 3. Этапы медеплавильного производства.

За время функционирования (1765–1910) плавильня претерпела немало изменений — несколько раз перестраивалось здание, возводились новые печи, усовершенствовались машины и механизмы, о чем свидетельствуют исторические и архивные документы. Уже в начальный период действия (с момента постройки до конца XVIII в.) фабрика с ее производственными механизмами постоянно модернизируется. В 1772–1774 гг. была произведена реконструкция печей для увеличения выплавки меди и получения серебра из руд и штейнов; в 1786–1787 гг. деревянное здание фабрики перестраивается в кирпичное. В 1797 г. один из опытейших на Алтае специалистов П.С. Залесов механизировал разливку меди в штыки, а в 1800 г. была построена цилиндрическая воздуходувная машина вместо устаревшего мехового дутья [4, с. 27; 5, с. 111].

Представление о медеплавильной фабрике и ее оборудовании периода со второй половины до конца XVIII в. дают архивные документы и описания путешественников. Шведский ученый Иоганн Петер Фальк, посетивший Нижне-Сузунский завод в 1771 г., писал: «Заводы стоят на правой

стороне прореза плотины. Они и денежная кладовая выстроены деревянные. В плавильне 12 крумофенов, 3 шплейсофена, 3 очищательные герта, толчая для мусору с тремя молотами...» Характеристику фабрики с указанием расположения ее агрегатов давал и немецкий ученый Петр Симон Паллас, побывавший в Сузуне в том же году: «Плавильня построена наугольником, и вдоль по плотине на одном ряду содержит четыре пары Крумофенов... В другой части заводов находится Шплейсофен, еще две пары Крумофенов, и пара отделятельных горнов, один из коих сломан, и вместо того построен Шплейсофен» [5, с. 110]. В общем виде описания учеными конфигурации фабрики и набора производственных агрегатов (шплейзофены, горны, толчая) совпадают с планами периода конца XVIII в. Расхождения можно отметить относительно некоторых количественных данных и месторасположения тех или иных печей.

Изначально печи приводились в действие мехами, работающими от десяти водяных колес, установленных у задней стены печных корпусов. К началу XIX в. была произведена замена мехового оборудования фабрики на цилиндрическую машину, от которой к печам протягивались воздушные трубы. Машина приводилась в действие всего от двух колес, что способствовало большей эргономичности воздухоудвнвой системы.

Конструктивные особенности здания фабрики, вероятно, были аналогичны подобным сооружениям прочих заводов того времени. Наземную часть зданий чаще всего возводили из сосны или кирпича. Под фундаменты в грунт вбивали листовенничные сваи, по выровненным концам которых укладывались каменные плиты, служившие основанием каменной печи. Высота печей и горнов (6–9 м) определяла высоту стен фабрики. Кровли имели круглые скаты, что способствовало быстрому удалению ядовитых газов через вентиляционные фонари — первоначально это были небольшие продольные щели в изломе крыши, затем, к концу XVIII в., они приобрели П-образную форму, и стали служить для проветривания и освещения фабрики [3, с. 213–214].

На протяжении следующих лет функционирования фабрики изменялась архитектура здания, а также количество фабричных корпусов в заводском пространстве — это можно проследить по архивным источникам периода с 1830 по 1847 г.

На планах Сузунского завода 1830 и 1835 годов [2] виден новый объем П-образной в плане формы, вплотную примыкающий к старой плавильне со стороны дворовых фасадов. Новое сооружение отмечено на одном из планов как «сереброплавильная фабрика» (Рис. 4).

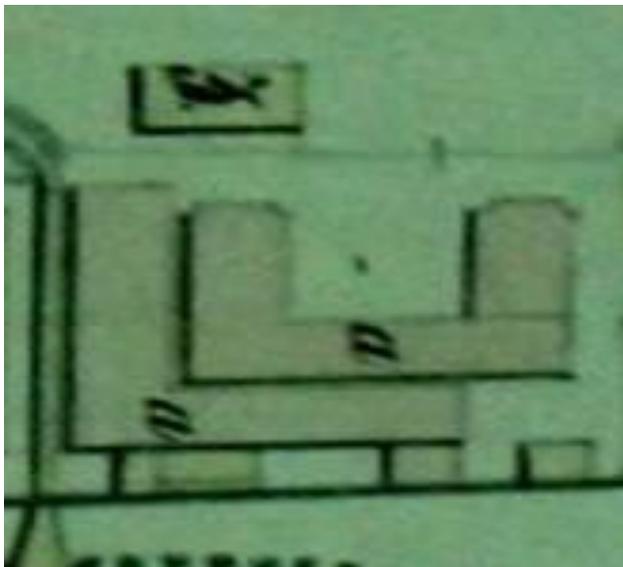

Рисунок 4. а — «серебро- и медеплавильная фабрика». Фрагмент документа «Сузунской завод», 1835 год [2].

В 1828 г. многие производственные помещения Сузунского завода пострадали от сильного пожара; возможно, это являлось одной из причин перестройки фабрики наряду с ветхостью старого здания и расширением профильности завода. Строительство нового здания, по-видимому, началось в 1830 г.: «В 1829 г. был произведен ремонт строений Сузунского завода из-за крайней необходимости в нем — завод не мог осуществлять плавку серебряных и медных руд... В 1830 году был заложен новый деревянный фундамент под заводское здание» [7].

Донесение Сузунской горной конторы в Департамент горных и соляных дел от 1839 года сообщает : «3 его (января) числа после полудня в начале 10-го часа сгорела часть плавильной фабрики, всего на 25 сажень, и с нею вместе ближайшия к печам две цилиндрические машины, заключавшияся в одном корпусе» [7, с. 1]. На чертежах и планах 1846–1847 гг. отсутствует часть старой плавильни, располагавшейся вдоль плотины — вероятно, именно этот фрагмент здания пострадал от пожара и вскоре был окончательно уничтожен.

В 1842 г. была частично перестроена вторая плавильная фабрика П-образной формы — были укорочены два выступа ризалитов (Рис. 5).

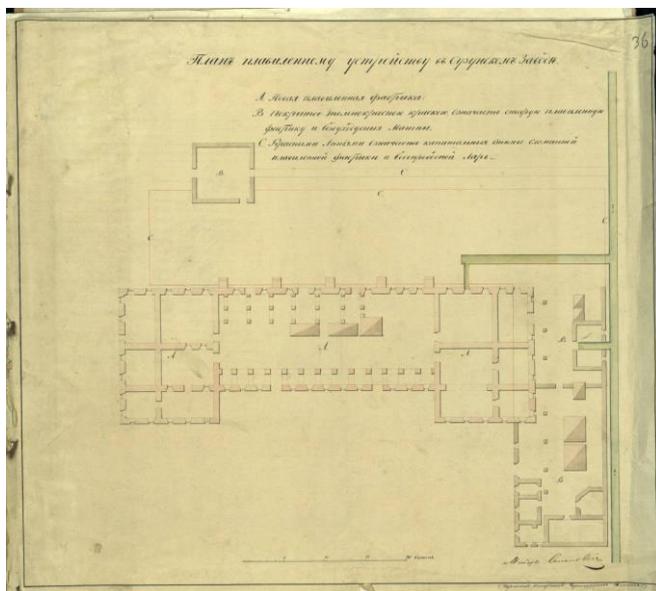

Рисунок 5. Здание новой фабрики и фрагмент строй плавильни.
 «А — новая плавильная фабрика. В — покрытое темнокрасною краскою
 означает старую плавильную фабрику и воздухоудные машины». Документ «План плавильному устройству в Сузунском заводе», 1848 год [10].

В плавильне располагались: 2 воздухоудные машины, толчея, фурмовая комната, шахтные печи, шплейзофены, горны для разлива меди в штейны. В специальном отделении для литья чугунных вещей стояла вагранка — заводская печь для переплавки получаемого с Томского завода чугуна, а также для обжига цветных металлов, что свидетельствует о расширении профильности завода (чугун выплавлялся на фабрике с 1820 г.). После 1848 г. была ликвидирована оставшаяся часть старой фабрики. На территории завода осталось П-образное здание, которое в дальнейшем не подвергалось капитальной перестройке.

Известно, что к моменту закрытия Сузунского завода в 1914 г. на его территории действовали две плавильные фабрики — вторая была построена на территории монетного двора после пожара 1847 г. О фабриках и находящихся в них плавильных агрегатах упоминается в документе «По вопросу о ликвидации зданий и устройств Сузунского завода в Алтайском Округе» от 2 марта 1915 г. В донесении от начальника Алтайского округа Белянина в Кабинет отмечено: «В округе не предполагается вести в этом заводе какие-либо металлургические плавки; потому как заводские

устройства, как-то: шахтные печи, шплейзофены и проч., так и здания не нужны для округа» [8, с. 2].

По некоторым сведениям здание плавильни находилось в эксплуатации до послевоенных лет. К настоящему времени на территории бывшего медеплавильного завода располагаются руины сооружения, называемого «толчельней» (предположительно, толчельня является частью здания плавильной фабрики). По-видимому, такое наименование образовалось от термина «толчя», обозначавшего одно из производственных помещений фабрики. Сохранившиеся руины можно датировать периодом 1830–1848 гг., при условии достоверности данных о том, что после 1848 г. плавильня не подвергалась капитальной перестройке. Облик сооружения как архитектурно-археологического объекта достаточно выразительный — стены «толчельни» выполнены из старого кирпича с клеймами мастеров; оконные проемы и вход на фасаде выложены в виде арок и полуарок (арочные конструкции широко использовались в производственном заводском строительстве со второй половины XVIII в.).

На протяжении времени действия завода плавильная фабрика являлась одним из основных производственных помещений — с середины XVIII до начала XX вв. здесь функционировали различные виды агрегатов и механизмов для металлургического производства, внедрялись новые инженерные разработки, выплавлялись металлы, отливали колокола, ружья, изготавливались различные металлические предметы, необходимые в быту. После реставрации и реконструкции здания толчельни будет целесообразным разместить здесь промышленно-исторический музей Сузунского завода. Данный объект интересен для музеефикации своей исторической «атмосферностью» — убедительно выглядит даже руинированная часть здания благодаря сохранившейся старой кирпичной кладке с приемами декора, свойственными для промышленных заводских сооружений середины XVIII–XIX вв. После реконструкции здания представляется интересным создание в нем музейными средствами «собирающего образа» плавильного цеха середины XVIII–XIX вв., в пространстве которого может быть раскрыт ряд тем, касающийся специфики функционирования медеплавильного завода.

Библиографический список

1. ГААК. Ф. 50. Оп. 18. Д. 4239. Общий план Сузунского завода и монетного двора.
2. ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 1360. Сузунской завод, 1835 год.
3. Градостроительство Сибири / [В.Т. Горбачев, д-р архит., Н.Н. Крадин, д-р архит., В.И. Крушинский, д-р архит., Т.М. Степанская, д-р архит.; под общ. ред. В.И. Царева]; Рос. Акад. Архит. и строит. наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. НИИТИАГ РААСН. — Санкт-Петербург: Коло, 2011. — 784 с.

4. Масленниковский С.И. Сузунский монетный двор. — Барнаул, 2006. — 67 с.

5. Рабочий поселок Сузун — памятное историческое производственное и поселенческое место [1763–1914 гг.] / О.Н. Вилков, З.В. Башкатова, Л.А. Исаева и др. // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. — Новосибирск, 1991. — С. 97–128.

6. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 856. Л. 26. План, профиль и прощпект Нижнесузунского завода, плавильной фабрики и в ней касающимся довыплавки золотистого серебра и меди, полезнейшим разного вида печам, с вододействующими машинами. Сочинен 1798 года, месяца декабря.

7. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 873. Представление о сгоревшей в Сузунском заводе плавильной фабрике на 25 сажень.

8. РГИА. Ф. 468. Оп. 25. Д. 418. По вопросу о ликвидации зданий и устройств Сузунского завода в Алтайском Округе от 2 марта 1915 года.

9. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 856. Л. 3. Вид Сузунского завода.

10. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 856. Л. 36. План плавильному устройству в Сузунском заводе.

**Золотова Галина Васильевна,
ведущий библиограф Новосибирской государственной областной
научной библиотеки**

НОВОСИБИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Важным направлением деятельности библиотек, архивов и музеев является сбор, обработка и сохранение краеведческой информации. Формируются электронные документы по краеведению, поддерживаются собственные сетевые электронные ресурсы, переводятся в цифровой формат и предоставляются в открытый доступ региональные издания. В совокупности учреждения и организации обладают большим массивом краеведческих документов, представляющих интерес для всех категорий пользователей, способных удовлетворить разнообразные запросы, способствовать воспитанию патриотизма и любви к родине.

Приоритетным направлением является объединение краеведческих электронных документов, расположенных на сайтах отдельных организаций, что позволит получить информацию в более полном объеме и при этом сократить время на процесс поиска, так как не нужно искать информацию по немалому списку сайтов, предложенных поисковой системой.

Создание единого электронного культурно-образовательного ресурса по краеведению с перспективой включения в дальнейшем электронных документов учреждений культуры, образования, архивов и научных институтов города и области позволит сохранить уникальные исторические

документы, расширит возможности библиотек и музеев области, повысит качество информационного обслуживания и оперативность предоставления краеведческой информации, будет способствовать интеграции региональных цифровых ресурсов в мировое электронное пространство.

Объединенный ресурс предоставит возможность интегрировать видовое разнообразие электронных документов, например: полные тексты, фотографии, фильмы в различных форматах, в том числе в формате 3D, и иные документы, что позволит пользователю получить более глубокие познания по интересующей его теме.

Предлагаемый проект реализуют Новосибирская государственная областная научная библиотека, Центральная городская библиотека имени Карла Маркса г. Новосибирска и Музей города Новосибирска с возможностью последующего присоединения других организаций города и области. Проект обеспечит равные возможности доступа к краеведческим электронным ресурсам всем желающим получить информацию о городе Новосибирске и Новосибирской области, независимо от местоположения пользователя.

В марте 2012 г. Губернатором Новосибирской области был объявлен «Конкурс социально значимых проектов в сфере культуры и искусства». Выиграл грант совместный проект Новосибирской государственной областной научной библиотеки, Центральной городской библиотеки имени Карла Маркса и Музея города Новосибирска под рабочим названием «Электронный культурно-образовательный краеведческий ресурс».

В июне 2012 г. между Министерством культуры Новосибирской области и Новосибирской государственной областной научной библиотекой был заключен договор о предоставлении гранта на реализацию этого проекта. Реализация проекта была рассчитана на семь месяцев: с июня по декабрь 2012 г.

Основная цель проекта — «позиционирование позитивного имиджа города Новосибирска и Новосибирской области через объединение краеведческих электронных документов по истории и современности на едином культурно-образовательном краеведческом ресурсе с обеспечением оперативной и максимальной доступности легитимных документов пользователям различных социальных групп и различной удаленности от региона».

Перед участниками проекта стояли следующие задачи:

- сохранение и пропаганда культурно-исторического наследия города Новосибирска и Новосибирской области, укрепление их позитивного имиджа в регионе, стране и за рубежом;
- формирование сводного культурно-образовательного ресурса;
- объединение и координация работы библиотек и музеев города и области для организации совместной деятельности по созданию единого культурно-образовательного краеведческого ресурса с открытым доступом

в сети Интернет, развитие новых форм социального партнерства и сотрудничества;

— обеспечение доступности информации о регионе для всех социально-демографических и профессиональных групп населения с учетом их культурных интересов и потребностей.

Электронная коллекция краеведческих изданий двух ведущих библиотек Новосибирска и Музея города Новосибирска первоначально содержала не менее 40 полных текстов редких книг 1920–1930-х гг. издания, годовую подписку журнала «Сибирские вопросы» за 1907–1911 гг., не менее 20 фильмов, не менее 5 виртуальных выставок.

Итогом реализации проекта стал официальный запуск электронного культурно-образовательного ресурса — презентация портала прошла 24 декабря 2012 г. После запуска ресурса его создателями была проанализирована проделанная работа и подведены итоги. На основе полученных выводов спланированы перспективы сотрудничества с партнерами по дальнейшему развитию проекта.

Дальнейшая реализация проекта предполагает работу в следующих направлениях:

— систематическое пополнение электронной библиотеки новыми электронными копиями краеведческих изданий из фондов библиотек и музеев Новосибирска и Новосибирской области;

— увеличение числа участников проекта, привлечение к пополнению и совершенствованию электронного краеведческого портала библиотек, музеев, архивов города и области;

— формирование современной среды для работы пользователя (обратная связь, личный кабинет, краеведческая справочная служба), что позволит в дальнейшем сделать жителей города и области активными участниками работы портала.

В настоящее время посетители нового интернет-ресурса могут ознакомиться с лентой текущих краеведческих новостей; получить информацию о прошлом и настоящем Новосибирской области и города Новосибирска; познакомиться с достопримечательностями региона, с интересными фактами и людьми, внесшими значительный вклад в развитие области; почитать частные воспоминания наших земляков о тех или иных событиях, связанных с историей города и области.

Наполнение портала находится в начальной стадии и впереди предстоит огромная работа по раскрытию разнообразных краеведческих материалов, разбросанных по разным учреждениям, организациям, семейным архивам.

**Бортникова Елена Алексеевна,
магистр исторических наук, ведущий археограф отдела
использования и публикации документов Государственного архива
Новосибирской области**

ИСТОРИЯ ЧАУССКОГО ОСТРОГА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Документы, находящиеся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области, являются важнейшим источником по истории нашего региона. В состав дореволюционных фондов ГКУ НСО ГАО входят и материалы, отражающие историю Чаусского острога.

Все фонды, относящиеся к данной тематике и хронологически охватывающие 1713–1822 гг., можно разделить на несколько условных групп. К первой группе, в составе которой сосредоточилась большая часть документов по истории острога, относятся фонды органов местного государственного управления и сословного самоуправления.

Документы фонда «Чаусский острог» охватывают 1726–1786 гг., причем документ, датированный 1726 г., является наиболее ранним из всех, находящихся на хранении в Государственном архиве Новосибирской области. Большая часть материалов фонда — это указы из Томской воеводской канцелярии Чаусскому острогу, указы, повеления и сообщения о ходе ревизий, документы о розыске и поимке беглых и распределении крестьян на заводские работы, сведения о рекрутских наборах.

Особое место среди материалов фонда занимают документы, отражающие историю Чаусского острога как оборонительного центра. Интересные данные содержит рапорт «благородному господину артиллерии штык-юнкеру Красносельцеву», направленный из Чаусской судной избы 9 июня 1746 г. В рапорте, составленном «по словесному требованию» Красносельцева, отражена информация об имеющихся на тот момент в остроге орудиях: пушках, мелких ружьях и пищалах, количестве пороха, свинца и ядер. Согласно документу, в остроге располагалось пять пушек, из которых четыре были чугунными, а одна медная; сорок одна гладкая пищаль; девяносто мелких и крупных ядер и др. [1, л. 195].

Немалую часть материалов составляют рапорты и переписка о приходе, расходе и продаже соли. К примеру, «Репорт целовальника Федора Ковригина с товарищем в Чаусскую судную избы о продаже казенной соли с 1 октября по 1 ноября 1750 г.», позволяет сделать выводы об объемах продажи и ценах на соль в Чаусском остроге в середине XVIII столетия. За месяц Ковригиным было продано 20 пудов соли и выручено семь рублей [2, л. 6].

В состав фонда «Чаусская судная изба» вошли документы за 1747–1758 гг., отражающие деятельность этого органа (указы из Томской воеводской канцелярии Чаусской судной избе, указы, доношения и переписка о рекрутах, сборе податей, о вывозке хлеба и др.). Судные избы контролировали исполнение заводских повинностей приписным населением и общее управление районами, прилегающими к горнорудным предприятиям, ведали гражданскими и уголовными делами служилого и посадского населения.

Ф.Д-109 «Чаусская судная контора» (1754–1785 гг.) содержит переписку с Томским нижним земским судом по административно-хозяйственным вопросам, указы из Томской воеводской канцелярии, распоряжения о заводских работах, сыске беглых, материалы о взыскании штрафных денег с неявившихся на исповедь и причастие, перевозке и продаже казенной соли и др.

В 1760 г. в Кольвано-Воскресенском горном округе была введена должность земского управителя, который осуществлял хозяйственное управление приписными крестьянами, выполнял административно-полицейские функции. В ГКУ НСО ГАНО сохранился фонд «Чаусский земский управитель», содержащий документ за 1820 г. — «Книга, заверенная Чаусским Земским управителем — роспись крестьян, с отметками об изменениях в семейном положении по селам Чаусской волости» [3].

В фонде Д-78 «Волостные правления Томской губернии» находится ряд документов, отражающих деятельность Чаусского волостного правления и Чаусского земского управителя. Волостные правления, учрежденные в 1798 г., заменили мирские (земские) приказные избы. Материалы за рассматриваемый хронологический период — это рапорты из Чаусского волостного правления земскому управителю, приказы и распоряжения о сыске людей, о винном отпуске, о поставщиках провианта, сборе податей, запрещении порубки казенных лесов, документы о посевах и урожае хлебов, копии манифестов об изгнании французов из Москвы и др.

Документы фонда Д-110 «Чаусский волостной суд» отражают деятельность этого органа за 1745–1800 гг. В суде заседали староста и 2 выборных, которые выбирались из крестьян всей волостью. В фонде содержатся копии императорских и сенатских указов, переписка с волостными судами Томского нижнего земского суда, указы о поставках крестьянами угля и руды, о распределении крестьян на заводские работы, о почтовой гоньбе, сведения о ценах на хлеб и фураж, о сборе податей, о поставке на заводы и рудники провианта и др.

Следующая группа источников — документы религиозных учреждений. Фонд Д-80 «Градо-Кольванская Богоявленская церковь» содержит документы за 1807–1840 гг. Церковь относилась к Томской Духовной консистории, Кольванскому Духовному правлению, Кольванскому (Чаус-

скому) благочинию. Большая часть материалов — это указы из Томской Духовной консистории и Кольванского Духовного правления, копии манифестов. Особый интерес представляет комплекс документов, относящийся к истории строительства каменной церкви в с. Чаус (1811–1822 гг.). В 1811 г. священно- и церковнослужители Богоявленской церкви Чаусского села обратились в Тобольское духовное правление с просьбой разрешить начать готовить материалы для постройки на месте ветхой деревянной церкви каменной и дать на это благословение. На обращение они получили ответ, в котором говорилось, что если прихожане Чаусского села согласны строить каменную церковь и дадут «подписки», «кто из них чем жертвует от своего доброхотства, то заготавливать нужные материалы к тому дозволяется» [4, лл. 1–1 об.]. В 1812 г. его Высокопреосвященство архимандрит Феофилакт предписал «с помощью Божией приступить к исполнению сей христианской обязанности, однако внушить прихожанам дабы они план церкви сделали не превышающим их пожертвований чем бы скорое могли богоугодное дело привести в совершенство, сторонних не требуя пособий» [4, л. 2].

В «Коллекции метрических книг культовых учреждений» содержатся метрические книги Богоявленской церкви с. Чаус. Данный вид документов, включающий в себя акты культовой регистрации (рождения, бракосочетания и смерти), является важнейшим источником информации генеалогического характера. Метрические книги являются и незаменимым источником статистического учета населения. Они позволяют выявить количество демографических событий за год, сравнить число рождений и смертей, установить количество православного населения, узнать информацию о социальном статусе и роде занятий прихода, проследить распространенность заболеваний на его территории [6].

Наиболее ранняя метрическая книга о рождении, браке и смерти Богоявленской церкви Чаусского острога относится к 1781 г. Она состоит из трех частей — «О рождающихся», «О бракосочетавшихся» и «Об умерших». Согласно метрикам, за год причтом Богоявленской церкви зарегистрировано 129 родившихся, из них 67 мальчиков и 62 девочки. Число браков — 46. Третья часть «Об умерших» позволяет проследить количество смертей, их причину, средний возраст умерших. Так, за 1781 г. зарегистрировано 52 умерших, среди них 27 мужчин, 25 женщин [5, л. 9]. Средний возраст смерти мужчин — 38 лет, женщин — 49.

Материалы Государственного архива Новосибирской области, относящиеся к Чаусскому острогу, пользуются популярностью у историков и краеведов. Информация генеалогического характера, содержащаяся в фондах, а особенно «Коллекции метрических книг», вызывает интерес у исследователей, занимающихся своей родословной. Документы по Чаусскому острогу используются учеными, студентами для написания научных

работ, статей, монографий; сотрудники архива привлекают материалы фондов для проведения выставок документов, экскурсий, подготовки телепередач.

Библиографический список

1. ГАНО. Ф. Д-105. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАНО. Ф. Д-105. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАНО. Ф. Д-85. Оп. 1. Д. 1.
4. ГАНО. Ф. Д-80. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАНО. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 1544.
6. Винник М.В. Метрические книги как источник по истории населения России [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2012 г. № 535-536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/analit012.php>

**Лидия Сергеевна Пашенко,
Государственный архив Новосибирской области,
ветеран архивной службы**

УНИКАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ О ПРОЕКТИРОВАНИИ И СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОСИБИРСКОЙ ГЭС

Необходимость строительства ГЭС появилась в нашем городе еще до революции. В 1910 г. жители Новониколаевска уже решали вопрос об освещении улиц и домов керосиновыми фонарями. В 1912 г. жители молодого растущего города решили освятить его электричеством, устроив маленькую станцию. У городской власти возникла идея использовать силу реки. Из городской управы было отправлено письмо купцу Горохову, имевшему мельницу на реке Бердь, с просьбой сведениями. Также власти города обратились к специалистам ряда городов (Томска, Кургана, Риги и др.), имевшим опыт для проведения изыскательских работ на реке Иня и определения места строительства ГЭС, ее предлагаемой мощности, стоимости работ. В фонде Новониколаевской городской управы (Ф. Д-97) сохранились документы, один из которых — «заключение по докладу городского инженера Раммана, связанного со строительством Новониколаевского водопровода и электрической станции» от 21 марта 1912 г. [2]. До 1914 г. продолжалась переписка, споры, размышления, изыскательские работы, но в связи с Первой мировой войной и Октябрьской революцией проекту так и не суждено было осуществиться. Лишь в годы первых пятилеток 1933–1934 гг. по заданию Госплана СССР Гипроводом (Ленгипроводхоз) была выполнена и утверждена схема использования водных ресурсов р. Оби от истока до устья.

Изыскательские работы возобновились в годы войны, но уже на реке Оби. В октябре 1945 г. специально созданной государственной комиссией было определено место строительства Новосибирской ГЭС — село Нижние Чемы вверх по течению Оби, которое обладало наиболее благоприятными геологическими и топографическими условиями для строительства гидроузла. В фонде Новосибирского облисполкома [3] имеется заверенная копия Постановления СМ СССР о мероприятиях по подготовке к строительству новых электростанций Министерства электростанций в 1950 г., датированное 21 января 1950 г. за подписью Председателя Совета Министров СССР И. Сталина. Постановлением разрешалось организовать управления по строительству пяти гидроэлектростанций, в их числе в Новосибирской области. На это «...израсходовать 2 млн рублей, отнести строительство по оплате руководящих и инженерно-технических работников к строкам особой категории, установить персональные оклады начальнику строительства т. Иванову В.В. и главному инженеру Н.Ф. Шапошникову по 6 тыс. рублей в месяц. Облисполкому представить в январе 1950 г. необходимые помещения для размещения управления строительством Новосибирской гидроэлектростанции» [3].

Государственный архив Новосибирской области хранит уникальные документы о проектировании и строительстве этого комплекса. Документальные материалы фондов Новосибирского облисполкома (Ф. Р-1020), Новосибирского областного комитета КПСС (Ф. П-4), Новосибирского совнархоза (Ф. Р-1653), Объединенного управления строительства Новосибирской гидроэлектростанции (Ф. Р-1412), Отдельной экспедиционной гидротехнической группы Обь-Иртышского бассейнового управления (Ф. Р-1282), Искитимского переселенческого пункта по зоне затопления Новосибирской ГЭС (Ф. Р-1318) и др. содержат сведения, которые помогают осветить ход событий по возведению важного объекта для нашей области от первых моментов принятия проекта и до ввода в действие значимого гидроузла. Областная газета «Советская Сибирь» освещала труд тысяч людей, причастных к этому событию. Гидротехнический проект Ленинградского отделения Всесоюзного треста отражает все направления работ по подготовке к строительству Новосибирской гидроэлектростанции на реке Оби. Он включает в себя технические проекты, а также проекты земельного переустройства, лесоочистки ложа водохранилища ГЭС, переселение жителей сел и деревень, всевозможных защитных и санитарных мероприятий.

Вопрос переселения оказался непростым, не менее важным, чем строительство ГЭС, соответственно потребовал детальных разработок. Документы свидетельствуют, что были подготовлены основные положения по определению границ затопления, состав и характеристики населенных пунктов и расположенных в них строений и сооружений, составлены обоснования инженерной защиты и переноса отдельных населенных пунк-

тов. Это все требовало точных расчетов. Составлялись списки строений и сооружений, расположенных в зоне водохранилища, принадлежавших государственным учреждениям и предприятиям, колхозно-кооперативным и общественным учреждениям. Отдельно составлялись акты обследования строений и сооружений (с указанием степени их износа), принадлежавших рабочим, колхозникам, служащим. Велись экономические расчеты капиталовложений, организовывались специальные учреждения, отделы переселения, предприятия местного значения. В схематический план водохранилища вошли старые и новые населенные пункты [4]. В техническом проекте сохранились альбомы натуральных съемок, таблицы, чертежи, отражающие все направления: водное хозяйство, энергетику, станционный узел, связь, водоснабжение, а также сводные ведомости об объеме санитарных работ по подготовке водохранилища и заключение областной санитарной инспекции.

Изыскательские работы возобновились в годы войны. В начале августа 1945 г. комплексная экспедиция Ленинградского отделения Всесоюзного треста Гидроэнергопроекта под руководством С.Я. Жуковского начала изыскания места для створа будущей плотины и электростанции. Экспедиция наметила четыре створа: около поселков Бугры, Матвеевка и деревень Нижние Чемы и Малое Кривошеково. В середине октября того же года для окончательного решения этого вопроса в Новосибирск приезжала правительственная комиссия под председательством профессора П.И. Василенко. Комиссия заслушала доклады инженера-геолога С.Я. Жуковского и главного инженера проекта ГЭС В.А. Берга. Было отмечено, что лучшим, исходя из геологических условий, был нижнее — бугровский вариант створа, ограниченный на правом берегу Оби улицей Добролюбова, а на левом берегу — каменным карьером, где глубоко залегали грунты. Но оно оказалось неприемлемым по условиям затопления водохранилища, так как затоплению подвергались железнодорожный двухпутный мост (Комсомольский), подходы к нему, некоторые городские кварталы, промышленные предприятия, железнодорожная линия Новосибирск–Барнаул и селение Бугры. Рассматривались еще восемь вариантов створов: мало-кривошековский, матвеевский, нижнее- и верхнее-ельцовские, огурцовский, три варианта у Нижних Чем. Третий вариант створа нижнечемский, при котором достаточно прочные коренные породы песчаников и сланцев выходили на дневную поверхность и позволяли удобно расположить бетонные сооружения, был принят к реализации.

В 1945–1946 гг. комплексная изыскательская экспедиция, возглавляемая горным инженером В.С. Кузнецовым, развернула на месте строительства ГЭС гидрологические и топографические работы. Окончательный проект ГЭС был составлен Ленинградским отделением Гидроэнергопроекта (главный инженер проекта А.В. Егоров). Весь комплекс состоял из зда-

ния ГЭС, бетонной водосливной плотины и дамбы, судоходного канала, одностороннего трехкамерного шлюза. Общая длина подпорных сооружений составляла около 4800 метров. В зону затопления водохранилища попало несколько десятков населенных пунктов, и поэтому предстояло перевести на новые места тысячи строений, переселить десятки тысяч людей, вырубить в зоне затопления лес площадью 33 тыс. га. В схеме водохранилища, в зоне затопления оказались населенные пункты в округе города Бердска и трех районов Новосибирской области: Новосибирского сельского, Ирменского, Ордынского и двух районов Алтайского края — Крутихинского и Каменского. Из зоны переселения предстояло переселить и было переселено по г. Бердску — 11912 человек, по Новосибирскому сельскому району 3 населенных пункта — 2994 чел., по Искитимскому району 17 населенных пунктов — 4103 чел., по Ирменскому району 11 населенных пунктов — 5313 чел., по Ордынскому району по левому и правому берегам 14 населенных пунктов — 6269 человек [5]. По сохранившемуся перечню в 51 населенном пункте области в план затопления попали 10307 дворов, из них полностью затоплено 3249. Среди них — селения, в которых числилось от 100 до 400 дворов. Это Верхние Чемы, Тюменкино, Верхняя Ельцовка, Атоманово, Морозово, Красный Яр, Тюменово, Еремино, Пичугово, Старый Шарап, Новостроец, Елбань, Усть-Хмелевка и др. Под площадку строительства был определен населенный пункт Нижние Чемы, в нем по плану значилось 204 двора, которые пошли под затопление. В фонде Новосибирского областного комитета КПСС [6] имеется «Докладная записка о мероприятиях по переселению и переносу на новые места предприятий, строений и сооружений в связи со строительством Новосибирской гидроэлектростанции», датированная 28 февраля 1952 г. Документ направлен был заместителю председателя Совета Министров СССР тов. Г.М. Маленкову. В ней сообщалось, что «...в связи с образованием водохранилища Новосибирской ГЭС на территории Новосибирской области подлежит затоплению площадь 80,7 тыс. га, в том числе сельскохозяйственных угодий — 20,8 тыс. га, лесов и кустарников — 36,1 тыс. га, из них государственного значения — 30,6 тыс. га, прочих земель — 23,8 тыс. га» [6]. Затоплением затрагивается 4 административных района, г. Бердск, районный центр — с. Ордынское, 30 укрупненных колхозов. Из зоны затопления необходимо было в течение четырех лет (1952–1955 гг.) переселить 30 тыс. человек населения, перенести на новые места и снести 30227 строений и сооружений объемом 1850 тыс. кубометров, из них объектов производственных — 122, вспомогательных — 157, торгово-складских — 532, культурно-просветительных — 104, лечебно-санитарных — 156, коммунально-бытовых — 88, жилых — 7189, хозяйственных — 21813, итого — 30227 (Д. 400. Л. 16, 17). Кроме того, отмечалось, что образование водохранилища требует «...переустройства железнодорожного

моста через реку Бердь и подходов к нему протяженностью 4,2 км, строительство нового автогужевого моста через реку Бердь, переустройство 6 км Бердского шоссе и 20,4 км тракта Новосибирск–Камень, строительства 127 км проселочных дорог взамен затапливаемых 146 км линий связи, защитных сооружений, 8 населенных пунктов» (Д. 400. Л. 17). Для выполнения такого большого объема работ исполком Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся и обком ВКП(б) обратились в Совет Министров СССР с просьбой, разрешить организовать в 1952 г. в Новосибирской области трест «Новосибирскспецстрой» в системе Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР для обеспечения строительства объектов местных Советов, министерств и ведомств РСФСР в сельской местности; трест «Бердскжилкоммунстрой» в системе Министерства коммунального хозяйства РСФСР для выполнения работ по переносу на новое место строений и сооружений из затапливаемой части г. Бердска; трест «Новосибирсксельстрой» в системе Главного управления делами сельского и колхозного строительства при СМ РСФСР для переноса и строительства производственных и культурно-бытовых помещений колхозов, и две машинно-дорожные станции в системе Главного Дорожного Управления при СМ РСФСР для строительства в НСО дорог взамен затапливаемых. В связи с отсутствием в области проектных организаций местного подчинения в 1952 г. в г. Новосибирске организовать отделение Государственного института по проектированию сельских населенных пунктов «Гипросельстрой». Для обеспечения строительными материалами расширить существующие и строительство новых предприятий по производству местных материалов. Для этого использовать 12 млн рублей из средств, передаваемых Министерством электростанций СССР на проведение мероприятий по водохранилищу Новосибирской ГЭС. На создание производственной базы и организационные расходы трестам разрешено СМ РСФСР в 1952 г. использовать 3 млн рублей из средств, передаваемых Министерством электростанций СССР за выплату компенсаций за перенос затапливаемых строений.

После публикации постановления Совета Министров СССР (от 21 января 1950 г.) о строительстве Новосибирской ГЭС к месту событий потянулся поток людей, желающих принять участие в сооружении первой электростанции на Оби. Сотни прибывших на стройку из разных городов страны нашей области строителей жили в брезентовых палатках, вагончиках, на квартирах в окрестных деревнях. Быстро стали возникать жилые временки, землянки. Первопроходцы терпеливо переносили трудности быта.

Развернувшееся строительство было широко механизировано. На стройке работало десятки экскаваторов, бульдозеров, тракторов, несколько сот автомашин. Около котлована построили механизированный бетонный завод производительностью 100 м куб. в час, склады цемента, рядом с се-

лом Буготак открыли каменный карьер, у которого стали строить поселок строителей. Строительство раскинулось на десятки километров. На обоих берегах строили жилые поселки с магазинами, клубами, столовыми, детскими садами, больницами. Руководили стройкой начальник «Новосибирскгэсстроя» И.М. Иванов, главный инженер В.С. Эристов, инженер Неклюдов и др.

По плану намечалось в июне 1957 г. ввести в эксплуатацию два агрегата. В 1959 г. на полную мощность была пущена Новосибирская гидроэлектростанция — первая в Обском гидроэнергетическом каскаде. Семь гидроагрегатов станции обеспечивали установленную мощность 400 тыс. кВтч. Створ сооружений ГЭС был выбран в нескольких километрах от Новосибирска выше по реке. Общая длина напорного фронта сооружений составляла около 5 км. Величина напора — 19,5 м. В состав гидроузла входили: станционное здание, бетонная водосливная плотина, трехкамерная система судоходных шлюзов и земляные дамбы на левом и правом берегах. Бетонные сооружения гидроузла — станционное здание и водосливная плотина — были размещены в русловой левобережной части створа. Совмещенный тип здания ГЭС позволил не только разместить в нем гидросиловое оборудование, но и пропускать часть паводковых расходов воды по специальным напорным водоспускам в обход турбин, что значительно сохраняло длину водосливно-го фронта плотин. Длина станционного здания 180 метров. ГЭС оборудовалась поворотными лопастными турбинами. Непосредственно к станционному зданию с его русловой стороны примыкает водосливная плотина длиной 188 м и высотой 35 м. Водосливной фронт ее образует восемь отверстий шириной по 20 метров. Водосливная плотина смыкается с глухой земляной плотиной длиной 3 км, пересекающей часть русла реки и широкую правобережную пойму. Тело плотины намыто из песчаных грунтов. Судоходные шлюзы железобетонной конструкции размещены у правобережного конца земляной плотины и соединены с нижним бьефом подходным каналом. Общая длина судоходных сооружений 7 км. Новосибирское водохранилище имеет длину 230 км. Подпор воды распространяется вверх по Оби до г. Камня. Емкость водохранилища 8 км куб. Площадь зеркала превышает 1000 кв. км.

В мае 1953 г. был уложен первый бетон в нижний ярус монтажной площадки ГЭС, введен в эксплуатацию ремонтно-механический завод (ныне НЭМЗ), в 1954 г. — Левобережный бетонный завод. Весной 1955 г. начата укладка бетона в водосливную плотину. Образована дирекция строящейся ГЭС — директор К.А. Князев, главный инженер Б.К. Дубровский. Русло реки было перекрыто в конце навигационного периода, что исключало перерыв в судоходстве на реке. Все десять дней перекрытия областная газета сообщала жителям города и области, как обстоят дела на ГЭС. Спецкорреспонденты А. Деев, А. Алексеев, Г. Парфенов в каждом номере давали сообщения с мест

событий, фотокорреспонденты С. Ахмеров, Б. Шумаков публиковали снимки, а рисунки, зарисовки карандашом и плакаты С. Калачева украшали страницы газет «Советская Сибирь» и «Академстроевец».

27 июня 1957 г. речники Оби успешно провели пробное шлюзование на ГЭС. Затворы камер и водопроводных галерей, аварийные ворота работали нормально. Прошедшие по каналу и шлюзу теплоходы открыли путь на Алтай и в районы Новосибирской области. В июле начат монтаж первого агрегата, который 10 ноября дал первый промышленный ток, 31 декабря введен в работы второй агрегат, а последний — 7-ой — 31 марта 1956 г. ГЭС вступила во временную эксплуатацию.

В 1959 г. дирекция строящейся Новосибирской ГЭС была преобразована в дирекцию действующего предприятия. 12 августа 1961 г. Государственная комиссия приняла ГЭС в промышленную эксплуатацию, мощность которой 400 тыс. кВтч. Через пять лет все затраты на строительство комплекса окупились полностью. В ходе строительства сотни строителей были отмечены правительственными наградами.

На 1 января 2001 г. ГЭС выработала 79792018 тыс. кВтч. электроэнергии. Основное назначение ГЭС — регулировать работу энергетической системы, снабжающей электроэнергией предприятия промышленного района Новосибирска, электрофицированные линии железных дорог, сельскохозяйственных потребителей области. Водохранилище ГЭС обеспечивает глубоководный путь для большегрузных судов озерного типа вверх по Оби до г. Камня и судоходную трассу до Искитима по затопленному руслу правобережного притока Оби — реки Берди.

Архивные документы возвращают нас в далекие годы, к тем грандиозным событиям на берегах Оби, свидетелями и участниками которых были тысячи и тысячи людей, создавших Новосибирское искусственное водохранилище, названное в народе Обским морем.

Источники

1. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 35а.
2. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д.48.
3. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп.2. Д. 32.
4. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 1.
5. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 3.
6. ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 7. Д. 11.
7. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 400.
8. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 11.
9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 431.
10. ГАНО. Ф. П-11796. Оп. 1, 2. Д. 36.
11. ГАНО. Ф. П-11796. Оп. 1, 2. Д. 53.
12. ГАНО. Ф. П-11796. Оп. 1, 2. Д. 53а.

13. ГАНО. Ф. П-11796. Оп. 1, 2. Д. 367.

Библиографический список

1. Савкин В.М. Новосибирское водохранилище. Природные ресурсы Новосибирской области. — Новосибирск, 1986.
2. Дубровский Б.К. Над широкой Обью: рассказ о Новосибирской ГЭС. — Новосибирск, 1957.
3. Новосибирское водохранилище // БСЭ. 3-е изд. — М., 1974. — Т. 18. — С. 81.

Кривченко Евгения Юрьевна,
магистрант 2 курса Института истории, гуманитарного и социального
образования Новосибирского государственного педагогического
университета

Научный руководитель: Зверев Владимир Александрович,
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной
истории Новосибирского государственного педагогического
университета, ведущий научный сотрудник сектора
историко-демографических исследований Института истории СО РАН

ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ КОЛЫВАНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 1957–2011 ГГ.

История р.п. Колывань и селений Колыванского района неизменно вызывают интерес историков, краеведов и журналистов. Задачей настоящей статьи является количественная и тематическая характеристика корпуса публикаций исследовательского, научно-популярного, публицистического и художественного характера, а также публикаций источников по истории Колывани и Колыванского района. Мы провели выборку соответствующих библиографических описаний, размещенных в ежеквартальном указателе «Литература о Новосибирской области» в 1957–2011 гг. [7].

Выяснилось, что публикации по местной истории, обычно рассматривающие ее в контексте российских событий, чаще всего за последние 54 года появлялись в периодической печати: газетах «Трудовая правда» (Колывань) и «Советская Сибирь» (Новосибирск). Среди авторов, которые разрабатывали историю Колывани и Колыванского района, были сотрудники академических институтов СО РАН (А.Ю. Майничева, В.И. Молодин, Е.Ф. Фурсова, В.И. Шишкин и др.), преподаватели Новосибирского государственного педагогического университета (А.П. Бородовский, В.А. Зверев, Т.Н. Троицкая и др.), а также журналисты В. Гордиенко, Д. Дулин, музейный работник В.А. Курицкая и др.

Мы подсчитали, что труды по истории Колывани и Колыванского района составляют около 7 % всех опубликованных в указанный период работ по истории Новосибирской области (без Новосибирска). При этом динамика численности публикаций представлена следующим образом: до середины 1990-х гг. их ежегодное количество увеличивалось, затем оно стало сокращаться. Наибольший интерес у исследователей сюжеты колыванской истории вызывали в период 1990–2000 гг. (см. рисунок).

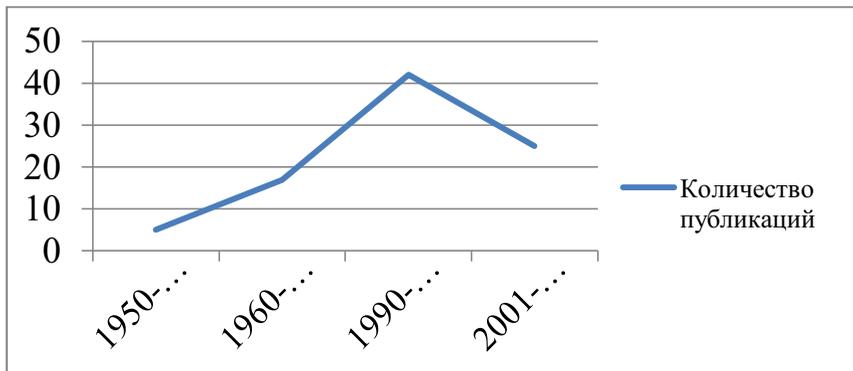

Рис. Динамика общего количества публикаций по истории Колывани и Колыванского района, вышедших в 1957–2011 гг.

Публикации отличаются жанровым разнообразием: за 54 года издано научно-популярных статей — 34; научных статей — 16; научных монографий — 14; тезисов выступлений на конференциях — 12; публицистических очерков — 11; художественных рассказов — 5. Все публикации мы разделили по проблемно-тематическому принципу на несколько групп, которые кратко здесь охарактеризуем в порядке, определенном количеством публикаций (по убывающей).

1. Описание археологических исследований и находок на территории Колыванского района. В эту группу входят работы Т.Н. Троицкой, Е.Н. Сидорова о большереченской культуре [21, с. 97–105]. А.А. Адамов, А.П. Бородовский изучали предметы скифо-сибирской культуры на могильнике Почта-3 [1, с. 50–55]. В.И. Молодиным с соавторами составлена карта археологических памятников Колыванского района [14]. Сведения об археологических открытиях на территории Колыванского района содержатся в сборниках, опубликованных центральными издательствами [3].

2. Историческое прошлое г. Колывани, основание первых поселений на территории Колыванского района. К соответствующей группе относятся монография Л.Л. Матвеевой и В.Л. Гусаченко [12], переиздание очерка А. Югова [25, с. 53–56]. Дискутировался вопрос о дате основания Колывани

[10, с. 47–57]. Отметим и библиографический указатель литературы, составленный Кольванской центральной библиотекой к 50-летию района [16].

3. Установление советской власти и контрреволюционный мятеж в июле 1920 г. в Кольванском районе. Этот сюжет представлен в работах историка В.И. Шишкина [например: 24, с. 132–148], публицистов Ю. Антошина [2], М. Сеницына [20] и др. Он весьма популярен у журналистов и краеведов, часто освещается местной периодической печатью.

4. Политическая ссылка в Западной Сибири (в том числе в Кольванском районе) и репрессии на территории района. О Кольвани как месте ссылки в разные периоды истории написано в монографии Д.П. Роцевской [18]. О пребывании в ссылке в с. Пихтовка Кольванского района повествуют воспоминания А.И. Цветаевой [23]. О жителях Кольванского района, репрессированных в 1937–1938 гг., неоднократно вспоминала газета «Трудовая правда».

5. Чаусский острог. Поселение, основанное в 1713 г., исследовали С.Р. Долгова и Д.Я. Резун [5, с. 224–225], другие ученые. А.Ж. Садыров на документальной основе написал книгу художественных рассказов, включающую и чаусско-кольванские сюжеты [19].

6. Памятники архитектуры на территории Кольванского района. Постановлением коллегий Министерства культуры РСФСР и Госстроя РСФСР, президиума Центрального совета ВООПИиК поселение Кольвань в 1990 г. отнесено к числу исторических мест России [17]. До настоящего времени центральная часть поселка сохранила историческую планировку, памятники деревянного зодчества представляют культурно-историческую ценность. Большую информацию по этому вопросу можно найти у Л.Л. Матвеевой [11, с. 43–45] и В.Г. Горбачёва [4, с. 290–291]. Деревянные постройки в поселениях Кольванского района изучала А.Ю. Майничева [8, с. 143–160].

7. Повседневная жизнь главных социальных групп кольванского населения в досоветский период (купечество, крестьянство). В работах Т.С. Мамсик дается характеристика приписной деревни XVIII — первой половины XIX в., занятий населения Чаусского Приобья [9]. Статья Е.Ф. Фурсовой посвящена изучению праздников и обрядов чалдонов Чаусской волости в конце XVII — начале XX в. [22, с. 102–119]. О жизни горожан, меценатской деятельности промышленников и купцов Кольвани можно прочитать у Л.Л. Матвеевой и В.Л. Гусаченко [13, с. 40–41], Г.А. Ноздрина [15, с. 20–21]. В.А. Зверев в серии публикаций ввел в научный оборот мемуарный источник — записки крестьянина С.И. Курина по миграционной, экономической, социальной, криминальной истории с. Сидоровки, основанной переселенцами-чувашиами во второй половине XIX в. [6, с. 153–178].

Этими самыми популярными сюжетами не исчерпывается проблематика имеющихся публикаций по истории Кольвани и Кольванского района. Однако можно выделить, по крайней мере, несколько тем, которые пока не находят отражения в имеющихся публикациях: воспроизводство

народонаселения (историческая демография), система сельского и городского самоуправления, обычное право местного населения и др.

Библиографический список

1. Адамов А.А., Хрисонопуло Г.Ю., Бородовский А.П. Предметы скифо-сибирского стиля из Новосибирского Приобья // Известия Сибирского отделения АН СССР. — 1990. — Вып. 2.

2. Антошин Ю.Г. Время больших перемен. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980.

3. Археологические открытия 1978 г. / под ред. Б.А. Рыбакова. — М.: Наука, 1979.

4. Горбачёв В.Г. Город Колывань: (историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX вв.). — Новосибирск: Наука, 1977.

5. Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском острове // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. — Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии АН СССР, 1984.

6. Зверев В.А. «Жить, чтобы люди завидовали»: социокультурная история переселенческой деревни в семейном предании Куриных // Актуальные вопросы истории сибирской провинции XVI–XX вв. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. — Вып. 6.

7. Квартальник [Электронный ресурс]: ежекварт. указ. лит. о Новосибирской обл.: информ.-поиск. система / Новосиб. обл. науч. б-ка. — URL: <http://www.ngonb.ru/quart/index.php?edition=1§ion=2> (дата обращения: 08.02.2013).

8. Майничева А.Ю. Деревянные постройки в поселениях Колыванского р-на Новосибирской обл. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998.

9. Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009.

10. Матвеева Л.Л. О дате основания г. Колывань // Новосибирский архивный вестник. — 1999. — № 2.

11. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Исторический план г. Колывани архитектора К. Турского (1834 г.) // Проблемы историко-культурного наследия Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск: СО Акад. архитектуры и строит. наук, 1997.

12. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Колывань историческая. — Новосибирск: Наука, 1996.

13. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Сибирский город и его жители: роль городского сообщества в градостроительной политике // Дарование. — 1997. — № 2.

14. Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского р-на Новосибирской обл. — Новосибирск: Наука, 1996.
15. Ноздрин Г.А. Евграф Жернаков // Деловая Сибирь. — 1994. — № 40.
16. О земле любимой: библиогр. указ. (к 50-летию Кольванского р-на) / сост. О.И. Макарова. — Кольвань: Центр. б-ка, 2005.
17. Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. — Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии АН СССР, 1992.
18. Роцевская Д.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. — Тюмень: ТюмГУ, 1976.
19. Садыров А.Ж. Суженый: новониколаевские исторические торочки. — Новосибирск: НПО СП России, 2010.
20. Синицын М. Сибирь: Кольванский мятеж. — Новосибирск: Полиграфкомбинат, 2006.
21. Троицкая Т.Н., Сидоров Е.Н. Жилища большереченской культуры в Приобье // Жилища народов Западной Сибири. — Томск: ТГУ, 1991.
22. Фурсова Е.Ф. Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского окр. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII — начало XX вв.). — Новосибирск: Ассоц. сиб. и дальневост. городов, 1992.
23. Цветаева А.И. Моя Сибирь. — М.: Сов. писатель, 1988.
24. Шишкин В.И. Кольванский мятеж: (документальная хроника) // Сибирские огни. — 1990. — № 10.
25. Югов А. Кольвань: очерк 1927 г. // Горница. — 1997. — № 2.

Франк Артем Владимирович,
аспирант кафедры Всеобщей истории, историографии
и источниковедения Новосибирского государственного
педагогического университета

Научный руководитель: Умбрашко Константин Борисович,
доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей
истории, историографии и источниковедения Новосибирского
государственного педагогического университета, председатель
Правления Новосибирского регионального отделения Российского
общества историков-архивистов

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в России получили большое распространение благотворительные общества, являвшиеся основным зве-

ном в оказании помощи неимущим. Благотворительные общества имели чёткую организационную структуру, часть их капитала составляли членские взносы. В каждом обществе имелась группа активистов, которые осуществляли сбор и распределение частных пожертвований. В период столыпинской аграрной реформы финансовую помощь обществам оказывало и государство. Большинство обществ осуществляло свою деятельность в пределах одного населённого пункта, но были и всероссийские: Красного Креста, Спасения на водах, Попечительного о тюрьмах комитета, Попечительства о домах трудолюбия и работных домах и др. Можно выделить несколько форм благотворительных обществ: собственно благотворительные общества, светские и церковно-приходские попечительства, иногда создавались дамские комитеты.

В 1898 г. из 10934 благотворительных обществ Российской империи на Сибирь и Дальний Восток приходилось 383 общества, или всего 3,5 % [1, т. 2, с. 330].

Система благотворительных обществ в Сибири складывалась постепенно в течение всего XIX в. по мере развития предпринимательских хозяйств, рабочего и крестьянского движения. Одними из первых, вероятно, были губернские попечительства о тюрьмах, образованные на основе казённых и частных капиталов для заботы о быте арестантов, их детях и ссыльных стариках. В конце XIX в. уже никто не помнил дату их основания. Первые благотворительные общества возникли в Томской и Иркутской губерниях в 1800–1805 гг., но к середине XIX в. их насчитывалось в Сибири всего 11 [3, с. 36].

Из существовавших в 1898 г. в Сибири 352 филантропических обществ (без Дальнего Востока) 173 контролировало Министерство внутренних дел, 80 — Русская Православная церковь, 46 — Министерство юстиции, 20 — Ведомство императрицы Марии, 18 — Российское общество Красного Креста, 9 — Попечительство о домах трудолюбия и работных домах, 3 — Министерство просвещения, 2 — Министерство императорского двора и 1 — Министерство финансов. Преобладание обществ Министерства внутренних дел связано с тем, что на МВД возлагалась обязанность давать разрешение на открытие частных благотворительных обществ и контролировать их деятельность. Если в XVIII в. преобладала церковная благотворительность, то во второй половине XIX в. доля последней составляла лишь около 23 % обществ [3, с. 37].

Из девяти министерств и ведомств, курировавших филантропическую помощь в Сибири, два (МВД и Русская Православная церковь) осуществляли все формы благотворительности, семь остальных работали в строго определённых сферах.

Министерство юстиции поддерживало благотворительные организации, оказывающие помощь арестантам, каторжникам и ссыльным. Основ-

ная часть капитала этих обществ отчислялась из бюджета Министерства и заметно меньшую долю составляли добровольные взносы. В каждой губернии основывались губернские попечительные о тюрьмах комитеты с отделениями в тех уездах, где имелись тюремные замки. Министерство юстиции курировало восемь приютов для детей арестантов и семь поселенческих богаделен.

Ведомство императрицы Марии содержало детские приюты, родо-вспомогательные отделения и осуществляло призрение слепых, Общество Красного Креста и общины сестёр милосердия при них оказывали беднейшему населению медицинскую помощь, Попечительство о домах трудолюбия и работных домах создавало рабочие места, Министерство просвещения курировало три школы, а Министерство финансов и Министерство императорского двора — три больницы.

Ведущими направлениями благотворительной деятельности являлась помощь бедным (73 общества). В настоящее время она осуществляется главным образом в виде бесплатных столовых, а тогда была сложнее и разнообразнее. Прежде всего, обращалось внимание на оказание бедным бесплатной медицинской помощи. Этим занималось 36 обществ и их отделений. Другой формой помощи являлись ночлежные дома (15) и лишь третью позицию занимали дешёвые и бесплатные столовые, поскольку Сибирь славилась дешёвизной продуктов. Менее распространёнными оказались другие формы помощи бедным: в трёх губерниях имелись четыре дома трудолюбия для безработных, в двух губерниях содержались дешёвые и бесплатные квартиры, в трёх действовали общества помощи переселенцам, а в Тобольской губернии работали ковровая и швейная мастерские, где предоставлялись рабочие места.

Одним из ведущих направлений благотворительной деятельности была помощь образованию — её оказывали 46 обществ. Следует учитывать, что образование дети получали в приютах, где воспитывались сироты и дети бедняков. Таких приютов в Сибири насчитывалось 44. Содержание одиноких стариков и инвалидов осуществляли 69 богаделен. Специальная благотворительность для инвалидов только начала зарождаться.

Имеющиеся данные о пожертвованиях, основных капиталах и расходах благотворительных обществ не совсем полны. Власти поощряли филантропию, не облагали её налогами, поэтому если общество само не представляло каких-либо сведений о своей деятельности, то от него их и не требовали. В каждой губернии от 5 до 15 обществ не представляли сведений об основных своих капиталах, поэтому такого рода обобщённые данные заведомо будут занижены. Основные капиталы благотворительных обществ на 1898 г., например, составляли довольно значительную сумму — 6 024 683 руб [2, с. 43].

Значительно расширилась сфера благотворительности: кроме традиционных основных направлений появился ряд новых. Благотворительность охватила сферу науки, культуры, спорта и производства. В Сибири возникло семь научных и технических обществ, которые возглавляли известные сибирские учёные-профессора Е.Л. Зубашев, А.А. Кулябко, В.А. Обручев, В.А. Сапожников, А.Е. Смирнов. Благотворительную помощь в сфере культуры оказывали 14 обществ, были среди них и национальные. Зарождались общества по защите природы. Их насчитывалось три: Общество защиты животных, Общество благоустройства дачных местностей и Общество контроля за охотой. Кроме того, три общества курировали развитие спорта. Крупнейшим из них было Общество содействия физическому развитию, организованное в 1895 г. известным врачом В.С. Пируским.

В начале XX в. изменилась позиция государства по отношению к благотворительности. В XIX в. государство стимулировало частную благотворительность, не вкладывая своих средств. Резкий рост переселений привёл к истощению частных благотворительных касс. Становилось ясно, что одной частной благотворительности недостаточно. П.А. Столыпин, проводя аграрную реформу, резко увеличил ассигнования на благотворительные цели, частная благотворительность стала лишь дополнять государственную. В Сибири правительство открыло бесплатные переселенческие больницы, считавшиеся лучшими в крае. По пути движения переселенцев размещались врачебно-питательные пункты, где медицинскую помощь и питание можно было получить по низким ценам или бесплатно [4, с. 45].

В начале XX в. резко увеличилась профессиональная благотворительность. Число профессиональных благотворительных обществ возросло с 3 до 18.

Таким образом, в начале XX в. в Сибири сложилась сеть благотворительных обществ. Государственная филантропия дополнялась частной. Благотворительность ещё не удовлетворяла полностью потребности края, но постоянно развивалась. В 1917 г. эта система была сломана.

Библиографический список

1. Благотворительные учреждения Российской империи: в 3 т. — СПб.: Соцэкгиз, 1980. — Т. 2. — 510 с.
2. Бочанова Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. / Г.А. Бочанова, Л.М. Горюшкин, Г.А. Ноздрин. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал Гео, 2000. — 212 с.
3. Горюшкин Л.М. Новосибирск в историческом прошлом / Л.М. Горюшкин, Г.А. Бочанова, Л.Н. Цепляев. — Новосибирск: Наука, 1978. — 293 с.
4. Переселение и землеустройство за Уралом в 1912 г. — СПб.: Типография Ю.Н. Эрлиха, 1913. — 501 с.

**Мовсисян Манушак Абеловна,
студентка 4 курса Новосибирского государственного
педагогического университета**

**Научный руководитель: Баяндин Владимир Ильич,
кандидат исторических наук, ученый секретарь Новосибирского
государственного педагогического университета, член Правления Но-
восибирского регионального отделения Российского общества исто-
риков-архивистов**

ПИСЬМА И.В. СТАЛИНУ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

Статья посвящена письмам представителей разных слоев населения, адресованным И.В. Сталину и опубликованным в периодической печати довоенных лет. Анализ опубликованных писем дает возможность проследить, насколько менялась их форма и содержание в зависимости от политической обстановки в стране, позволяет проследить процесс формирования культа вождя в общественном сознании граждан страны.

Следует указать на главную особенность и специфику периодической печати и газетной периодики в частности. Газетная периодика — это средство идеологического воздействия. Информационное содержание газеты сильно зависело от того, кому это издание принадлежало, будь то государство, партия или какое-либо ведомство. В стране существовала жесткая партийно-государственная цензура, которая охватывала все без исключения периодические издания.

Мы рассматриваем лишь одну из форм подачи информации на страницах периодической печати — письма читателей. Такие публикации использовались, прежде всего, для иллюстрации положения на местах, для демонстрации народного мнения, успехов на местах и поддержки действий власти. Письма читателей к И.В. Сталину — это некий жанр, который служил средством общения народа и великого вождя, т.к. впоследствии подобная форма обращения приобрел достаточно регулярный характер.

В основу нашей работы легли публикации на страницах двух газет — «Правды» — орган ЦК и МК ВКП(б), и «Советской Сибири» — орган Зап.-Сиб. Крайкома ВКП(б), Крайисполкома, Крайсовпрофа и Новосибирского Горкома ВКП(б) (1930–1937 гг.), орган обкома и горкома ВКП(б) Новосибирского Облисполкома (1937–1958 гг.).

Первая представляет интерес как центральный печатный орган партии, который был уполномочен трактовать решения государственного и партийного руководства, вторая — как старейшее печатное издание Новосибирской области, которое более подробно рассказывало о положении и развитии Западной Сибири.

Временные рамки статьи охватывают три года — 1931, 1935 и 1939 гг. Нами было выбрано 3 месяца, один из которых связан с важнейшим праздником в истории Советского Союза, это ноябрь. А два других месяца — март и август соответственно, практически лишены каких-либо государственных либо партийных праздничных дат. Выборку по газете «Правда» брали только за 1931 г. (все 3 месяца). Это позволит проследить, есть ли такие письма в ней, и даст возможность сравнить письма этих двух газет.

За весь просмотренный нами период на страницах «Советской Сибири» было опубликовано 13 писем, адресованных к И.В. Сталину. Социальный состав авторов писем достаточно разнообразен, хотя в нем заметно преобладают рабочие-стахановцы и колхозники-ударники. Но, кроме того, представлены: техническая интеллигенция, военные, население некоторых союзных республик, представители партийного руководства компартий других стран (например, послание ЦК компартии США).

Могут возникнуть вопросы по поводу подлинности авторства писем. Но все же мы предполагаем, что письма писали сами читатели, а не какая-то специальная группа лиц. Несомненно, письма проходили тщательную проверку, печатали далеко не все, а только те, которые наиболее полно соответствовали идеологии, несли в себе положительные оценки деятельности партии, руководства страны и самого Сталина. Чаще всего письма носили коллективный характер, в таком случае авторами выступали участники слетов, съездов, собраний, митингов, но есть и персональные послания, адресованные великому вождю.

Если смотреть на количественное соотношение между этими 3 месяцами, то чаще всего эти письма встречаются в ноябре — 7 писем, в марте — 5, а в августе всего 1. Это цифры за все 3 года, которые мы рассматриваем. Здесь необходимо обратить внимание на события, которые, возможно, повлияли на такое количественное соотношение писем.

В ноябре 1935 г. на страницах «Советской Сибири» главным образом уделяется внимание таким темам, как организации стахановского движения в крае, общегородского слета стахановцев г. Сталинска, как известно, в тот период времени территория Кузбасса входила в состав Новосибирской области. В это время проходит в Москве Первое Всесоюзное совещание рабочих и работниц-стахановцев.

Ноябрь 1939 г. посвящен обсуждению кандидатов в депутаты местных советов на окружных предвыборных совещаниях. В это же время проходит внеочередная V сессия Верховного Совета СССР первого созыва, на которой обсуждаются вопросы о включении Западной Белоруссии и Западной Украины в состав Советского Союза. Несколько номеров посвящены XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а также двадцатилетию Первой Конной армии.

При рассмотрении писем Сталину мы, помимо анализа содержания писем, также фиксировали авторов этих посланий. Интеллигенции принадлежит лишь одно письмо, опубликованное в номере от 9 марта 1931 г. В нем говорится о стремлении «еще теснее сплачиваться с рабочим классом под руководством ВКП(б)» [1, с. 4], содержится призыв откликнуться на обращение Сталина по овладению техникой. В следующей группе из семи писем авторство принадлежит колхозникам, рабочим и трудящимся. Эту группу открывают письма Краевого съезда колхозников ударников. Съезд высоко оценил деятельность Сталина при выработке «Примерного устава сельхозартели [2, с. 1]. Главное, что участники съезда обещают И.В. Сталину точно и нерушимо выполнять «Примерный устав сельхозартели», а также они берут на себя обязательство помочь отсталым колхозам подняться до уровня передовых. В своем письме на закрытии съезда, участники берут еще одно обязательство на себя перед ЦК партии — «грудью встанем на защиту нашего рабоче-крестьянского государства» [3, с. 1].

Слет стахановцев г. Сталинска в своем письме пишет об успехах ударников, которые перевыполняют план в 2, 3, 4 раза. Стахановцы рассказывают, какими методами они добились таких высоких результатов и, прежде всего, в их успехе, большую роль сыграли слова и призывы самого Сталина [4, с. 1]. Участники этого слета в своем письме твердо обещают Сталину приложить все свои усилия по распространению стахановского движения на всех предприятиях своего города.

В своем приветствии участники II Краевого слета ударников трактористов и комбайнеров заявляют о том, что берут на себя во многом схожие обязательства [5, с. 1].

Вагоностроители в начале своего письма рапортуют о выполнении плана на 1935 г. по выпуску товарных вагонов — 80 тыс., который поставил перед ними великий Сталин. Затем они уже берут на себя обязательство обеспечить новый план 1936 г. [6, с. 1]. Мы видим, что существовала не только форма обязательств, но и форма отчета выполненных обещаний перед Сталиным.

Несколько писем принадлежат населению отдельных союзных республик. Трудящиеся Советской Армении свое письмо [7, с. 1] целиком посвящают пятнадцатилетию Армянской республики, оно пропитано благодарностью армянского народа за помощь партии Ленина–Сталина в трудные для него годы. Слова благодарности звучат и в письме Народного Собрания Западной Белоруссии, в котором оно выражает радость народа в связи с присоединением к СССР [8, с. 1].

Письмо железнодорожников Московского узла, принятое на собрании, посвященному Дню железнодорожного транспорта, схоже по своему содержанию с письмом вагоностроителей. И самым отличительным было обещание «в случае войны обеспечить нашу Красную Армию всем необ-

ходимым» [9, с. 1]. Это уже второй пример, свидетельствующий о том, что местная пресса вслед за центральной стремилась отражать на своих страницах сложную и напряженную международную обстановку. В этом письме указана возможность критики своих «недостатков», действий. Авторы письма заверяют своего любимого вождя, что будут следовать принципу «критики и самокритики». Конечно же, тогда никто не мог критиковать действующую власть и, тем более, посылать такие письма в редакцию. Действия партии и партийного руководства воспринимались, по крайней мере, на страницах газет, как абсолютно точный, верный образец для местных властей, что они не подлежат никакой критике, тем более от лица рядовых читателей. Возможно, была разрешена лишь критика местных властей.

Таким образом, мы видим, что письма к Сталину имеют разнообразный характер, они не однотипны по своему содержанию. В них преобладает тематика развития народного хозяйства, социалистического строительства и безопасности Советской родины. Это те задачи, которые стояли в те годы перед всем Советским Союзом. Появление темы войны связано с развитием событий в Европе, а именно с началом Второй мировой войны.

Обзор и анализ собранного нами материала позволяет утверждать, что нет больших различий в содержаниях писем в этих двух газетах. Как в «Советской Сибири», так и в «Правде» заметное влияние на содержание писем и их частоту оказывают события, происходящие внутри Советского Союза (события строительства социализма, праздники, съезды и собрания) и события международного характера (в основном войны).

Библиографический список

1. Советская Сибирь. — 1931. — № 67.
2. Советская Сибирь. — 1935. — № 57.
3. Советская Сибирь. — 1935. — № 59.
4. Советская Сибирь. — 1935. — № 246.
5. Советская Сибирь. — 1935. — № 255.
6. Советская Сибирь. — 1935. — № 262.
7. Советская Сибирь. — 1935. — № 264.
8. Советская Сибирь. — 1939. — № 253.
9. Советская Сибирь. — 1939. — № 178.

СЕКЦИЯ № 3
РАННЯЯ ИСТОРИЯ КОЛЫВАНИ:
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мжельская Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент Новосибирского
государственного педагогического университета

ВКЛАД ПРОФЕССОРА Т.Н. ТРОИЦКОЙ В ИЗУЧЕНИЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КОЛЫВАНСКОГО РАЙОНА

Интерес к истории Колыванского района, в том числе и к ее древнейшему периоду, вызывает несомненный интерес многих историков и краеведов. Основными источниками для изучения последнего являются археологические. Уникальность района заключается в том, что здесь сложились такие природные условия, которые во все времена привлекали сюда людей. Полноводные реки, богатые рыбой, лесные богатства во всем своем многообразии, поймы, позволяющие как охотиться, так и выпастать скот, заниматься земледелием и т.д. Именно это способствовало тому, что во все времена здесь селились и жили люди.

Среди ученых, которые изучали древнейшую историю района, особо следует выделить Татьяну Николаевну Троицкую, ныне профессора, доктора исторических наук. Первые исследования археологических памятников района были проведены ею в 1959 году [6, с. 15]. За прошедшие годы в результате разведочных работ было открыто значительное количество поселений, городищ, могильников, и честь открытия большинства из них принадлежит как Татьяне Николаевне, так и ее ученикам [6, 11].

В экспедициях под руководством Т.Н. Троицкой раскопаны памятники, ставшие эталонными для изучения раннего железного века и средневековья юга Западной Сибири. Среди них следует отметить такие комплексы, как Каменный Мыс, Красный Яр, Дубровинский Борок, Черный Мыс, Умна, Юрт-Акбалык, Крохалевка. Значительная часть докторской диссертации Татьяны Николаевны была посвящена исследованию именно Колыванского района в раннем железном веке — в основном это перечисленные выше памятники Каменный Мыс и Дубровинский Борок.

Как уже отмечалось, благоприятная экологическая ситуация способствовала тому, что люди жили на территории района во все периоды, изучаемые археологами, начиная с каменного века, в том числе в эпоху бронзы, раннего железного века, средневековья. Несмотря на особую предрасположенность к изучению обозначенного выше периода, Т.Н. Троицкая занимается исследованием памятников практически всех эпох и археологических культур, выявленных на данной территории. Результаты проведенных изысканий опубликованы в многочисленных статьях, монографи-

ях, а также в учебных пособиях, рекомендованных не только студентам, но и школьникам [1, 7, 10, 12, 13, 15].

Материалы, полученные в результате многолетних исследований как самой Т.Н. Троицкой, так и другими учеными, послужили основой для написания обобщающего очерка, посвященного древней истории Кольванского района, который был опубликован в 1996 году в книге «Археологические памятники Кольванского района» [3, с. 126–163]. Там же показано расположение памятников и археологическое микрорайонирование района.

Показателем интереса Т.Н. Троицкой к археологии Кольванского района и использования этих материалов в своей научной деятельности можно считать список работ, который опубликован в указанной выше монографии. Он состоит из 116 позиций, среди них 54 написано Т.Н. Троицкой лично или в соавторстве с другими исследователями [3, с. 169–174]. Это практически половина списка. Книга была напечатана в 1996 году, и с тех пор вышло немало публикаций, в которых были использованы материалы из памятников Кольванского района. Всего Татьяна Николаевна опубликовала свыше 87 работ из более чем 200 (на конец 2004 года), в которых в той или иной мере упоминаются археологические материалы данной территории [1]. За последние годы вышли две знаковые публикации, куда вошли археологические материалы Кольванского района [2, 6].

О профессоре Т.Н. Троицкой написано много хорошего ее учениками [4, 5], опубликованы мемуары самой Татьяны Николаевны [8, 9, 14]. И сейчас она продолжает плодотворно трудиться. В данной статье сноски на литературу подобраны таким образом, чтобы показать основные работы Т.Н. Троицкой, в которых отражены итоги ее деятельности по изучению археологического наследия Кольванского района. Наиболее значимые работы вошли в библиографический список данной статьи, остальные можно выявить в опубликованной библиографии научных трудов профессора [1].

Таким образом, профессор Татьяна Николаевна Троицкая внесла значительный вклад в изучение археологического наследия Кольванского района. Ею исследованы памятники от неолита до средневековья, полученные результаты стали основой для реконструкции различных процессов, проходивших на данной территории в далеком прошлом — экономических, культурных, социальных и других. Многие воспитанные ею ученики включились в процесс изучения древнейшей истории Кольванского района, что также дополняет несомненные заслуги Т.Н. Троицкой. Еще долгие годы полученные ею и ее учениками результаты будут востребованы многими исследователями.

Библиографический список

1. Библиография научных трудов доктора исторических наук, профессора Татьяны Николаевны Троицкой (на 31 декабря 2004 года) // Актуаль-

ные проблемы археологии, истории и культуры. — Новосибирск, 2005. — Т. 1. — С. 3–6.

2. Древности Кудряшовского бора: Крохалевка-13 — комплекс археологических памятников / Т.Н. Троицкая, В.А. Сумин, А.А. Адамов. — Новосибирск: [б. и.], 2012. — 75 с.

3. Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. — Новосибирск, 1996. — 192 с.

4. Молодин В.И., Дураков И.А. Предисловие // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. — Новосибирск, 2010. — С. 3–7.

5. Молодин В., Соболев В. Слово об учителе // Археология вчера, сегодня, завтра. — Новосибирск, 1995. — С. 3–6.

6. Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995). — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. — 152 с.

7. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979. — 124 с.

8. Троицкая Т.Н. Мое призвание. — Новосибирск: НГПУ, 2010. — 88 с.

9. Троицкая Т.Н. Музей глазами археолога. — Новосибирск, 2013. — 60 с.

10. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск: Наука, 1994. — 194 с.

11. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, 1980. — 183 с.

12. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины, учебное пособие. — Новосибирск. НГПУ, 2004. — 136 с.

13. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. — 152 с.

14. Троицкая Т.Н., Сильянова О.В. Студенческий археологический кружок НГПУ: история и методика работы. — Новосибирск, 2007. — 72 с.

15. Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье: учебное пособие для общеобразоват. учеб. заведений. — Новосибирск, Студия Дизайн ИНФОЛИО, 1996. — 128 с.

Росляков Сергей Георгиевич,

**кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
государственного автономного учреждения культуры Новосибирской
области «Новосибирский государственный краеведческий музей»**

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В УРОЧИЩЕ БЕРЕЗОВЫЙ МЫС

В 2010 г. в НГКМ поступили археологические материалы, собранные в урочище Берёзовый мыс. Урочище расположено в 5 км к юго-востоку от

села Чёрный мыс Колыванского района НСО. Урочище расположено на останце террасы левого берега р. Оби, на правом берегу р. Уень. Останец представляет собой «остров» посреди пойменного луга, возвышающийся до 11 м над уровнем воды в старице р. Уень. Административно урочище находится в Мошковском районе Новосибирской области, однако географически связано с лесной и водной системой левобережья р. Оби, с Колыванским районом. В урочище расположен курганный могильник Берёзовый остров-1, исследовавшийся в разные годы Т.Н. Троицкой и А.А. Адамовым и городище Берёзовый мыс-1. В 2006 г. работы на памятнике проводила М.Н. Мыльникова, заложившая четыре раскопа в межкурганном пространстве в разных частях останца. В результате многолетних исследований в урочище выявлены материалы эпохи раннего металла, культурный слой поселения эпохи поздней бронзы, производственный комплекс переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа, курганы начала II тыс. н.э. [1, с. 106; 2, с. 38; 3, с. 450]. В 2007 г. в результате визуального обследования памятника сотрудниками НПЦ по сохранению историко-культурного наследия установлен факт механизированного разрушения и разграбления курганов в южной части могильника Берёзовый остров-1.

В 2011 и 2012 гг. археологическим отрядом НГКМ на памятнике проведены исследовательские работы: заложен раскоп на юго-западной оконечности «острова». Во время раскопок выявлены материалы разных эпох: семь грунтовых погребений, погребение в каменном ящике, погребение под курганом, культурный слой ритуального объекта. Наиболее ранний этап представлен пятью погребениями эпохи ранней бронзы. Погребения совершены в могильных ямах, вырытых в материке. Скелеты лежат вытянуто на спине, головой на северо-восток и на север. Все погребения вторичные: костяки неполные или разрушены, в парном погребении № 2 отсутствуют оба черепа. В одном погребении кости стоп обожжены. В трех погребениях присутствуют целые плоскодонные баночные сосуды, в двух — каменный инвентарь и изделия из рога. Кроме того, в культурном слое собран разнообразный материал, видимо, связанный с культурным слоем ранней бронзы, возможно, с грунтовым могильником (каменные орудия, фрагменты керамики). Инвентарь позволяет отнести данные погребения к игрековскому этапу эпохи ранней бронзы. Два погребения относятся к ирменской культуре эпохи поздней бронзы. В погребениях найден разнообразный погребальный инвентарь (бронзовые браслеты, кольца, височные подвески, бляшка-пуговица, бусы, сосуды). Большой интерес представляет погребение в каменном ящике, составленном из гранитных плит. Исследован культовый комплекс эпохи раннего железа, состоящий из скопления костей животных и бронзовых изделий (наконечники стрел, бляшки, накладки, гривны, бусины, навершие). Наиболее поздним объектом является курган эпохи развитого средневековья. В кургане выявлено

одно погребение. Погребение было совершено в деревянной колоде. Инвентарь представлен фрагментом железного ножа и фрагментами керамики верхнеобской культуры эпохи развитого средневековья.

В целом урочище Берёзовый мыс в разные эпохи древности представляло собой сакральное место, связанное с совершением погребений и проведением различных ритуальных действий.

Последние исследования в урочище Берёзовый мыс показали, что памятник Берёзовый остров-1 представляет собой сложный комплекс археологических памятников, включающий разнообразные типы объектов культурного наследия с эпохи ранней бронзы до эпохи развитого средневековья. В дальнейшем представляется необходимым выделить из единого объекта культурного наследия самостоятельные памятники.

Библиографический список

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. — Тобольск–Омск, ОмГПУ, 2000.
2. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. — Новосибирск: Наука, 1977.
3. Мильникова Л.Н., Дураков И.В., Мжелская Т.В., Кобелева Л.С., Савин А.Н., Сяткин В.П., Мильников В.П. Работы на памятнике Берёзовый остров в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г. // Том XII. Часть I. — Новосибирск, 2006.

**Горохов Сергей Валерьевич,
младший научный сотрудник лаборатории гуманитарных
исследований Научно-исследовательской части Новосибирского
национального исследовательского государственного университета
(НГУ)**

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СИБИРСКИХ ОСТРОГОВ*

Археологическое изучение сибирских острогов началось с разведочных работ в Мангазее, на Ляпинском и Казымском острогах в XVIII–XIX вв. Первые сообщения относятся к XVIII в.— в 1735 г.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: соглашение № 14.В37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла»; НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла».

Ф. Прянишников провел рекогносцировочные работы на территории Мангазеи. В 1843 г. Г. Шершеневич, побывав на территории Ляпинского и Казымского острогов, составил их описание. В 1862 или 1863 г. Мангазея вновь стала предметом археологического изучения: Ю.И. Кушелевский провел рекогносцировочные работы. В 1884 г. К.Д. Носилов, а в 1897 г. В.Н. Герасимов продолжили исследование Ляпинского острога. В 1899–1900 гг. В.О. Маркграф провел рекогносцировочные работы в Мангазее.

В первой половине XX в. археологические разведки и эпизодически раскопки проводились на Иркутском остроге (1902 г. А.М. Станиловский, 1928 г. С.Н. Лаптев), в Мангазее (1914 г. И.Н. Шухов, 1926 и 1927 гг. Р.Е. Кольс, 1946 г. В.Н. Чернецов), на Ляпинском остроге (1927, 1939 гг. А.Ф. Палашенков), Сосновском, Верхотомском и Мунгатском острогах (1940 г. П.А. Чернышев), Саянском остроге (в 1942 г. сотрудниками Минусинского краеведческого музея), Сосновском остроге (1950 г. Г.В. Трухин).

До начала широкомасштабных археологических исследований в 1968 г. в Мангазее разведки и раскопки проводились в Томске (1952 г. Н.В. Татауров, 1968 г. В.И. Матющенко), в Братске (А.В. Никитин в 1957–1958 гг.), на Мунгатском остроге (1954 г. У.Э. Эрдниев), в Красноярске (1958, 1959 гг. И.Б. Николаева), на Стадухинском остроге (1959 г. С.А. Федосеева), Верхотомском остроге (1959, 1962 гг. А.И. Мартынов), в Лозьвинском городке (1959 г. М.Ф. Косарев, 1967 г. В.А. Оборин), на Верхозейском остроге (в конце 1950-х гг.), Мунгатском остроге (1962 гг. А.И. Мартынов), в Верхотурье (1962 гг. А.И. Мартынов), Иркутске (1967 г. А.М. Георгиевский, Н.А. Савельев и В.В. Свинин), Илимске.

Первые по-настоящему масштабные археологические исследования сибирских острогов начались в 1968 г. с Мангазеи. По итогам проведенных работ была выпущена монография в двух томах: «Мангазея. Мангазейский морской ход» и «Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв.» [1; 2]. До середины первого десятилетия XXI в. эта работа являлась образцом достаточно полного исследования памятника типа «острог» в Сибири и на Дальнем Востоке, что неоднократно указывалось во множестве работ, посвященных исследованию тех или иных острогов.

В 2005 г. вышла монография Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича «Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье: (по материалам раскопок 2001–2004 гг.)». В этой работе авторы подвергли серьезной критике методы работы М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова, а также поставили под сомнение их выводы, обнаружив ряд существенных неточностей и ошибок. Не соглашаясь с М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым, Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович настаивают на том, что реконструкция русского сибирского жилища далека

от решения из-за слабой изученности археологических объектов. Неверными являются и установленные авторами двухтомника «Мангазея» соответствия между сооружениями, известными по письменным источникам и обнаруженными на месте остатками строений. Ко всему прочему авторы неоднократно путаются в общем количестве выявленных ими сооружений.

Вывод, к которому приходят Г.П. Визгалов и С.Г. Пархимович, не утешителен: к настоящему времени Мангазея не исследована должным образом, а значит, и не является эталонным памятником типа «острог» в Сибири и на Дальнем Востоке.

В 2001–2004 гг. под руководством Г.П. Визгалова исследования Мангазеи возобновились. Работы проводились на площади около 250 м² в раскопе экспедиции конца 1960-х — начала 1970-х гг. Результатам этих исследований посвящена монография «Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье: (по материалам раскопок 2001–2004 гг.)» [4].

В 1996 г. вышла в свет монография А.Н. Алексеева, посвященная результатам археологических исследований Алазейского и Стадучинского острогов. В данной публикации наибольший интерес представляют оборонительные и внутриострожные сооружения Алазейского острога, а также предметный комплекс Алазейского и Стадучинского острогов, которые могут быть привлечены в качестве аналогий при характеристике сооружений и предметного комплекса острогов [Алексеев, 1996а].

В 2002 г. была опубликована монография М.П. Черной «Томский кремль середины XVII–XVIII вв.», в которой материалы археологического исследования памятника носят вспомогательный характер при разработке проблемы определения точного места расположения Томского кремля 1604 и 1647 гг., а также при решении вопросов реконструкции, выявленных археологически, оборонительных сооружений [5].

Археологические раскопки Умревинского острога начались в 2000 г. под руководством А.В. Шаповалова. Была исследована северная тыновая стена, а также северо-восточный и северо-западный углы острожных стен, при этом остатков башен на углах выявлено не было. Археологические раскопки возобновились в 2002 г. под руководством А.П. Бородавского и при участии автора. В этот год был исследован юго-западный угол деревянных оборонительных сооружений и выявлен фундамент башни с примыкающими тыновыми стенами. В 2003 г. была полностью исследована западная тыновая стена. В 2004 г. в центральной части двора острога выявлена и в результате раскопок исследована приказная изба. В 2005 г. раскопки проводились на западной трети южной тыновой стены. В ходе раскопок деревянных оборонительных сооружений и приказной избы исследована часть обширного русского некрополя XVIII–XIX вв. В последующие годы и вплоть до настоящего времени ведутся работы по

натурной реконструкции деревянных оборонительных сооружений острога, а также осуществляется систематический мониторинг за состоянием памятника и реконструированных сооружений.

В 2009 году вышла в свет монография А.П. Бородавского и С.В. Горохова «Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг.», которая, по сути, является публикацией источника — материалов археологических исследований Умревинского острога и в значительной части выдержанна в стиле полевого отчета [3].

Всего с XVIII в. по 2010 г. было проведено не менее 184 археологических разведок и раскопок на сибирских острогах. В истории археологического изучения сибирских острогов выделяется несколько периодов:

1. Первый период — до 1956 г. Для этого периода характерны эпизодические археологические исследования сибирских острогов, среди которых преобладают разведочные работы.

2. Второй период — 1967–1969 гг. На один год в среднем приходится 2,3 исследованных памятника.

3. Третий период — 1960–1966 гг. За семь полевых сезонов проводилось исследование лишь одного памятника.

4. Четвертый период — 1967–1975 гг. Ежегодно исследуется в среднем 2,7 памятника.

5. Пятый период — 1976–1979 гг. За четыре полевых сезона археологическому исследованию было подвергнуто лишь два памятника типа «острог».

6. Шестой период — 1980–1992 гг. Для данного периода характерно резкое возрастание интенсивности археологического изучения сибирских острогов (в среднем 4 острога в год).

7. Седьмой период — 1993–1996 гг. За четыре года исследовалось лишь три памятника типа «острог».

8. Восьмой период — 1997–2010 гг. В среднем за один полевой сезон исследовалось 4,6 острогов.

Данная периодизация является адекватной и для отдельно взятого распределения по годам археологических раскопок, и для распределения по годам археологических разведок, однако больший вклад в различия между периодами вносят именно археологические раскопки сибирских острогов. Это обусловлено тем, что на протяжении всего XX в., а также первого десятилетия XXI в. количество разведок в целом остается примерно на одном уровне, при том что количество археологических раскопок колеблется в широком диапазоне.

Первоначально интерес исследователей археологии сибирских острогов был направлен исключительно на остроги севера Западной Сибири (Мангазей, Ляпинский и Казымский остроги). Постепенно в поле

зрения археологов начинают попадать остроги юга Западной Сибири и Средней Сибири, а также Иркутский острог, позже исследованиям подвергаются остроги по всей Сибири и Дальнему Востоку. В целом интерес исследователей к такого рода памятникам постепенно нарастает, достигнув к настоящему времени своего максимума. Сейчас в российской археологической науке идет активный процесс накопления фактологической информации о сибирских острогах и делаются первые попытки комплексного исследования такого рода памятников.

Библиографический список

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. — Л.: Гидрометеиздат, 1980. — Ч. 1. — 164 с.
2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. — М.: Наука, 1981. — Ч. 2. — 147 с.
3. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. — 244 с.
4. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье: (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). — Нефтеюганск: Баско, 2007. — 319 с.
5. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во ТГУ, 2002. — 187 с.

Кениг Александр Владимирович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Югорского научно-исследовательского института информационных технологий

Новиков Андрей Владиленович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАЗЫМСКОГО (ЮИЛЬСКОГО) ОСТРОГА

Казымский (Юильский) острог находится на севере Западной Сибири, в Белоярском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в 45 км к западу от поселка Юильск, на песчаной гриве старицы левого притока реки Казым — р. Вон-Вошьюган (Ун-Вошь-Юган). Т.Н. Дмитриева относит название р. Казым к гидронимам неясного происхождения и приводит его различные толкования [3, с. 505–510]. По ее мнению, гидроним Казым «... из хантыйского языка этимологически не интерпретируется» [3,

с. 506]. По сведениям А.К. Матвеева название р. Казым «...иногда толкуется на уровне народной этимологии как «Соревнование»: там, где находится Бол. Казымский Сор, ханты устраивали гонки на оленях, отсюда якобы и название реки Касым» [8, с. 50]. Другой вариант предложен Н.К. Фроловым, который считает, что это название восходит к обско-угорскому слову *кас* «утка-крохаль» — родовой тотем части западных ханты, т. е. гидроним *Казым* можно перевести как «утиного рода река» [15]. Название реки Вон-Вошьюган (Ун-Вош-Юган) на русский язык можно перевести как «Большая Река городка» [3, с. 94], что, очевидно, связано с расположением здесь острога.

В исторических источниках Казымский (Юильский) острог называется по-разному. В одних случаях «Казымский», в других «Юильский», в одних случаях «городок», в других «острог». Связано это с несколькими причинами. Первое название острога «Казымский» происходит, по-видимому, от названия реки Казым и одноименного хантыгского городка, на месте которого впервые был организован сборный ясачный пункт, а в последствии построен острог. Отсюда и заменяющие друг друга понятия «городок», «острог». Первое относится к хантыгскому поселению, а второе к русскому. Однако по некоторым сведениям на р. Казым существовало несколько населенных пунктов с одинаковым названием [6, с. 157]. А.А. Люцидарская, основываясь на «Списке населенных мест Тобольской губернии 1871 года», называет три населенных пункта с названием «Казым»: Казымский городок, расположенный на р. Казым, улус Казымский на р. Большой Оби (ныне п. Полноват Белоярского района ХМАО–Югры) и юрты Казымские, также на р. Большой Оби [6, с. 157].

Современные казымские ханты затрудняются дать объяснение происхождению названию «Юильский» и не могут привести его перевод на русский язык. Однако существует версия, которая связывает происхождение названия этого населенного пункта с топонимом коми *Юйылкар* — «Городок в верховьях реки» (коми *ю* — «река», *йыл*, *йыв* — «вершина», «верховье», *кар* — «городок»). Со временем первая часть топонима *юйыл* в русском варианте превратилась в прилагательное *юильский*, а слово *кар* было переведено и использовалось в русском варианте *городок*. В некоторых справочниках Юильский городок имеет название Вершинские юрты [8, с. 160–161]. Кроме этого, городок с аналогичным названием находился на р. Ляпин, и в конце XV–XVI вв. входил в состав мансийского Ляпинского княжества. В «Книге Большому Чертежу» С.У. Ремезова он именуется город Юиль. Его старинное мансийское название *Сек-телек-уш* означает «Городок в верховьях Сыгвы (Ляпина) [16, с. 369–370]. Таким образом, название «Юильский городок» означает «Верхний городок». В XVI–XVIII вв. часть сосвинско–ляпинского населения переселилась на р. Казым. По мнению З.П. Соколовой, это была этническая группа, которая бы-

ла причастна к основанию Юильского городка на Ляпине, и поэтому новое поселение имело то же самое название. Очевидно, это было уже смешанное хантыйско-мансийское население [14, с. 136]. Отсюда и ответ на вопрос, почему в исторических источниках встречаются два городка с одним и тем же названием на р. Ляпине и р. Казыме. Поэтому в современных изданиях наряду с названием «Юильский» предпочитают указывать название «Казымский».

Первые упоминания в письменных источниках, связанные с хантыйским Казымским (Юильским) городком до возведения здесь русского острога, относятся к XVI в. «Краткая сибирская летопись» сообщает о попытке покорения казымских городков Ермаком в марте 1582 г. В 1583 г. Казымский городок был взят, а с местных острогов собран ясак [5, с. 101]. До присоединения Сибири к Русскому государству на Казыме существовал крупный военно-политический союз — Казымское княжество, имевшее в своем составе три городка, один из которых был Казымский [2, с. 82]. В XVII в. на основе Казымского княжества была образована Казымская волость, в которой насчитывалось 137 ясачных людей, что могло составлять около 550 человек общего населения [2, с. 82]. На протяжении XVII–XIX вв. население Казымской волости и количество городков непрерывно росло. В конце XVII в. в волости насчитывалось уже 5 городков и 209 плательщиков ясака, или 669 человек, в конце XVIII в. — 7 городков и 794 человека, в начале XIX в. — 8 городков и 865 человек, в середине XIX в. — 8 городков и 1254 человека [7, с. 84]. Рост численности населения в Казымской волости в этот период был связан с притоком из других районов — с Оби и Иртыша, с Ляпина и Северной Сосьвы [14, 1977, с. 135].

Численность населения непосредственно в Казымском (Юильском) городке на протяжении XVII–XIX вв. была относительно невысокой. Однако и в нем на протяжении всего этого времени наблюдается постоянный прирост населения при незначительном сокращении хозяйств. В 1782 г. в городке зафиксирован 61 человек (31 муж. и 30 жен.) и 17 хозяйств, в 1816 г. уже 80 человек (52 муж. и 28 жен.) и 14 хозяйств, в 1858 г. 124 человека (75 муж. и 49 жен.) и 12 хозяйств [13, с. 176].

Казымский острог («Юильский городок») неоднократно привлекал внимание исследователей в связи с изучением освоения территории таежной части Западной Сибири — Югры Российским государством. Однако в основном для этих исследований использовались лишь исторические сведения и данные архитектурных обмеров сохранившихся конструкций. Так, в 1969 г. на Казыме работала группа студентов Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, обнаружившая, обмерившая и сфотографировавшая остатки Казымского (Юильского) острога.

Первые археологические исследования Казымского (Юильского) острога провел В.И. Молодин [10, 1978, с. 191–203; 9, 1980, с. 127–140], а дендрохронологические — Г.Е. Комин [4, 1980, с. 121–126]. На площади раскопов были зафиксированы остатки архитектурных сооружений (южной башни и жилого помещения «казармы»), каких-либо находок обнаружено не было. На момент осмотра острога экспедицией 1972 г. на его территории еще хорошо сохранились сторожевые проезжие башни, дом воеводы или приказчика, казармы и подсобные постройки — бани, амбары и др. Срубы большинства построек не развалились, но стропил и крыш уже не было ни на одной постройке. Совершенно не сохранился тын, образывавший когда-то крепостные стены [4, 1980, с. 121; 5, 1980 с. 100–120; рис. 3а, 3б, 3в, 4а, 4б, 5, 6а, 6б]. Часть его сооружений (две сторожевые башни и изба-казарма), сохранившиеся на историческом месте вплоть до начала 1970-х годов в настоящее время, перевезенные и восстановленные, экспонируются в Историко-архитектурном музее под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. Отметим, что перенос сохранившихся архитектурных конструкций Казымского острога в г. Новосибирск спас их от неминуемой гибели в пожаре 1989 г. [11, с. 139–140].

После экспедиций начала 1970-х гг. и вплоть до работ 2005–2008 гг. каких-либо археологических исследований на Казымском остроге не проводилось. В настоящее время современные рельефные признаки острога совершенно иные — полностью отсутствуют какие-либо архитектурные конструкции, площадь острога хорошо задернована, поросла лесом и кустарником. Подробное описание современных рельефных признаков и план острога по состоянию на 2008 г. представлены в работе Г.П. Ведмидя [1, с. 397–411].

При определении времени сооружения Казымского острога необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых — русская крепость возникла на месте крупного поселения казымских ханты, существовавшего задолго до строительства острога. Еще в конце XVI — начале XVII в. здесь был основан сборный ясачный пункт в виде зимовья [5, с. 120], но сам острог был сооружен позднее. Во-вторых, сооружение острога происходило в несколько этапов. Дендрохронологические исследования Г.Е. Коминой, проведенные в 1972 г., показали, что строительство Южной башни велось не ранее сентября 1744 г., а Северной башни — не ранее мая 1745 г. [4, 1980. С. 126]. Таким образом, временем сооружения острога (в том виде как он сохранился к 1970-м гг. XX в.) следует считать 1745 г. Однако при этом необходимо учитывать, что выполненная В.С. Мыгланом «...реконструкция истории пожаров на территории расположения острога позволила предположить, что Казымский острог был заново отстроен по причине гибели его предшественника в пожаре 1742 г.» [12, с. 24].

В настоящее время территория острога и примыкающего к ней «Юильского городка» почитаются казымскими ханты. Здесь осуществляются обряды, которые сопровождаются подношениями в виде прикладов тканей различного цвета, шкурами и рогами жертвенных оленей и монет. Дальнейшее изучение Казымского (Юильского) острога и прилегающей к нему территории позволят значительно пополнить корпус источников по древней и средневековой истории казымских ханты и характера их взаимоотношений с пришлым (русским) населением в новое время.

Литература

1. Ведмидь Г.П. Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог: исследования 2008 года // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. — Вып. 8. — 530 с. — С. 397–411.

2. Главацкая Е.М. Ханты в составе русского государства в XVII–XX вв. // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание, исправленное и дополненное. — Екатеринбург, «Тезис», 2002. — 224 с. — С. 79, 82.

3. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2005. — 580 с.

4. Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации. — Новосибирск, «Наука» Сибирское отделение Новосибирск, 1980. — С. 121–126.

5. Крадин Н.П. Об основании Казымского (Юильского) острога // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации. — Новосибирск, «Наука» Сибирское отделение Новосибирск, 1980. — 193 с. — С. 100–120.

6. Люцидарская А.А. Юильский острог на р. Казым (к вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. — Новосибирск, Наука, 1986. С. 153–172.

7. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН Координационно-методический центр «Народы и культуры», 1998. — 235 с. — С. 84.

8. Матвеев А.К. Географические названия Тюменского севера. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. — 192 с.

9. Молодин В.И. Археологическая разведка по реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом: Принципы и методика организации. — Новосибирск: «Наука», Сибирское отделение, 1980. — 193 с. — С. 127–140.

10. Молодин В.И., Добжанский В.Н. Археологические исследования Казымского острога // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. — С. 191–202.

11. Мыглан В.С. Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII–XIX вв.) // Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Красноярск, 2012. — 796 с.

12. Мыглан В.С. Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII–XIX вв.) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. — Красноярск, 2012. — 37 с.

13. Первалова Е.В. Северные ханты: этническая история. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — 414 с.

14. Соколова З.П. Загадка Юильского городка // СЭ. — 1977. — № 4. — С. 129–137.

15. Фролов. Н.К. Русская ономастика и ономастика России. М.: Школа-Пресс, 1994. Цит. по:

http://family-history.ru/material/onomastics/toponimika/toponimika_41.html

16. Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. В 4-х томах. — Ханты-Мансийск: «Издательский дом «Сократ», 2000. — Т. 3. — 381 с.

Кениг Александр Владимирович,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Югорского научно-исследовательского института информационных технологий

Новиков Андрей Владиленович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН

КРАТКИЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗЫМСКОГО ОСТРОГА В 2005–2008 ГГ.

Одним из базовых памятников российской колонизации севера Западной Сибири является Казымский острог. В 2005–2008 гг. на Казымском (Юильском) остроге и прилегающих к нему территориях были проведены комплексные археолого-этнографические (рук. Новиков А.В.), топографо-геодезические (рук. Г.П. Ведмидь) и дендрохронологические (рук. В.С. Мыглан) исследования. Остановимся на основных результатах археологической части наших работ.

Археологические исследования были проведены на трех объектах. Отдельным раскопом площадью 196 кв. м были изучены остатки жилого по-

мещения («избы»), расположенного за пределами собственно площади острога. На геодезическом плане Г.П. Ведмидя 2008 г. этот объект имеет № 11 [1, илл. 5]. Исследованная конструкция является остатками жилого помещения и относится к типу срубных наземных жилищ. В ходе работ было обнаружено значительное количество находок (в основном кованые гвозди, а также кольца, монеты). Сооружение данного объекта относится к середине — концу XIX в. [3, с. 274].

В работах, посвященных традиционной архитектуре ханты, выделены различные типы конструкций [5, 6, 7, 8 и др.]. Замковые сопряжения исследованного нами сруба относятся к варианту «в обло» с двухсторонним остатком. По мнению З.П. Соколовой, ханты перешли к рубке срубов «в лапу» («в обло») лишь в XX в., что было результатом влияния русской культуры на местную строительную технологию [8, с. 200]. Обилие кованых гвоздей, использованных при строительстве, также не характерно для хантыйских домостроительных технологий. В то же время характер оформления интерьера (центральное понижение, оформление нар, чувал) можно связать с хантыйскими традициями.

Таким образом, исследованная постройка сочетает в себе черты хантыйской архитектуры с использованием иных традиций в области домостроительства. Объект можно интерпретировать как остатки жилого строения, которое было построено местным (хантыйским) населением т.н. «Юильского городка» с использованием смешанных технологических традиций домостроения и оформления интерьера [3, с. 262–274].

Еще одним объектом изучения стала бревенчатая вымостка, непосредственно примыкающая к СВ углу острога [4, с. 179–184]. На плане 2008 г. этот объект обозначен как № 7 [1, илл. 5]. На современной дневной поверхности выделялся ряд лежащих задренованных бревен, южный край которого непосредственно упирался в видимую границу острога. Расчистка выявила вымостку из 26 плотно прилегающих друг к другу бревен, а также сильно разложившиеся бревна, не входящие в общий ряд. Следы каких-либо сооружений под бревнами отсутствовали. Следы обожженных на бревнах и неупорядоченные находки углей, являются, скорее всего, результатом лесного пожара.

На объекте зафиксированы многочисленные кости животных, целые и фрагментированные, в том числе обгорелые. Из определимых костей абсолютное большинство принадлежит северному оленю, отдельные кости — собаке. К массовой части находок относятся фрагменты ткани светлых тонов фабричного производства, стеклянные фрагменты белого цвета от посуды фабричного производства (чайные чашки и блюдца). Прозрачное и полупрозрачное стекло, частью зеленоватого цвета, разной толщины — осколки бутылок конца XIX — XX вв. Среди индивидуальных находок, зафиксированных на всех участках раскопа, — бусины, бисер, бронзовые

кольца, монеты, принадлежности оружия, утвари, кованые гвозди и др. В разных частях раскопа (рядом с бревнами, под ними и между ними) обнаружено семь монет. Показательно расположение медной монеты 1870 г. номиналом 2 копейки, которая лежала на бревне № 14, будучи сверху накрыта бревном № 13. Находки остальных монет также позволяют обоснованно судить о характере и хронологии объекта. Это медные монеты 5 копеек 1872 г. и 1/2 копейки 1897 г., а также две серебряные монеты номиналом 10 копеек 1894 и 1900 годов выпуска. Кроме того, были найдены две медные монеты номиналом 15 копеек 1961 и 1977 годов выпуска.

Весь комплекс находок и контекст обнаружения позволяет рассматривать их как подношения и предполагать культовый характер исследованного объекта. Датировки монет могут свидетельствовать о наличии на данном святыще культовой практики по крайней мере с последней трети XIX в.

Вероятно, бревенчатая вымостка была сооружена в качестве места для оставления прикладов, совершения ритуальных трапез, жертвоприношений. Двойственность культового характера окрестностей Казымского острога и Юильского городка отмечалась Т.Н. Дмитриевой, обозначавшей в этом районе, с одной стороны, бывшее, с другой — существующее специальное культовое место для жертвоприношений [2, с. 142]. В первую очередь, здесь почитается Казымская богиня Вут-ими, чья духовная сущность по-прежнему «живет» в окрестностях Казымского острога [2, с. 143]. Во-вторых, ханты почитают места бывшего проживания предков.

Третий исследованный объект на плане 2008 г. имеет № 36 [1, илл. 5]. Он расположен на западной окраине Казымского острога, за пределами рва, маркирующего стену его укреплений. Его современные рельефные признаки были представлены подквадратным в плане валом, ориентированным сторонами по сторонам света. В центральной части четко прослеживалась подпрямоугольная в плане площадка-понижение. На уровне современной дневной поверхности с внешней стороны вала были видны следы от 3-х ям, примыкающих к валу с севера, юга и запада.

На объекте был заложен раскоп размером 7x8 м. После снятия дерна и зачистки на уровне материка углубление в центральной части приобрело более правильные прямоугольные очертания. По его краям были обнаружены остатки деревянной конструкции — рамы, ооконтуривающей жилое пространство на уровне «пола». На уровне материка выявлено девять ям, расположенных с внешней стороны вала и примыкающих к нему с юга, запада, северо-запада и севера, т.е. со всех сторон конструкции, кроме стороны выхода. Эти ямы различные по диаметру — три крупные и шесть небольших. Крупные ямы можно предположительно интерпретировать как хозяйственные, поскольку в двух из них были обнаружены кости животных. Небольшие ямы, сконцентрированные у северо-западного сектора вала, могли являться конструктивными (столбовыми).

Во внутренней части сруба найдены фрагмент неорнаментированной керамики и изогнутый вильчатый наконечник стрелы, имеющий следы пребывания в огне. Значительное количество фрагментированных костей лося и северного оленя также было сконцентрировано во внутренней части конструкции и у «выхода» из нее.

Характер угловых сопряжений в выявленной деревянной конструкции проследить не удалось. Наиболее вероятно, что рама была одновенцовая с длинной стороны (расстояние между углами) 2,5 м, ориентированная углами по линиям СЗ–ЮВ — СВ–ЮЗ. При такой конструкции крыша могла быть четырехскатной, с выходом на восточном скате. Внешний вид сооружения представлял собой простую постройку шатрового типа: четырехугольную усеченную пирамиду каркасной конструкции, крытую берестой. Высота наземной части жилища, вероятно, составляла 3–4 м. Значительное количество углей и мощный провал на внутренней площади конструкции позволяют предполагать, что она погибла от пожара.

Небольшие размеры конструкции, отсутствие нар — лежака, отсутствие провала хозяйственного назначения (очага), характер находок, свидетельствуют о временном (сезонном, наиболее вероятно — летне-осеннем) характере постройки — для непродолжительного проживания в сезон охоты на копытных животных для одного-двух человек таежных охотников. Подобные временные жилища обских угров описаны З.П. Соколовой [9, с. 39–40; 10, с. 200]. Судя по степени археологизации объекта, в сравнении с изученными жилищами конца XIX — начала XX вв., данная конструкция могла быть сооружена раньше — в XVIII–XIX вв.

Таким образом, нами были исследованы разнообразные по своему назначению и конструкциям объекты, расположенные в непосредственной близости от Казымского острога. Очевидно, что при наличии визуального примера (в виде сооружений Казымского острога) ханты в среднем течении р. Казым еще в XIX в. начали использовать восточнославянские домостроительные традиции и технологии при сооружении срубных наземных жилых построек.

Исследование культового места дает возможность предполагать, что объектом почитания казымских ханты являлось не только селение предков, но и остатки самого Казымского острога, органично вписавшиеся в систему хантыйского традиционного мировоззрения. Культовый характер приобретают и многочисленные предметы русского производства, которые составляют подавляющее большинство обнаруженных на святилище находок. Будучи частью материальной культуры, они могли быть предметами торга, использоваться в быту, относиться к миру профанного. Но стоило им попасть на святилище, они переходили в область сакрального. Возможно, подобный процесс произошел и с осмыслением остатков русского острога. Оставленный своими строителями и жителями, он, наряду с

остатками жилищ предков, перешел на уровень памяти и соответствующего внимания ханты, для которого требуется необходимое почитание. Сакрализация русского археологического памятника в культуре коренного населения Северо-Западной Сибири является открытой проблемой. Недостаток аналогичных примеров делает наши выводы предварительными. Тем не менее, Казымский острог предоставил весьма плодотворную почву для размышлений по этому вопросу.

Литература

1. Ведмидь Г.П. Археолого-этнографический комплекс Казымский (Юильский) Острог: исследования 2008 года // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2010. — Вып. 8. — 530 с. — С. 397–411.
2. Дмитриева Т.Н. Топонимическая картина территории проживания хантов (особенности структуры и семантики хантыйских топонимов) // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е издание исправленное и дополненное. — Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2002. — 224 с.— С. 123–148.
3. Новиков А.В. Этнокультурное взаимодействие казымских ханты и восточнославянского населения в XVIII–XIX веках (на примере домостроительных традиций) // Барсова Гора: древности таежного Приобья. — Екатеринбург — Сургут: Уральское издательство, 2008. — С. 262–274.
4. Новиков А.В., Выборнов А.В. Хантыйское святилище на Казымском остроге // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: «Издательство «Апельсин», 2008. — С. 179–184.
5. Попов А.А. Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.Л.: Изд-во АН СССР. 1961. — С. 131–226.
6. Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ № 2, 1957. — С. 88–105.
7. Соколова З.П. Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — Т. 56. — С. 178–198.
8. Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. — М.: Наука, 1963. — Т. 84. — С. 182–233.
9. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (Опыт типологии). — М.: ИПА «Три Л», 1998. — 285 с.
10. Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. — М.: Наука, 2009. — 757 с.

Скобелев Сергей Григорьевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Новосибирского национального исследовательского государственного
университета, заведующий лабораторией гуманитарных исследований
Научно-исследовательской части

СТЕНЫ ЗАПЛОТНОГО ТИПА В РУССКОМ СИБИРСКОМ ОСТРОГЕ (НА ПРИМЕРЕ САЯНСКОГО ОСТРОГА XVIII ВЕКА) *

Традиционно считается, что присоединение Сибири к России стало возможным не в последнюю очередь за счет использования долговременных укреплений — острогов, служивших опорными пунктами. И хотя было известно, что коренные жители Сибири сами сооружали или использовали оборонительные сооружения (каменные, деревянные, земляные и комбинированные) [7], предполагается, что остроги отличались высокой степенью обороноспособности. Сибиряк-землепроходец XVI–XVIII вв. представляется обычно вооруженным пищалью и стреляющим из нее с высокой деревянной стены в виде тына. К сожалению, к настоящему времени имеется немного публикаций, касающихся комплекса оборонительных сооружений, особенно строившихся русскими людьми в Сибири в XVIII в. [1; 2]. Но известно значительное количество иллюстраций XVIII в., где у ряда сибирских острогов (Селенгинского, Енисейского, Иркутского) показаны участки стен в виде заплота [5, с. 63, 73, 123]. В связи с этим важно определить реальное состояние дел с архитектурой деревянных оборонительных сооружений, в частности, конструкциями стен острогов, в данный исторический период.

Проведенные нами полные раскопки Саянского острога на Енисее, построенного ранней осенью 1718 г., позволили накопить материалы, по которым можно частично восстановить его конструкцию и внешний вид стен (к сожалению, оригинальных изображений не известно). Соответственно, на фактическом материале может быть получено и представление о строительных приемах по созданию стен русских крепостей в Сибири в данный период.

Острог имел форму, близкую к квадрату. Об этом можно судить уже по виду первой из визуально фиксируемых линий его оборонительных сооружений — рвам и валам. Со стороны близкого обрывистого берега

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: соглашение № 14.В37.21.0007 «Основные особенности миграционных процессов на территории Северной Азии в эпохи камня и палеометалла»; НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири в эпоху палеометалла».

Енисей ров и вал отсутствовали. Деревянные оборонительные сооружения визуально не фиксировались и были обнаружены лишь в ходе раскопок. Они представлены уверенно читаемыми остатками выполненных из дерева квадратных по форме 4-х угловых и проездной башен, а также деревянных стен различной конструкции — тарасной и заплотной. Остатки стен зафиксированы вдоль валов между башнями по большей части периметра двора размерами 65х70 м. Оказалось, что тарасная конструкция использовалась лишь на большей части линии стены со стороны берега, а заплотная — по остальным трем и, дополнительно, на меньшей части береговой стороны. Таким образом, стены острога, в основном, были представлены заплотом. Поскольку заплотная конструкция в сибирских острогах в таком полном виде еще не известна в материалах археологии, важно ввести полные сведения в научный оборот.

Стены Саянского острога были комплексом деревянных сооружений. Так в верхней части культурного слоя у восточного, западного и южного участков вала фиксировались лежащие горизонтально слабые фрагменты дерева, явно сопутствующие валам и примыкающие к башням. Вдоль каждого из участков валов они располагались по одной прямой линии, составлявшей продолжение внешних стен ближайших угловых башен. Далее в сторону вала за такой линией по всем трем сторонам острога каких-либо остатков деревянных конструкций (кроме случайных фрагментов) не зафиксировано. Таким образом, можно полагать, что эти остатки дерева происходят от бревенчатых внешних стен острога.

У каждой из угловых башен обнаружены остатки крупных столбов, расположенных точно в линии указанных выше остатков дерева. Они вкапывались с некоторым отступлением (в 20–30 см) от углов башен, что приводило к легкому выступанию стены башни за линию заплота. В таком случае за счет упора в угол башни, выполненный «с остатком», конструкции придавалась дополнительная устойчивость, не позволявшая бревнам заплота сползать вдоль продольной оси стен и рассыпаться всей конструкции в случае, если изгибал опорный столб.

Далее на расстоянии 5–5,5 м друг от друга по тем же линиям были выявлены остатки еще нескольких таких столбов. Все они вкопаны вертикально в ямки глубиной более 50 см. Часть остатков столбов имеет следы обожжения, видимо, совершенного в целях замедления процесса гниения при нахождении их нижних концов в грунте. Изнутри двора данным линиям остатков дерева и столбам сопутствуют следы деревянных конструкций зигзагообразной формы из длинных (8–8,5 м) бревен, скрепленных между собой в «лапу» под углом около 150°. Хорошо видно, что своими углами они почти вплотную примыкали к остаткам дерева прямых линий, а остатками крайних бревен — к стенам башен. Но способы возможных таких стыков в большинстве случаев не прослеживаются из-за разложения дере-

ва — лишь на примере юго-западной башни было установлено, что соединение осуществлялось в паз, вырубленный в стене башни. Остатки подобных деревянных конструкций обнаружены вдоль восточной, южной и западной, а также восточной части северной стороны острога. Они лежат горизонтально и в таких же почвенных условиях, но обычно фиксируются более уверенно, чем остатки дерева прямых линий.

С учетом изложенной информации можно сделать вывод, что, видимо, нами выявлены остатки деревянных оборонительных стен острога в виде заплота, т.е. уложенных друг на друга в горизонтальной плоскости бревен, концами входящих в пазы вертикально врытых в землю опорных столбов, в том числе при примыкании к башням. Заплот, уложенный по прямой линии — конструкция неустойчивая и при гниении нижних концов опорных столбов могла упасть вся такая стена. Например, поручик Козьмин в рапорте о состоянии острога описывал в 1765 г. именно эту ситуацию — «с одной стороны городской стена наклонилась и немного не падет» [4, с. 59]. Потому изнутри она должна была дополнительно укрепляться. Свидетельством этого и являются примыкающие к наружным стенам и башням нижние венцы «ломаной» внутренней стены, которая за счет своих угловых форм обеспечивала достаточную собственную и устойчивость для прямой линии наружной стены (видимо, скреплялась с ней перерубами). Кроме того, внутренние «ломаные» городни служили и для устройства помостов для обороняющихся.

Таким образом, Саянский острог, в плане почти правильной подквадратной формы не только по линиям валов и рвов, но и по расположению наружных деревянных стен, имел их выполненными, по большей части, в виде заплота, уложенного по прямым линиям. Но изнутри линия стены была зигзагообразной. Предложенные по результатам интерпретации материалов раскопок Саянского острога выводы относительно вида его стен соответствуют сведениям письменных источников, сообщающих, что это «строение одно, вокруг острога заплот рубленой в лапу. По углам 4 башни, пятая башня проезжая — к бору, а к Енисею реке — ворота проезжие и вокруг онога острога выкопан ров» (цит. по: [3, с. 56]). Имеется и упоминание Г.Ф. Миллера 1735 г. о возведении острога «из положенных друг на друга бревен в полторы сажени высотой» [6, с. 62], т.е. в технике заплота. «Заплот» применительно к описанию стен Саянского острога встречается также в предписании Тобольской губернской канцелярии от 1744 г. о его починке и в рапорте поручика Козьмина [4, с. 59].

Строительство острога со стенами, преимущественно, в виде заплота частично может быть объяснено наличием здесь очень тяжелого для проведения землеройных работ материкового грунта (преимущественно, крупного речного галечника — бывшего дна Енисея). Вкопать и укрепить в таком грунте тын было трудно. Кроме того, объем работ при сооружении тына заметно больше, чем заплота, в связи с необходимостью рытья для него достаточно глубокой

канавки по всей протяженности стены и обожжения нижней части каждого помещаемого туда бревна. При строительстве Саянского острога в виду скорого приближения зимы выбор в пользу тыновой конструкции стен мог быть просто опасным. Поэтому строители применили наиболее простую и удобную в этом случае технику — «заплот».

Северная же стена острога, обращенная к реке, была построена в комбинированной технике. Она выходила непосредственно к берегу реки и ее не планировалось защищать валом или рвом. Естественно, что эта часть острога была укреплена более основательно — значительная часть стены представлена «тарасами», а заплотом лишь восточный участок. Стены тарасов, для возведения которых использовали бревна диаметром 20–30 см, стояли на расстоянии 6 м друг от друга, перерубы поставлены также через 5–6 м (т. е. размеры клетей немного отличаются друг от друга). Клетки не были заполнены грунтом (хрящем) для защиты от артиллерийского огня, а использовалась для хозяйственных нужд. Здесь находились кухня, баня, помещение для обработки рыбы или хранения рыболовных снастей. Расположение служебно-хозяйственных помещений, для которых требуется большое количество воды, в месте, наиболее приближенном к берегу реки, вполне логично.

Полученные в ходе раскопочных работ результаты, в целом, позволяют провести достаточно достоверную реконструкцию внешнего вида острога, включая и стены. С учетом сообщений письменных источников можно уверенно говорить о том, что тыновая конструкция не применялась вовсе. Подтвердилось высказанное Н. П. Крадиным мнение, что в крепостях с геометрически правильной конфигурацией плана более употребительными были четырехугольные башни [5, с. 20]. Высота стен заплота по археологическим данным не устанавливается, однако, учитывая приведенное выше сообщение Г. Ф. Миллера, должна составлять около 3 м. Это для заплота может считаться почти пределом из-за присущего ему роста общей неустойчивости с увеличением длины опорных столбов. Таким образом, в реальности стены острога выглядели не слишком внушительно и до их верха всаднику на лошади можно было достать, встав на седло (например, со стороны берега Енисея, где ров и вал отсутствовали). По своим размерам он был существенно меньше некоторых использовавшихся коренными жителями данного региона в XVII — начале XVIII в. каменных и каменно-земляных оборонительных сооружений (например, крепостей на горах Первый Сундук и Унюк, на Каменном острове [7]) и потому не мог производить на них сильного психологического воздействия. Однако Саянский острог никогда не подвергался осаде, поэтому характеристики его боеспособности с учетом особенностей конструкции стен могут быть только гипотетическими.

Судя по приведенным выше сведениям о наличии в XVIII в. стен в виде заплота в некоторых иных сибирских острогах, такая конструкция получила в данный период большее распространение, чем ранее. Можно по-

лагать, что она применялась при строительстве или ремонте других крепостей, архитектурные особенности которых еще не изучены. Исходя из всего изложенного, следует высоко оценить научную значимость полученных при исследовании Саянского острога материалов, пригодных для использования при изучении истории русского освоения не только юга Приенисейского края, но и соседних территорий.

Библиографический список

1. Артемьев А.Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. — Владивосток, 1994. — Т. 5. — Ч. 1.
2. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009.
3. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981.
4. Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. — Минусинск: Тип. А.Ф. Метелкина, 1913.
5. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988.
6. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Сер. «История Сибири. Первоисточники». Вып. 6).
7. Скобелев С.Г. «Городки» енисейских киргизов в русских сообщениях XVII века и археологическая реальность // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3(43). — 2010.

Шаповалов Андрей Валерьевич,

кандидат исторических наук, директор государственного автономного учреждения культуры Новосибирской области «Новосибирский государственный краеведческий музей»

Росляков Сергей Георгиевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник государственного автономного учреждения культуры Новосибирской области «Новосибирский государственный краеведческий музей»

КРЕПОСТНЫЕ СТЕНЫ СУЗУНСКОГО МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА И МОНЕТНОГО ДВОРА

В июле 2011 года в р.п. Сузун исследовательской группой НГКМ и Сибирского музейного агентства под руководством А.В. Шаповалова были

проведены археологические раскопки на территории бывшего Сузунского медеплавильного завода и монетного двора. В ходе работ получены новые материалы по истории сибирского деревянного строительства, в том числе о конструкции крепостных сооружений.

Сузунский завод и монетный двор были построены как часть Колывано-воскресенских заводов в 1764 г. В 1764 г. на реке Нижний Сузун была построена плотина, образовавшая пруд, вода которого приводила в движение водоналивные механизмы завода. Сам завод и рабочий поселок при нем строились по регулярному плану, который до сих пор является основой планировочной структуры центральной части р.п. Сузун. Строительство шло по известным образцам: монетный двор строился аналогично Екатеринбургскому, а медеплавильный завод — закрытому в 1759 г. Колыванскому.

Из-за пожаров и наводнений, а также в связи с появлением новой техники, сооружения завода неоднократно перестраивались, но в целом его планировочная структура оставалась неизменной. Сохранились картографические материалы и письменные источники, которые дают представления об архитектурных и строительных особенностях завода. Основным заводским сооружением была собственно заводская крепость, расположенная под плотиной. Все колывано-воскресенские заводы строили в виде крепостных оборонительных сооружений, т.к. в первой половине XVIII в. еще существовала опасность нападения кочевников. Позже крепостные сооружения строили по традиции, а также для предотвращения воровства и бегства рабочих. Названия «крепость» и «оплот» сохранялись за заводскими оградами до начала XIX в.

Судя по плану Сузунского завода 1765 г., который из-за пожара так и не был до конца воплощен, крепостная ограда, построенная в виде неправильного четырехугольника, окружала все заводские строения. Часть зданий вплотную примыкала к крепостной стене, являясь ее частью. Внутри был выстроен еще один четырехугольник, огораживающий монетный двор, при этом на плане часть стен отсутствует, их заменяют водоотводные каналы, которые сами по себе были существенным препятствием.

Сведений о конструкции крепостных стен начального периода в письменных источниках не сохранилось. В 1771 г. завод посетил академик П.С. Паллас. Согласно его описанию, «Заведенный ныне монетный двор окружен высоким острогом четвероугольником сделанным и у входа оного стоит караул» [2, с. 410]. Фальк, посетивший завод в этом же году сообщает, что «на заводе находятся плавильня и монетный двор. Оба составляют общий, но раздельный двор» [Фальк, с. 502]. Далее он упоминает, что палисадом окружена заводская слобода. [Фальк, 203].

Согласно «Плану всему казенному и партикулярному домовому строению» 1798 г., очертания крепости Сузунского завода к концу XVIII в. не изменились. Только дальняя от плотины длинная стена обозначена не пря-

мой, а повторяющей рельеф высокой береговой террасы бывшего русла р. Пивоварки. Въездные ворота находились в южной стене крепости. Внутри большой крепости обозначена крепость поменьше собственно монетный двор, расположенный у восточной стены завода.

На гравюре, вероятно, 1798 г. изображены заводские фабричные строения, обнесенные по периметру «оплотом». В южной стене, имеющей ломаные очертания, расположена башня с воротами. Крепостная стена монетного двора также изображена в виде заплота, однако, более высокого, чем внешние стены заводской стены. На другом рисунке конца XVIII в. въездная башня отсутствует. В плане ремонтных и строительных работ, составленном после наводнения 1800 г. так же значится «оплот» вокруг монетного двора. На плане 1935 г. нарисована «крепостная ограда», стены, обращенные к дамбе и к реке, изображены в виде прямой линии, а противоположные стены — в виде линии точек или насечек. Возможно, что данные обозначения различают стену в виде заплота и стену типа частокола.

В немногочисленной литературе по Сузунскому заводу эти сведения никак не учитываются, более того, существует совершенно другое знание. Так, в единственной монографии, посвященной заводу, упоминается о «крепости, обнесенной частоколом». «Монетный двор был обнесенный деревянной стеной длиной 54, шириной 29 и высотой 3 сажени. Из него были только одни ворота, снаружи которых стояли караулка и гауптвахта» [1, с. 17].

Согласно планам и фасадам зданий, построенных в Сузунском заводе, например, «конюшни с прислугами» и пильной, заплотная техника строительства хозяйственных помещений и оград была принята в заводской архитектуре, по крайней мере, на рубеже XVIII–XIX вв.

Таким образом, вопрос о том, как выглядели стены заводской крепости, оставался спорным и был уточнен в результате раскопок.

Территория исследований находится в центре р.п. Сузун, проходит вдоль главной улицы Ленина. Большая часть памятника в настоящее время застроена современными строениями разных собственников. В 2011 г. работы проводились на трех площадках, для чего были заложены 2 раскопа общей площадью 300 кв. м.

Раскоп № 1 заложен на территории бывшего монетного двора на ЮЗ склоне насыпи плотины и на ее подошве. В верхней части насыпи плотины были выявлены остатки деревянных конструкций — доски, бревна, расположенные вдоль плотины и уложенные друг на друга, а также столбы, скорее всего являющиеся фрагментами конструкций крепостной стены завода.

В раскопе на разных уровнях встречены шлаки медных плавков, небольшие фрагменты отходов медного литья, а также монетовидные кружки и монетные вырубки. Кроме того, найдены фрагменты оттисков монетного штампа: аверса монеты общероссийского образца (1 копейка 1822 г.),

реверсы монеты «1 копейка», которые чеканились с 1810 по 1830 г., бракованная монета 1784 г.

Раскоп № 2 заложен на территории бывшего медеплавильного завода на юго-западном склоне насыпи плотины.

После снятия верхних слоев шлака, слоя ила и залегающих под ним слоев шлаков выявлен материк — желтый суглинок заполнения тела плотины, спускающийся к подошве широкими ступенями.

На всем участке раскопа выявлены остатки основания деревянной стены в три венца, окружавшей медеплавильную фабрику. Зачистка нижнего слоя выявила, что обнаруженная стена была установлена поверх мощного слоя ила. Перед возведением стены поверхность была тщательно выровнена, в ней были выкопаны четырехугольные ямы под вертикальные опорные столбы, глубиной до 0,8 м. Шесть опорных столбов ограды, квадратных в сечении со сторонами 0,4 м имеют с двух боковых сторон прямоугольные пазы шириной 0,06 м и глубиной до 0,1 м. К пазам с двух сторон подходят бревна, в которых выпилены соответствующие пазам шипы. Венцы бревен сохранились очень хорошо, удалось измерить их диаметр — 0,26–0,28 м. Длина продольных бревен, определяющих расстояние пролетов стены, около 5 м. Под нижние бревна у их краев, примыкающих к столбам, были уложены поперечные деревянные плахи и крупные доски для выравнивания нижнего уровня горизонта. Такие плахи со следами спилов и затесов были зачищены под каждым концом бревен. На верхнем бревне одного из участков зачищена хорошо сохранившаяся деревянная планка длиной 3 м, шириной 0,06 м, трапециевидными выпилами сверху. Судя по расположению обнаруженных бревен и их конфигурации — это остатки деревянной крепостной стены в виде заплота.

В результате исследований выявлены факты починки крепостной стены. Некоторые столбы укреплены при помощи клиньев, вбитых у его основания. У одного из бревен с южной стороны паза не было, но с боковой части (внутренняя часть ограды) к нему примыкал клиновидный опорный кол, плотно забитый в землю, судя по всему — результат починки ограды. Один вертикальный опорный столб был сильно наклонен в сторону подошвы плотины, его края с пазами сильно прогнули, вероятно, еще при использовании ограды. Для того чтобы шипы нижних бревен стены не выпадали и бревна не скатывались по склону, их при замене сразу прикрепили клиньями к грунту. В нижнем венце бревен, на краях, примыкающих к опорному столбу, были вырезаны четырехугольные отверстия, в которые вставлены деревянные вертикальные клинья, вбитые в грунт. Еще в одном из нижних бревен сбоку вырублен паз и через него в тело плотины вбит деревянный клин. Еще один способ вычинки деревянных конструкций — при помощи скрепления бревен шкантом. Торец бревна вырублен в полдерева и имеет круглое отверстие диаметром 0,07 м, в которое вбит штифт, видимо, соединяющий его с нижним бревном. Еще одно бревно длиной 2,2 м с шипами на торцах имеет по 2 поперечных

широких паза по длинной стороне. Бревно, скорее всего, является специально изготовленной деталью для починки конструкции.

В раскопе № 2 никакого вещественного материала не обнаружено. Стратиграфическая ситуация, особенно уровень илистого слоя, скорее всего, связанного с самым мощным наводнением, зафиксированным в письменных источниках, а также факты починки стены позволяют датировать выявленный фрагмент заплота началом XVIII в., вероятнее всего 1800 г.

Таким образом, в результате раскопок обнаружена заводская крепостная ограда — «оплот», упомянутый в экспликациях к планам и графическим изображениям завода. Выявлены особенности конструкции стены и факты ее починки. Заплот медеплавильной фабрики представлял из себя стену из горизонтального ряда бревен, концы которых укреплены в специальных пазах вертикально стоящих столбов. Длина пролета стены — 5 м. Согласно письменным источникам высота стены монетного двора достигала трех саженей (около 4,5 м).

Библиография

1. Маслениковский С.И. Сузунский монетный двор. — Барнаул, 2006.
2. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. — Спб., 1786. — Ч. 2, кн. 2.
3. Фальк И.П. Записки путешествия. — СПб., 1824.

Маркс Антон Васильевич,

студент 3 курса Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета

Научный руководитель: Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета, эксперт министерства культуры Новосибирской области по историко-культурному наследию

ОПЫТ НАТУРНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДЕРЕВЯННЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ СИБИРСКОГО ОСТРОГА (по материалам археологических и экспериментальных исследований Умревинского острога)

Умревинский острог — первый административный пункт Российского государства на территории Мошковского района Новосибирской области

— был основан в 1703 г. на правом берегу р. Оби чуть выше устья ее малого притока р. Умревы [2, с. 12–15] за десять лет до возведения Чаусского острога. Как оборонительные сооружение Умревинский острог, просуществовав около 100 лет, был заброшен и полностью исчез с карт к концу XIX-го столетия. На рубеже XX и XXI веков расположение этого археологического памятника было вновь локализовано и проведены исследования, позволившие выявить фундамент юго-западной набережной башни и тыновые стены с северной, западной и южной стороны острога. В 2003 г. в связи с празднованием 300-летия возведения Умревинского острога на месте, где в 2002 г. выявлен столбчатый фундамент башни, была воспроизведена ее натурная реплика [2, с. 213, рис. 89]. Конструктивной основой этого сооружения стали башни Казымского (Юильского) острога, возведенные по дендрохронологическим данным в 40-е годы XVIII столетия [2, с. 29], что синхронно письменным и нумизматическим данным (закладная монета) сооружения юго-западной набережной башни Умревинского острога.

За прошедшие десять лет кроме башни были реконструированы часть южной тыновой стены и помост, что позволило получить оборонительные сооружения Умревинского острога, используемые для наблюдений в рамках экспериментальной археологии. Основной задачей экспериментально-археологических исследований деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога являлась проверка нескольких гипотез, выдвинутых в ходе полевых исследований, а также получение опыта по возведению типовых деревянных оборонительных сооружений сибирского острога.

Согласно одному из предположений, юго-западная набережная башня на заключительном этапе своего существования, сильно наклонившись в сторону берега, вследствие ветхости разрушилась и была сожжена как башня Ляпинского острога. Свидетельством этому были интенсивная линза со следами горения со стороны берега во рву острога и отсутствие свай в канавке фундамента на углу основания башни у реки [2, с. 43].

Следует подчеркнуть, что использование свайного фундамента, известного в древнерусских оборонительных сооружениях с XI века как «столпье», на участке сооружения Умревинского острога было далеко не случайно. Для этой территории характерны достаточно слабые, подвижные грунты, на которых возводились свайные деревянные фундаменты вплоть до недавнего этнографического времени. Не менее важно и то, что на примере свайного фундамента юго-западной угловой башни Умревинского острога можно говорить о том, что на севере Новосибирского Приобья достаточно долго сохранялись традиции древнерусского деревянного зодчества. Они, возможно, были принесены сюда населением с русского севера, представители которого, судя по письменным источникам, являлись одними из первооселенцев Умревинского острога.

Десять лет существования реконструированной юго-западной набережной башни подтвердили выдвинутую гипотезу о крене башни ее достаточно сильной деформацией в сторону реки. Об этом отчетливо свидетельствует залом крепежной балки фрагмента западного тына, пристроенного к башне в 2003 г. Изгиб во внутрь этого крепежного элемента составил вовнутрь более 10 градусов. Усадка конструкции в сторону реки составила около 10 см. Такие темпы проседания башни спустя еще несколько десятилетий вполне могут привести не только к ее существенному крену в сторону реки, но и падению перед последующим сожжением. Еще одним сопутствующим фактом таких разрушений в дальнейшем, является отсутствие выявленных в ходе археологических раскопок деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога, следов действий для продления сроков использования деталей деревянных конструкций (свай фундамента и тыновин). Основания этих элементов, помещенные в грунт, были не осмолены и не обожжены. Отсутствие такой обработки привело к тому, что уже к 2012 г. часть оснований свай реконструированной башни выгнило.

При экспериментальной реконструкции южного тына Умревинского острога изучался целый ряд вопросов его сооружения, как выявленных в ходе археологических исследований, так и не получивших отражения в археологическом источнике. В ходе изучения северного, западного и южного тына было установлено, что тыновины изготавливались двумя различными способами. Небольшое количество тыновин было вытесано из цельных стволов деревьев диаметром до 20–25 см, когда их большая часть, обнаруженная в ходе археологических раскопок, производилась из колотых на две половины заготовки для тыновины. Такие статистические, технологические особенности и стратиграфические данные (перекрытие внутренним углом юго-западной набережной башни участка тыновой стены) позволили выявить не менее двух строительных периодов Умревинского острога [5, с. 166], имеющих явные параллели с данными письменных источников о его функционировании и состоянии деревянных оборонительных сооружений. По письменным источникам для Чаусского острога известны факты его ремонта спустя тридцать лет после его сооружения в 1743 г. Следующий раз острог уже ремонтировался уже в 1750 г. Для Умревинского острога такие письменные данные о ремонте отсутствуют. Однако есть упоминание Д.Г. Мессершмита, что через 19 лет после основания Умревинского острога его деревянные укрепления оказались частично разрушенными. Таким образом, период, после которого следовало осуществлять текущий ремонт оборонительных деревянных сооружений острога, составлял от 7 до 30 лет. Соответственно, датой следующего строительного периода тына Умревинского острога могли стать конец 20-х — начало 30-х годов XVIII столетия.

Основой экспериментальной реконструкции участка южного тына Умревинского острога стал факт использования цельных стволов деревьев, которые заготавливались в непосредственной близости от места Умревинского острога на расстоянии от 100 до 1000 м. Современный лес в окрестностях Умревинского острога, судя по материалам дендрохронологических исследований [1, с. 28; 6, с. 310], достаточно молод. Средний возраст большинства деревьев в более чем 8-ми километровой округе составляет не более 80–100 лет. При этом деревья для заготовки тыновин, несмотря на свою небольшую толщину, в некоторых случаях также могут иметь возраст до 100 лет, хотя большинство из них к моменту рубки просуществовали от 20 до 25 лет. Такие деревья произрастали, как правило, в глубине леса и, вследствие естественной конкуренции с другими растениями, имели длинный и тонкий ствол, пригодный для изготовления от двух до трех тыновин длиной до 4,5 м. Тем не менее, для Умревинского острога, в отличие от Чауского, не стояла проблема сплава леса с мест его заготовки до участка его сооружения, поскольку лесные ресурсы находились в непосредственной близости от Умревинского острога. Следует подчеркнуть, что проблема доставки леса, судя по данным современных дендрохронологических исследований, была для острогов, сооружаемых в удалении от лесных ресурсов, достаточно актуальной [1, с. 27–29]. Отчасти это касалось и Чауского острога, лес для которого мог сплавляться с северо-западной кромки Кудряшовского бора.

Экспериментальная заготовка тыновин в окрестностях Умревинского острога позволила воспроизвести процесс заготовки в условиях «шаговой близости» материалов достаточно детально. Эффективной заготовкой и обработкой тыновин могли заниматься от двух до шести человек. Это вполне соответствует ограниченным людским ресурсам русских первопроходцев при сооружении первых острогов начальный период освоения юга Западной Сибири. Поэтому использование тыновин из цельных стволов на первом этапе строительства было более чем оправданно, поскольку изготовление тыновин из колотых бревен на втором строительном этапе было более сложным и трудоемким процессом, требующим более тщательной отборки исходного материала и соблюдения определенной сезонности для производства этой операции.

Около 70 метров южного тына, установленного за прошедшие десять лет, позволило выявить еще целый ряд интересных наблюдений. Во-первых, свежее срубленные и сухие стволы деревьев, использованных для изготовления для тыновин, имели совершенно различную степень усадки в готовой тыновой стене. Со временем после усыхания зазоры между свежесрубленными деревьями для изготовления тыновин значительно увеличивались. Очевидно, это обстоятельство, наряду с постепенным выгниванием оснований тыновин, привело к их замене на колотые из двух полови-

нок древесного ствола. Такая техника, судя по археологическим наблюдениям, давала более качественные результаты — края тыновин плотно прилегали друг другу [2, с. 152, рис. 18, 2].

Другой проблемой тыновой стены Умревинского острога, выявленной в ходе ее экспериментального возведения, стал ее сильный наклон по мере удаления тыновин от края юго-западной набережной башни. Компенсировать эту деформацию позволяло сооружение помоста с внутренней стороны тына. Поэтому такой конструктивный элемент выполнял, очевидно, несколько функций — от передвижения по тыновым оборонительным сооружениям до их дополнительно укрепления. Судя по материалам археологических исследований Умревинского острога, такие стяжки тына производились через каждые 18–20 м. Это подтверждается находками железных скоб и столбовых отверстий от оснований тынового помоста [4, с. 76].

В целом восстановление части деревянных оборонительных сооружений (башни и тына) Умревинского острога позволило не только осуществить музеефикацию одного из археологических памятников периода русского освоения Сибири в Новосибирском Приобье, но и получить опыт натурального восстановления острога, необходимый для появления его экспериментальной модели, адаптированной для научного мониторинга.

Такой подход позволил выявить не только ряд соответствий с результатами археологических раскопок деревянных оборонительных сооружений острога, но и дать возможность поставить еще целый ряд проблем, не получивших своего отражения в ходе формирования особого типа археологического памятника.

Библиографический список

1. Бородовский А.П. Дендрохронологические исследования русских острогов в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. — Омск, 2011. — С. 27–35.
2. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. — 242 с.
3. Бородовский А.П., Горохов С.В. Современное историко-культурное значение Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск, 2008. — С. 142–148.
4. Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. — Вып. 4 (36). — 2008. — С. 70–82.
5. Бородовский А.П., Горохов С.В. Ранний строительный период деревянных оборонительных сооружений русских острогов в Сибири (по картографическим, археологическим и дендрохронологическим данным) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. — Т. XVI. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. — С. 164–167.

6. Бородовский А.П., Слюсаренко В.Ю., Мыглан В.С., Горохов С.В. Результаты дендрохронологических исследований в Новосибирском Приобье (на рубеже XX–XIX веков) // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Новосибирск, Омск, 2008. — С. 308–312.

Бородовская Елена Львовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории
культуры и музеологии Новосибирского государственного
педагогического университета, педагог дополнительного образования
высшей квалификационной категории
Дома детского творчества им. В. Дубинина

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ СИБИРСКИХ ОСТРОГОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИКАР»
ДОМА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА ИМ. В. ДУБИНИНА)**

Развитие современной системы образования закономерно ставит вопрос о выявлении приоритетов воспитания как общенациональной системы и актуализирует проблему гражданского и патриотического воспитания. Патриотическое воспитание в системе дополнительного образования детей предполагает усиление внимания к формированию у подростков ценностного отношения и интереса к культурно-историческому прошлому Отечества, к своей малой родине как важных составляющих понятия «патриотизм» [4, С. 18–22]. Для реализации этой задачи с учетом культурных особенностей Сибирского региона и местной специфики развития образовательного пространства археолого-краеведческий коллектив Дома детского творчества им. В. Дубинина (объединение «ИКАР») активно принимает участие в исследовании сибирских острогов с начала 90-х годов прошлого столетия. Педагоги и воспитанники детского коллектива на протяжении всех лет его существования реализуют проекты краеведческого содержания, проекты по сохранению и восстановлению памятников истории и культуры Сибири; изучению и развитию этнокультурных традиций сибирских народов [1, с. 293–295; 6, с. 14–15]. Кроме этого, коллектив располагает значительной методической базой, библиотекой, видеотекой, слайдотекой, содержащими материалы по истории острогов Сибири.

На территории Новосибирской области достаточно интересных археологических объектов, где можно организовать поисковую и научно-исследовательскую работу воспитанников [1, с. 293–295]. Традиционным

направлением деятельности объединения «ИКАр» является участие в археологических экспедициях и мониторинге археологических памятников Новосибирской области в связи с необходимостью сохранению историко-культурного наследия. Места расположения памятников XVIII века — острогов Умревинского, Чаусского и Бердского также являются объектами мониторинга и летних исследований [5, 44 с.]. Согласно авторской образовательной программе история сибирских острогов выделена в отдельную большую тему и изучается воспитанниками, как теоретически в условиях учебного кабинета, так и практически с выездами на места расположения уникальных памятников [7, 104 с.].

С 2002 г. воспитанники объединения «ИКАр» ежегодно участвуют в археологических исследованиях Умревинского острога. Работа в археологических экспедициях и восстановление исторического объекта (угловой башни острога) стало важным вкладом в процесс патриотического воспитания школьников нашего коллектива и учреджения в целом. В 2003 г. началось восстановление Умревинского острога, этому предшествовали серьезные полевые исследования, знакомство с проектной документацией по реконструкции острожной башни и опубликованными материалами по другим острогам Сибири.

В настоящее время над Умревинской протокой возвышается восстановленная угловая, набережная башня острога. Возведение башни было отмечено проведением юбилейных торжеств в августе 2003 г., а также официальным утверждением в геральдической палате в Москве герба Мошковского района, основой которого стала башня Умревинского острога. «Икаровцы», принявшие участие в археологических исследованиях острога, горды своим вкладом в создание одного из важных геральдических символов Мошковского района. Традиционным для детского коллектива стало участие в ежегодном осеннем празднике «День Умревинского острога». Кроме этого, объединение дважды в год, в мае и сентябре, совершает на месторасположение острога образовательные экскурсии, чтобы почтить память сибирских первопроходцев.

Одним из острогов Приобья является Бердский острог. Русские первопроходцы возвели его на стрелке между реками Бердь и Обь. Строительство Новосибирского водохранилища и последующее затопление территорий привело к тому, что место расположения оборонительного пункта не сохранилось. Для знакомства с историей Бердского острога в рамках образовательной программы разработаны слайд-лекции, презентации, осуществляются экскурсии в краеведческий музей г. Бердска. Сегодня можно лишь показать острова в устье Бердского залива, где ранее располагался острог. Однако из этого района известно несколько интересных археологических находок, связанных с существованием Бердского острога. В его окрестностях были найдены два железных пушечных ядра, одно из кото-

рых хранится в Бердском краеведческом музее. Точная дата возведения Бердского острога не известна. На гербе города Бердска изображен сибирский острог, имевший оборонительное значение и был одним из административных и культурных центров Новосибирского Приобья.

Чаусский острог, заложенный 29 июня 1713 года томским дворянином Д. Лаврентьевым, занимал важное стратегическое и транспортное значение, находясь на пути из Тобольска в Иркутск. Библиография по истории изучения этого острога достаточно обширна, что позволяет на учебных занятиях организовать различные формы работы с научно-популярной и научной литературой (проблемно-поисковый метод, постановка посильных познавательных задач, работа с текстами, терминологическим аппаратом и иллюстрациями). Для проблемных и творческих заданий активно используется материал путевых описаний академика П.С. Палласа. Воспитанники разных лет обучения, начиная с 1993 года, принимают участие в локализации места расположения Чаусского острога и сборах подъемного материала. Обработка коллекций в этом случае позволяет повысить эффективность применения теоретических знаний и умений, развивать элементарные навыки работы с подъемным материалом.

Итоги экспедиционных исследований, обобщение и осмысление подлинных археологических источников острогов Новосибирского Приобья неоднократно и успешно представлялись «икаровцами» на Городских и Всероссийских научно-практических конференциях школьников [8, с. 179; 9, с. 70–84; 10, с. 65–70; 11, с. 53–55].

При организации экскурсионных занятий по теме «Остроги Сибири» школьники знакомятся с современными реконструкциями деревянных оборонительных сооружений сибирских острогов при посещении музея «Истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока» ИАЭТ СО РАН. Частью музея является историко-архитектурный комплекс под открытым небом, который позволяет познакомиться с памятники русского деревянного зодчества XVII–XVIII веков, оборонительными объектами Сибири, расширить представления о заселении человеком сибирских территорий.

По пути следования на территорию республики Алтай для участия в исследовательских экспедициях [2, с. 74–77] обязательно планируется посещение территории современного города Бийска, где можно познакомиться с орудиями Бикатунской крепости середины XVIII века. Большинство орудий Чаусского острога было, как считают специалисты, изготовлено именно в этот период. В описании вооружения Чаусского острога от 1740 г. упоминалось пять артиллерийских орудий, местонахождение которых на сегодняшний день не известно. Знакомство с орудиями Бикатунской крепости позволяет создать визуальные образы артиллерийских орудий Чаусского острога. Собственно исследовательская деятельность, орга-

низованная в полевых и стационарных условиях, знакомит воспитанников с историей и методами исследований русских острогов в Сибири [3, с. 17–19].

Археологические исследования русских острогов, восстановление оборонительных сооружений, создание историко-культурных, образовательных и туристических комплексов позволяет реально осуществлять связь прошлого и настоящего. Организация исследовательской деятельности воспитанников на местах расположения сибирских острогов, их участие в просветительской деятельности (экскурсии, беседы, семинары, конференции) обеспечивает образовательный процесс качественным содержанием и оригинальной источниковой базой, а также является важным средством патриотического воспитания юных сибиряков.

Библиографический список

1. Бородовская Е.Л. Археология в системе дополнительного образования детей г. Новосибирска // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. — М.: ИА РАН, 2008. — Т. II. — С. 293–295.

2. Бородовская Е.Л. Многолетнее участие в проектах по изучению археологического наследия Горного Алтая (на материалах научно-исследовательской деятельности объединения «ИКАр») // Качество социального проектирования в дополнительном образовании детей: Мат-лы IX открытых городских пед. чтений 19–20 февраля. — Новосибирск: [Б.и.], 2008. — С. 74–77.

3. Бородовская Е.Л. Учебно-исследовательская деятельность обучающихся — универсальный способ научного освоения окружающей действительности // Мат-лы XIV открытых городских пед. чтений 17 февраля. — Новосибирск: [Б.и.], 2012. — С. 17–19.

4. Бородовская Е.Л. Гражданско-патриотическое воспитание средствами археолого-краеведческого музея (из опыта работы музея «Живая старина Сибири» Дома детского творчества им. В. Дубинина) // Мат-лы VIII Межрегиональной научно-практической конференции по музейной педагогике «Гражданско-патриотическое воспитание в деятельности музеев образовательных учреждений» (16–17.02.2012) — Новосибирск, 2012. — С. 18–22.

5. Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. Учебное пособие. — Новосибирск: НПЦ по сохранению историко-культурного наследия, 2003. — 44 с.

6. Бородовская Е.Л., Бородовский А.П. Археология Сибири: Аспекты реализации регионального компонента в системе внешкольного и дополнительного образования // Региональная направленность учебно-воспитательного процесса в учреждении дополнительного образования детей: Мат-лы VII городских пед. чтений. — Новосибирск: [Б.и.], 2003. — С. 14–15.

7. Бородовская Е.Л., Бородовский А.П. Дополнительная образовательная программа «Путешествие в древность. Ч. 1. Историческое краеведение. Археология». — Новосибирск: [Б.и], 2004. — 104 с.

8. Дёмин Д. Археологические исследования Умревинского острога // Сборник тезисов докладов участников Российского заочного конкурса исследовательских работ учащихся «Юность, наука, культура — XX». — Обнинск: ДНТО «Интеллект будущего», 2004. — С. 179.

9. Дёмин Д. Археологические исследования Умревинского острога в 2002–2003 гг. // Юношеский полевой семинар. Материалы. — Новосибирск: [Б.и], 2005. — Вып. 3. — С. 70–84.

10. Долгих Е. Историческая справка: русские остроги XVIII века на территории Новосибирского Приобья // Юношеский полевой семинар. Материалы. — Новосибирск: [Б.и], 2005. — Вып. 3. — С. 65–70.

11. Захарова А. Изготовление керамических курительных трубок // Юношеский полевой семинар. Материалы. — Новосибирск: [Б.и], 2005. — Вып. 3. — С. 53–55.

СЕКЦИЯ № 4
ИСТОРИЯ КОЛЫВАНИ: ОСТРОГ, ВОЛОСТЬ,
ГОРОД, ОКРУГ, РАЙОН

Полева Валентина Петровна,
начальник отдела архивной службы, администрация Колыванского
района Новосибирской области

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ КОЛЫВАНИ

История Колывани уходит в далекое трехвековое прошлое, когда Сибирь начала успешно осваиваться русскими людьми, а на территории нынешнего Колыванского района появились и донныне существующие населенные пункты Скала, Тропино, Вьюны, Черемшанка, Паутово, Малый Оёш, Большой Оёш. Для защиты от набегов кочевников к сентябрю 1713 года в шести верстах от устья реки Чаус был сооружен Чаусский острог. С 1750 года укрепления острога в связи с отсутствием военной опасности не обновлялись, и гарнизон Чаусского острога все больше осваивал «мирные» крестьянские занятия.

С потерей военного назначения Чаусской крепости все чаще в документах второй половины XVIII века встречается название данного населенного пункта как села Чаусского. В XIX веке история бывшего Чаусского острога ассоциируется уже с именем Колывани, но с какого времени — вот вопрос, который до настоящего времени не получил среди местных краеведов однозначного толкования. И это вполне понятно, ведь Колывань чаусская не была единственной Колыванью в Сибири. С 1783 по 1797 год это название носил Бердский острог. Одновременно на Алтае при Колывано-Воскресенских заводах также существовала своя Колывань.

Местными исследователями в свое время в Томском государственном архиве были обнаружены письма Колыванской городской ратуши, относящиеся к 1797–1800 годам. Бердской Колывани в это время уже не существовало, по содержанию письма никак не могли относиться к горнозаводской алтайской Колывани. Отсюда напрашивался вполне логичный вывод о том, что в этих документах речь идет о нашей Колыванской ратуше. Это и послужило основанием для празднования в 1997 году 200-летия Колывани.

Но ведь давно известен официальный исторический документ — императорский Указ 22 июля 1822 года, согласно которому был «вновь учрежден город Колывань и назначен он из Чаусского острога» в качестве губернского города взамен Томска.

Именно эту дату получения Колыванью своего имени подтверждают и другие известные исторические факты. А.Н. Радищев, проезжая наши места по пути из Илимской ссылки в том же 1797 году, нигде не упоминает

названия Кольвани, а пишет о селе Чаусском — «от Чаусского до старожилы Тырышкино на Аиоше 26 вер., тут волость». В географическо-статистическом Словаре Российской империи 1865 года известный русский географ П. Семенов-Тянь-Шанский указывает, что «в 1822 году Чаусский остр. переименован в г-д Кольвань и назначен губернским городом Томской г-ии...» [7, с. 698]. Последние обоснования этого факта принадлежат писателю и журналисту А. Верину.

Как видим, дискуссия по этому столь значимому для истории нашего родного поселка факту растянулась на многие десятилетия. И думается, что поставить точку в этой дискуссии местного масштаба можно лишь идя от обратного — не 1822 год ещё раз подтверждать как дату начала Кольвани (этот факт и так неоспорим), а попытаться найти адресную принадлежность документов под обобщенным названием «письма Кольванской ратуши».

Для начала обратимся к вопросу об административно-территориальных преобразованиях Сибири конца XVIII века. Известно, что в 1783 году в Сибири было учреждено три наместничества (губернии): Тобольское, Иркутское и Кольванское. Столицей Кольванской губернии согласно именного указа императрицы Екатерины II от 12 мая 1783 года стал бывший Бердский острог, переименованный в город Кольвань. Просуществовала новая губерния недолго и 12 декабря 1796 года была упразднена и разделена между Тобольской и Иркутской. Но названия Кольвань бывший Бердский острог одновременно с ликвидацией губернии не потерял.

Все Приобье, в том числе и интересующие нас Чаусский, Бердский остроги и алтайская Кольвань были отнесены к Тобольской губернии. Т.Н. Соболева и В.Н. Разгон в книге «Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае» со ссылкой на конкретные документы Российского государственного исторического архива дают следующую информацию: «Непросто решалась судьба кольванских (бердских) купцов и мещан. Указом от 13 июля 1797 года Тобольское наместническое правление предоставило Кольванскому городовому магистрату право сохранить прежний статус» [6, с. 47]. Магистраты в это время — орган городского самоуправления в центрах губерний, каковым являлся Бердск–Кольвань, будучи губернским городом. Бердск–Кольвань теперь уже не губернский город, но сохраняет магистрат как высший орган городского самоуправления.

Далее авторы поясняют, что «по типу оставшихся за штатом городов независимое от Горной канцелярии купеческое и мещанское общество Кольвани (Бердска) 3 октября 1797 г. было переименовано в посад и вместо магистрата открыло ратушу под названием Кольванской» [6, с. 47]. Ратуши — те же магистраты, но провинциальные. В это время, превратившись из губернского города в заштатный, Бердск всё ещё именовался

Кольвань. Вновь он был возвращен к прежнему названию только через месяц — 2 ноября 1797 года. Ратуша же не была переименована в Бердскую, за ней сохранилось название Кольванская. Основанием для такого решения стало численное преобладание в Бердске посадского населения над приписным, для удобства которого и было сохранено прежнее название ратуши. Таким образом, становится ясным, что обнаруженные в Томском государственном архиве документы Кольванской ратуши этого периода относятся к селу Бердскому, а не к Кольвани Чаусской.

И только через двадцать пять лет в рамках городской реформы М.М. Сперанского 22 июля 1822 года был «вновь учрежден город Кольвань и назначен он из Чаусского острога» [5, с. 11] в качестве губернского города взамен Томска («вновь» после бердской Кольвани). Но Кольвани не суждено было великое будущее. Уже через год в адрес Губернатора Западной Сибири приходит Указ императора, перечеркнувший далеко идущие планы кольванских купцов. «...Находя более удобности, чтоб губернский город оставался в Томске, согласно мнению Сибирского Комитета, повелеваю: оставить сей Город Губернским по-прежнему». Кольвань же стала уездным (окружным) городом с установленными для таких городов присутственными местами, в том числе и ратушей.

Но наша Кольвань и после этой даты оставила историкам пищу для споров. До сих пор имеют место быть мнения о том, что история города Кольвани начинается не с момента получения поселением этого статуса, а со времени размещения его на теперешнем месте со всеми присутственными местами в середине XIX века. Но ведь и на прежнем месте до переселения Кольвань уже была городом со всеми официальными атрибутами городского самоуправления того времени.

История Кольвани XIX века отмечена устойчивым экономическим развитием, но каких-либо взлетов ей испытать больше не удалось. Наоборот, административный статус её со временем ещё больше понизился. В 1856 году она была «разжалована» в заштатный город 1-го участка Томского округа, что стало очередным ударом по планам кольванского купечества. И, начиная с 1862 года, при поддержке Генерал Губернатора Западной Сибири А.О. Дюгамеля и Томского Губернского управления в лице губернатора А.Д. Озёрского кольванская общественность начала предпринимать попытки вернуть Кольвани статус окружного города. Переписка с Петербургом по этому вопросу продолжалась с переменным успехом в зависимости от позиции вновь назначенных губернаторов и министров многие годы и в начале XX века закончилась для Кольвани окончательной неудачей. Дело Томского губернского управления «Об образовании Кольванского уезда» было закрыто 31 декабря 1903 года. А быстрое становление нового города Новониколаевска окончательно отодвинуло Кольвань в разряд второстепенных поселений Сибири.

Уже в советское время в 1925 году бывший город был низведён до уровня села и центра сельского района. В последний раз попытка поднять административный статус Кольвани предпринималась в послевоенное время. 21 марта 1946 года исполком Кольванского районного Совета принимает решение просить Новосибирский облисполком о возбуждении перед Советом Министров РСФСР вопроса о преобразовании села Кольвань в город [4, с. 87]. Главными аргументами в пользу такого решения приводились неуклонный экономический и культурный рост Кольвани и подавляющее преобладание (91 %) в населении Кольвани рабочих и служащих. Но поддержки это предложение не нашло уже на уровне Новосибирской области и до 1964 года Кольвань оставалась селом. С 1 июля 1964 года село преобразовано в рабочий посёлок, каковым и остается до настоящего времени.

Библиографический список и источники

1. А.А. Верин. Кольвань — Чаусский острог. Интернет-портал культуры Новосибирской области.
2. ГАНО. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 225. Приказы волостных правлений. 1789–1805 гг.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3325. Об образовании Кольванского уезда. 1894–1903 гг.
4. Кольванский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 419.
5. Л.Л. Матвеева, В.Л. Гусаченко. Кольвань историческая. — Новосибирск. 1996.
6. Т.Н. Соболева, В.Н. Разгон. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае.
7. П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи. — Санкт-Петербург, 1865.
8. Энциклопедический словарь В.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. — СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907.

Шиловский Михаил Викторович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Новосибирского государственного университета, заведующий сектором истории второй половины XVI — начала XX вв. Института истории СО РАН

КАК СОБИРАЛИСЬ ВЕЗТИ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА ЧЕРЕЗ ЧАУССКУЮ ВОЛОСТЬ (1891 Г.)

В фондах Новосибирского государственного архива мое внимание привлекло дело Чаусского волостного правления за 1891 год под интригу-

ющим заголовком «О проезде наследника Николая Александровича» [1, л. 4–50]. В нем содержалась служебная переписка по поводу предполагаемого проезда по Московско-Сибирскому тракту в пределах волости наследника российского престола, цесаревича Николая в июле 1891 г. и подготовительных мероприятиях в связи с этим событием.

Как известно, будущий император Николай II осенью 1890 г. на крейсере «Память Азова» с многочисленной свитой из Кронштадта отправился в кругосветное путешествие. 11 мая 1891 г. корабль прибыл во Владивосток, где он по поручению отца Александра III 19 мая участвовал в закладке Транссибирской железнодорожной магистрали, собственноручно кувалдой забив серебряный костыль, прикрепивший первую положенную в основание пути рельсу к шпале. 21 мая верхом на лошадях, преодолев 100 верст, цесаревич прибыл в Никольск-Уссурийский. 24 мая путешественники отбыли на пароходе «Иногда» от пристани Камень-Рыболов на озере Ханко по рекам Сунгари, Амур, Шилка до г. Сретенска. Отсюда до Томска 2725 верст пути необходимо было преодолеть на колясках по Московско-Сибирскому тракту. 14 июня кортеж прибыл в Нерчинск, 17 июня — в Читу, 21 июня — в Верхнеудинск, 23 июня — Иркутск, 29 июня — в Красноярск, 3 июля — в Мариинск, 5 июля — в Томск.

О том, как происходило путешествие, можно судить по путевому дневнику князя Э.Э. Ухтомского, из которого воспроизвожу только один фрагмент: «22 июня предстояло совершить последний переезд в пределах Забайкалья. По пути Августейшего путешественника приветствовали представители Посольской волости, а также и духовенство некогда славного Посольского монастыря (у Байкала), представители Кударинской волости, Кударинской степной думы, причем крестьянин Посольской волости Власов удостоился получить серебряные часы, тайша Гашев и бывший тайша Хамалганов получили медали с надписью «за усердие»... Старшины Кяхтинского купечества: Николай Молчанов, Михаил Корзухин и Михаил Перевалов во главе делегации встретили Дорогого путешественника хлебом-солью на золотом блюде, украшенном рисунками, изображающими разными эпизодами торговли чаем. Вместе с поднесением хлеба прочитан был адрес, в котором купечество, заявляя о своих верноподданических чувствах и желая увековечить в памяти потомства посещение Забайкалья Его Императорским Высочеством, просило соизволения на учреждение стипендий в Томском университете, в Читинской мужской гимназии и Читинской женской гимназии. На этот предмет определено было 21000 рублей. Затем приблизились представители Торейской волости, буряты Селенгинского ведомства (с 18 знаменами) и отдельных управ Цонгольской, Варматской, Закаменской. Буряты поднесли летний халат, малахай (шапку), кушак, ирмыки (сапоги), серебряный нож, огниво и серебряный старинный сосуд в виде чаши на кипарисовой подставке, крестьяне же и кре-

щенные инородцы, хлеб-соль. Казак Лумбуев (с реки Удунги), желая ознаменовать посещение Его Императорского Высочества, обязался в течение трех лет жертвовать на бедных по 1000 рублей» [2, с. 17].

Подготовка к проезду началась летом 1890 г. на основе приказов и инструкций Министерства внутренних дел сибирским губернаторам. Именно они отвечали за благополучное передвижение и должны были сопровождать высокопоставленного путешественника в пределах подведомственных губерний и областей. Непосредственной организацией и осуществлением проезда занимались окружные (с 1898 г. уездные) исправники. В частности, 8 марта 1891 г. томский окружной исправник Артоболевский направил в Чаусское волостное правление распоряжение, полученное там 11 марта. В нем сообщалось о предполагаемом в начале июля проезде цесаревича со свитой и сопровождающими чиновниками по Московско-Сибирскому тракту, что потребует иметь на каждой станции одновременно до 200 лошадей. Поскольку такого количества ни на станциях, ни во многих прилегающих к тракту селениях просто не было, чиновник поручал волостному правлению в срок до 25 марта решить следующие вопросы.

Во-первых, «немедленно, сейчас же выбрать ямщиков примерно на 40 экипажей, кроме нарочных, курьеров и т.п. на каждую станцию; всем этим ямщикам составить список, который по каждой станции предоставить мне, указать тех ямщиков, которые повезут Его Высочество, Его Свиту, Томского Губернатора и других высокопоставленных лиц, примерно на 6 экипажей. Раз составленный список изменению уже подлежать не может, так как каждого ямщика я должен знать в лицо и разьяснять ему порядок езды».

Во вторых, необходимо составить списки на тех, кто должен предоставить лошадей и ямщиков, которые должны по первому требованию явиться для предварительного обучения следованию в кортеже. «Обучение будет производиться при участии чиновников г. губернатора и почтово-телеграфного». Причем, «назначенные ямщики должны быть прилично одеты, сбруя новая с лишним запасом веревок, постромок и т.д. Лошади должны быть выбраны смиренные, выносливые, не бешенные, красивые. В первые четыре экипажа подобрать одномастных».

В-третьих, «сейчас же разрешить вопрос о фураже, необходимом для корма лошадей в ожидании Его Императорского Высочества, так как ямщики с лошадьми должны явиться каждый на свою станцию за 10 дней до проезда Его Высочества; в продолжении этого времени будут делаться поездки лошадей и обучение ямщиков; причем ямщики должны быть выбраны из людей хороших, благонадежных, хорошо умеющих управлять лошадьми».

Через неделю, 15 марта 1891 г., последовало дополнительное распоряжение относительно организации охраны сиятельной особы. Волостное правление обязывалось в помощь полиции подобрать крестьян, «отлича-

ющихся трезвостью и безукоризненным поведением», прилично и чисто одетых. «Они будут находиться впереди всего народа и не допускать к экипажам посторонних лиц, тем более незнакомым им». По маршруту движения на тракте предполагалось разместить десятских и сотских из всех селений волости на расстоянии видимости, «в приличном платье с верховой лошадей». Охранители должны были 2 июня 1891 г. прибыть в с. Чаусское для инструктажа, а на практике руководствоваться специальной инструкцией из 8 пунктов. Главная их функция сводилась к осуществлению строгого контроля, «чтобы во время движения экипажей никто не подходил близко к дороге, в особенности к экипажу Его Высочества не менее 50 саженей».

Обыватели Чаусской волости должны были обеспечить проезд от села Чаусского до города Колывани. Были составлены списки лиц, обязанных предоставить лошадей, ямщиков и охранников. Так, Ф.С. Манакон выделит 6 лошадей (3 карих, 3 гнедых), в качестве ямщика выступал он сам. Ф.Т. Руднев также обещал 6 гнедых и карих, но ямщиком был записан не он сам, а Зиновий Руднев (по всей видимости, его сын). Мобилизованные ресурсы распределялись следующим образом: станция Чаусская — 200 лошадей, 45 охранников; станция Орско-Борская — 200 лошадей, 23 охранника; станция Тырышкинская — 200 лошадей и 34 охранника. В дальнейшем кортеж должен был проследовать по территории Кривошековской волости.

В мае 1891 г. провели тщательный осмотр проезжей части тракта и наметили комплекс работ по ее улучшению (подсыпка гравия, подновление мостов, очистка придорожных кюветов и т.д.), которые должны были осуществляться крестьянами окрестных селений в порядке натуральной повинности. Кроме того, Чаусский волостной сход 18 февраля 1891 г. принял решение выделить из мирского капитала 100 рублей на закупку в Томске серебряного блюда и солонки, которые в виде хлеб-соли депутация от волости должна была преподнести наследнику престола во время его торжественной встречи в волостном центре.

Однако маршрут проезда в июне 1891 г. был кардинально изменен. 6 июля на пароходе «Николай» цесаревич из Томска по Томи, а затем по Оби и Иртышу отправился в Омск. Отбыв из Владивостока 21 мая, Николай Александрович проехал через Сибирь за два месяца и прибыл на границу Акмолинской области и Оренбургской губернии 20 июля. За это время было преодолено расстояние в 3400 верст по сухопутью на лошадях и 4100 верст по рекам (3000 верст от Томска до Омска). Средняя скорость передвижения по суше составила 20–22 версты в час, по течению на пароходе — примерно столько же, против течения по Иртышу — 15–18 верст в час.

Следует отметить высокий уровень организации поездки. Преследовала она не только воспитательные цели, но и вылилась в мощную пиар-акцию, имеющую целью презентацию усиления присутствия Российской империи в Северной Азии, связанного прежде всего со строительством Транссиба. Одновременно путешествие превратилось в грандиозную инспекцию казачьих войск на восточной окраине (Уссурийского, Амурского, Забайкальского, Сибирского, Уральского), поскольку Николай являлся августейшим наказным атаманом всех казачьих войск империи. Мероприятие сопровождалось стандартным набором акций, предусмотренных для подобного рода событий (молебны, смотры, парады, приемы, вручение хлеба-соли, сооружение триумфальных арок, прием прошений и т. д.).

Последний же документ в использованном мной архивном деле, датированный 18 декабря 1891 г., представляет счет колыванского купца Е.А. Жернакова, из коего следует, что он Чаусскому волостному правлению продал футляр для подарочного блюда ценой 28 рублей 30 копеек. Несостоявшийся проезд наследника российского престола оставил след в памяти колыванцев, крестьян прилегающих волостей и породил в последующем убеждение о том, что Николай проезжал по Московско-Сибирскому тракту и даже посетил место, где началось в 1893 г. строительство железнодорожного моста через Обь и возник поселок, выросший в город Новониколаевск.

Библиографический список

1. ГАНО, Ф. Д-78, Оп. 1, Д. 239.
2. Ухтомский Э.Э. Путешествие по Забайкалью Государя Императора Николая II. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1992.

Фурсова Елена Федоровна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института
археологии и этнографии СО РАН

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАРОЖИЛОВ КОЛЫВАНСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1989-1990 ГГ.

В 1713 г. на восточной оконечности Каинской Барабы был основан для защиты от набегов кочевников Чаусский острог, впоследствии переименованный в г. Колывань. Планировалось переселение русских крестьян из Притомья, с земель Ургамского и Умревинского острогов и главным образом с запада через Барабинскую степь [2, с. 40, 187; 3, с. 201]. В 1761 г. Кабинет, управляющий Колыванскими заводами, признал необходимым заселить дорогу от Чауса до Томска ямщиками Демьянского и Самарского

ямов, новые селения пополнялись также ссылаемыми в Сибирь «преступниками, негодными рекрутами, убежавшими из России крестьянами» и пр. [6, с. 7].

В 1989–1990-х гг. в Колыванском районе Новосибирской области проводились планомерные этнографические экспедиции, организованные Институтом археологии и этнографии СО РАН (под руководством автора). Работы осуществлялись в дд. Чаус, Большой и Малый Оеши, Амба, Подгорная, Воробьево, Вьюны, Скала, Вахрушево, Тырышкино, Малая и Большая Черемшанки, Паутово, Кандаурово. На период начала XX в. эти населенные пункты входили в Чаусскую волость Томского уезда Томской губернии. Согласно данным интервьюирования, старожильческое население обозначало себя как «сибиряки» или «чалдоны»¹, поздние переселенцы конца XIX — начала XX в. назывались «российскими». Те и другие давали друг другу прозвища. Сибирячка П.А. Мослокова (1898 г.р.) считала, что их звали чалдонами, так как р. Дон в Европе, а р. Чал в Сибири, куда их когда-то выслали. Записаны и другие версии, например: «Чал тащили по Дону, вот и стали чалдоны» (К.И. Власова, 1917 г.р.). В ходе полевых исследований среди пожилых информаторов еще встречались российские переселенцы, которым пришлось в юности батрачить на богатых чалдонов, купцов (А.С. Тихонов, 1910 г.р., д. Чаус). В ряде таежных деревень проживали старообрядцы-«кержаки» (напр. Тоя-Монастырка, В.Т. Маркова, 1914 г.р.). В г. Колывани старообрядческий моленный дом располагался по ул. Московской. Старожилы бывшей Чаусской волости, возможно, были связаны своим происхождением с севернорусскими территориями, о чем свидетельствуют нередко встречавшиеся здесь фамилии Мезенцевы (д. Большой Оеш), Пермьяковы (д. Паутово). Старожильческими, в их числе чалдонскими, фамилиями считаются Тарховы (д. Малый Оеш), Марковы (д. Чаус), Кочкаревы, Москвины, Тарховы, Ведерниковы (д. Амба), Чупилины (д. Воробьево), Мельниковы, Савочкины, Семеновы, Аникины (д. Середино), Кузьминых, Некрасовы (д. Кандаурово).

Все информаторы неоднократно подчеркивали чистоту и опрятность быта сибиряков-старожилов. Их завышенные требования в этом отношении нередко служили камнем преткновения во взаимоотношениях с российскими переселенцами, которых обвиняли в нечистоплотности, совместном проживании с животными и пр. («морговали российскими»). По этому поводу приведем впечатление норвежского ученого Ганстеена, путешествующего в этих местах в 1828–1830-х гг. Его описание как будто подтверждает многочисленные высказывания информаторов: «Они изысканно опрятны, их комнаты в буквальном смысле выскоблены. Большими

¹ Граница между сибиряками и чалдонами проходит по линии их самоидентификации, выражается в некоторых особенностях традиционной культуры, однако обнаруживается и много общего. Те и другие считают себя старожилами.

ножами они скоблят полы, перегородки, окна, скамьи и пр., которые, таким образом, всегда кажутся новыми». Утварь включала разного рода посуду — глиняные «кукшины», «колыванки», «горшки», «корчаги» и пр. Из обстановки в жилом доме колыванцев были только печь, кровать, лавки, табуретки. Маленькие дети спали в «зыбках», старики на печи, дети постарше с родителями на полу, на лавках. Раскрашенные урало-сибирской росписью прялки-«прясицы», «прясилки» (первой трети XX в. изготовления) похожи на известные в музеях Вологодской губернии [4, с. 18 и пр.; ПМА 2010–2011].

Судя по сообщениям, в конце XIX — начале XX вв. в женском гардеробе чалдонки (сибирячки) преобладали ткани отечественного и импортного фабричного производства: гарус, кашемир, шелка, газ, кружева, ситцы. Однако для повседневной и рабочей одежды использовали дмотканые холсты. Женщины-чалдонки носили по две широких сборчатых юбки на подкладке с облегающей фигуру кофтой. В одних случаях кофты надевали навывпуск (застегивались сзади), в других заправляли в юбку (застежка шла по плечу, пройме, боковому шву). Костюм назывался «парочкой», если изготавливался из тканей одного цвета или тона. Нижней одеждой служила лишь рубаха с укороченными рукавами из двух частей: верхней — «рукавов» (хлопчатобумажная ткань) и нижней — «становины» (из более дешевого, возможно, льняного материала). По мнению исследователей, эти термины связаны с землями новгородской колонизации, т.е. севернорусского происхождения [5, с. 275]. По покрою нижние рубахи относились к поликовым, называвшимся по местному «с ластовкой на плечах». Среди сибиряков (не чалдонов) встречались упоминания о сарафанах, под которые как раз надевали поликовые рубахи. Интересно, что полученные в ходе экспедиции материалы, полностью соответствуют наблюдениям Ганстеена.: «Женщины зимою и летом ходят в одних холстинных рубашках и юбках, босиком. Если надо оставаться на дворе несколько времени, то они накидывают меховую шубку и надевают башмаки; чтобы только пробежать, они остаются в том же самом костюме, как и дома, и босиком прогуливаются по снегу...» Ганстеена восхищала грациозность, природная красота сибирячек: «Сибиряки, — писал он, — считаются самым красивым народом в России и я, со своей стороны нахожу, что это совершенно справедливо». В описании Ганстеена присутствует упоминание о «помочах, которые были застегнуты у пояса и на спине и, соединяясь на груди, казались небольшим корсажем». Видимо, здесь иностранец увидел сарафан «с грудкой» или с лифом, хорошо известный на Русском Севере и у севернорусских переселенцев Сибири начала XX в. [7, с. 87].

Если до Великой Отечественной войны пожилые женщины еще покрывали голову сборчатыми шапочками из ткани в виде чепцов-«повойников» (из ситца), «наколков» (из атласа, шелка), то после носили

только платки и шали. Молодые женщины перекрещивали волосы на тмени и прятали под повойник и платок, повязывавшийся концами назад. В 1920-е гг. стали рубезом, когда перестали «окручивать» повойниками, но этому обычаю продолжали следовать, используя фашонки («окручивали фашонкой»). Молодые женщины покрывали голову коклюшечным кружевным шарфом, кружевным платком-«катеткой». Женский костюм дополняли стеклянные дутые бусы-«бисера», золотые и серебряные цепочки, дутые круглые серьги.

Согласно экспедиционным материалам, мужчины-старожилы носили в праздники шерстяные косоворотки с левой застежкой ворота. Такие рубахи вышивали по «приполку» (разрез-затежка), «ашлагам» (манжетам) и подолу. Подпоясывались тканями «опоясками». В теплое время года одевали штаны общерусского покроя с узким шагом тканые в клетку или полосу — «кальсоны», зимой грубого холста «чембары». Для праздничных дней бережливо припасались плюсовые широкие штаны.

Старообразки из дд. Чаус, Подгорной носили одежду вятско-пермского образца: лямочные сарафаны с рубахами, головные уборы в виде шашмур или кокошников с платками (К.В. Леонова, 1903 г.р.).

Межсезонная одежда была представлена полушерстяными халатами-«шабурами» (старожилы), «азямами» (чалдоны, тамбовские переселенцы), праздничными «армяками» из пухового материала (сибиряки), отрезными по талии «поддевками» (чалдоны) из плиса, «борчатками», стегаными «фуфайками» (телогреи у чалдонов), «бишметами» (старожилы), позднее стегаными «маринаками», плюшевыми «жакетками». Верхнюю одежду подпоясывали дважды по талии. Шубы и дохи шили из овчины и собачины, тулупы из овчины с высоким воротником. У переселенцев на первых порах явно не хватало зимних видов одежды, именно из этой среды вышла заборная поговорка: «Семь шабуров с печи — все горячи!»

Рабочей и повседневной обувью считались обутки, которые носили с «качёмными чулками» (здесь: мягкими войлочными чулками. — *Е.Ф.*). На ногах они крепились под коленями и у щиколоток с помощью завязок. Возделенной обувью для молодого человека были «сапоги хромовые», за которые беднякам приходилось батрачить летний сезон. Их натирали до блеска и носили сложенными гармошкой по ноге. Особым шиком являлись «бизоновые сапоги» «с длинными носками на деревянных колках». Мужчины покупали себе праздничную катаную обувь «пимы», «валенки» с красными узорами на белом фоне.

Детская старожильская одежда не отличалась разнообразием. Мальчики до 5-6-ти лет бегали в одних рубахах, девочкам шили платья с оборками. Костюм мальчиков постарше дополнялся штанами на одной лямке.

Браки заключались преимущественно «добром», т.е. с согласия обеих сторон, выйти замуж «убегом» считалось позором для семьи. Вечером

накануне венчания проводился девичник. Девушки-подружки водили с «неприличными» песнями невесту в баню, позднее устраивали «пропойны», «пропой». За день до свадьбы подружки ехали к жениху за венником. Там мастерили «курник» — веник из березовых веток, украшенный цветами и лентами. С курником ездили по селению, продавая его односельчанам, которые одаривали их деньгами. Подружки оставались ночевать, чтобы рано утром вместе с родителями и родственниками приготовить невесту к венцу. Расплетая косы, плакали присутствующие, причитала невеста («Я жила-была у тятеньки, у родимой мамоньки. Мне была одна заботушка, мне была одна работушка...») (А.А. Кузьминых, 1911 г.р.). За выкупом косы невесты («бранье») следовало венчание или, где церкви не было, «подклет». К венцу ехали с распущенными волосами и вставленными 3-5-ю гребешками (один спереди, два по бокам, один-два сзади). При «принятии закона», женщина меняла прическу, заплетая две косы (сибирячки) или закручивая на затылке косу (чалдонки). После этого считалось большим грехом показывать кому-либо, даже мужу, свои волосы.

Старожильческие семьи были большими, как рассказывают информаторы, по пять братских семей жили вместе («по пять снох жили»). Обязанности были строго регламентированы: одна сноха готовила еду, другая водилась с детьми, другая хозяйствовала по дому и пр.

Под Рождество совершали обходные обряды «машкарованные». Ходили в масках, с раскрашенными лицами, широко использовался прием травести. Компанию ряженных сопровождал гармонист в «широкой рубаше с тканым поясом и кистями, украшенной разноцветными лентами, бисерами (бусинками. — Е.Ф.) шапке». Утром маскированных сменяли «славильщики» Христа, в основном это были дети и пожилые люди. Святки сопровождались гаданиями «на тыне» (с пересчетом колеб «куль-мешок»), бросанием пимов через ворота или избу. В святочные дни исключалось пряжение, особенно вечерами (А.С. Овчинникова, 1902 г.р.). Под Новый год и на Масленицу в селениях Чаусской волости разыгрывались конные сражения односельчан за взятие снежных крепостей. Охранявший крепость «городничий» своими действиями вызывал смех и отвращение публики (напр. брал в зубы дохлых кур, кошек). В Крещение священник освящал прорубь, люди набирали святую воду, а маскировавшиеся купались. На Масленицу (сиб. Маслянку) катались с гор, особенно старались отметить тех девушек на выданье, которым уже пора была замуж, а они до этого праздника не вышли. В последний день Масленки «заговлялись». Великим постом «приобщались», т.е. исповедовались и причащались святых таинств. В Благовещение после посещения литургии парни и девушки развлекались на сеновалах, «играли на сене, соломе» (здесь: прыгали, дурачились). На Пасху выпекали хлеб — «паску», кроме того, разрешалось всем желающим благовестить с колокольни. По общерусской традиции устанавлива-

лись качели, устраивались конные состязания — «бегава». Дети и подростки катали яйца, женщины и молодежь пели круговые песни. Утром дня Сорока мучеников стряпали «воробушек» и выносили их на улицу. Иван Купала сопровождался активными обливаниями, в их числе насильственными (девушек).

Общей любовью пользовались престольные («съезжие») праздники, на которые собиралась вся деревня «возле амбара с гармошками». Еще в 1989–1990-х гг. местные жители хорошо помнили, что, например, в г. Колывань и д. Большой Оеш престольным праздником был Петров день, в д. Амба — Рождество, в дд. Скала, Середино — Св. Николай, в д. Чаус — Крещение. Традиционный уклад жизни в той или иной мере сохранялся до 1950-х гг., до момента сноса храма Св. блгв. кн. Александра Невского в Колывани. У местных жителей это варварское разрушение вызывало резкий протест. А.С. Тихонов (1910 г.р.) рассказывал, что один крестьянин сказал тому, кто кресты сбрасывал: «Хоть бы тебя оттуда сбросило!» Он слез, смеется: «Вот видишь, не сбросил меня Бог». А на следующий день его за рубаху затянуло в крупорушку и раздавило».

Сибирский этап развития русской культуры на юге Западной Сибири свидетельствует не только и не столько об адаптации ее компонентов к изменившимся условиям, сколько о сохранении и удержании основных черт, по которым можно распознать русских и сделать выводы относительно этнокультурного состава населения. Этнографические материалы первой четверти XX в. позволяют видеть в традиционной культуре колыванцев четко обозначенный пласт традиций Русского Севера, хотя некоторые из их числа маркированы не однозначно. Здесь в качестве традиционного костюма закрепился комплекс с юбкой и кофтой — хорошо известный как на Севере, так и Юге Европейской России [5, с. 175, 279]. В среде старожильческого населения он существовал как повседневный и как праздничный. Много общего в прическах и головных уборах [1, с. 174]. Свадебный обряд бытовал в севернорусском варианте с вербальной активностью невесты, девичником, банным обрядом, санкционирующими обрядами в доме жениха (совместная трапеза, испытания молодой и пр.). Изложенные материалы, как нам кажется, убедительно свидетельствуют в пользу сохранения в Сибири основ календарных обрядов восточнославянских народов в достаточно полном виде (святочные ряженые, масленичные катания и пр.) при том, что отдельные компоненты могли носить региональный характер.

Библиографический список

1. Ефименко П.С. Обычай и верования крестьян Архангельской губернии. — М.: ОГИ, 2009 (переизд. 1877 г.).

2. История Сибири. Сибирь в составе феодальной России. — Л.: Наука, 1968.
3. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск: Наука, 1982.
4. Притчина В.А. Прялки из собрания Тотемского музейного объединения. Каталог. — Вологда: МДК, 2005.
5. Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. — М.: Индрик, 2011.
6. Томские губернские ведомости, 1874, № 38.
7. Фурсова Е.Ф. Одежда жизненного пути // Гуманитарные науки в Сибири. — 1998. — № 3. С. 86–92.
8. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. — М.: Наука, 1987.

Сокращения

ПМА — полевые материалы автора

Каменецкий Иван Павлович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Института
истории СО РАН

ИСТОРИЯ ЧАУССКОГО ОСТРОГА — ГОРОДА КОЛЫВАНИ В ДОКУМЕНТАХ, ЗАПИСКАХ УЧЁНЫХ-ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

Первым повествователем истории Чаусского острога и его территории был сам основатель острога томский дворянин Дмитрий Лаврентьев. Его челобитная царю Петру I о прибавке жалованья к прежнему окладу за постройку Чаусского острога, датированная 11 января 1714 г., была обнаружена в РГАДА С.Р. Долговой и Д.Я. Резуном. В этом документе Д. Лаврентьев сообщал о строительстве летом 1713 г., руководимым им отрядом, острога на р. Чаус при впадении её в Обь и выполнении им чертежа. В его отчёте впервые было указано на существование Чаусского зимовья на месте возведённого острога, время и сроки возведения крепостных сооружений, участники строительства — «ишимские люди» [5, с. 224–228].

Приведённые им данные были использованы Г.Ф. Миллером в своём «Описании Томского уезда ... в октябре 1734 г.» и в дополненном виде в ответах на его анкету Томской воеводской канцелярией в июне 1741 г. В этих документах нашли отражение изменения, произошедшие в остроге и его ведомстве за первые десятилетия его существования, имеются данные о количестве дворов в остроге и его присуде, составе населения, новых строениях, укреплениях и вооружении. Миллер также дал описание дис-

трикта, относящегося к Чаускому острогу, включавшего 50 деревень и Умревинский острог с двумя сёлами [23; 28, с. 76, 79].

Новые сведения о Чаусском остроге были представлены в топографическом описании Томского и Кузнецкого уездов геодезиста И. Шишкова, работавшего в Сибири в 1739–1741 гг. по заданию известного администратора и учёного В.Н. Татищева. В нём были отмечены успешные занятия жителей Чауса земледелием и скотоводством, указано на поставки ими хлеба на Обской Север, заводы Н. Демидова на Алтае, русские линейные крепости на Иртыше. Шишков обратил внимание на то, что поселенцы отлавливают в Барабинской степи жеребят диких лошадей, которых «выкормля употребляют в домово́й работе», а также пищу сибирских крестьян, суеверия, обряды, приметы погоды, способы лечения болезней и пр. [16, с. 73–80].

Спутник Миллера, академик Г. Гмелин, путешествуя в начале 1740-х г. по Сибири, отмечал в своём дневнике, что жители Чауского острога занимались помимо земледелия поставкой почтовых лошадей для проезда через Барабу до Бергаматской слободы на Таре, имея от этого большой доход [2, с. 35].

В 1772 и 1773 гг. через Чаусский острог и подведомственную ему территорию проезжали новые участники экспедиций, академики И.П. Фальк и П.С. Паллас, запечатлевшие свои наблюдения о результатах русской колонизации в Сибири. Фальк привёл в своём дневнике названия чаусских при трактовых деревень, через которые он проезжал, количество в них дворов и жителей. Характеризуя жизнь приобских и барабинских поселенцев, он указал на трудолюбие колонистов, имевших «немалый достаток». Паллас также отметил деревни, находящиеся на участке тракта, относившегося к Чаусскому ведомству [18, с. 61–62].

Сведения историко-географического характера и хозяйственной жизни Томского уезда, в состав которого входило Чаусское ведомство, содержатся в Анкетах Академии наук 1760–1761 гг., Сухопутного шляхетского корпуса 1761–1764 и Комиссии о коммерции 1767 г. [26, с. 99, 152].

Упоминание о Чаусском остроге имеется в малоизвестном топографическом описании Тобольского наместничества И.Ф. Германа, выполненного им в 1784–1785 гг. в результате поездки в Сибирский горный округ [1, с. 105–106] и во многом схожем с ним обозрении Тобольского наместничества, составленного в 1789–1790 гг. [21, с. 184–187].

Краткие историко-географические очерки о Чаусском остроге нашли освещение в первых российских географических словарях [22]. Ценная информация о г. Колывани и его округе содержится в справочно-энциклопедических изданиях XIX — начала XX вв. [31].

В обобщающем труде А. Словцова имеются данные об истории начального освоения Чаусского ведомства. Он отметил большое значение

для русской колонизации в Среднем Приобье, предпринятые государством в конце XVII — начале XVIII вв. меры по строительству системы небольших укрепленных пунктов: Уртамского, Умревинского, Бердского, Чаусского острогов, указав при этом, что «под защитой их размножались деревни» [27, с. 205, 264–265].

В 1845 г. Колывань посетил петербургский писатель и историк П.И. Небольсин. Он воспроизвёл в своей книге пространственную структуру города, мало отличающуюся от большой деревни. Впервые указал на занятия местных жителей пчеловодством; дал зарисовку портрета, одного из его жителей, большого патриота своего города [19, с. 65].

Важные статистические данные о демографии, управлении и экономике г. Колывани второй половины XIX в. содержатся в крупных статистических исследованиях, трудах и материалах переписи населения Российской империи 1897 г. [32].

История г. Колывани и с. Чаусского нашли отражение и в сибирской общественно-краеведческой литературе. Первое развёрнутое описание Колывани 1860-х гг. дал секретарь Томского губернского статистического комитета, член ЗСОРГО Н.А. Костров. Он указал на благоприятные условия для занятия хозяйственной деятельностью: земледелием, скотоводством, различными промыслами, привёл данные о составе и численности населения, его обычаях и правовых представлениях [7, с. 22].

Краткие сведения о Чаусском остроге и г. Колывани содержатся в трудах сибирских учёных-областников Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Так, Ядринцев указал, что Московский тракт на участке между Чаусским острогом и Томском начал интенсивно заселяться с начала 1760-х гг. [29, с. 161]. Потанин дал этнографические и бытовые зарисовки жизни колонистов Томской губ., воспроизвёл их обычаи и обряды [28, с. 144, 253–254].

В советский период начинается углубленное изучение демографических, социально-экономических, этнографических и других аспектов в истории города и края.

М.М. Громыко исследовала процесс заселения и освоения участка тракта Тара-Чаусский острог в последней трети XVIII в. Она обратила внимание на двойственность характера переселений крестьян Чаусского острога: вольный и правительственный, а также указала на приписку отдельных деревень Чаусского ведомства к комплексу Колывано-Воскресенских заводов и рудников [4, с. 95, 118, 210–211].

Важные сведения об укреплении Чаусского острога, его заселении разночинцами и крестьянами были приведены А.Д. Колесниковым. Он показал динамику роста населения и изменения в его численности, связанные с перемещением части колонистов на юг Западной Сибири во второй половине XVIII в. [30, с. 43, 46–47, 82, 276–277].

Историко-архитектурный облик Колывани XIX — начала XX вв. был воссоздан В.Г. Горбачёвым. Автор отметил особенности застройки города и его планировочную структуру: «Для облика Колывани был характерен ярко выраженный контраст между малоэтажной жилой застройкой и богатством архитектурных форм больших культовых зданий» [3, с. 286–289].

Большой вклад в изучение истории крестьянской семьи, семейного строя и быта Чаусского острога, его ведомства внесло исследование Н.А. Миненко. Автор рассмотрела изменения в численности и структуре семей, показала, что в этом районе в конце XVIII в. преобладающей формой семейных отношений являлась малая семья. На основе изучения рекрутских книг она привела сведения о числе семей и душ м.п. в Чаусской волости в 1784 г., обратив внимание на то, что пятая часть семей была связана с неземледельческими занятиями. В работе также были рассмотрены внутрисемейные взаимоотношения, семейные обряды, деятельность общины в сфере крестьянского семейного быта и другие вопросы [17, с. 45, 54–55, 20–21, 56, 79, 81, с. 128–129, 134, 146–147, 300, 314, 323–324].

Н.Ф. Емельянов привёл многочисленные факты, характеризующие социально-экономическое положение населения Чаусского ведомства в XVIII в., отметил изменения в сословном статусе крестьян в результате приписки отдельных деревень к заводам и переселения части населения в другие районы Западной Сибири. Большое внимание историк уделил изучению повинностей чаусского населения в пользу государства: поставкам провианта, сырья, строительных материалов на сибирские линии и алтайские заводы, обслуживанию тракта, содержанию зимовий на своих станциях, а также указал на факты произвола местной администрации. Им был сделан вывод о высокой степени обеспечения населения скотом и состоятельности отдельных крестьян [6, с. 161–162, 164–165, 169, 174–175, 177–178, 181–183, 194–196, 200–201, 205, 207, 211, 215].

Место и значение Чаусского ведомства в системе Сибирской транспортной сети показали Ф.С. Кузьмина, Н.А. Миненко и О.Н. Катионов [9]. Высокую степень заселённости и плотность населения Московского тракта в районе Колыванского округа отметил В.Н. Курилов [10, с. 118].

История возникновения и строительства Чаусского острога, его первоначальный архитектурный облик, функциональные особенности и возможности, состав первых поселенцев и их занятия воспроизведёны в работах Д.Я. Резуна и С.Р. Долговой [24, с. 283–284]. Определяя его место в системе транспортных коммуникаций Сибири, Д.Я. Резун показал, что «Чаусский острог занимал выгодное торгово-транспортное положение, через него проходили пути к соляным Бурлинским озёрам, находящимся южнее Чауса, а также главный тракт Сибири — Московский». Им также было замечено, что наряду с хозяйственной и торговой деятельностью ча-

усские жители занимались необычным промыслом — раскопкой курганов для нахождения драгоценных вещей [25, с. 284].

Большую научную ценность представляют труды по аграрной истории, социальным отношениям и заселению Западной и Южной Сибири в конце XVII — первой половины XIX вв. Т.С. Мамсик. В первых её работах, посвящённых социальной борьбе сибирского крестьянства, имеется немало эпизодов протестных действий чаусских крестьян и других жителей Приобья, направленных против притеснений и произвола местной администрации [12, с. 53–54, 79, 159, 168, 175, 177]. Исследователь также показала, что в формировании пионерного населения Рудного и Горного Алтая приняли участие, наряду с другими колонистами, и выходцы ведомства Чаусской острога и его волости [11, с. 28, 30, 39–41, 52, 56–57, 120].

В последующих работах Т.С. Мамсик пришла к обоснованным выводам, что «в течение примерно 60-ти лет, прошедших со времени основания острога, его жители создали полноценное многоотраслевое хозяйство», «Чаусск был важным центром в Приобье не только по продаже, но и по производству сельскохозяйственных продуктов — продовольственного зерна, фуража, пеньки, разных видов холста, а также растительного масла из семян конопли и льна». Она справедливо считает, что «многообразие хозяйственной деятельности, её широкая специализация и в то же время развитие зернового производства в качестве основы экономики характеризовали образ жизни чаусцев на грани XVIII и XIX вв. как населения протогородского типа» [13, с. 257].

Особый интерес представляет монография Т.С. Мамсик о населении и хозяйственной деятельности Чаусской волости дореформенного периода. Используя новые исследовательские методы, она показала динамику развития аграрной зоны, сложившуюся вокруг Чаусского острога, социальную структуру аграрного населения, особенности его общественной жизни [14].

В советский период история сибирского купечества и предпринимательства долгое время была не востребовавшей и даже запретной темой. В 1990-е годы благодаря выходу в свет 4-х томной «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» под ред. Д.Я. Резуна произошёл настоящий прорыв в этой сфере. В энциклопедии было опубликовано 90 очерков, посвящённые торговле и купечеству Колывани. Благодаря изысканиям историков З.В. Башкатовой, Ю.М. Гончарова, В.П. Зиновьева, А.С. Зуева, Е.А. Зуевой, Н.М. Дмитриенко, В.В. Кириллова, Г.А. Ноздрина, О.Н. Разумова, В.А. Скубневского были выявлены сведения и стали известны имена 121 колыванских купцов. В энциклопедии также содержится очерк об истории и развитии г. Колывани с основания и до октября 1917 г. [8].

Проблеме развития малых городов в эпоху модернизации на примере г. Колывани в пореформенный период посвящена статья Г.А. Ноздрина. На ос-

нове новых архивных данных автор представил содержательный очерк об эволюции окружного города Кольвани во второй половине XIX — начале XX в., дал картину его социально-экономической, деловой и культурной жизни. Он пришёл к выводу, что «во второй половине XIX в. Кольвань утратила своё военное и административное значение, превратившись в безуездный заштатный город, в котором быстрыми темпами начали развиваться экономика и торговля. После того как Транссибирская магистраль прошла в стороне от города, его экономическое значение стало падать» [20, с. 14].

Среди современных научно-популярных работ, посвящённых этой теме, следует отметить очерк по истории архитектурно-градостроительного развития бывшего города. В нём дана краткая характеристика основных этапов становления и развития Кольвани, формирования её планировочной структуры и застройки, содержатся предложения по сохранению её архитектурного наследия [15].

Таким образом, в изучении истории дореволюционного Чауса–Кольвани достигнуты значительные успехи. В то же время остаются слабо изученными вопросы, связанные с «историей повседневности» Кольвани. Прежде всего, это восприятие населением крупных событий в жизни государства, Сибири, Кольвани, жизни самих жителей и отклик на них; социальная, бытовая и праздничная культура, организация досуга; изучение различных социальных групп города и села: сословных, профессиональных, конфессиональных и пр. Требуется своего дальнейшего изучения жилищно-хозяйственный комплекс, системы питания, одежды, народных традиций и верований, ментальных характеристик разных групп населения, отдельных локусов. Слабо исследован вопрос о Кольвани как месте постоянной ссылки.

Имеется необходимость в создании монографического труда, вобравшего в себя все исследования по данной теме, публикации наиболее значимых документов. Выполнение этих задач можно достичь на основе выявления, изучения, введения в научный оборот новых архивных и других источников, формирования банка уже известных и накопления новых данных, отражающих развитие материальной и духовной культуры населения города и округа в XVIII–XX вв. Реализация этих задач имеет не только познавательный, научно-исследовательский интерес, но и может способствовать росту статуса пос. Кольвань, повысит её привлекательность как историко-культурного, туристического центра в системе культурного наследия старых малых городов Сибири.

Библиографический список

1. Герман И.Ф. Краткое описание Тобольского наместничества // Исторический и географический месяцеслов на 1786 г. — СПб., 1786. — С. 45–102.

2. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. — Новосибирск, 1984. — 120 с.

3. Горбачёв В.Т. Город Колывань (историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1977. — С. 80–290.

4. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. — Новосибирск, 1965. — 268 с.

5. Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. — Новосибирск, 1984. — С. 224–228.

6. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. (Состав, занятия и повинности). — Томск, 1980. — 250 с.

7. Костров Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. — Томск, 1872. — 160 с.

8. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири в четырёх томах. — Новосибирск, 1994–1999.

9. Кузьмина Ф.С. Устройство главного сибирского тракта через Барабинскую степь // Из истории Западной Сибири. — Новосибирск, 1970. — Вып. 45. — С. 23–45.

10. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту; Катюнов О.Н. Московский тракт и его жители в XVII–XIX вв. — Новосибирск, 2004. — 340 с.

11. Курилов В.Н. Расселение русских старожилов Западной Сибири в середине XIX в. — Новосибирск, 2005. — 222 с.

12. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. — Новосибирск, 1989. — 240 с.

13. Мамсик Т.С. Побег как социальное явление: приписная деревня Западной Сибири (40–90-е годы XVIII в.). — Новосибирск, 1978. — 204 с.

14. Мамсик Т.С. Чаусский острог двести лет назад: население и полевое хозяйство // «Сибирь — мой край ...» Проблемы региональной истории и исторического образования. Сб. науч. тр. Под ред. А.В. Зверева. — Новосибирск, 1999. — С. 251–261.

15. Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство: Опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. — Новосибирск, 2009. — 228 с.

16. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Колывань историческая. — Новосибирск, 1996. — 140 с.

17. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту ... ; Она же. «Описание» Томского и Кузнецкого уездов геодезиста Ивана Шишкова как историко-этнографический источник // Сибирское источниковедение и археография. — Новосибирск, 1980. — С. 73–80.

18. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири XVII — в первой половине XIX в.). — Новосибирск, 1979. — 350 с.; Она же. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения 1984 г. — Новосибирск, 1984; Она же. Русская крестьянская община в Западной Сибири (XVII — в первой половине XIX в.). — Новосибирск, 1991.
19. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту.
20. Небольсин П.И. Покорение Сибири. — СПб., 1849. — 302 с.
21. Ноздрин Г.А. Заштатный город Колывань (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вопросы истории Сибири XX века. Межвуз. сб. науч. тр. // Под ред. М.В. Шиловского. — Новосибирск, 1999. — С. 3–16.
22. Описание Тобольского наместничества. — Новосибирск, 1982. — 321 с.
23. Полуниин Ф. Географический лексикон Российского государства ... — М., 1773; Максимович Л. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон ... в 6-ти частях. — Ч. 3. — М., 1788; Максимович Л., Щекатов А. Словарь географический Российского государства ... в 7 частях. — Ч. 4. — М., 1803.
24. РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. Портф. 481. Ч. 4. Л. 152–152 об.
25. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989. — 304 с.
26. Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. — Новосибирск, 1991. — 209 с.
27. Словцов А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1838. — Кн. 1. — 466 с.
28. Потанин Г.Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. — СПб., 1864. — Вып. 4. — С. 144–254.
29. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.). // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1988. — С. 71–82.
30. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — Новосибирск, 2003. — С. 362.
31. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. — Омск, 1973. — 440 с.
32. Гагарин С.П. Всеобщий географический и статистический словарь. — М., 1843. — Ч. 2; Справочный энциклопедический словарь. — СПб., 1847. — Т. 6; Географически-статистический словарь Российской империи. Составил П. Семёнов. — СПб., 1885. — Т. 5; Памятная книжка Тобольской губернии на 1912 год. — Томск, 1912.

33. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи... — СПб., 1852; Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири... — СПб., 1854. — Ч. 2; Городские поселения в Российской империи. — СПб., 1865. — Т. 5. — Ч. 1; Статистика Российской империи. — Т. XXXII. Волости и населенные места 1893 г. — Вып. 12. Томская губ. Издание Центрального статистического комитета. — СПб., 1894; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. XXIX. Томская губерния. — СПб., 1905; Города России в 1910 году. — СПб., 1914.

Андрианова Ирина Юрьевна,
начальник отдела архитектуры и градостроительства
государственного автономного учреждения Новосибирской области
«Научно-производственный центр по сохранению
историко-культурного наследия Новосибирской области»

О ПРОЕКТЕ ЗОН ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ (ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ),
РАСПОЛОЖЕННЫХ В Р.П. КОЛЫВАНИ

История современной Колывани начинается с Чаусского острога. Перенесенный на новое место в 1844 г. на основании «высочайшего утверждённого» плана острог к 1859 г. стал заштатным городом Томского округа. В развитии территории Колывани можно условно выделить 4 исторических этапа.

В настоящее время Колывань живет в 4 историческом этапе, начавшемся в 1997 году, и до наших дней сохранила значительный историко-культурный потенциал. На территории современного поселка размещается 33 объекта культурного наследия (ОКН) и один выявленный объект культурного наследия. С небольшими изменениями сохранилась историческая планировка центральной части Колывани. Трассировка улиц и модуль кварталов центральной части предопределенные ещё проектным решением 1834 г.

Почти двухвековая история, а также архитектурно-градостроительное наследие позволили Колывани получить в 1990 г. статус исторического поселения.

В 2010 г. авторским коллективом Государственного автономного учреждения Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия» был разработан проект зон охраны районного поселка Колывань, в соответствии с Государственным заданием с использованием материалов Проекта зон охраны, который был разработан в 1997 г. Основанием для выполнения нового проекта послу-

жило изменение нормативно-правовой базы и градостроительной ситуации.

Заказчиком проектной документации выступило Управление по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области.

Разработка современной научно-проектной документации была направлена на решение следующих задач:

— обеспечение сохранности объектов культурного наследия на территории Кольвани, выявление и использование их архитектурно-художественного, градостроительного потенциала, с учетом индивидуальных особенностей исследуемой территории;

— использование объектов культурного наследия как градоформирующих факторов, определяющих направление преобразования градостроительной структуры поселка;

— обеспечение визуального восприятия объектов культурного наследия в их исторической среде;

— соответствие проектной документации обновленной нормативно-правовой и методической базе.

В соответствии с «Положением о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов РФ», утвержденным постановлением правительства РФ от 26.04.2008 г. за № 315 проектная документация включает в себя 2 основные части: обоснование проекта зон охраны и проект зон охраны. Аналитическая часть тома обоснования проекта зон охраны выполнена в виде отчета о проведенных историко-культурных исследованиях: архивных, историко-градостроительных, историко-архитектурных, археологических. Графическая часть выполнена в виде историко-архитектурного опорного плана и схемы ландшафтного анализа территории.

Проект зон охраны включает в себя пояснительную записку с описанием принципов разработки и состава зон охраны ОКН, описание границ зон охраны и границ территорий памятников, режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах зон охраны ОКН и территорий памятников, карты (схемы) границ территорий в системе координат. Графическая часть раздела выполнена в виде карта-схемы границ зон охраны и границ территорий ОКН.

Новое проектное решение зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Кольвани, было разработано по результатам современных натурных исследований, проведенных в 2010 г. специалистами НПЦ. Была обследована территория исторического ядра Кольвани площадью 228,4 га, что составляет 20,1 % от общей площади территории р.п. В новом проекте изменились границы проектирования, с западной стороны в проектные границы включена ул. Калинина.

На историко-архитектурном опорном плане выявлена и зафиксирована объективно существующая картина историко-архитектурных ценностей Кольвани, прежде всего элементов городской морфологии (планировки и застройки). В результате проведенных историко-градостроительных исследований территории выявлено, что наиболее ценным историческим наследием поселка Кольвань является планировка его центральной части, которая была заложена в плане для «Высочайшего утверждения» ещё в 1834 г. и сохранилась до наших дней практически без изменений.

Помимо этого, опорный план содержит исчерпывающую информацию о принципах застройки в границах рассматриваемой территории, ее типологии. Выделены следующие типы застройки:

- Ценная историко-градостроительная среда;
- Рядовая историко-градостроительная среда;
- Нейтральная застройка;
- Дисгармоничная застройка;
- Временные постройки;
- Объекты ценной историко-градостроительной среды;
- Объекты рядовой историко-градостроительной среды.

Впервые в проекте была проведена классификация исторической застройки по морфотипам, выделено 3 морфотипа с учетом их высотных и архитектурных характеристик и принадлежности к определенному историческому этапу развития Кольвани.

Поскольку опорный план содержит большой объем информации, ландшафтный анализ территории был выполнен на отдельном листе. На плане ландшафтного анализа зафиксирована сохранившаяся структура рельефа (поймы, террасы, бровки, водоразделы), в том числе деградировавшие участки, имеющие ранее важное планировочное значение, показана система городского озеленения, дисгармоничные инженерные сооружения, патогенные источники. На карта-схеме ландшафтного анализа обозначены градформирующие факторы центральной части р.п. Кольвань: показан исторический модуль кварталов, выделены кварталы исторически сложившейся застройки, кварталы смешанной современной и исторической застройки, кварталы, сформированные современной застройкой, показаны исторические и современные въезды, планировочные акценты и современные архитектурные акценты. Представлена система градостроительных доминант. Выполнена визуально-ландшафтная характеристика территории, включая анализ городских панорам и видов: определены трассы непрерывного композиционного восприятия градостроительной доминанты — церкви Александра Невского, бассейны видимости градостроительных доминант, видовые точки панорамного восприятия городского ландшафта, зоны наилучшего зрительного восприятия объектов культурного наследия.

Заключительная часть проектной документации **«Проект зон охраны объектов культурного наследия»** разработана на основании материалов «Обоснование проекта зон охраны памятников истории и культуры» и включает в себя: пояснительную записку и карту (схему) границ зон охраны и границ территорий ОКН.

В проекте разработаны режимы использования земель и градостроительные регламенты в границах территорий ОКН и их зон охраны.

По результатам историко-культурных исследований в зависимости от различного режима охраны и использования в составе научно-проектной документации установлены территории памятников истории и культуры — их 32, охранные зоны объектов культурного наследия — их 24, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности — их 73.

Границы территорий памятников определены для обеспечения физической сохранности ОКН. В границах территорий ОКН установлены самые строгие режимы, способствующие сохранению памятника, а также учитывающие современные и перспективные возможности использования памятника и включение его в современную среду.

На территории памятника установлены режимы содержания и использования, запрещающие проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ, разрешающие только такую хозяйственную деятельность, которая не нарушает целостности памятника или ансамбля и не создает угрозы его повреждения, разрушения или уничтожения, разрешающие воссоздание утраченных частей памятника, сохраняющие историческую планировку и застройку территории.

На территории памятника могут производиться археологические исследования.

Охранные зоны устанавливаются вокруг объектов культурного наследия в целях их физического сохранения и наилучшего обзора. Границы зон определены в проекте на основании ландшафтного анализа с привязкой к планировочным и природным элементам местности.

Зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности разработаны с целью сохранения исторической планировки, пространственной структуры, а также для обеспечения единства новых построек с исторической городской средой и закрепления значения объектов культурного наследия в застройке и ландшафте.

Границы зон регулирования застройки и хозяйственной деятельности установлены с учётом сохранности исторической объёмно-планировочной структуры исследуемой территории.

Проект зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), расположенных в р.п. Кольвани, выполнен с учетом современной нормативно-правовой базы и методических разработок в обла-

сти сохранения историко-культурного наследия, с использованием современного программного обеспечения и методов проектирования.

Впервые в рамках данной работы разработана землеустроительная документация в отношении территорий и зон охраны объектов культурного наследия, являющихся объектами землеустройства в соответствии Федеральным законом от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», для их постановки на государственный кадастровый учет и проведение государственной регистрации ограничений (обременений) прав на земельные участки в границах зон охраны и территорий объектов культурного наследия.

**Прецер Дарья Владимировна,
ведущий архивист отдела использования и публикации документов
Государственного архива Новосибирской области**

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЖИТЕЛЯХ Г. КОЛЫВАНИ XIX ВЕКА В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В Государственном архиве Новосибирской области имеется на хранении фонд Д-79 «Органы самоуправления города Колывани», в котором содержатся интереснейшие документы, отражающие историю города за 1837–1912 гг. Помимо документов, отражающих сведения о торговой, экономической, политической жизни Колывани, в фонде имеется достаточно большой массив архивных материалов с информацией биографического, генеалогического характера.

К ним можно отнести следующие документы: посемейные списки и ревизские сказки лиц, причисленных к Колыванскому мещанскому обществу, присланные в Колыванскую городскую управу; посемейные списки крестьян-переселенцев из Европейской России, составленные по запросам Колыванской городской управы; формулярные списки; объявления, свидетельства, билеты о причислении купцов к гильдиям по городу Колывани; списки Томской казенной палаты на граждан, причисленных в купцы по городу Колывани; ведомости Колыванского городского хозяйственного управления купцов, объявивших купеческие капиталы (с указанием места жительства); статейные списки на сыльных; сведения о выдаче паспортов, свидетельства; сведения о членах семейств запасных нижних чинов, призванных на военную службу во время русско-японской войны 1904–1905 гг. и другие.

Что могут рассказать нам документы о жителях Колывани? Для того, чтобы в этом разобраться, надо подробнее изучить их.

Интереснейшими документами, хранящимися в фонде «Органы самоуправления города Колывани», являются формулярные списки. Именно с этим видом документов хотелось бы ознакомиться более подробно.

Формулярный список — это форма систематического и регулярного учета всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 года. Этот документ играл важную роль в жизни служащего, отражая каждый шаг в прохождении им всех ступеней должностной карьеры. В списках учитывались все чиновники империи, как находившиеся на службе в высших государственных учреждениях, так и провинциальные губернские и уездные служащие. Их составление было обязательным.

Формулярный список представляет собой таблицу, состоящую из 11 информационных столбцов. В столбцах содержится следующая опросная информация:

1. «Чин, имя, отчество и фамилия, должность, лет от роду, вероисповедания, знаки отличия и получаемое содержание».

2. «Из какого звания происходит».

3. «Есть ли имение (у него самого и у родителей, у жены: родовое или благоприобретенное)».

4. «Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную, не было ли каких особенных по службе деяний или отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время, сверх того, если, находясь под судом или следствием, был отправлен и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено».

5. «Годы».

6. «Месяцы и числа».

7. «Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях и когда именно».

8. «Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено».

9. «Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени, являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною».

10. «Был ли в отставке с награждением чином, или без оногo, когда и с которого по какое именно время».

11. «Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно, год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания» [ГАО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об., 2].

В фонде «Органы самоуправления города Колывани» содержится дело «Формулярные списки городского головы Дмитрия Константиновича Фалькова и заместителей городского головы» за 1895 г., в котором имеются сведе-

ния о Кольванском Городском Голове, Надворном Советнике Дмитриии Константиновиче Фалькове, о первом помощнике Кольванского Городского Головы Николае Федотовиче Бухонине, о помощнике по хозяйственной распорядительной части Кольванского Городского Головы Иване Степановиче Помыткине, о втором помощнике Кольванского Городского Головы, 2 гильдии купце Евгении Никоноровиче Култашеве, о кандидате во вторые помощники Кольванского Городского Головы, Кольванском мещанине Тихоне Егорьевиче Лаптеве, о кандидате к первому помощнику Кольванского городского Голове Федоре Тихоновиче Дремине.

Подробно изучив вышеуказанное дело, удалось выявить следующие биографические сведения о Кольванских чиновниках.

Дмитрий Константинович Фальков — Кольванский Городской Голова, Надворный Советник. На момент составления формулярного списка (28 марта 1895 г.) ему было 68 лет от роду. Он был вероисповедания православного. Знаков отличия не имел. Получал в год жалованья 600 рублей. Пенсии — 235 рублей 20 копеек. Всего его годовой доход составлял 835 рублей 20 копеек. Дмитрий Константинович был сыном почтальона, уроженца Томской губернии. Он воспитывался в Тобольском Сиротском Уездном Училище, но полного курса наук не окончил. В походах с неприятелем не был. К судебным тяжбам не привлекался. В службу вступил почтальоном в Томскую Губернскую Почтовую Контору в 1854 году. В 1861 г. переведен смотрителем на станцию Большекоскульскую. В 1862 г. перемещен на станцию Орскоборскую, в 1863 г. — на станцию Овчинниковскую, в 1865 г. — на станцию Озерскую, в 1869 г. — на станцию Дубровинскую. В 1871 г. произведен за выслугу лет в Кольванские регистраторы со старшинством. В 1872 г. определен помощником Кольванского почтаммейстера. В этот же год за выслугу лет был назначен в губернские секретари со старшинством. В 1875 году стал Коллежским секретарем со старшинством. С 1877 г. занимал должность Кольванского почтамейстера. С 1879 г. — Титулярный советник. С 1881 г. — Коллежский Ассесор со старшинством. С 1885 г. — Надворный Советник. С 1886 г. — Начальник Главного Управления Почт и телеграфов. В отставке стал числиться с 20 декабря 1886 г. В феврале 1895 г. стал занимать должность Кольванского Городского Головы.

Дмитрий Константинович, по данным формулярного списка, родового имени не имел, но во второй части города Кольвани содержал одноэтажный деревянный дом с надворными постройками и землю. Женат он был на Анне Егоровне. В документе ее девичья фамилия не указана. В семье Дмитрия Константиновича было трое детей, крещенных в православной вере. Старшая дочь Лидия родилась 16 марта 1867 г. Средняя дочь Зоя — 2 мая 1871 г. Младший сын Евгений родился 12 декабря 1879 г. Вся семья находилась при нем [ГАНУ. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–5].

Николай Федотович Бухонин — первый помощник Кольванского Городского Головы. На момент составления списка ему было 52 года. Он был сыном фельдфебеля 10 Сибирского Линейного батальона. Уроженец города Барнаула. Мещанин по социальному положению. Имел во второй части города Кольвани деревянный дом с надворными постройками и землю. Воспитание получил домашнее. Вдовец. У него был сын Михаил, рожденный 29 октября 1882 г. В 1894 г. постановлением Кольванского городского Избирательного Собрания был избран в гласные Кольванской городской Думы. В 1895 г. стал первым помощником Кольванского Городского Головы. Жалование на службе получал в размере 480 рублей в год [ГАНО. Ф.Д-79. Оп.1. Д. 22. Л. 5 об. — 6].

Иван Степанович Помыткин — помощник по хозяйственной распорядительной части Кольванского Городского Головы. На момент заполнения документа ему было 34 года. Вероисповедания православного. Образование получил домашнее. Знаков отличия не имел. По социальному положению — Кольванский мещанин. Имел дом в городе Кольвани. Был женат на Наталье Сергеевне. Девичья фамилия жены в документе не указана. В семье было двое детей: Иван — 5 лет, Николай — 4 года. В 1899 г. избран гласным Кольванской Городской Думы. В 1900 г. утвержден в должности помощника Кольванского Городского Головы. Жалование на службе получал в размере 480 рублей в год. В 1902 г. избран членом Кольванской Санитарной комиссии, учрежденной для принятия мер против появления и распространения в г. Кольвани холерной эпидемии [ГАНО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 6 об. — 7].

Евгений Никонорович Култашев — второй помощник Кольванского Городского Головы, второй гильдии купец. На момент записи его возраст составлял 30 лет. Вероисповедания был православного. Холост. Воспитание получил в Кольванском Приходском Училище. При этом окончил полный курс наук. В городе Кольвани у него в распоряжении находился деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землю. В 1891 г. избран гласным в Кольванскую Городскую Думу. В 1894 г. назначен вторым помощником Кольванского городского головы. Жалование на службе составляло 480 рублей в год [ГАНО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 7 об. — 8].

Федор Тихонович Дремин — кандидат к первому помощнику Кольванского Городского Головы. При составлении документа ему было 40 лет. Федор Тихонович был сыном крестьянина Пермской губернии. Он имел во второй части Кольвани деревянный двухэтажный дом с надворными постройками и землю. Воспитание получил домашнее. Был женат, имел детей. В 1894 г. избран гласным Кольванской городской Думы. В 1895 г. назначен на должность кандидата в первые помощники Кольванского Городского Головы [ГАНО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 8 об. — 9].

Тихон Егорьевич Лаптев — кандидат во вторые помощники Кольванского Городского Головы, Кольванский мещанин. На момент заполнения документа ему было 49 лет. Православный. Тихон Егорьевич являлся сыном крестьянина Вятской губернии. Воспитание получил домашнее. Был женат на Дарье Васильевне. Девичья фамилия жены не указана в документе. В их семье было трое детей. В 1890 г. по выбору Кольванского мещанского общества назначен казначеем Кольванской мещанской управы. В 1894 г. выбран гласным в Кольванскую городскую Думу. В 1895 г. утвержден в должности кандидата второго помощника Кольванского Городского Головы [ГАНО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22. Л. 9 об. — 10].

Формулярный список действительно содержит большое количество биографической, а также генеалогической информации. Здесь присутствуют сведения, касающиеся личной жизни (год рождения, социальное происхождение, сведения о составе семьи), а также факты, отражающие трудовую деятельность. Помимо этого, данный вид документа является важным историческим источником, передающим особенности делопроизводства, структуру государственной службы и многие другие детали того времени.

Но данные документы не являются единственными в фонде «Органы самоуправления города Кольвани». Данный фонд содержит в себе еще неизведанное поле биографических и генеалогических сведений, требующих тщательного изучения.

Источники

ГАНО. Ф.Д-79. Оп. 1. Д. 22.

Дорохова Антонина Ивановна,
заведующая сектором Кольванского краеведческого музея

ИЗ ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА ЧАУССКОЙ ВОЛОСТИ

Кольванский район Новосибирской области является историческим преемником уникальной для Сибири хозяйственно-административной зоны — Чаусской волости, образовавшейся в течение XVIII века из поселений, возникших вокруг основанного в 1713 году Чаусского острога, который сыграл важную роль в заселении и освоении земель Среднего и Верхнего Приобья, в развитии металлургической промышленности Алтайского края.

В работах целого ряда авторов: А.Д. Колесникова, Н.Ф. Емельянова, Е.М. Борблик, С.Р. Долговой, Д.Я. Резуна, Н.А. Миненко, Т.С. Мамсик и других, посвященных различным вопросам истории Сибири и Приобья, приводятся сведения о заселении и освоении территории ведомства Чаусского острога, «открытия» волости. Богатый материал о составе и местах

выхода населения, организации и развития хозяйства территории находится в документах массовой статистики, обнаруженных в фондах ГАНО [5, Ф. 109, Оп. 1, Д. 8, Л. 304–329 об.] и ЦХАФ АК [6, Ф. 10, Оп. 1, Д. 131, Л. 1–300 об.].

В начале 1780-х годов в ведомстве Чаусского острога числилось 49 селений, крестьяне которых были приписаны к Кольвано-Воскресенским заводам. «На базе селений ведомства Чаусского острога к 1786 году было учреждено 5 волостей: Чаусская, Тырышкинская, Ояшинская, Варюхинская и Ургамская... В 1794 году Тырышкинскую волость упразднили, присоединив ее селения к Чаусской» [4, с. 19]. В «Ведомости Чаусской волости выборного Якова Лебедева...» указано, что в ее состав входило «...25 селений, в них состояло 2159 душ мужского пола» [5, Ф. 109, Оп. 1, Д. 8, Л. 304–329 об.]. Из материалов «Окладной книги Чаусской волости за 1840 год» следует, что в ее селениях было «...902 двора, 2662 души мужского пола (из них — 1503 работника), 5675 десятин пашни, 4382 головы лошадей и 3579 голов крупного рогатого скота [6, Ф. 10, Оп. 1, Д. 131, Л. 1–300 об.]».

Чаусская волость значительно отличалась от других сибирских волостей выгодным географическим положением на пересечении двух важнейших транспортных систем — речной (р. Обь), наземной (Московский тракт) и тем, что в границах ее волостного центра располагался город Кольвань в статусе центра округа. Это создавало особые возможности для развития комплексного крестьянского хозяйства, сбыта продукции, отхода на заработки (кроме отработок на заводах): в город, на тракт, в речную систему. Развивалась и сфера услуг: постоянные дворы, заготовка провианта, дров и так далее. У населения волостного центра вырабатывался менталитет особого типа — полугородского.

Население Чаусской волости формировалось со времени освоения Чаусского острога в 1713 году из служилых людей Томска и его окрестностей, Кузнецка, Тары, Красноярска. Отдаленными же местами выхода прародителей чаусцев были европейский север государства Российского: Поморье, Яренский уезд или Зырянский край, Вологда и Великий Новгород с волостями; Поволжье, Зауралье. Были и выходцы из Польши, Беларуси, Литвы, Украины. Важную роль в заселении территории сыграло купечество Поволжья.

В документах 1784–1840 годов фигурируют 314 фамилий приписных крестьян, мещан, отставных казаков и солдат, ямщиков, мастеровых, крещеных ясачных. Основная масса населения предпочитала жить в большом кругу родственников: Козьминых насчитывалось 24 семьи, Кайгородцевых, Манаковых — по 22, Кулешовых — 21, Ковригиных — 19, Орловых, Лунеговых — по 18 и так далее. По данным Т.С. Мамсик из 902 семей «...крупных родовых сообществ насчитывалось по числу фамилий — 66 (35 %), по числу дворов 649 (72 %), а по количеству людей — 4367 душ

обоего пола, или 74 % от волостного состава [2, с. 74–75]. В остальных 253 дворах волости проживало 1490 душ обоего пола — представители более 120 фамилий, чьи родственники уже переселились в другие волости, обживали новые земли, сохраняя родственные и соседские связи.

В фамильном составе Чаусской волости около половины принадлежит выходцам из Яренского уезда (Зырянского края). И сейчас в Кольвани и селах района проживают потомки и представители кланов первых чаусских поселенцев: Алексеевы, Антоновы, Большаковы, Барышевы, Белобородовы, Быковы, Ведерниковы. Ветошкины, Власовы, Волковы, Воронины, Вороновы, Горбуновы, Гусевы, Дьячковы, Ждановы, Жеребцовы, Жуковы, Зайцевы, Ивачевы, Ильиных, Казаковы, Казанцевы, Кайгородцевы, Кантаевы, Киселевы, Кузьминых, Комаровы, Косинцевы, Косачевы, Кузнецовы, Карелины, Куклины, Лунеговы, Мезенцевы, Мингалевы, Минеевы, Некрасовы, Ненашевы, Новиковы, Овчинниковы, Орловы, Пановы, Пастуховы, Поротниковы, Савельевы, Русановы, Тарховы, Титовы, Третьяковы, Федоровы, Черепановы, Черновы, Шестаковы, Ширяевы, Шубины, Шмаковы, Южаковы и т.д. В основном, это потомки служилого населения.

Ведущую роль в хозяйственной и административной жизни волости играли выходцы с Русского Севера — старообрядцы, на указанный период составлявшие около половины всего ее населения. Из 902 дворовых хозяйств 131 были богатыми, зажиточными — 76, середнячками — 218. Развитие хозяйственной деятельности 10-ти южных селений соответствовало аграрному типу, а в 15-ти центральных и северо-западных — промыслово-аграрному.

В 1840 году 579 дворов, занимавшихся хлебопашеством, произвели около 150 тысяч пудов зерна. Остаток его (за вычетом провиантской и фуражной доли) составил не менее 46735 пудов, который мог быть продан за пределы волости.

В 1840 году в Чаусской волости в 833 дворах имелся крупный рогатый скот, было произведено около 9000 пудов говядины, для внутреннего потребления расходовалось до 7000 пудов, за пределы волости продавалось до 2000 пудов. Масла было произведено 2242 пуда, на продажу предназначалось 1482 пуда.

Важной отраслью хозяйства Чаусской волости, являющейся основой крестьянского хозяйства, было коневодство. На указанную дату в 842 дворах имелось 4382 лошади, 60 дворов было безлошадными, а 263 семьи не имели пашни, но держали 740 голов лошадей. Вряд ли большое количество шло на продажу. Высокий уровень разделения труда у чаусцев предполагал использование на пашне у богатых хозяев наемных работников со своими лошадьми. Да к тому же в зимнее время из 780 дворов волости отпускались для найма 943 работника мужского пола. В самой волости могли наняться для работ в животноводстве лишь 71 человек, остальные

872 — вне сферы сельского хозяйства. «Излишек» в 700 лошадей как раз и сочетается с излишком работников (943) в зимний период.

В волости имелось 30 мельниц — 2 ветряных, 8 колесчатых и 21 мутвчатая, из которых 9 имели 2 постава. Мельницы заводились кроме удовлетворения потребностей семей владельцев, еще и для решения коммерческих задач мукомольного промысла. Еще одной отраслью комплексного хозяйства волости было льноводство. Заводская промышленность остро нуждалась в сырье льна и конопли: требовались мешки, пакля, веревки, смазочное масло и т.д. Да и каждая крестьянская семья не могла обойтись без продукции льноводства. В середине 1840-х годов урожай льноволокна составил 14782 пуда, семян льна — 514 четвертей.

В 1840 году из 902 хозяйств только 9 имели пасеки. Самая крупная — 50 ульев, а всего — 276. К 1846 году пасек было 8, а число ульев увеличилось до 1175. Было получено 141 пуд меда, 33 пуда и 3 фунта воска, из которых было продано 114 пудов меда и 25 пудов 5 фунтов воска.

Купцами брались подряды на закупку и поставку за пределы волости до 200 тысяч пудов зерна, до 40 тысяч пудов муки ежегодно. Подрядная деятельность понуждала к кооперации производителей хлеба, посредников между производителями и рынком, перевозчиков. И обслуживание тракторных перевозок у чаусцев тоже производилось на основе кооперации ямщиков. «Существовало 3 вида извоза: дальний, местный и ямщина. Дальний — транспортировка грузов до Иркутска, Тюмени и Ишима ... обозы двигались круглые сутки, на постоянных дворах останавливались только на 2–6 часов для отдыха лошадей. До Тюмени и Тары шли 30 суток, до Ишима — 15. Местный извоз осуществлялся между Колыванью, Бердском, Завьяловой, Томском. До Томска обоз шел 7 суток. За зиму артель возчиков оборачивалась 2–3 раза, ямщина осуществлялась в форме «вольных дружек» (по договору до заранее известного пункта) и почтовых артелей» [2, с. 171].

Население Чаусского Приобья создало сложный хозяйственный комплекс, включающий не только основные аграрные отрасли — земледелие, скотоводство, коневодство, но и дополнительные — льноводство, мельничное дело, пчеловодство, промысловую и подрядную деятельность.

Удачное расположение волостного центра, наличие заводского управления и развитие крестьянского самоуправления способствовали превращению бывшего острога в город и, в связи с этим, развитию аграрной экономики в рамках рыночного товарно-денежного хозяйства.

Для наших историков, краеведов, жителей Колывани и сел района, особенно тех, кто носит «старожильческие» фамилии, интересующихся своей родословной, занятиями и социальным статусом предков, весьма актуальным является изучение различных аспектов истории Чаусской волости и компонентов процесса ее развития — демографических, культурно-бытовых, этнических, социально-экономических. Это не временный

всплеск интереса в связи с юбилейной датой — 300-летием Чаусского острога. Это важно и для более точного воссоздания истории Колывани и Колыванского района, который играет далеко не последнюю роль в экономической и культурной жизни Новосибирской области.

Библиографический список

1. Мамсик Т.С. Реформа сельского управления Сибири конца XVIII в. (по документам Чаусского волостного архива) // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVIII–XIX вв. — Новосибирск, 1997. Вып. 2.
2. Мамсик Т.С. Чаусское Приобье: население и хозяйство. Опыт ретроспекций по материалам XVIII–XIX в. — Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2009.М
3. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. — Новосибирск, 1990.
4. Миненко Н.А. Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII — первая половина XIX в. — Новосибирск, 1991.
5. ГАНО. Ф. 109. Оп. 1. Д. 8. Л. 304–329 об. (Ведомость Чаусской волости выборного Якова Лебедева, коликое число в ведении ево в разных селах и деревнях жителей и коликое число каждый житель высевает како-го хлеба, сочиненная по дворам 1784 г.).
6. ЦХАФ АК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 131. Лл. 1–300 об. (Окладная книга Чаусской волости за 1840 г.).

Верин Александр Анатольевич,
журналист-политолог, член правления Новосибирского отделения
Союза писателей России

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧАУССКОГО ОСТРОГА В ОСВОЕНИИ РУССКИМИ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ И АЛТАЯ

300-летие Чаусского острога — Колывани — это важная дата не только для жителей Колывани на Чаусе, которые являются потомками и наследниками основателей Чаусского острога, но и всех жителей нынешней Новосибирской области и Алтайского края. Поскольку именно с построением летом 1713 года с участием жителей деревни Анисимовой русской крепости, началось продвижение русских в Среднее Приобье, Кузбасс и на Алтай.

Как известно, до этого момента путь русских колонистов пролегал исключительно по северному пути — по Иртышу и Оби, через Самарово–Сургут на Томскую крепость. То есть в районе 56–61 параллелей, по труднопроходимым болотистым местам. И уже оттуда двигались далее

«встречь солнцу» — вглубь Азиатского материка, к Тихому океану и Америке. Но всё это время земли, лежащие южнее, контролировались степняками, главным образом, джунгарами, западными монголами, формировавшими могучее Джунгарское ханство. Первым форпостом на более южной сухопутной дороге стала Тара, вторым — Чаусский острог. Но если Таре историки воздали должное, то появление Чаусского острога трактуется весьма примитивно: мол, построен для защиты хлебородных земель от набегов джунгар. На самом же деле томский воевода Роман Александрович Траханиотов, давая поручение боярскому сыну Дмитрию Ивановичу Лаврентьеву, думал о защите единственной на тот момент переправе через Обь на уже возникшей дороге из Тары, ставшей впоследствии участком Сибирского тракта.

Но самый главный момент, упущенный историками, — это бессмертный подвиг чаусских рудознатцев-староверов, выходцев с Русского Севера во главе со Степаном Григорьевичем Костылевым и Михаилом Волковым, которые открыли в 1717–1721 годах медно-серебряные руды на Алтае и каменный уголь в Кузбассе (первооткрыватель его М. Волков обнаружил также на р. Кожух золото). Исследуя этимологию слова Колывань, я пришёл к выводу, что, скорее всего, именно староверы принесли на Алтай имя древнего славянского соляного бога, а после христианизации Руси — богатыря Колывана. В костюме алтайских староверов до сих пор есть солнечная свастика — коловрат, или кресень.

Нужно ли говорить о важности для нашей страны этих двух огромных ресурсных регионов, за которые наших земляков должно увековечить в истории, как это сделано в отношении других сибирских пионеров! Ведь открытие Костылева со товарищи, присвоенное уральским промышленником Акинфием Никитовичем Демидовым, дало начало знаменитым Колывано-Воскресенским заводам, сыгравшим огромную роль в истории России. Достаточно вспомнить, как остро нужны были петровским реформам медь и особенно серебро — после поражения в Северной войне страна осталась без артиллерии, а собственных валютных запасов у неё вообще не было, пользовались голландским серебром. Алтайская же медь, которой в руде было более 40 %, содержала столько серебра, что окупила все затраты Демидова на подкуп чиновников и строительство заводов. Именно из него он печатал фальшивый «Ефимок», из алтайской же меди чеканилась потом по повелению Екатерины Великой знаменитая Сибирская — Колыванская монета. Но вот про Сузунский медный завод, построенный специально для этой цели, известно каждому новосибирцу, а о людях, которые открыли для страны богатства Алтая и перенесли за это немало лиха в противоборстве с уральским олигархом, — лишь узкий круг специалистов. Поэтому и значение Чаусского острога как истока Новосибирской области и Алтая до сих пор не оценено ни историками, ни властью.

О том, какие муки претерпели чаусские рудознатцы ради блага Отечества, как им помогал начальник Сибирских заводов, будущий историк Василий Никитич Татищев, написавший императрице Анне о безусловном приоритете С. Костылева — об этом можно будет прочитать в моей книге «Загадки бога Колывана», которая скоро выйдет в свет, а также на портале министерства культуры области и на сайте администрации Колыванского района. Обращу лишь внимание, что без знания и должной оценки исторического открытия чаусских рудознатцев историки не смогли и понять, почему Чаусский острог был назначен центром новой сибирской губернии. А поэтому и выдумывали разные нелепицы: «...в 1822 году М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым была проведена городская реформа, в соответствии с которой в Сибири вводилось новое районирование, и изменялась система учреждений для управления сибирскими губерниями. При образовании Сибирской губернии 22 июля 1822 года учреждён заштатный город из Чаусского острога: "однако мысль назвать Колыванью хотя бы один из городов бывшей Колыванской области не оставляла правительство до последнего времени... 22 июля 1822 года это имя дано бывшему Чаусскому острогу". Новый город получил герб в виде щита, поделенного пополам, в верхней части которого изображена лошадь, а в нижней части — жёлтый сноп и серп».

Эта цитата из труда по истории Колывани тиражируется повсеместно. В десяти строчках собрано несколько ляпов. Ибо на деле реформа была общесибирской, административной, проводили её сам император и созданный им Сибирский комитет. И Чаусский острог был назначен губернским городом, получив имя по заводам, а вот герб — нет. Все авторы в качестве доказательства публикуют герб окружного города Колывани Томской губернии, утверждённый Николаем I через 24 года — 8 мая 1846 г. Один новосибирский профессор обнаружил даже в гербе «рог изобилия», хотя в гербовнике фон Винклера и Полном своде законов Российской империи есть точное его описание: «В верхней части щита герб Томский, а в нижней, пространной, в серебряном поле соединенные вершинами два снопа на ржаной ниве, подле серп».

В другом солидном энциклопедическом издании опять же наши, новосибирские учёные пишут: «В связи с адм. преобразованиями М.М. Сперанского в 1822 острог получил статус окр. города Томской губ. и новое название Колывань. По предложению начальника Колывано-Воскресенских (Алтайских) з-дов и гражд. губернатора Тобольской губ. П.К. Фролова в 1822 возникла переписка с центр. органами власти по вопросу о перенесении губ. центра в Колывань».

И здесь ничего общего с тем, что написано в именном императорском указе Александра I от 22 июля 1822 года, а также в том указе, который он издал через год. Хотя все эти годы первоисточник был доступен: я отыскал

его на сайте Президентской библиотеки, зарегистрировался и получил том 38 «Полного Собрания законов Российской империи», где и нашёл указ № 29.124. И всё сразу стало на свои места — и дата появления чаусской Колывани, и обстоятельства, вознёсшие Чаусский острог в ранг центра губернии.

Отчего историки не интересовались главными моментами в истории Чаусского острога, а упёрлись в историю окружного, а затем заштатного города Колывани, построенного через 20 лет на новом месте — на нынешнем холме? Видимо потому, что облик современного села Чаус совершенно не соотносился у них с образом губернского центра, хотя это село — всего лишь остаток от того, каким Чаусск был в начале 19 века. На деле же Чаусский острог был по-прежнему важным административным и транспортным центром на Сибирском тракте, через который проезжали на восток и на Алтай все тогдашние путешественники и ссыльные. И продолжалось это вплоть до появления Транссиба — более 200 лет! Чаусский острог, волостное село Чаусское и после отмены назначения его центром губернии в 1823 г., и даже после перенесения города на новое место, оставался административным центром Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (существовал до 1917 года). После смерти А.Н. Демидова Колывано-Воскресенские заводы перешли в собственность Его Императорского Величества и управлялись специальным Кабинетом царского правительства. Чаусское волостное управление отвечало за поставку на КВЗ приписных крестьян Приобья. А первые из них были приписаны по указу Екатерины I ещё по просьбе Демидова. В лучшие годы число заводских крепостных царя превышало 60 тысяч душ. Чаусская земская изба отвечала и за поставку на КВЗ продовольствия, и за поимку беглых.

В системе гражданского административного управления Чаусский острог входил в Томский уезд Тобольской (Сибирской губернии). Необходимость приблизить к заводам управление приписными крестьянами, жившими на огромнейшей территории (от Алтая до Томска), осознавала ещё Екатерина II, создавшая Колыванское наместничество со столицей в Бердском остроге — то есть в самом центре крестьянского массива. Её реформа провалилась в силу различных причин, но тренд ею был определён. И Михаил Михайлович Сперанский, назначенный новым императором губернатором Сибири, в ходе своего знакомства с краем пришёл именно к чаусскому варианту нового административного устройства. Ему и пришлось решать судьбу приобской «матрёшки», где действовали две власти — гражданского губернатора (с 1804 года — томского) и более важного горнозаводского окружного начальника.

М. Сперанский рассматривал проблему как с точки зрения административного управления, так и с позиций экономической географии, выражаясь современным языком. При решении проблемы Колывано-Воскресенской горнозаводской «матрёшки», входившей в Томскую губер-

нию, Сперанский (ему помогал будущий декабрист Гавриил Степанович Батеньков) пришёл к пониманию, как найти баланс между гражданской властью и заводской, которая отстаивала интересы самого императора. Вдобавок Сперанскому не понравилось, что город Томск был географически оторван от управляемых им огромных территорий — Нарымского края и восточных земель. Об этом он пишет в своём «Отчете тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления»:

1) Заводской Округ составляет губернию в губернии. Состоя по роду его обывателей в уездах Томской губернии, он имеет весь состав губернского управления, независимый от губернии, и есть действительно целая губерния, исключая одного существенного установления — суда.

2) Заводской округ отделяет Томскую губернию от ее уездов. Из Томского уезда Губернскому правлению принадлежит одна северная часть, составляющая около 8 тыс. душ; Нарымский уезд есть необитаемая тундра; все его население составляет 1.900 русских и около 2.600 остяков, тунгусов и юкагигов, для коих никакое почти управление, кроме родового, не нужно. Канский уезд отделен от губернии совершенно, так что в сей уезд нельзя иначе и проехать, как сделав не менее 150 верст через другую губернию, т.е. через заводской округ. В Бийском уезде считается только около 5.000 душ, а в Кузнецком около 1.000 душ губернского ведомства, и добраться к ним также нельзя иначе, как через заводские селения, между коими они рассеяны. Уезды восточные: Красноярской и Енисейской, быв отделены от Томска известными Кемчугскими горами, ни в земледелии, ни в промышленности, ни в торговле не имеют никакой с ним связи. Таким образом, Томск с разбросанными своими уездами, был со всех почти сторон окружен чужим ведомством, представляет самую несвязную и потому самую трудную в управлении губернию».

Поэтому Чаусский острог, находившийся на стратегическом Московском тракте, да к тому же являющийся воротами в Восточную Сибирь, не мог не привлечь его внимания. И вот в 1822 году император Александр I издаёт ряд именных указов, положивших начало административным реформам в Сибири. По предложению Сперанского, который по возвращении в столицу был введён в специально созданный Сибирский комитет, принимается целый пакет законов для улучшения управления этим огромным регионом. Их царь подписал 22 июля.

Обсуждение законопроектов, подготовленных М.М. Сперанским и его сотрудниками, почти не встретило оппозиции в Сибирском комитете. Исключение составила лишь разработка вопросов, связанных с порядком управления на Алтае. Сперанский предлагал сблизить положение приписанных крестьян с государственными, передав их в ведение по суду и полиции из кабинетского в общегражданское ведомство. Это привело бы к раз-

рушению административной обособленности горного округа и превращению его в органическую часть Томской губернии. Но данное предложение провести через Сибирский комитет ему не удалось. Было принято компромиссное решение — соединить должности томского губернатора и начальника горных заводов в одном лице. Кабинету удалось сохранить свое преимущественное положение, оставив за собой право представлять кандидата на этот пост из генералов корпуса горных инженеров. При таком порядке томский губернатор неизбежно должен был больше внимания уделять горным заводам, чем всем прочим нуждам губернии. По судебным и полицейским делам приписные крестьяне были подчинены губернскому, окружному и волостному управлению, но заводские повинности и хозяйственное управление осталось в руках горного начальства. В его же ведении оставались сбор податей, земские повинности, рекрутская повинность, продовольственная часть.

Для того чтобы реализовать эти меры и приблизить губернатора к самому Горному округу, в именном указе «О преобразовании Сибирских Губерний по новому учреждению» от 22 июля 1822 года были записаны следующие положения, менявшие картину административного устройства Западной Сибири:

«По уважению местных обстоятельств Томской Губернии, постановляются для оной в общем порядке управления следующие изъятия: 1) Звания Томского Гражданского Губернатора и Начальника Колывано-Воскресенских заводов отныне соединяются в одном лице. Чиновник, в звание сие назначаемый, определяется и увольняется по представлению управляющего Кабинетом, в ведомстве коего состоят сии заводы... 2) Для удобства совокупного управления Губерниею и заводами учредить губернский город в бывшем Чаусском остроге, на реке Оби лежащем, переименовав оный Колыванью».

Достаточно было найти оригинал императорского указа, чтобы понять: Чаусский острог был назначен губернским городом в силу того, что уже 100 лет был включён и в систему гражданских отношений, но ещё более — в систему заводских. Он занимал стратегическое положение на Сибирском тракте и на Оби — такого не было у Бердска. К тому же напомним, это было крупное и по сегодняшним меркам село с административными учреждениями. Томские бюрократы провалили идею М.М. Сперанского, и через год новым указом Александр I отменил назначение, но борьба между Чаусским и Томском продолжалась. Но и став окружным городом, Чаусско-Колывань управлял в структуре Горного округа огромной территорией — от Здвинска до Ояша и Сузуна, а это треть Новосибирской области.

В завершении необходимо отметить, что «добили» чаусско-колыванскую историю ещё и тем, что стали противопоставлять в советские годы «реакционную, купеческо-кулацкую, контрреволюционную Ко-

львань» (памятүя крестьянское восстание 1920 года) «пролетарскому» Новониколаевску. Для этого используется даже их соперничество за право строительство мостового перехода через Обь, с использованием анекдота про друга большевиков писателя Н.М. Гарина-Михайловского, которого колыванцы якобы соблазняли мешком с золотом. На деле же он не имел никакого права что-то решать — то была прерогатива самого Николая I, командовавшего строительством и отказавшего даже томичам в проведении железной дороги. К тому же в реальности колыванские купцы от кривощёковского варианта лишь выиграли, поскольку строительные расценки на пустом месте выросли. Не случайно более 3,5 тысяч колыванцев (почти треть города!) вместе с домами переехали строить Новониколаевск, и первым его главой, избранным горожанами, стал представитель колыванской купеческой династии Владимир Евграфович Жернаков. Уже в силу одного этого Новосибирск — не соперник, а сын и наследник Колывани.

И уж совершенно безответственно подошли к своей истории сами колыванцы, устроившие в 2007 году фальшивое 210-летие Колывани, обокрав, таким образом, историю своей малой родины на 84 года, оторвав от неё самую славную и главную страницу — Чаусский острог, то есть перечеркнув эпохальное открытие чаусских рудознатцев, положившее начало формированию территорий Новосибирской области и освоению Алтая.

СЕКЦИЯ № 5

МАЛАЯ РОДИНА: ИСТОРИЯ РОДНЫХ МЕСТ И ПЕРСОНАЛИЙ

Бобров Леонид Александрович,
доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии
Новосибирского государственного университета

**ШЛЕМЫ РОССИЙСКИХ ВОИНОВ В СИБИРИ
В КОНЦЕ XVI–XVII ВВ.**

Доминирующий в массовом сознании образ русского воина-землепроходца в виде сурового бородатого мужика в папахе, тулупе, с пищалью в руке и саблей на боку сформирован под влиянием художественных произведений XIX–XX вв. и регулярно воспроизводится в учебниках, популярной и научно-популярной литературе. В то же время комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что этот хрестоматийный образ имеет мало общего с подлинным внешним видом казаков и служилых людей в Сибири конца XVI–XVII вв. В данной связи важным направлением деятельности военных историков, археологов и оружейников является реконструкция комплекса вооружения, одежды и военного искусства российских воинов в Сибири в эпоху освоения этого огромного и богатого края.

Одной из важных особенностей военного дела русских служилых в Зауралье было широкое использование защитного вооружения. Если в землях метрополии на протяжении XVII в. традиционный комплекс защитного вооружения стремительно выходил из широкого военного обихода, то в ряде регионов Русской Сибири мы наблюдаем прямо противоположный процесс. Практически не употреблявшие доспехов в ходе «западных» военных компаний казаки и стрельцы, оказавшись в Сибири, пытались спешно обзавестись панцирями и шлемами, без которых они чувствовали себя уязвимыми в столкновениях с «многострельными», «копийными», «сбруйными» и «куяшными» аборигенами. Сочетание практики ввоза доспехов с территории Европейской России с массовыми закупками и конфискациями панцирей у сибирских народов позволило существенно увеличить число панцирников в отрядах служилых. Если в Европейской России в рядах поместной конницы численность панцирников в начале XVII в. обычно не превышала 5 %, то в Сибири численность «пансырников» и «куяшников» в отдельных отрядах не редко доходила до 50–70 % и более от общего числа воинов. Причем защитным вооружением были оснащены не только представители военной элиты («начальные люди», «дети боярские»), но и многие конные и пешие казаки, стрельцы, «литва», служилые татары и др. [6].

Комплекс защитного вооружения российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. был представлен корпусными панцирями (различных структур бронирования), боевыми наголовьями (шлемами и мисюрками), дополнительными защитными деталями (наручами, набедренниками, панцирными усилителями) и щитами. В настоящей статье рассмотрим шлемы российских воинов в Сибири.

Судя по данным письменных материалов боевые наголовья применялись сибирскими служилыми несколько реже корпусных панцирей. В источниках упоминаются «шишаки», «шеломы», «шапки мисюрские» (мисюрки), привезенные в Сибирь из Европейской России. Кроме того, служилыми приобретались в частном порядке и «имались в государеву казну» в ходе боевых действий и конфискаций «шишаки» и «шеломы» шорского, кыргызского, монгольского, тунгусского, якутского и бурятского производства [3; 6].

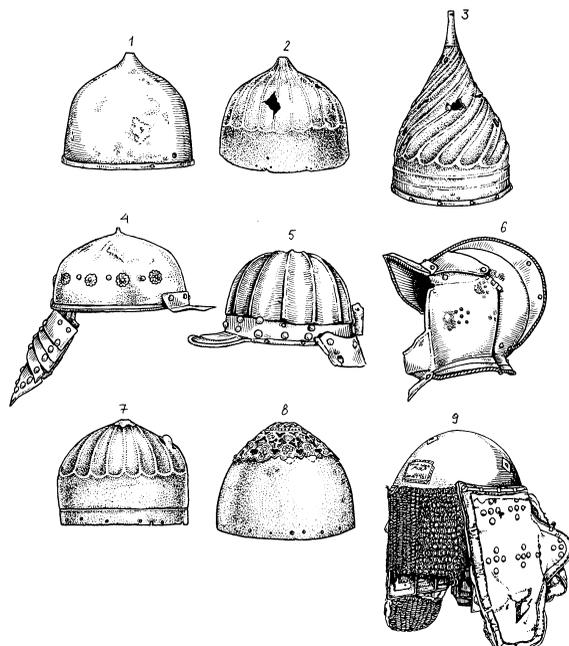

Рис. 1.

Шлемы российских (1–6) и татарских (7–9) воинов с территории Сибири.

КККМ (1); ТГИАМЗ (3, 8, 9); СОКМ (4); МАЭС ТГУ (5); АКМ (6);

ПНИАЛ УрГУ (7).

В музейных собраниях Сибири и частных сибирских коллекциях хранятся не менее 11 шлемов, которые могут быть отнесены к комплексу во-

оружия служилых конца XVI–XVII вв. С некоторой долей условности их можно разделить на шлемы «русского» и «европейского» типа. К первым относятся «шишаки» (5 экз.) и «шеломы» (2 экз.), выполненные в рамках западноазиатской военно-культурной традиции, господствовавшей в русском комплексе защитного вооружения в XVI в. и сохранившей определенное влияние на русский доспех в XVII в. К шлемам «европейского типа» (4 экз.) могут быть отнесены наголовья европейского производства, или выполненные русскими мастерами по иностранным образцам.

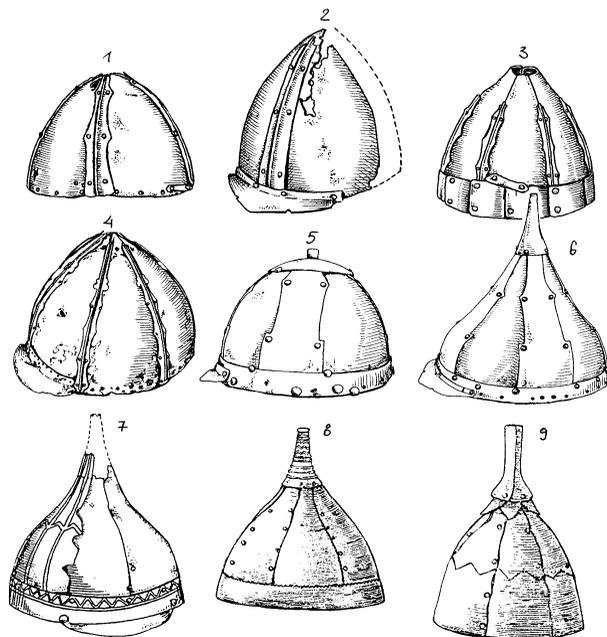

Рис. 2. Шлемы воинов народов Южной (1-7) и Восточной (8, 9) Сибири эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени. МРКМ (1, 2, 4); ММШ РБ (5); МИРБ (6); ЕКМ (7).

Преобладающей разновидностью шлемов «русского типа» являются цельнокованные «шишаки» с низкой сфероконической тульей (4 экз.). Высота шлемов: 16–18 см, диаметр 20–23 см. Шлем из КККМ (КККМ № 6641) был обнаружен на дудинском участке р. Енисей. «Шишак» (высота 17 см, диаметр 23 см) снабжен узким обручем вдоль нижнего края (рис. 1, 1) и имел кольчужную бармицу [2, с. 93]. Центральная и верхняя часть тульи шлема из поселка Зеленый Яр украшены вертикальными каплевидными долами [1, с. 93]. Судя по отверстиям в нижней части купола, шлем мог быть снабжен наушами, или матерчатым подшлеником (рис. 1, 2). Данный тип боевых наголовий был весьма популярен среди русских вои-

нов эпохи позднего Средневековья [2, с. 92–94]. «Шишаки» наиболее часто упоминаются в письменных источниках при описании боевых наголовий служивых в Сибири, а их изображения зафиксированы на рисунках Ремезовской летописи (рис. 3, 36, 38, 40).

Рис. 3. Изображения воинов в доспехах и защитного вооружения на рисунках Ремезовской летописи, нагрудник кирасы с набедренником из АКМ (46).

Промежуточное положение между шлемами «русского» и «европейского» типа занимает шишак из числа случайных находок с территории Республики Саха (Якутия). Шлем имеет полусферическую тулью (высота 17 см, диаметр 20 см), к налобной части которой приклепан простой козы-

рек с отверстием для стрелки-наносника. Небольшие сквозные отверстия на макушечной, височных и затылочной частях шлема указывают на то, что он первоначально был снабжен навершием, наушами и назатыльником «русского», или «европейского» образца. Однако впоследствии мог носиться и без этих элементов (рис. 4). Ближайшим аналогом шлема из Якутии является «шишак» из арсенала Кирилло-Белозерского монастыря [10, с. 151, рис. 9].

Рис. 4. Русские служилые люди Восточной Сибири XVII в. (слева направо): русский служилый из гарнизона Якутского острога (XVII в.), казак из Восточной Сибири (вторая половина XVII в.), казачий атаман (XVII в.).

Художественная научно-историческая реконструкция

«Шеломы» представлены в рассматриваемой серии 2 экз. От «шишаков» они отличаются высокой объемной тульей с вытянутым навершием. Шлем из ТГИАМЗ имеет «ложчатую» (покрытую витыми желобками) тулью, выпуклый узкий обруч по нижнему краю и длинное навершие (рис. 1, 3). Поверхность шелома из частной коллекции гладкая, а навершие со-

хранилось фрагментарно. Шеломы являлись популярным типом боевых наголовий русской поместной конницы XVI в. Упоминания о них среди вооружения сибирских служилых XVIIв. единичны. Возможно, шеломы в Сибири носили командиры воинских соединений и «начальные люди». На рисунках Ремезовской летописи с шеломами могут быть соотнесены некоторые высокие шлемы цилиндроконической и сфероконической формы (рис. 3, 37, 39, 41).

Шлемы «европейского типа» представлены рейтарскими шишаками и «бургиньотами».

Наиболее близок к русским шишкам шлем, происходящий из Далматовского Успенского монастыря, хранящийся в настоящее время в СОКМ (рис. 1, 4). Низкая сфероконическая тулья шлема (высота 14,5 см, диаметр 22 см) напоминает купола русских «шишаков». Вдоль нижней кромки тульи пропущен выпуклый бортик. К налобной части шлема приклепан козырек (ширина в центральной части — 4,7 см, по бокам — 3,0 см) с отверстием для наносника-стрелки. Шлем был снабжен мягким подшлемником, который фиксировался заклепками с орнаментированными латунными шляпками с фестончатым краем. Назатыльник шлема западноевропейского образца («рачий хвост») выполнен из 5 пластин: четырех прямоугольных (16,5–18,5 на 2–3,5 см.) и нижней трапециевидной (16 на 8,5 см.), соединенных с органической подкладкой заклепками с латунными шляпками. Шлем был снабжен наушами, которые не сохранились.

Однако их форму и конструкцию можно с высокой долей достоверности восстановить по аналогичному шлему из Артиллерийского музея. Науши представляли собой широкую заостренную книзу пластину с бортиком по периметру и небольшим полукруглым вырезом на лицевой стороне. Примерно по центру науша располагалась каплевидная выпуклость со сквозными слуховыми отверстиями. Науши были снабжены матерчатой подкладкой которая крепилась заклепками с простыми или латунными шляпками [10, с. 151, рис. 9]. В настоящее время нам известно о пяти шлемах, конструкция и оформление которых близко шлему из СОКМ. Большинство наголовий хранится в музейных собраниях России. Популярность данного типа наголовий среди русских воинов была, вероятно, обусловлено их типологической близостью к привычным «шишкам». Согласно легенде рассматриваемый шлем был передан в Далматовский монастырь тюменским ясачным татаринном Илигеем. Проанализировавшие шлем А.П. Зыков и И.Л. Манькова пришли к выводу, что его появление в монастыре связано с тобольскими рейтарами, которые неоднократно посещали Далматовскую обитель в ходе Башкирского восстания 1662–1667 гг. [9, с. 323–329]. Данная версия представляется весьма реалистичной. Однако, на наш взгляд, нельзя полностью исключать и вариант, что шлем и хранившаяся там же кольчуга были переданы в монастырь представителями тра-

диционных категорий служилых людей, так как известно, что предметы защитного вооружения «европейского образца» применялись на территории региона уже в первой половине XVII в., а во второй половине столетия рейтарские «латы» и «шишаки» передавались для несения «государевых служб» другим категориям служилых.

С комплексом вооружения рейтар может быть соотнесен шлем из МАЭС ТГУ (рис. 1, 5). Полусферическая тулья шлема (высота 15,5 см, диаметр 23,9–20,3 см) склепана из двух половин, соединительный шов на внешней стороне купола шлема выгнут в виде невысокого остроконечного ребра. Такие же ребра жесткости покрывают и пластины тульи. Нижний край купола шлема снабжен выпуклым бортиком (ширина 0,5 см) с парными отверстиями на височных частях тульи и рядом заклепок, служивших для крепления подшлемника. На макушке шлема имеется небольшое отверстие округлой формы. Лицевая часть пластин тульи выгнута в виде широкого пятиугольного козырька (длина козырька 25 см, ширина по бокам — 5,2 см, в центральной части — 7,0 см) с отверстием для наносника-«стрелки». К затылочной части шлема приклепана коническая трубка-втулка для плюмажа (длина 5,8 см, диаметр отверстия 1,8 см) и пластинчатый назатыльник «рачий хвост», сохранившийся фрагментарно. Элементы назатыльника соединяются между собой с помощью заклепок с полусферическими головками. Наличие многочисленных аналогов из музейных собраний России, стран Восточной, Центральной и Западной Европы позволяют надежно атрибутировать и датировать шлем из МАЭС ТГУ. Данный экземпляр относится к числу рейтарских боевых наголовий. Он был изготовлен европейскими или российскими оружейниками в XVII в. Судя по целиком сохранившимся экземплярам, рейтарский шлем из МАЭС ТГУ изначально мог быть снабжен наносником-«стрелкой», слабовыпуклой пластиной наверх с коротким декоративным острием, парой небольших пластинчатых наушей подтреугольной или вырезной формы и назатыльником «рачий хвост».

Последние два шлема рассматриваемой «европейской» серии относятся к «бургиньотам». Один из них хранится в фондах Ачинского краеведческого музея (АКМ), а второй был обнаружен на территории Тюменской области и в настоящее время находится в частной коллекции. Шлем из АКМ имеет полусферическую тулью, украшенную высоким уплощенным гребнем (общая высота шлема 21,0 см, в том числе гребень — 5,2 см; диаметр шлема 18,0 см). К лицевой части шлема приклепан подвижный налобник с характерным приподнятым вверх козырьком (рис. 1, 6). В случае необходимости налобник поднимается вверх напоподобие забрала. Свободное движение налобника вдоль гребня обеспечивает специальная вертикальная прорезь. Шлем снабжен пластинчатым пятиугольным назатыль-

ником и широкими фигурными нащечниками² со сквозными отверстиями, которые крепятся к куполу шлема с помощью специальных шарниров. Вдоль края козырька, гребня, нащечников и назатыльника пропущен выпуклый бортик, покрытый мелкой насечкой. У шлема из частной коллекции загнутый вверх козырек составляет единое целое с куполом шлема, а налобник отсутствует. Пик популярности «бургиньотов» в Европе пришелся на вторую половину XVI в. В этот период они широко применялись в Германии, Польше и Скандинавии. В руки русских воинов они могли попасть как трофеи в ходе Ливонской войны. В Сибирь шлемы были, вероятно, привезены русскими казаками, «литвой» или «немцами» из числа служилых людей в конце XVI — первой половине XVII вв. Возможно, что иллюстрировавший Ремезовскую летопись художник подразумевал под «иноземными» шлемами с полусферической тульей, нащечниками и забралом именно «бургиньоты» (рис. 3, 12, 14). В описях сибирских городов упомянуты шлемы европейского типа, обозначенные как «шапки литовские».

На рисунках Ремезовской летописи очень часто встречаются низкие полусферические и сфероконические шлемы с забралами или козырьками. Они существенно отличаются от классических «шишаков» и «шеломов» русского образца, что позволяет исследователям соотносить их с боевыми наголовьями «европейского типа» (рис. 3, 2, 5–21, 25, 34). Еще одна большая группа шлемов представлена сфероконическими наголовьями с полями (рис. 3, 22–24, 26). Если мы имеем дело не с прорисовкой архаичных «колпаков» с полями, то не стоит исключать возможность, что таким образом художник мог изобразить европейские морионы и кабассеты. Данные типы шлемов еще не зафиксированы на территории Сибири, однако их применяли солдаты полков «Нового строя» в европейской части России. Железные шлемы с полями изображены и на головах московских стрельцов или солдат на картине из книги «Венчание на царство Михаила Федоровича» (выполнены в 70-х гг. XVII в.).

Выше уже отмечалось, что наряду с русскими и европейскими шлемами сибирские служилые могли носить шлемы сибирских и центральноазиатских народов. Боевые наголовья сибирских татар, ойратов, телеутов, енисейских кыргызов, бурят и др. были подробно рассмотрены нами в серии специальных работ [8, с. 416–478; 5; 7, с. 235–244; 4, с. 112–117]. Здесь же отметим, что сибирские татары носили цельнокованные шлемы полусферической и сфероконической формы, снабженные кольчатыми и комбинированными бармицами (рис. 1, 7–9). Среди тюркских кочевников Южной Сибири, ойратов и монголов преобладали клепаные наголовья, составленные из 4–8 пластин, стыки которых прикрывали специальные накладки с зубчатым или ровным краем (рис. 2, 1–7). Частым элементом оформления были козырьки (простые и «коробчатые»), обручи, а также трехчастные

² Сохранился только левый нащечник.

пластинчато-нашивные бармицы [8, с. 416–478]). Якутские шлемы клепались из нескольких пластин-секторов, стягивались обручем и венчались коническим навершием (рис. 2, 8, 9).

Наряду со шлемами письменные источники фиксируют факты применения русскими служилыми людьми в Сибири мисюрок. Так, например, воинам отряда В. Шахова в 1633 г. из «государевой казны» Тобольска было выдано 7 «шапок мисюрских». В музейных собраниях Сибири хранится не менее 9 мисюрок, однако ни одна из них не может быть уверенно отнесена к числу русских предметов вооружения. Скорее всего, мисюрки русских служилых в Зауралье, как и их аналоги из Европейской России, Средней и Центральной Азии, состояли из уплощенного или полусферического «наплешника» и кольчатой бармицы, прикрывавшей шею и верхнюю часть лица воина.

Анализ вещественных, изобразительных и письменных источников свидетельствует, что состав боевых наголовий, применявшихся служилыми людьми в Сибири в конце XVI–XVII вв., был весьма представительен и разнообразен. Традиционные русские «шишаки», «шеломы» и мисюрки соседствовали со шлемами центрально- и западноевропейского образца. Отличительной особенностью боевых наголовий сибирских служилых, по сравнению с русскими воинами европейской части страны, было использование клепанных шорских, ойратских, кыргызских и бурятских шлемов, выполненных в рамках Центральноазиатской военно-культурной традиции.

Список сокращений

- АКМ — Ачинский краеведческий музей
 ЕКМ — Енисейский краеведческий музей
 КККМ — Красноярский краевой краеведческий музей
 МАЭС ТГУ — Музей археологии и этнографии Сибири, Томский гос. университет
 МРКМ — Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова
 МИРБ — Музей истории Республики Бурятия
 ММШ РБ — Музей Мондинской средней общеобразовательной школы Тункинского района Республики Бурятия
 СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей
 ТГИАМЗ — Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник

Библиографический список

1. Бауло А.В. Домашние (семейные) святилища северных хантов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2004. — № 1 (17). — С. 89–101.

2. Бобров Л.А. Позднесредневековые шлемы из музеев Красноярского края // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. — Н.: Изд-во Новосибирского гос-го ун-та, 2002. — С. 89–97.

3. Бобров Л.А. Сибирские панцири русских казаков (к вопросу о влиянии панцирного комплекса сибирских аборигенов на защитное вооружение русских служилых людей второй половины XVI–XVII вв.) // *Para-Bellum*. Военно-ист. журн. — СПб., 2006. — № 26. — С. 77–98.

4. Бобров Л.А. К вопросу о защитном вооружении татар Западной Сибири последней четверти XVI–XVII вв. // Материалы Круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского Форума. Казань, 30 марта 2011 г. — Казань: «Фолиант», 2011. — С. 106–120.

5. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время // Учеб. пособие. — Н.: Новосиб. гос. ун-т, 2010. — 288 с.

6. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация. — Н.: Новосиб. гос. ун-т., 2012. — 440 с.

7. Бобров Л.А., Мясников В.Ю. Позднесредневековые шлемы из музейных собраний Республики Бурятия // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. — 2009. — Т. 8. — Вып. 5. — С. 235–244.

8. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). — СПб.: Фил. фак. СПбГУ, 2008. — 776 с.

9. Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. — Екатеринбург, 2000. — С. 315–332.

10. Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР, №77, 1958.

Румянцев Петр Петрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
Национального исследовательского Томского государственного
университета

**В.Я. КОКУЛИН: ПРОМЫШЛЕННЫЙ УПРАВЛЕНЕЦ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ**

В истории хозяйственного освоения и развития Сибири есть немало белых пятен, и одним таким пробелом можно назвать слабую степень изу-

ченности управленческих кадров промышленных предприятий дореволюционной Сибири [4, с. 99]. Необходимость исследования промышленного административного персонала исходит из потребностей изучения процессов формирования классов местного общества в социально-экономической истории Сибири. В данной статье речь пойдет об одном представителе когорты администраторов прошлого, талантливом управленце, коренном сибиряке — В.Я. Кокоулине, чья профессиональная деятельность до сих пор не удостоивалась специального исследования.

Василий Яковлевич Кокоулин начал свою промышленную деятельность с ранних лет, работая на золотых промыслах известного сибирского золотопромышленника и предпринимателя В.И. Базилевского, последовательно занимая различные должности в служебной приисковой иерархии. К сожалению, практически отсутствует информация о его начальном этапе работы в золотопромышленной сфере деятельности. Доподлинно известно, что в 1871 г. В.Я. Кокоулин переходит на работу в «Компанию промышленности в различных районах Восточной Сибири», сначала занимая конторские должности, а затем став главным бухгалтером компании [5, с. 115]. Мы можем только предполагать, что В.Я. Кокоулин проявил себя как ответственный работник, разбиравшийся во многих тонкостях золотопромышленной сферы, что и обусловило его назначение в 1889 г. на пост заведующего всеми золотыми промыслами указанной фирмы. Так, В.Я. Кокоулин в возрасте 39 лет возглавил одну из крупнейших золотопромышленных компаний не только Восточной Сибири, но и всей Российской империи.

История «Компании промышленности...» начинается в 1862 г., именно этот год является основанием компании. В 1885 г. «Компания промышленности...» приобретает золотые промыслы «Прибрежно-Витимской компании», тем самым превратившись в основного конкурента Ленского золотопромышленного товарищества в Ленском золотоносном районе. А через четыре года объединенные золотопромышленные предприятия возглавляет В.Я. Кокоулин.

Заняв должность главноуправляющего золотых промыслов компании, В.Я. Кокоулин, опираясь на помощь горного инженера П.И. Мальцева и приискового служащего Ф.М. Михеева, сразу же приступил к масштабной модернизации технической базы производства. Вот только некоторые введенные им новшества: вместо дорогостоящих стеариновых свечей он приказал использовать керосиновые лампы без стекол, не дававшие копоти; внедрение механических приводов для подъема песков из шахт; произошла замена наливных бочек турбинами; автоматические счетчики для таратаек при подвозке в них песков на промывку. Во время заведывания В.Я. Кокоулина впервые была введена промывка песков в зимнее время, что существенным образом сказалось на увеличении объема производства. В результате проведения разведочных работ произошли открытия новых

месторождений золота, разработка которых дала более 100 пуд. золота. В.Я. Кокоулин уделял внимание и технике безопасности на производстве: при нем произошло усовершенствование креплений подземных выработок, при этом снизились расходы на сами крепления [5, с. 115].

В.Я. Кокоулин с вниманием относился и к социально-правовому положению работников управляемых их промышленных заведений. Именно при его непосредственном участии был разработан, а в 1896 г. утвержден проект устава пенсионной кассы служебного персонала «Компании промышленности...» Все выдаваемые пенсии имели пожизненный характер и делились, исходя из размера жалования служащих на три разряда: 1-й равнялся до 900 руб. годового жалования служащих, 2-й до 600 руб. и 3-й составлял 300 руб. Для получения полного содержания пенсии необходимо было прослужить в компании 20 лет, для 75 % оклада — 15 лет, и отслуживший на предприятиях компании 10 лет получал половину размера пенсии. При этом служебный персонал, прекративший работу в компании до утверждения устава, имел право претендовать на получение пенсии, если не получал какой-либо другой пенсии. Пенсии выдавались служебному персоналу пожизненно при условии достижения указанного рабочего стажа на предприятиях компании и обязательном уходе со службы. Те же служащие, кто выслужил необходимое количество лет, но рассчитанные за какие-либо злоупотребления, не имели право получать пенсию. Правление позаботилось и об увечных служащих: получившему увечье и неспособному более к труду служащему 7 лет стажа в компании засчитывалось за 10 лет, 10 за 15 и 15 за 20 лет [8, с. 147]. Созданная пенсионная касса «Компании промышленности...» стала первой подобной организации взаимопомощи среди всех золотопромышленных предприятий Сибири.

Забота В.Я. Кокоулина о своих подчиненных распространялась и на улучшение условий материального существования работников предприятия. Вот как описывал корреспондент газеты «Восточное обозрение» условия обитания служебного персонала на предприятиях «Компании промышленности...»: «Семейные служащие имеют особые домики, а холостые помещаются в чистых комнатах по два человека в каждой. Отопление, освещение и пища от Компании... У многих семейных служащих имеются огороды, для которых навоз привозится на лошадях компании бесплатно» [2, с. 3].

В.Я. Кокоулин выступил одним из инициаторов строительства железной дороги от ближайшего крупного населенного пункта Витимской тайги на промышленные объекты компании. В 1893 г. правление «Компании промышленности...» подало прошение на имя генерал-губернатора Восточной Сибири А.Д. Горемыкина, в котором обосновывалась важность проведения железной дороги от пристани на р. Витим до приисков компании в связи с необходимостью сокращения расходов на поставку материала-

лов, прежде всего леса, главного строительного материала на золотых промыслах. После разрешения А.Д. Горемыкина и отвода необходимого участка земли начались строительные работы. В 1896 г. специальная комиссия, куда входил и В.Я. Кокоулин, признала возможным начать движение по построенной дороге и уже осенью того же года прошел первый состав на участке Бодайбо–ст. Зимовье [1]. Так у «Компании промышленности...» первой из золотопромышленных предприятий России появилась собственная железная дорога.

За годы управления В.Я. Кокоулина «Компанией промышленности...» расширились объемы работ и выросли затраты на производство в целом: в 1898 г., в последний год пребывания В.Я. Кокоулина на посту главноуправляющего компанией, стоимость всех работ приблизилась к 5 млн руб. [3, т. 3, табл. 6]. Если в 1880 г. на приисках «Компании промышленности...» получили рекордное количество золота — 501 пуд, то во второй половине 1880-х гг. золотодобыча резко сокращается: в 1888 г. извлекли 237 пуд. золота, а всего с 1880 по 1888 г. было выработано 2954 пуд., в среднем по 328,2 пуд. на год [3, т. 2, с. 96–98]. Заняв должность главноуправляющего компании, В.Я. Кокоулин смог несколько выправить ситуацию и поднять добычу золота до 359 пуд. (1895 г.), а всего за 9 лет его управления компания получила 2592 пуд. золота, в среднем 288 пуд. за год [3, т. 2, с. 98–104].

Организаторская деятельность В.Я. Кокоулина положительным образом сказалась и на доходах кампании: за 9 лет его руководства чистая прибыль составила 6,5 млн руб., при этом размер годового жалования самого главноуправляющего равнялся 8 тыс. руб. при готовом содержании от компании [5, с. 115]. После его ухода финансовое положение «Компании промышленности...» ухудшилось, и в 1910 г. принадлежащие ей все золотые прииски купило Ленское золотопромышленное товарищество, тем самым монополизировав практически весь Ленко-Витимский золотоносный район. При оценивании деятельности В.Я. Кокоулина на посту заведующего золотыми промыслами «Компании промышленности...» можно ограничиться словами томской газеты «Сибирская жизнь», которая по поводу его ухода с названной должности оставила следующую характеристику: «Г-н Кокоулин составил себе репутацию честного трудолюбивого работника, большого практического знатока горного дела и в высшей степени гуманного начальника, подтверждением чему могут служить многочисленные, очень хорошие отзывы о нем сослуживцев и подчиненных» [9, с. 2].

Помимо профессиональной своей деятельности, связанной с различными сторонами золотопромышленной деятельности, В.Я. Кокоулин занимался и благотворительными делами, уделяя внимание острым проблемам тогдашнего сибирского общества, например, поддержке и развитию

образования. Так, профессор Томского императорского университета П. Буржинский писал, что В.Я. Кокоулин присылал средства в пользу студентов первого высшего учебного заведения за Уралом. Вот какими словами отзывался о нем ученый муж: «Уроженец г. Киренска, прошедший почти всю свою жизнь в приисковой пустыне, Василий Яковлевич сохранил «душу живу» и чувствовал потребность, пока мог, помогал учащейся молодежи» [9, с. 2].

Необходимо отметить, что при отсутствии у самого Василия Яковлевича высшего образования, он понимал необходимость получения образования, что отразилось в его стремлении дать образование своим детям (любопытный факт: все его шестеро детей обучались вместе с детьми рабочих в приисковой школе, построенной Александрой Петровной, женой В.Я. Кокоулина [10, с. 21]). Старший сын Яков получил техническое образование, окончив Санкт-Петербургский университет, был учеником самого Д.И. Менделеева и стал инженером-метрологом. В 1903 г. Яков стал заведующим Донской поверочной палаткой, выполнявшей важную обязанность — следил за соблюдением и сохранением мер веса, применяемых в торговле и промышленности [6]. Дочь В.Я. Кокоулина Софья сначала обучалась в иркутском институте благородных девиц, где пристрастилась к игре на фортепиано, а затем закончила фортепианное отделение консерватории в Петербурге. В Петербурге она познакомилась с Дмитрием Болеславовичем Шостаковичем, который был сыном сосланного в 60-е гг. XIX в. в Нарымский край Томской губернии народника Б.П. Шостаковича [10, с. 14–15]. В 1903 г. молодые люди поженились, и через три года у них родился мальчик, получивший имя в честь его отца — Дмитрием. Нетрудно догадаться, что это — будущий выдающийся русский композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Таким образом, В.Я. Кокоулин является родным дедушкой гениального композитора-патриота, на музыкальный путь которого поставила в первую очередь мать, дочь В.Я. Кокоулина.

В 1905 г. после смерти жены В.Я. Кокоулин вернулся в Бодайбо, которое он вместе с семьей покинул после ухода со службы в «Компании промышленности...», где он прожил 6 лет до своей смерти [7, с. 479]. Деятельность Василия Яковлевича Кокоулина, как следует из приведенного текста, была разнообразной в плане рода занятий и плодотворной в плане достигнутых результатов на протяжении всего жизненного пути. Этот человек не только способствовал экономическому росту управляемых им предприятий, заботился об экономическом и правовом положении своих подчиненных, но и стремился постоянно уделять внимание различным сторонам жизни, в том числе и благотворительности. Создав материальное достояние и славу «Компании промышленности...», В.Я. Кокоулин остался забытым, что, конечно же, является неправильным — его жизненный и

профессиональный путь как и множества других промышленных управленцев заслуживает специального изучения.

Список литературы

1. Бодайбо. Железная дорога // Копейка. — Иркутск, 2006. 22 нояб.
2. Восточное обозрение. — 1894. — № 129.
3. Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. — СПб., 1905.
4. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск, 2007.
5. Золото и платина. — 1911. № 4.
6. Информационно-аналитический журнал «Национальные приоритеты» [Электронные ресурсы]. Режим доступа: <http://www.nprus.ru/society/489.html>, свободный (дата обращения 05 февраля 2013).
7. Мейер К. Дмитрий Шостакович: жизнь, творчество, время / пер. Е. Гуляевой. — СПб., 2001.
8. Утвержденный 11 мая 1896 г. Министером Земледелия и Государственных Имуществ Устав пенсионной кассы служащих по управлению золотыми приисками Прибрежно-Витимской компании и Компании промышленности в различных местах Восточной Сибири (11 мая 1896 г.) [№ 12834] // ПСЗРИ. Собр. 3-е. — СПб., 1899. — Т. 16. Отд. 2-е.
9. Сибирская жизнь. — 1898. 5 фев.
10. Хентова С.М. Шостакович и Сибирь. — Новосибирск, 1990.

Лыков Олег Михайлович,

**начальник отдела пособий и социальных выплат Ордынского района
Новосибирской области**

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОРДЫНСКОЙ ДЕРЕВНИ (1945–1953 гг.)

Парадоксально, но реалии послевоенной жизни сибиряков известны современным жителям области гораздо меньше, чем жизнь и быт наших отцов и дедов в годы Великой Отечественной войны.

Вдумаемся в две цифры, приведенные в 11 томе «Всемирной истории», выпущенном Академией наук СССР в 1977 году, когда о величии победы советского народа в Великой Отечественной войне говорили много и красноречиво, а о цене победы — мимоходом и сквозь зубы. Итак: «Вся валовая продукция сельского хозяйства в 1945 году была на 40 %

меньше довоенной, а в освобожденных от оккупации районах — почти на 50 %» [1].

Страшная цифра. Получается, что разница экономического потенциала районов, попавших под оккупацию, и районов глубокого тыла, вроде Новосибирской области, отдаленных от линии фронта тремя тысячами километров, составляет всего десять процентов. С этого предельно низкого уровня и пришлось сибирякам начинать послевоенное восстановление сельского хозяйства.

О том, как сложно и тяжело оно происходило, написано на сегодняшний день немало. Можно вспомнить, в частности, многотомные «Историю Сибири» и «Историю крестьянства Сибири», вышедшие еще в эпоху СССР. Другое дело, что о повседневной жизни сибирского, тем более новосибирского крестьянства тех лет, в подобных трудах сказано весьма кратко. Постараемся хотя бы минимально восполнить этот пробел на материалах послевоенной истории Ордынского района, ибо одно дело повествовать о восстановлении сельского хозяйства, а другое — знать, в каких бытовых условиях оно происходило.

Первые робкие перемены к лучшему в быту ордынской деревни зафиксированы документами в 1948 год, когда в районном селе Ордынское возродилось строительство. В условиях, когда килограмм обыкновенных гвоздей, квадратный метр стекла или лист кровельного железа приходилось испрашивать в облисполкоме, в Ордынском построили гостиницу на 7 коек, баню и, чем особенно гордились районные власти, «100 погонных метров изгороди вокруг общественных зданий». Два года спустя районные власти приступили уже к производственному строительству [2].

В 1949 году, по оценке исполкома Ордынского районного Совета депутатов трудящихся, «в сравнении с 1948 годом увеличилась продажа населению товаров: шерстяных и шелковых тканей — на 14 %, швейных изделий — на 31 %, строительных материалов и леса — на 36 %, хлопчатобумажных тканей — на 36 %, резиновой обуви — на 66 %, кожаной обуви — на 77 %, кондитерских изделий — на 91 %». Рекордно выросла продажа такого товара, который сейчас исчез из обращения, а тогда ценился чрезвычайно, во всяком случае, среди мужчин. Речь идет о махорке, продажа которой за год подскочила сразу на 112 %. Хотите знать, какой товар пользовался в послевоенное время наибольшим спросом и шел буквально нарасхват? Обыкновенное оконное стекло, продажа которого в 1949 году увеличилась на 441 %. И это по-своему символично — людям хотелось, чтобы жизнь стала хотя бы немного светлее в прямом смысле слова [3].

Товарный ассортимент покрывал потребности жителей района едва ли на четверть. «В Филиппове, Сушихе, Новом Шарапе, Верх-Алеусе в сельпо отсутствуют 70 % товаров обязательного минимального ассортимента. По 20 дней отсутствовала в продаже соль в Елбани и Нижне-Каменке», —

это из материалов сессии Ордынского райсовета, специально посвященной торговле на селе, состоявшейся в феврале 1950 года [4].

На этой сессии в качестве примера, как нельзя работать, приводился хозяйственный магазин в Верх-Алеусе, товарные запасы которого заключались в двух тысячах глиняных кринок, больше ничего в том магазине на день проверки обнаружить не удалось [5]. В документах и газетах тех лет постоянно бросаются в глаза факты, убийственно характеризующие нищету и запустение сельской торговли. В одном из документов Ордынского райисполкома за 1950 год читаем: «...имеются перебои даже с водкой» [6].

А это уже из статьи в «Ленинской трибуне» за 1953 год: «В продовольственных магазинах нет консерв, сахара, кондитерских изделий, ничего нет вообще, кроме водки». И, наконец, подлинный крик души образца 1952 года: «Три дня в магазины Верх-Ирмени не завозят ни хлеба, ни водки. Как жить?» [7].

Товарным дефицитом являлось решительно все, а супердефицитом считалась обыкновенная посуда, приобрести которую было невозможно ни за какие деньги. «Общественного питания в колхозах на уборке нет, — писала газета «Большевик» Ирменского района в 1947 году, — каждый готовит сам себе. Нет посуды, чашек, кружек, потому что посуды днем с огнем не найдешь в наших магазинах» [8]. Спустя шесть лет ордынская «Ленинская трибуна» с горечью констатировала: «Большой помехой в работе (Ордынской районной больницы. — *Авт.*) является недостаток посуды. На троих больных имеется один стакан, и в период обеда двое должны ожидать очереди, чтобы выпить стакан чая. О чайных ложках здесь уже не говорят — их нет в употреблении. Не хватает тарелок. Пока больной кушает первое, ждут освобождения тарелки, чтобы подать второе. Пища теряет вкус и подается холодной» [9]. Вот полный перечень посуды семьи Татьяны Тимофеевны Шаталовой из села Березовка Ордынского района, состоявшей из четырех человек — две кружки, две (!) ложки, одна общая чашка, чугунок, сковородка. И это все.

Многим матерям, особенно многодетным, приходилось постоянно ломать голову во время стирки — во что одеть ребятишек, пока «лопоты» (одежда) сохнет на веревке? Для примера сошлемся опять-таки на семью Шаталовых: «Сменных вещей и белья у нас не было, постираем — и на себя. В детстве мы бегали босиком с ранней весны до первого снега. А заведутся на ногах «щыпки» (кровоточащие трещины), намажут их подсолнечным маслом, а то и солидом — и мигом выздоровеешь!» Отсутствие обуви остро ощущалось молодежью, начинавшей похаживать на деревенские «тачки» и «вечерки». Босиком на танцы прийти, конечно, можно. Но кто же с тобой, босявкой, танцевать-то будет? Вот как выходили из положения в той же Березовке. Босоногие девчонки норовили прийд-

ти на танцы в темноте, а ноги по дороге мазали грязью в целях маскировки. Смешно, трогательно и грустно...

А одеть и обуть ребенка в школу? Это вообще была проблема из проблем.

В декабре 1949 году школу села Нижне-Каменка из 134 учащихся не посещали 30 человек, или каждый пятый, по самой простой причине — «не в чем ходить зимой в школу» [10]. Совершенно в духе Ломоносова пришлось, к примеру, начинать ученую карьеру новосибирскому профессору Владимиру Афанасьевичу Сибирцеву, экономисту и философу, а в те годы — ордынской безотцовщине, до пионерского галстука по младости лет еще не дотянувшей: «Ударили заморозки, первый иней на землю лег, а обуви у меня нет. Я побегу-побегу в школу, потом сяду, подожму ноги, ладошками их согрею, и дальше бегу. В 1947 году мама потеряла работу, есть стало совершенно нечего. Пришлось ходить с протянутой рукой по Ордынскому и в соседние села, в Вагайцево и Луковку. Зайдешь в дом, попросишь: «Подайте, пожалуйста». Подавали. Глядишь, пару дней как-то можно прожить. Весной мы, мальчишки, сами добывали себе еду — на Орде бреднем из дерюги ловили мальков на жареху. Это был настоящий пир горой, даже без хлеба. Ходил я в холстине, рубашка и штанишки, как сейчас говорят, в одном экземпляре. Еще была у меня курточка, ботинки мне потом кто-то подарил. Тетрадки я шивал из старых газет, чернила делал из разведенной сажи. Писать черным по черному очень неудобно, ничего не разберешь, и я стал изготавливать чернила из свекольного сока. Это другое дело, хотя бы видно, что ты написал. Так и учился».

Вспоминает учительница Петровской средней школы Таисия Прокопьевна Пономаренко, отдавшая родной школе всю жизнь — сначала она в ней училась, а после более тридцати лет учительствовала: «Школа наша размещалась в бывшем телятнике. Классы маленькие, потолок держится на подпорках, крыша соломенная. Во время дождей на головы учеников падают капли воды, электрического света нет. На тридцать учеников всего два учебника «Родная речь». Это что касается школы. А домашний быт... Помню такой случай. Был у меня ученик Шурик Костяев. Жили они очень трудно. Отца нет, у матери, доярки, трое детей. И вот однажды в сорокаградусный мороз пришел этот Шурик в школу в резиновых калошах. Ноги ничего не чувствуют, калоши не снимаются. Я посадила его к печке, и только после того, как ноги оттаяли, мы смогли снять с его ног калоши. На следующий день мы вместе с учениками, а это был четвертый класс, принесли из дома, кто что мог: портянки, шарф, головки от валенок, фуфайку, хотя и старую, но крепкую. В общем, кое-как одели Шурика. А он платил нам хорошей учебой» [11].

Учебный год, как и в военное время, начинался с 1 октября. Весь сентябрь школьники, включая первоклашек, помогали взрослым убирать

урожай. Кроме этого, учащиеся заготавливали дрова, возили их из леса, сами пилили и кололи. Дело в том, что школы района отапливались исключительно дровами. Количество, как их именовали в официальных документах, «школьных печей», способно сегодня поразить воображение. Например, в двух зданиях Ордынской средней школы в 1948 году их насчитывалось не много и не мало, а целых сорок две. В Верх-Алеусской средней школе печей было четырнадцать, в Спиринской средней — двенадцать. А всего «школьных печей» по району числилось 319 штук, и все их нужно было топить.

Для этого требовалось 6,8 тысяч кубометров дров. Еще нужно было отапливать три детских дома в Ордынском, Кирзе и Чингисах, на что уходило дополнительно 8,2 тысячи кубометров. Наконец, нужны были дрова для учительских квартир [12]. Если вспомнить, что в колхозах в те годы проблемой считалось привезти с поля зимой солому для коров, то выходило так, что большую часть дров школам приходилось заготавливать самостоятельно, особенно в первые послевоенные годы. Да при этом еще и постараться, чтобы не пострадал учебно-воспитательный процесс. Как вспоминает выпускница Ордынской средней школы тех лет Г.Ф. Тимошенко, пилили, кололи и укладывали в поленницы дрова учащиеся и учителя только после уроков. «С вечера вязанки дров мы вместе с техниками носили в школу. Приятно было, придя с мороза, погреться у «голландки»! «Голландка» — круглая кирпичная печь с топкой из коридора, обтянутая жестью и покрашенная черной краской. Мы облепляли ее кругом и грелись» [13].

Учиться в послевоенное время было нелегко, и отнюдь не только по обстоятельствам чисто материального характера. Школьная дисциплина была строгой, жесткой, даже в мелочах. «Перед началом первого часа занятий школьники вынимают из сумки все учебные принадлежности. В парте с правой стороны должны лежать тетради, с левой — учебники. Между ними — ручка, карандаш, линейка, транспортир и так далее. Книги и тетради сложены соответственно расписанию уроков. В правом верхнем углу парты лежит дневник ученика, пустая сумка — под книгами. Нарушение установленного порядка у нас в школе редкое явление» [14]. Железная дисциплина характерна была не только для Усть-Хмелевской семилетней школы, возглавляемой директором А. Буковой, чья статья в районной газете только что процитирована, но и для большинства из 52-х школ района. Таков уж был сталинский стиль в образовании, где на первый план ставилась дисциплина, все остальное — на второй. Школьники с первых же занятий должны были уяснить, что обучение в школе есть труд, а к труду надо относиться самым серьезным образом. И что нарушителей этого правила никто в школе держать не намерен — исключали тогда за просто.

«Каждая школа и каждый учитель должны работать как самый точный механизм. Никаких пропусков учебных занятий, никаких опозданий детей, никакой дезорганизации». Это уже из выступления заведующего Ирменским РайОНО И.Н. Михайлова на августовском совещании учителей 1950 года. Вот как подобные директивы воплощались в жизнь. В сентябре 1947 года директор школы поселка Мясокомбината (ныне — село Березовка) Е.И. Гражданкина «в целях гигиены» собственноручно остригла всех учащихся — мальчиков «под ноль», девочек — «короче некуда», отчекривив несчастным девчонкам косички. На возмущение родителей, директриса заявила: «Косички в нашей школе разрешены с 15 лет» [15].

Двойки ставились щедро, на второй год оставляли пачками. В Спиринской средней школе за первое полугодие 1950 года из 359 учащихся неудовлетворительные оценки получили 195 человек или 49 % [16]. В Верх-Алеуской средней школе в январе 1951 года не успевали 42 % учащихся [17]. В Шайдуровской «семилетке» каждый третий учащийся имел двойки за первое полугодие [18]. В результате в начале 50-х до 25 % учащихся оставались на второй год. В самой передовой из всех школ района, Ордынской средней, по итогам 1950/1951 учебного года на второй год оставили сразу 123 человека. Любой современный учитель правильно оценит эту цифру... [19]

Тем более напрашивается повод вспомнить замечательных учителей, которые уже в то время добивались стопроцентной успеваемости — Е.Г. Лапшину, В.И. Чеберину, Н.Ф. Царегородцеву, награжденных в послевоенное время орденами СССР.

Вот что вспоминает о своей учебе в школе села Ново-Кузьминка в 1948 году В.И. Смирнов: «Годы были действительно трудные, голод, холод, малое количество учебников и тетрадей. Многие из нас ходили на занятия босые, от недоедания едва сидели за партами. Тут, уже, конечно, не до учебы. Первая учительница — Евдокия Андреевна Борзенкова. Запомнилась она тем, что никогда не повышала на нас голос, занималась со слабыми учениками (а мы в основном такими и были) столько, сколько нужно». Перебросив на мгновение мостик в современность, добавим, что Е.А. Борзенкова, связавшая свою судьбу с Пролетарской средней школой, в 2007 году, находясь давно на пенсии, стала победительницей областного конкурса «Женщина-мать», победив в итоге 36 соперниц.

Несмотря на трудности, количество учащихся увеличивалось в районе год от года. Обязательным стало семилетнее образование. Уже в 1951 году действовали 4 вечерние школы, в которых в это время обучалась исключительно работающая молодежь, обучалась серьезно и толково, а не ради проформы, как это будет позже. На первый звонок в вечерней школе села Ордынского осенью 1953 года, к примеру, пришли 158 человек, из которых 60 человек сели за парты в 9 и 10 классах [20]. До 1954 года продол-

жал работать и Ордынский сельскохозяйственный техникум, в котором учились более двух сотен человек. Исключительно редкой недалновидностью районных властей можно объяснить тот печальный факт, что этому учебному заведению не нашлось места в Ордынском, когда начался перенос райцентра на новое место из зоны затопления. Техникум благополучно существует и по настоящее время в Колывани, куда с тех пор приходится ездить на учебу ордынцам...

Для дополнительного исторического колорита процитирую отрывок из документа Ордынского РОНО 1952 года, в котором отражено послевоенное время, когда тяга к знаниям продолжала расти и крепнуть, несмотря на бедность: «В числе многих учеников Средне-Алеусской 7-летней школы успешно сдал экзамены за четвертый класс пионер Володя Захарьящев. Контрольные работы по русскому языку и арифметике выполнены им четко и красиво. В той же школе сдает экзамены за седьмой класс в порядке экстерната его отец — Захарьящев Иван Федорович, председатель укрупненного колхоза имени Кагановича. Написанное им изложение «Легенда о Данко» свидетельствует о твердых знаниях экстерна по русскому языку. Иван Федорович решил после сдачи экзаменов за семилетнюю школу поступить на заочное отделение сельскохозяйственного техникума» [21]. Добавим — не только поступил, но и успешно закончил.

Выпускники школ района начала 50-х годов внесли большой и достойный вклад в жизнь страны, области и района. Для примера сошлемся еще раз на воспоминания одной из них, Г.В. Тимошенко, получившей в Ордынской средней школе аттестат зрелости год спустя после смерти И.В. Сталина. «На выпускном вечере, — пишет она, — хотелось быть нарядными, несмотря на то, что даже за простой штапельной тканью занимали очередь в пять–шесть часов утра. Девочки постарались, сшили обновки — платье, блузку. Нам с подружкой Люсей Васневой перешили платье из материнских, еще двоенных: мне — из крепдешина, Люсе — из маркизета. И мы были безмерно счастливы. Торжественное вручение аттестатов, танцы под баян в школе до четырех часов утра. Потом все пошли встречать рассвет. Кем мы стали? Каждый нашел дело по душе. Все юноши отслужили в армии. Трое из них выбрали профессию офицера: Михаил Горбунов стал летчиком, Виктор Вертков — военным моряком, Анатолий Воронков — пограничником. Владимир Яковлев служил в милиции. Нелли Кручинина стала инженером водного транспорта. Людмила Васнева всю жизнь посвятила медицине и сейчас работает в системе МЧС в Новосибирске. Инга Дормидонтова стала топографом. В гражданской авиации работали Тамара Разницына, Виктор Колоколов, Анатолий Жемердеев. Долгое время занимались машиностроением на заводах Новосибирска Владимир Кузьмин, Владимир Никулин, Владимир Бизин, Антонина Анкудинова» [22].

Познакомимся с выступлением заведующего отделом культурно-просветительской работы Ордынского райисполкома Леонида Кузьмича Горбунова. Время — 1949 год. «У нас теперь в каждом сельском Совете есть клуб или изба-читальня, а в Кирзинском, Верх-Алеусском, Чингисском, Борисовском и Усть-Алеусском сельсоветах имеется по два культурно-просветительских учреждения. Такого количества культурно-просветительских учреждений наш район не имел даже в довоенные годы». Еще один предмет гордости Леонида Горбунова — многие из них развернули активную работу, вроде Ордынского районного дома культуры, возглавляемого Н.С. Лях-Раскольниковым. Только с июня по сентябрь 1949 года самодеятельные артисты РДК показали 16 спектаклей, включая и оперетту «Свадьба в Малиновке» (!) и провели 22 концерта, которые посетили 7 тысяч зрителей. Районная библиотека имени Максима Горького с фондом в 15 тысяч томов вышла на показатель «17 книгодвыдач на каждого читателя», заняв второе место среди библиотек Новосибирской области.

Далее самый молодой, но уже прошедший войну работник райисполкома ставит перед руководством района наболевший вопрос: «Я надеюсь, что сессия районного Совета принципиально поднимет остроту вопроса об освобождении зданий наших культучреждений от зерна. Из 27 сельских культучреждений мы имеем засыпанные хлебом на сегодняшний день 14» [23] Сколько ни воевал с председателями колхозов Л.К. Горбунов за использование сельских клубов по прямому назначению, а победить не смог. Год спустя, в 1950 году на 17-й районной партконференции констатировалось, что каждый второй сельский очаг культуры по-прежнему «завален зерном» [24]. Председателей колхозов понять можно: не сохранишь зерно — посадят, а за клуб, превращенный в амбар, всего лишь покритикуют. Строили колхозы мало, производственных помещений постоянно не хватало, а клуб — вот он, можно сказать, зря место занимает. Поэтому в Рогаеве в 1951 году в клубе работал медпункт, в Шайдурове додумались держать в нем кур, а в Сушихе местные умники даже дерзнули превратить клуб в натуральный свинарник, да вмешались местные комсомольцы и устроили такой скандал, что правлению колхоза мало не показалось [25].

В соседнем, Ирменском районе, который позже вошел в состав Ордынского, дела обстояли ничуть не лучше. Здесь тоже хватало замороженных кулибиных на ниве культуры. «Большой интерес проявляют жители деревни Ирмень (не путать с Верх-Ирменью. — *Авт.*) к просмотру кинокартин. «Но вся беда в том, что нет там подходящего помещения для постановки кино, — возмущалась районная газета «Большевик» весной 1952 года. — Вернее, помещение такое есть — прекрасный просторный красный уголок. Но председатель колхоза имени Ворошилова тов. Иванов

распорядился поселить туда кур, а кино демонстрировать предложил в сыром, холодном подвальном помещении того же здания» [26].

Но случалось и такое, когда председателям колхозов приходилось спешно приводить учреждение культуры в образцовый порядок, ибо в дело неожиданно вклинивалась высокая политика. Настолько высокая, что из-за нее махом можно проехать на казенный счет в Коми АССР, а то и напрямик, в солнечный Магадан. Вот какая история произошла осенью 1951 года в Верх-Алеусе. Привезли в это село цветной двухсерийный фильм «Падение Берлина», в котором главный герой — товарищ Сталин в белоснежном маршальском кителе с Золотой звездой на богатырской груди. Клуб, как водится, завален зерном под крышу. Поэтому сеанс состоялся в местном пожарном депо, проще говоря, в обыкновенном сарае, где и сесть не на что. Кто поумнее, притащили чурки и доски и кое-как на них расселись. Остальные смотрели фильм стоя, курили, щелкали семечки и открытым текстом воспринимали киномеханика, который, поддавшись чарам злого рока, явно тяготевшего к этой совершенно безобидной профессии, едва стоял на ногах. И потому начал сеанс сразу со второй серии, в довершении ко всему запустив ленту вверх ногами. И именно так, вверх ногами, и предстал перед верхалеусцами сами понимаете кто! По совокупности допущенных безобразий получалось, что принижен великий образ, не говоря уже о высоком идейно-художественном содержании фильма. Дело дошло до районного отделения МГБ, куда вызвали председателя колхоза, парторга, комсорга и председателя профсоюзного комитета. После чего клуб за сутки освободили от зерна, переложили печь, побелили, обеспечили дровами на всю зиму, натопили и выдраили до блеска. Более того — колхоз купил для клуба радиоприемник, шашки, шахматы и даже новый баян. Следующий показ «Падения Берлина» прошел, как тогда выражались, на уровне. И лекцию про «десять сталинских ударов» перед фильмом прочитали, и дежурные с красными повязками в зале присутствовали, и семечки никто не смел щелкать. Окаянный «кинщик», из-за которого заварилась вся эта каша, был трезв, как стеклышко, побрит и даже при галстуге. Что самое удивительное, никого в тот раз даже не посадили, до сих пор удивляются старожилы этого села...

Уровень культурных запросов населения неуклонно повышался, хотя возможности для их удовлетворения оставались минимальными. Скажем, в 1951 году на всю деревню Абрашино имелся один казенный радиоприемник, а библиотека Мало-Ирменской избы-читальни состояла всего из 10 книг [27]. Окном в большой мир служили газеты, журналы, радио, кино. Стационарная установка имелась лишь в Ордынском РДК, но еще 10 передвижных киноустановок разъезжали по деревням в составе передвижных бригад (киномеханик и моторист с «движком»), потому что электричество в деревнях отсутствовало). В 1951 году район закончил радиофикацию. Ра-

диоприемники имели немногие, большинство пользовалось громкоговорятелями, работавшими от радиозузов. Платили за «проводное радио» 5 рублей в месяц в райцентре, в деревне за пользование «тарелкой» брали на рубль меньше.

Многое в сфере культуры держалось на инициативе комсомола, который смело брался за работу, не дожидаясь, когда сельское начальство создаст условия для культурного досуга. Скажем, в 1951 году в Усть-Алеусе комсомольцы самостоятельно построили клуб, точнее, провели капитальную реконструкцию брошенного здания, более-менее подходящего для этой цели. Застеклили окна, перекрыли крышу, заново оштукатурили помещение. Нашлись среди них и печники, и электрики, а работали ребята исключительно во вне рабочее время. «Теперь клуб действует, — сообщала «Ленинская трибуна» в октябре 1951 года, — в нем есть радиоприемник, патефон, гитара, шашки, бильярд, свежие газеты, работает драмкружок» [28]. Открылся клуб — заработала самодеятельность. Если в 1951 году в районном смотре художественной самодеятельности приняли участие 200 человек, то в 1952 году — уже 400 [29].

Что касается зрителей, то они встречали любой концерт в родной деревне всегда благожелательно, стойчески выживая, а то и выстаивая в набитом до отказа клубе столько времени, сколько продолжалось представление.

«В прошлое воскресенье в Чингисах проходил смотр художественной самодеятельности сельского клуба и других коллективов, — писала ордынская районная газета в феврале 1952 года. — С 11 часов утра и до позднего вечера зрительный зал клуба был заполнен зрителями. Днем выступали дети, вечером взрослые». Немаловажная деталь: концерт участников «взрослой» самодеятельности в Чингисах состоял из 25 номеров. В заключение был показан еще любительский спектакль, закончившийся к полуночи [30].

Первые победы ордынцев на спортивных соревнованиях в области связаны тоже с этим временем. В 1951 году они спортсмены выиграли первенство области по велокроссу и по перетягиванию каната. Последней победой наши земляки долго гордились, как-никак, а «всю область перетянули».

Жизнь, оставаясь предельно тяжелой, все-таки налаживалась — тому, кто в этом сомневался, достаточно было открыть свежий номер «Правды» или просто включить радио...

Источники и литература:

1. Всемирная история. — Т. 11. — М.: Издательство «Мысль», 1977. — С. 15.
2. Ордынский районный архив (ОРА), Ф. 30, Оп. 1, Д. 127, Л. 98.
3. ГАНО, Ф. 110, Оп. 1, Д. 539, Л. 61.
4. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 138, Л. 102.

5. Там же, л. 86.
6. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 139, Л. 183.
7. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 142, Л. 17.
8. Ленинская трибуна. № 103 от 24 декабря 1953 г.
9. Большевик. № 62 от 17 августа 1952 г.
10. Большевик. № 48 от 1 сентября 1947 г.
11. Ленинская трибуна. № 103 от 24 декабря 1953 г.
12. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 135, Л. 23.
13. Ленинский призыв. № 29 от 8 марта 1975 г.
14. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 126, Л. 13–14.
15. Ордынская газета. № 117 от 23 сентября 2004 г.
16. Ленинская трибуна. № 72 от 6 сентября 1951 г.
17. Большевик. № 62 от 5 октября 1947 г.
18. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 139, Л. 108.
19. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 144, Л. 7.
20. Ленинская трибуна. № 24 от 22 марта 1951 г.
21. Ленинский призыв. № 79 от 30 сентября 1951 г.
22. Ленинская трибуна. № 90 от 7 ноября 1953 г.
23. ГАНО, Ф. 110, Оп. 1, Д. 508, Л. 22.
24. Ордынская газета. № 120 от 30 сентября 2004 г.
25. ГАНО, Ф. 110, Оп. 1, Д. 508, Л. 25.
26. Ленинская трибуна. № 62 от 2 августа 1950 г.
27. ОРА, Ф. 30, Оп. 1, Д. 138, Л. 4.
28. Большевик. № 18 от 2 марта 1952 г.
29. ГАНО, Ф. 110, Оп. 1, Д. 573, Л. 79
30. Ленинская трибуна. № 87 от 29 октября 1951 г.
31. Ленинская трибуна. № 10 от 3 февраля 1952 г.
32. Ленинская трибуна. № 17 от 25 февраля 1952 г.
33. ГАНО, Ф. 110, Оп. 1, Д. 575, Л. 89.

Гайер Ирина Николаевна,
начальник научно-методического отдела муниципального казенного
учреждения культуры города Куйбышева Куйбышевского района
Новосибирской области «Музейный комплекс»

КАИНСК В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Данная статья основана на одном документе — «Краткое статистическое описание Томской губернии города Каинска», составленное штатным смотрителем Каинского уездного училища коллежским асессором А. Якимовским за 1842 г.

«Местоположение города Каинска хотя нельзя назвать живописным, но за всем тем Барабинская степь с малыми возвышенными гривами или увалами, простирающаяся в окружности же на большое расстояние, обтянувшись полуциркулен мелкорастущим березняком, образующая с правой стороны рекою Омью и с левой — речкой Каинкой, представляет вид довольно приятный, особенно в половодье...» А реку Омь А. Якимовский характеризует так: «Река Омь от 5 до 9 аршин глубиною, при скромном своем течении стоит в берегах на 27 сажень; при разлитии же бывает в ширину до 50 и 70 саж., через которую ходит по канату, выстроенный от Ратуши, паром, стоящий до 1000 руб. ассиг. и могущий существовать до 7 лет...»

По свидетельству А. Якимовского жителей в окружном г. Каинске «...в сем же 1842 году имеется на лицо: мужского пола — 1456, женского — 1268, а духовного звания муж. — 9, гражданских служащих чиновников с нижними чинами — 24, отставных чиновников — 5, разночинцев — 137, купцов второй и третьей гильдии русских с евреями — 20, мещан и цеховых русских с евреями — 633, крестьян, водворившихся в город — 21, осевших — 32, городских рабочих — 9, дворовых людей — 7 душ». В «Кратком ...» упоминаются цыгане. «Цыгане, из нескольких семей состоящие, по неимению постоянной оседлости живут за рекою Омь, в деревне Мошнино, которые зимой все помещаются в одной избушке, а по наступлению весны, подобно муравьям, рассыпаясь по окрестности, кочуют по тальникам в своих кибитках. Несмотря на свою наготу, они без зазрения бродят по городу с малютками за спиной, снискивая пропитание воровством и пляской. (за) две-три ефимки, подойдя к окну какого-либо дома, начинают, при странных телодвижениях своих, петь песни и кружиться. Не любители пляски их хотя отгоняют прочь от окна своего, но они без околичности подходят к другому. И таким образом, кружась с утра до вечера, каждая получает до 50 коп., а с вещами еще более...».

Население города было различного вероисповедания. «В числе означенных жителей: православного вероисповедания — 2420, лютеранского — 6, иудейского — 298 душ обоего пола». А. Якимовский упоминает раскольников (или старообрядцев): «... в городе Каинске находится очень малое число...»

К середине XIX века в Каинске насчитывалось 360 деревянных обывательских домов. «...из них две трети довольно порядочные, а одна треть — ветхие, полуразвалившиеся, покрыты берестой и дерном, некоторые даже без кровель, обросшие травой, представляют вид сильно безобразный и для зрения неприятный». На фоне этого выделялись Спасский Собор и четыре «примечательнейших» здания: «...каменная кладовая для хранения государственной суммы, находящаяся в недалеком расстоянии от города; деревянный дом Уездного училища, оштукатуренный и выбеленный сна-

ружи; два дома деревянные двухэтажные с флигелями: первый для Питейной конторы и второй — Окружного почтмейстера — довольно хорошей архитектуры, служат украшением города».

Улиц в городе 8, а переулков 9, «...все расположены довольно правильно, шириною каждая от 8 до 10 сажень, некоторые ... с тротуарами». В обозначенный период улицы назывались: Московская, Полицейская, Спасская малая, Миллионная, Моховая, Секретарская, а прочие неизвестны. Освещение города, по свидетельству А. Якимовского, находилось не в лучшем состоянии. «Город, хотя довольно наполнен как служащими, так и отставными чиновниками, а равно и другими гражданами с хорошим состоянием, но, к удивлению, ни один житель не имеет у ворот своего дома фонаря. Почему в праздничные дни и торжественные дни не увидеть к вечеру, кроме мрака находящегося повсюду, никакого освещения, разве у редкого служащего свечку на окне».

К 1842 г. в Каинске действовало 8 заводов: 2 кожевенных, 1 мыловаренный, 1 свечно-сальный, 1 салотопный и 3 кирпичных. «...из всех означенных заводов преимущественнее два кожевенных, находящиеся: один при речке Каинке, а другой на реке Оми, принадлежащие купцу второй гильдии Д. Поздышеву, управляемые четырьмя сыновьями его. На коих выделяется до 12 тыс. черных и красных кож на сумму средним числом до 60 тыс. руб. ассиг...». На салотопном заводе, принадлежащем тому же купцу Поздышеву, вытапливается сала до 1500 пудов и почти все это количество отправляется на Ирбитскую ярмарку и продается от 9 до 10 руб. ассиг. пуд.

«На ... мыловаренном заводе, принадлежащем мещанину Любомирскому, вываривается в год полубелого мыла до 400 пудов, которое, несмотря на средственную его доброту, продается от 10 до 12 руб. пуд. Большое количество оно развозится по Каинскому округу, некоторые торгующие привозят даже в Красноярск и продают до 20 руб. пуд. На свечносальном заводе (Любомирского) вымакивается свеч до 250 пудов ... Выручается от продажи на 3700 руб. ассиг. ...». «А из жителей бедного сословия большая половина занимается маканьем свеч у себя дома». «Хотя в городе Каинске имеется три кирпичных завода, но по бедности их содержателей и худому свойству глины, вырабатывается кирпича не более 54 тыс...»

Жители г. Каинска занимались промыслами: рыбный — «...промышленники, большею частью из мещан... за скудностью реки Оми рыбою (в которой ловятся в малом количестве щуки, окуни, чебаки и пескари) занимаются в зимнее время ловлей оной на озерах Чанах и Сартлан, откуда в большом количестве привозят щук, карасей и окуней, продают в городе, уезде и некоторую часть отправляют в Екатеринбург. Так последние бывают крупны, что входят в пуд 6 и даже 5 рыб. Несмотря на такую величину, вкусом намного уступает российской: вероятно, по причине иловатости воды»; лесной — «...некоторые из мещан и крестьян ежегодно

отправляются до вскрытия Оми вверх за 300 верст от г. Каинска в Урманские леса для сплава строевого кедрового и елового леса с дровами». (А. Якимовский заметил: «...что удивительно, ведь жители города и окрестных деревень не платят пошлины за вырубку леса, что составило бы большую выгоду для казны».) «Лесу строевого и мелкого почти ежегодно сплавляется до 4 тыс. лесин и более, дров березовых сплавлено (по наст время) до 2570 сажень». В «Кратком...» дано перечисление ремесел, которыми занимались в основном мещане и поселенцы — кузнечное, медничное, столярное, каретное, портняжное, башмачное, скорняжное и др. «Всех мастеровых считается до 22 человек, а кузниц 6». Притрактовое положение Каинска объясняет большую роль извоза: «...некоторые из купцов и мещан содержат до 250 лошадей для перевоза разных кладей идущих из Нижегородской и Ирбитской ярмарок до Иркутска и обратно. Доставляя прямо на место, полагают с пуда от 6 до 12 руб. ассиг.».

К середине XIX века Каинск был небольшим городом, но, тем не менее, торговля играла заметную роль в его развитии. «В городе Каинске хотя и положена ярмарка под названием Михайловская (ноября 8 ч.), но съезду на оную никогда не бывает». Но далее Якимовский замечает: «Впрочем, в воскресные и праздничные дни съезжается с припасами на базары с разных окольных деревень в весьма довольном количестве поселян, примерно до 360 человек — коими привезено было в течение года: ржаной муки — 125 тыс. пудов, пшеничной — 60 тыс. пудов, овса — 15 тыс. пудов, ячменя — 900 тыс. пудов, круп разных — 1 тыс. пудов. примерно на сумму 197563 руб. ассиг. Кроме того распродано жителями города и крестьянами из деревень: говядины свежей — 6 тыс. пудов, телятины — 600 пудов, баранины — 3 тыс. пудов. Всего вообще распродано было 211500 пудов на сумму 36563 руб., исключая даже сухих однополенных березовых дров, привозимых гужом из деревень, до 9 тыс. возов, что составляет 2571 сажень на сумму 7713 руб.». «Каинские купцы, русские и евреи, мещане и вязниковцы (от названия населенного пункта Вязники Владимирской губернии, известного благодаря активной торгово-предпринимательской деятельности; под этим именем в Сибири XIX в. известны торговцы — выходцы из центральных губерний России, занятые преимущественно развозно-разносной торговлей.) ...занимаются распродажею по уезду и на ярмарках, установленных в 130 верстах от города Каинска в селе Вознесенском в 9-ю пятницу по Пасхе ... и на Ирбитской. На первой производится торговля шелковая, бумажная и крестьянскими изделиями, а на последнюю купеческими детьми Поздышевыми и прочими мещанами отправляется: топленого сала до 1 тыс. пудов суммою на 9 тыс. руб. и скоромного масла до 500 пудов примерно на 6 тыс. рублей; последний, по большей части, сбывается с убытком. Кроме сего, те же Поздышевы производят отличную торговлю с иркутскими купцами, коим также

доставляют до 1800 пудов скоромного масла на 21 тыс. руб. и выделанных кож черных и красных до 11500 штук суммою на 97 тыс. руб. ...Общий торг капиталов ежегодной торговли Каинска хотя невозможно определить в совершенной точности, впрочем, по числу всех торгующих товаров привозится с Ирбитской и Нижегородской ярмарок — шерстяных, шелковых, бумажных, колониальных, крестьянских изделий, некоторая часть мехов и большое количество сахара, кофию и проч. — примерно на сумму до 400 тыс. руб. ассиг.».

Торговля шла и через магазины. «Все вообще магазины, как то: Соляный, Провиантский (для продовольствия Каинской гарнизонной роты и разных воинских команд). Провиантские запасы для продовольствия городских жителей и для Пороховой продажи помещаются в деревянных общественных строениях». В 1842г. «гостиный двор один... в нем 23 лавки и все заняты торгующими, к ним же принадлежит 8 балаганов и 1 харчевня...». Притрактное положение определяло и специфику социальной жизни города. «Погребов с виноградными винами имеется пять. Торговлей этой занимаются Поздышевы, вязниковцы и евреи. Все вина привозимы с Ирбитской и Нижегородской ярмарок в весьма довольном количестве, как то: ром, водка, шампанское, судак, горькое и прочие хорошие вина. Судя по дальнему расстоянию места продаются довольно по сходной цене, например, бутылка шампанского — 15 руб., бутылка горького — 5 руб., судак — 7 руб., столового вина ведро — 15 руб. ...». В городе были и Питейные дома. «...имеется Питейных домов три, в том числе и ведерная при доме Питейной конторы, которые при ежедневной продаже вина имеют довольно хорошую выручку, ибо большая часть из жителей города, а паче всего ссыльные, за неимением у себя наличных денег, закладывают целовальнику за сущую безделицу свои или краденые вещи. Для таковых удальцов привезено было в сем 1842 г. с Богатольского и Сухореченского заводов хлебного вина — 30 тыс. ведер, спирту — 25 тыс. ведер...».

Из «богоугодных» заведений в городе было две больницы «... из коих одна городская для арестантов, которая до сего помещалась в ветхом доме, пожертвованном в 1812 г. на сей предмет бывшим Каинским мещанином Заварзиным». Позже, «по случаю большого неудобства, Правительство, с Высочайшего соизволения, выстроило на северо-востоке от города почти в двухверстном расстоянии огромный деревянный корпус на каменном фундаменте с двумя флигелями и службами, обнесенный высоким заплотом. ... Хотя оная больница устроена только на 75 кроватей, но в течение года больницей пользовалось до 482 человека. ... Другая больница каменная для военного ведомства, устроена на 14 кроватей, в ней находилось больных (1842 г.) 20 человек...». Была и богадельня в Каинске. «Богадельня помещается в ветхом наемном от евреев деревянном доме с платою по 100 руб. ассиг. в год, в которой и помещаются одни только евреи».

Такова история г. Каинска середины XIX века. В какой-то степени это типичная история сибирского поселения того периода, а в какой-то степени она уникальная.

**Беликов Вадим Владимирович,
методист по краеведению муниципального казенного
образовательного учреждения дополнительного образования детей
«Дом детского творчества»**

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВЕНГЕРОВСКОГО РАЙОНА

*«Без прошлого нет настоящего,
а без прошлого и настоящего нет будущего!»*

Мы должны знать свою историю, плохая она или хорошая, но она — наша. И другой уже не будет. Мы, потомки тех, кто осваивал сибирские просторы, рождался, жил и умирал на такой неласковой и такой прекрасной сибирской земле, должны знать о своём прошлом.

В этом году селу Венгерово исполняется 260 лет, а Венгеровскому району 80 лет. Что же заставило наших предков обосноваться в суровой Сибири? Почему они целыми поселениями оставляли обжитые веками места и пускались в опасный путь за тысячи вёрст к новым, неизведанным землям?

Земли в Сибири было много, а народу мало. Казна радовалась, когда находились желающие пахать сибирские земли. В те суровые, бесправные времена зачастую крестьян насильно переселяли за Урал целыми деревнями. Увеличение количества русских жителей происходило как за счет вольнонародной колонизации (в подавляющем большинстве в виде крестьянского переселения), так и путем ряда правительственных мероприятий.

Так, в 1722 году для охраны установившегося через Барабу сухопутного пути между городами Тарой и Томском были организованы 3 военных поста, названные «пасами»: Усть-Тарский, Каинский и Убинский. Таким образом, на территории района первым русским поселением стал Усть-Тарский пас с гарнизоном в 25 казаков, впоследствии переименованный в село Старый Тартас, а ныне этот населенный пункт имеет статус деревни [15, с. 16]

Следующим шагом по заселению прилегающей к тракту территории стали указы из Петербурга от 24 сентября 1746 года и от 28 июня 1753 года: «На проезде пути из Тары в Томск поставить зимовки, на которых крестьяне ведомства Томского и Кузнецкого ямскую гоньбу отправляли бы». Так, вследствие этого указа появились ещё три населённых пункта:

Тонтура (ныне с. Вознесенка), Голопупово (ныне с. Венгерovo), Турумово (ныне с. Туруновка) и Тайгура. В результате переписи населения 1763 года в первых четырёх поселениях проживало 257 ревизских душ, то есть мужчин всех возрастов (женщины и дети не учитывались) [28, с. 16], [6, с. 16].

Правительство стремилось принудительно заселить наиболее важные для него в хозяйственном и военно-стратегическом отношении районы: сибирский тракт, территории горных рудников и металлургических заводов, прилежащие к укрепленной линии земли. Оно отправляло в Сибирь ссыльных донских и запорожских казаков, возвращенных в Россию беглых раскольников, использовало для освоения края помещичьих крестьян и дворовых людей, направляемых владельцами за «предерзостные поступки» в зачет рекрутов, производило принудительное перераспределение русского населения по территории края.

Так, в результате указа от 22 января 1762 года о ссылке в Сибирь помещичьих крестьян «в зачёт рекрутов», в период с 1763 по 1771 годы появились ещё 8 населённых пунктов: Малинино, Кузнецова и Новый Тартас (1770 г.), Ключевая, Орлова, Усть-Изесс, Красноярка и поселение Турумовая в версте от ст. Турумово (1771 г.). В эти же годы был основан выселок Игнатъева (Игнатъевка) из числа разночинцев города Тары. По свидетельствам академика Иогана Петра Фальк³, основанным на церковных книгах, в Тартасской слободе и приписанных к ней двенадцати деревнях проживало «1353 души мужского пола и 688 душ женского пола» [27, с. 16].

Постепенно крестьяне, посадские люди и казаки сближались с местными жителями в бытовом отношении, вступали в брачные связи. Имело место взаимовлияние приемов хозяйственной деятельности, русские промысловики воспринимали местные приемы охоты, рыбной ловли. Коренные жители постепенно втягивались в земледельческое производство, заимствовали у русских крестьян приемы хлебопашества, заготовки сена на зимний период для скота, устройство бревенчатых изб и т.д.

С 1773 переселение крестьян из-за Урала в Сибирь прерывается из-за восстания под предводительством Емельяна Ивановича Пугачева⁴. В то же время добровольными переселенцами из Тарского уезда были основаны деревни Меньшиково и Шипицино (1778 г.), д. Красный Яр, д. Урежская (с. Урез), д. Лисина и д. Воробьёва (Воробьёво) (1880 г.). В 1881 году крестьянин Логинова погоста Алексей Сибирцев основал д. Сибирцеву (с. Сибирцево 1-е), а его односельчане д. Ложниково (Старо-Ложниково) и д.

³ И.П. Фальк (1732–1774) — академик Петербургской АН. В 1768–1773 — участник 2-го отряда Оренбургской экспедиции АН, охватившей Сибирь, включая Алтай. <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/people/falk.php>.

⁴ Е.И. Пугачёв (1742–1775) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1773–1775 годов в России. <http://www.peoples.ru/state/criminal/adventurer/pugachev/history.html>.

Новоизесская, что подтверждает факты добровольного переселения крестьян. По результатам 4 ревизии 1782 года на территории Усть-Тарского форпоста и Вознесенского округа проживало уже 2132 души мужского пола и 1795 душ женского пола. Статистические данные показывают, что за период с 1722 по 1763 годы население составляло в среднем 500 человек, а уже за меньший период с 1763 по 1782 годы оно выросло до 4000 человек.

Наряду с добровольным и насильственным переселением крестьян шла судебная ссылка раскольников — старообрядцев (киржаков), ими были основаны отдельные поселения, д.д. Сибирцева (с. Сибирцево 2-е), Кузьмина (1-Кузьминка), Яркуль-Малинина. Возникла д. Рямовая, основанная ссыльными поляками, участниками восстания под предводительством Тадеуша Костюшко⁵. В это же время всеми видами поселения основаны д. Минина, Бурянина, Тюсьменьи Тычкина.

В период с 1820 по 1840 годы ощутил спад переселения крестьян из-за Урала и других сибирских округов на территорию Усть-Тарского форпоста. Исключением, пожалуй, является д. Петрово, население которой целой деревней в 23 двора переехало в Сибирь. Любопытным фактом можно считать желание самих посельщиков отделиться от деревни, создать так сказать выселок. Таким образом, отделившиеся крестьяне создали ещё несколько посёлков и заимок — д.д. Павлово, Селиклу, Кузовлёво.

Правительство императора Николая Первого⁶ стремилось всеми мерами и способами ускорить заселение Сибири. Наряду с репрессивными, для «заохочивания» переселенцев было положено, «что во время передвижения им должно отводиться бесплатно жильё для ночевков, окружные начальники должны склонять жителей, чтобы те кормили переселенцев тоже бесплатно; они могли даром пасти свой скот на общественных пастбищах. А когда переселенцы приходили на место, то им отпускалось бесплатно на постройки по сто дерев, да по 20 рублей на семью, да плуги и другие земледельческие орудия, по 2 вола на семью и семена на посев» [4, с. 16].

Следующее массовое переселение государственных крестьян из Европейской России в Сибирь произошло в период с 1843 по 1861 годы. Людей переселяли целыми семьями и даже обществами. Этой категорией переселенцев основаны д. Малые Кулики (Новые Кулики), Малоархангельск (1854 г.), Козловка, Григорьевка, Старо-Бородихино, Назарова и Тихоновка (1859 г.).

⁵Анджей Тадеуш Бонавентура Костюшко (1746–1817) — организатор восстания в Речи Посполитой 1794 года. <http://www.peoples.ru/state/statesmen/kostiushko>.

⁶Николай Первый (1796–1855) — Император Всероссийский с 1825 по 1855 г. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9_I.

Приезжих крестьян привлекали в нашей местности берёзовые леса, необъятные луга, разнообразие растительности и полевых трав, множество различной птицы, диких животных. В многочисленных реках и озёрах водилось много разной рыбы. Всё, чего им так не хватало в европейской части России. Эти факторы существенно повлияли на прирост населения, что и показала десятая (последняя) 1859 года ревизия [25, с. 16].

В «Списке населённых мест Томской губернии» на территории ныне Венгеровского района было 40 русских населённых пунктов, в них жителей обоёго пола 15601 человек. Интересной особенностью ревизий того времени было не учитывать поселения и население коренных жителей. Хотя по данным Венгеровской архивной службы, в то же время возникли аулы Акбалык, Бугояк, Тавлет-Бога, Мангыты, Сарбалык, Арынцасс, Савкин, Любейск, Кучугач, Улуцкий, Кузукова, Кулябинский. В среднем население аулов составляло от 20 до 120 человек обоёго пола. Учёт коренного населения усложнялся постоянным его перемещением (кочеванием) по территории района. И только при активном заселении территорий русскими людьми коренные жители глядя на них стали образовывать осёдлые поселения и приобщаться к земледелию.

После Манифеста Александра II⁷ от 3 марта 1861 года «О всемирнейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей», то есть отмены крепостного права, насильственное переселение крестьян прекратилось. Поэтому образование населённых пунктов и рост жителей в основном шёл за счёт внутреннего расселения, естественного прироста, уголовной и политической ссылки. Можно отметить возникновение таких населённых пунктов как Усть-Ламенка, Митрофановка, 2-Петропавловка. Появились первые поселения, основанные выходцами из Прибалтики: Бойсогорова и Шадова (литовцы), Тимофеевка (латгальцы), Чаргары (латыши).

Кардинальное изменение в переселенческом деле произошло с началом строительства Сибирской железной дороги. В 1891 г. был создан под председательством цесаревича Николая II⁸ «Комитет Сибирской железной дороги». Рабочих рук в Сибири для ее строительства не было, и переселение приняло массовый характер. Переселенцы шли из черноземных губерний России и Украины, Поволжья, Черноморского и Каспийского побережья, Белоруссии и Балтийского края. Кроме крестьян на строительстве железной дороги работали солдаты, казаки, ссыльные и арестанты. Переселение, бесспорно, способствовало хозяйственному освоению новых тер-

⁷ Александр II (1818–1881) — Император Всероссийский с 1855 по 1881 гг. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EБ%E5%EA%F1%E0%ED%E4%F0_II.

⁸ Николай II (1868–1918) — Император Всероссийский с 1894 по 1917 гг. http://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_II.

риторий, развитию их производительных сил в сельском хозяйстве, промышленности и в других отраслях. Все это стало возможным благодаря решительной деятельности министра финансов Сергея Юрьевича Витте⁹.

Бурные события, произошедшие в первой половине двадцатого века, оказали огромное влияние на развитие населённых пунктов, прирост и уменьшение населения на территории района.

Средства информации того времени, выполняя задание правительства, широко пропагандировали переселение в Сибирь, рассчитывая на привлечение наиболее предприимчивых крестьян.

Аграрные преобразования, инициированные Петром Аркадьевичем Столыпиным¹⁰, предусматривали организацию массового переселения крестьян из европейской части России в Сибирь, на Дальний Восток, в Северный Казахстан. С этой целью в 1906 г. было реорганизовано Переселенческое управление. В результате чего после 1906 г. переселение крестьян в Сибирь осуществлялось более организованно. В инструкции Переселенческого управления указывалось, что вновь приезжающие должны селиться на специально отведенных для них свободных участках земли, а не в селах старожилов. В обжитых районах между «новоселами» и «старожилами», «заимщиками» (имевшими заимки) в первый период проведения реформы, пока еще не был отлажен механизм «водворения», возникали конфликты по поводу земли, лугов и пастбищ. Для заселения необходимо было получить согласие обществ близлежащих деревень, частыми случаями было взимание с приезжих некоторой суммы денег в общинную «чёрную кассу».

Так, за этот период было основано ещё 24 населённых пункта, а количество жителей на 1909 год дошло до 37142 человек [25, с. 16]. Для новых переселений характерны некоторые особенности. Если в прошлые времена крестьяне-переселенцы были преимущественно русские, то в эти дни переселенцами были люди разных национальностей. Так, украинцами основано 7 деревень, белорусами — 2, латгальцами и латышами — 3, чувашами — 1, остальные 11 — русскими. Но среди них были и такие деревни как Чаргары — наполовину татары, наполовину латыши, Александровка — наполовину русские, наполовину белорусы. Перепись 1911 года насчитала уже 49037 человек [9.1, с. 16].

В тяжёлые для страны 1914–1918 годы отмечается упадок развития сельского хозяйства и торговых отношений, связанный с призывом на военную службу почти половины трудоспособного мужского населения. По

⁹ С.Ю. Витте (1849–1915) — русский государственный деятель с 1892 по 1906 гг. http://www.agmi.ru/category/istoriya_rossii/reformy_s_yu_vitte.phtml.

¹⁰ П.А. Столыпин (1862–1911) — Министр внутренних дел с 1906 по 1911 гг. <http://www.hrono.info>.

свидетельству газеты «Сибирская жизнь», весной 1917 года на три-четыре двора приходился лишь один взрослый работник. В это время рост населения извне шёл за счёт одиночек или небольших групп, например беженцев из прифронтовой полосы [8, с. 16].

После революционных событий и смены власти в 1917 году общество раскололось на «красных» и «белых». Началась самая трагическая, по мнению историков, война в России — гражданская война. Она разделила семьи — сын шёл против отца, брат против брата, врагами оказывались прежние друзья, соседи, родственники. Ломались вековые устои, привычный жизненный патриархальный уклад был разрушен. В произведении А.С. Иванова «Вечный зов» виден весь трагизм событий того времени, произошедших в Сибири.

Не обошла эта беда стороной и наш район — белый и красный террор, болезни и голод унесли тысячи жизней, большинство личных хозяйств было разорено.

После победы в гражданской войне Советское правительство провело ряд серьезных реформ, направленных на развитие промышленности и сельского хозяйства.

К середине 20-х гг. сложилась более или менее цельная экономическая система, в которой причудливо сплелись рыночные и административные начала. За эти годы была введена свободная торговля, разрешены аренда земли и применение наемного труда в сельском хозяйстве, а также запрещенное ранее мелкое и среднее частное предпринимательство. К 1924 году значительно улучшилось продовольственное снабжение страны, стало меняться к лучшему положение в тяжелой промышленности. В личных хозяйствах появилась современная на то время техника — жатки, молотилки, косилки, купленные зачастую в кредит или складчину. Это позволило увеличить посевные площади, что способствовало увеличению поголовья скота. Появились сельхозартели, артельные мельницы, мастерские по пошиву одежды и обуви и др.

Перепись 1926 года, осуществляемая при советской власти¹¹, показала уже наличие 116 населённых пунктов с населением 52021 человек! [9.2, с. 16].

XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., провозгласил курс на коллективизацию. Особое беспокойство правительства вызвало производство товарного зерна. «Осереднячивание» деревни, произошедшее в результате революции, привело к тому, что вместо 16 млн довоенных крестьянских хозяйств в 1928 г. их стало 25–26 млн. Если прежде середняки

¹¹ В 1925 году был образован Спасский район путём слияния Спасского и Меньшиковского районов. В 1933 году наш район был переименован в Венгеровский в честь героя гражданской войны М.Т. Венгерова. <http://www.vengerovo.ru>.

производили 50 % всего зерна, а потребляли 60 %, то теперь они производили 85 %, а потребляли 80 %.

Государственные закупки в 1927–1928 гг. составили 630 миллионов пудов против довоенных 1300,6 миллионов. При этом следует помнить, что с началом индустриализации происходит увеличение численности городского населения. Все это оборачивалось настоящим бедствием для государства. Кризис заготовительной компании 1927–1928 гг. стал одной из причин перехода к политике массовой коллективизации. В результате чего в нашем районе появились выселки, коммуны «Серп и Молот» (из Старого Тартаса и д. Николаевки) и «Путь Ленина» (из Кузовлёвой). Крестьяне с. Спасского (Венгерова) объединились в трёх колхозах. В селе осталась одна сельхозартель, а колхозы «Красный партизан» и «Моряк» основали свои посёлки. После 1931 года появились ещё 10 населённых пунктов, получивших названия местной топонимики: Каиклы, Гурково, 1, 2, 3-Рямовые, Луковский, Яча, Заречье, Блинково, Чистое Озеро.

Перепись 1939 года показала наличие 107-и населённых пунктов и 46,8 тысяч человек населения [6, с. 16]. Это, не учитывая 19-ти населённых пунктов с населением около 7 тысяч человек, отошедших в 1935 году во вновь образованные Чановский, Северный и Усть-Тарский районы. Это деревни Красное, Ново-Никольская, Большие Кулики, Дубровина, Оравка, Ново-Александровка, Алексеевка, Леготино, Гражданцева, Коршуновка, Чичканка, Черниговка, Херсонский, Семёновка, Ренёва, Якобинская, Захарова, Верх-Красноярское, Верхне-Назарово.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. наложила свой страшный отпечаток на историю развития района. Более 13 тысяч мужчин и женщин ушли из Венгеровского района на фронт и военную промышленность.

Основное пополнение населения района в те годы происходило за счёт эвакуированных из прифронтовой полосы. И массовой депортации Поволжских немцев в Сибирь, вызванное Постановлением Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 г. [2, с. 16].

По данным Книги памяти около девяти тысяч мужчин и женщин погибли, умерли от ран или пропали без вести на полях сражений. Эти данные основаны на информации о месте рождения или проживания на момент призыва, каким военкоматом были призваны. В эти данные вошли и практиканты из Новосибирска, призванные Венгеровским военкоматом, и люди, родившиеся в Венгеровском районе, но на момент призыва находящиеся за пределами района и призванные другими военкоматами [5, с. 16].

Без крепких мужских рук многие хозяйства сократили посевные площади, поголовье скота, пришёл в негодность итак скудный довоенный сельхозинвентарь, большинство сельхозработ, как и до революции, производилось вручную.

Миновало и это страшное лихолетье. Вернувшиеся с полей сражений люди принялись за восстановление хозяйств с удвоенной силой. Уже к концу первой пятилетки хозяйства вышли на довоенный уровень производства. К сожалению, результаты переписи 1947–1948 годов были частично засекречены и нет информации о количестве населения района в послевоенный период.

По результатам Всесоюзной переписи 1959 года, за 20 лет население района сократилось с 46,8 до 34,5 тысяч человек [11, с. 16].

В феврале 1959 г., на XXI съезде КПСС Никита Сергеевич Хрущёв¹² сделал заявление, что социализм в СССР победил полностью и окончательно, и что не существует опасности реставрации капитализма в СССР ни внутренней, ни внешней контрреволюцией. Страна взяла курс на строительство коммунизма... [17, с. 16].

За послевоенные годы передовые хозяйства немало сделали для благоустройства своих сёл, для приведения их в должный порядок. Во многих же артелях жилищное и культурно-бытовое строительство отставало. Одной из причин этого отставания было наличие мелких колхозов, которые не располагают достаточными силами и средствами, чтобы развернуть строительство современных общественных зданий и домов для населения.

Люди, проживающие в небольших деревнях, не имели возможности использовать все преимущества прогресса, которые были направлены на улучшение культуры и быта. В небольших поселениях не было возможности создать строительные бригады и развернуть строительство школы, больницы, детского сада, магазина, Дома культуры и других общественных зданий, так необходимых населению.

Укрупнение экономики, помощь государства позволило строить новые крупные животноводческие комплексы, проводить мелиорацию, создавать машинно-тракторный парк. Также велось и большое строительство жилищного комплекса. Все это проводилось, как правило, на территории центральной усадьбы. И взятый правительством курс на укрупнение и ликвидацию так называемых неперспективных деревень не замедлил сказаться.

В период с 1950 по 1979 годы, центральными усадьбами с сельскими советами, объединяющими несколько хозяйств, стали: Венгерово, Старый Тартас, Чаргары, Орлово, Мариинка, Старо-Ложниково, Кузовлёво, 1-Сибирцево, Туруновка, 1-Петропавловка, 2-Петропавловка, Усть-Изес, 2-Сибирцево, Вознесенка, Тычкино, Тимофеевка, Урез, Шипицино, Новые Кулики, Ильинка, Павлово, Филошенка, Воробьёво, Меньшиково, Минина, Совхоз «Тартасский» (Заречье), Ключевая. Всего 27 сельских советов [3, с. 16].

¹² Никита Сергеевич Хрущёв (1894–1971) — Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, Председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы. <http://www.hrono.ru>.

В результате реформирования сельского хозяйства из 27 сельских советов осталось 17, из 107 населённых пунктов на 1969 год осталось 73. Население с 46,8 тысяч человек сократилось до 30,7 тысяч человек [9.4, с. 16].

На уменьшение количества сельского населения также повлияли ещё две социальных реформы правительства. Введение паспортов для сельского населения (1959–1974 гг.) и разрешение увольнения по собственному желанию. Ранее для этого требовалось согласие администрации. Не малую роль в оттоке рабочих рук из села сыграли так называемые «стройки века». Молодые, здоровые люди устремились на разработку месторождений нефти и газа, строительство БАМа и др.

Статистические данные 1980г. показывают уменьшение числа населённых пунктов за 10 лет с 74 до 59. Уменьшение населения соответственно с 30,7 тысяч человек до 25, 7 тысяч человек [9.5, с. 16].

Перестройка 1985–1991 гг. — это период в истории нашей страны, в ходе которого произошли кардинальные преобразования в жизни советского общества, результатом которых стал отказ от социалистического пути развития и распад СССР.

На апрельском 1985 г. Пленуме ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев¹³ провозгласил новый стратегический курс: ускорение социально-экономического развития страны.

При проведении аграрной реформы 1980-х годов были приняты меры по совершенствованию методов управления (повышению трудовой, хозяйственной и финансовой дисциплины, развитию хозрасчета). Повышены закупочные цены, упрощена система планирования закупок, создан Госагропром СССР. Выросла самостоятельность хозяйств, начала разрушаться система жесткого планирования производства сверху. Крестьяне получили право выхода из сельхозпредприятий для создания фермерских хозяйств.

Несмотря на перечисленные преобразования, в сельском хозяйстве начинается спад производства, населённые пункты продолжают исчезать, а количество населения уменьшаться. По данным статистической службы на 1990 год в районе было 53 населённых пункта и проживало 24944 человек [9.6, с. 16].

Вопреки ожиданиям, нововведения, инициируемые правительством Б.Н. Ельцина¹⁴, не принесли положительного результата.

Начавшийся экономический кризис привёл к повышению цен, инфляции, безработице и многим другим негативным социальным явлениям.

¹³ М.С. Горбачёв (1931) — Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991 гг.), Президент СССР с 1990 по 1991 гг. <http://biographer.ru/biographies/125.html>.

¹⁴ Борис Николаевич Ельцин (1931–2007) — Президент РФ с 1991 по 1999 гг. <http://www.aphorisme.ru/about-authors/elcin/?q=1992>.

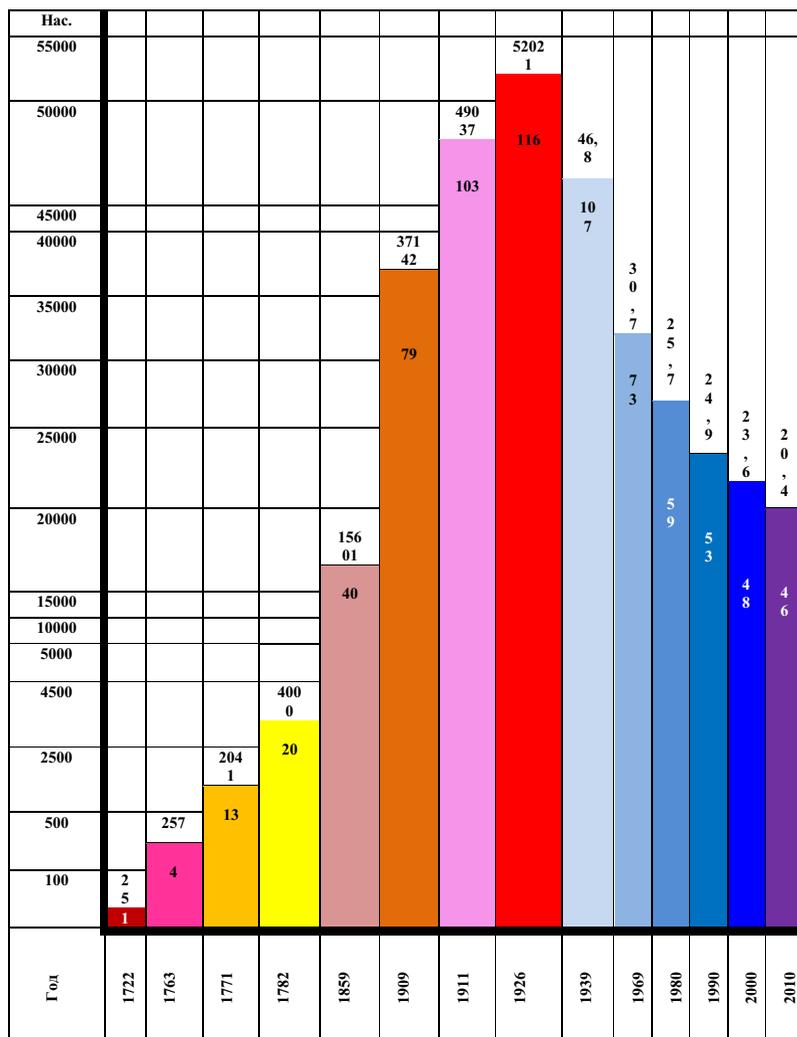
Результатом резкого перехода в 1992 году от централизованной системы управления экономикой почти к полному самоустранению государства от выполнения функций по управлению сельским хозяйством и другими отраслями, привело к самому сильному спаду производства за всю историю страны: к 1997 году объемы производства ряда основных видов продукции уменьшились на 30–70 %, в 1,5–2 раза сократилась доля России в мировом производстве зерна, сахарной свеклы, молока, мяса, яиц. В эти годы количество населения в районе снизилось до 23672 человек [9.7, с. 16].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2007 года № 446 была принята Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы [29, с. 16]. Эта программа предусматривает получение хозяйствами льготных целевых кредитов на строительство, приобретение техники, повышения поголовья скота и другие нужды производства. С приобретением современной техники хозяйства смогут увеличить посевные площади, покосы, что поспособствовало бы увеличению поголовья скота, а это в свою очередь потребовало бы увеличения рабочих мест. Но не всё так хорошо, как хотелось бы. Молодежь не хочет работать на земле, не желает жить в деревне. Телевидение, Интернет и другие средства массовой информации показывают хорошую, беззаботную и лёгкую городскую жизнь, в которой нет места для тяжёлого сельского труда. Большинство молодых людей, получив специальность, остаются работать в городах. Всероссийская перепись населения 2010 года показала неутешительные результаты. Число населённых пунктов дошло до 46, а количество жителей района уменьшилось до 20446 человек [9.8, с. 12]. Это уровень конца 19 века!

С каждой исчезнувшей деревней исчезает чья-то малая родина. На месте её остаётся бурьян и заброшенный погост. А ведь когда-то на этом месте жили люди: радовались жизни, гуляли вечерами под гармошку, играли свадьбы, рожали детей, сеяли и убирали, занимались животноводством. Очень печален тот факт, что профессии хлебороба и животновода, считавшиеся в прошлые века почётными, в наши дни не востребованы.

Хочется надеяться, что меры, принятые правительством РФ, будут способствовать восстановлению сельского хозяйства до прежнего уровня, возрождению села, возрождению былой мощи Государства.

Диаграмма роста и уменьшения количества населённых пунктов и числа жителей района с 1722 по 2010 годы

Библиографический список:

1. Барабинская деревня. — 1929. — № 57 (2 августа).
2. ГААК, Ф. 1892, Он. 1, Д.-23.
3. Информация о дате образования колхозов Венгеровского района на 1935 год / Фонд 128, опись № 2, дело № 22.

4. Костров Н. Каинская Бара / Н. Костров. — Томск, 1874.
5. Кучеров А.Я. Книга памяти. — Новосибирск, 2010.
6. Народное хозяйство Новосибирской области: стат. сб. — Новосибирск, 1961.
7. Пономаренко П.М. Отчий край: очерки по истории Венгеровского района Новосибирской области. — Новосибирск, 2005.
8. Ступаков М.И. За правое дело. — Западно-Сибирское издательство, 1977.
9. Списки сельских населённых пунктов и в них населения на:
 - 9.1. На 1911 г. / Фонд 127, опись № 1, дело № 4.
 - 9.2. На 1928 г. / Фонд 127, опись № 1, дело № 9.
 - 9.3. На 1939 г. / Фонд 127, опись № 1, дело № 14.
 - 9.4. На 1969 г. / Фонд 127, опись № 1, дело № 84.
 - 9.5. На 1980 г. / Фонд 127, опись № 1, архив № 213.
 - 9.6. На 1990 г. / Фонд 127, опись № 1, дело № 400.
 - 9.7. На 2001 г. / Фонд 127, опись № 1, архив № 589.
 - 9.8. На 2010 г. / Фонд 127, опись № 1, архив № 657.
10. Списки сёл и деревень по сельским Советам Венгеровского района за 1934–1779 годы / Фонд 128, опись № 2, дело № 18.
11. Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. — М., 1960. — 523 с.
12. <http://www.aphorisme.ru/about-authors/elcin/?q=1992>
13. <http://biographer.ru/biographies/125.html>
14. <http://www.hrono.ru>
15. <http://www.vengerovo.ru>
16. <http://www.hrono.info>
17. http://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%EB%E5%EA%F1%E0%ED%E4%F0_II
18. http://ru.wikiquote.org/wiki/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9_II
19. http://www.agmi.ru/category/istoriya_rossii/reformy_s_yu_vitte.phtml
20. <http://www.peoples.ru/state/statesmen/kostiushko>
21. http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E8%EA%EE%EB%E0%E9_I
22. <http://www.barnaul-altai.ru/info/barnaul/people/falk.php>
23. <http://www.peoples.ru/state/criminal/adventurer/pugachev/history.html>
24. <http://www.zakonprost.ru/content/base/3707>
25. <http://www.mcx.ru/http://gato.tomica.ru>
26. http://www.rvb.ru/18vek/radishchev/01text/vol_3/05journals/057.htm
27. <http://www.runivers.ru>
28. <http://www.protown.ru/information/hide>
29. <http://www.mcx.ru>

Чубарова Нина Ивановна,
учитель географии Кочковской средней общеобразовательной школы
Кочковского района Новосибирской области

КОЧКОВСКОМУ РАЙОНУ 89 ЛЕТ

Введение

Кочковский район расположен на востоке Кулундинской зоны. По площади это наименьший район Новосибирской области. Площадь территории района 2518 км². Численность населения по переписи 2010 года составляет 16339 чел. В районе 19 населенных пунктов. Наиболее крупные из них — сёла Решеты, Быструха, Жуланка, Новоцелинное и Черновка. Административный центр района — село Кочки, находится в 203 км юго-западнее Новосибирска.

Годом рождения Кочковской волости считается сентябрь 1924 года. На основе постановления Сибревкома было произведено укрупнение волостей. Кочковская укрупненная волость образована из Кочковской и Решетовской волостей. До этого две эти волости, а также Черновская, Жуланская и Быструхинская волости относились к Каменскому уезду Новосибирской губернии Западно-Сибирского края. В 1937 году Постановлением ВЦИК Западно-Сибирский край разделен на Новосибирскую область и Алтайский край. Кочковский район отнесен к Алтайскому краю. А в 1939 году он вновь вошёл в состав Новосибирской области.

Установление советской власти

Сообщение о победе Октябрьской социалистической революции долетело и до Кочковской земли. Власть осуществлялась на сходах жителей сел и деревень, которыми руководили комитеты крестьянской бедноты.

Сельской буржуазии не нравилась новая власть. Кулаки не хотели менять свой образ жизни. После взятия белыми Камня в мае 1918 года, были созданы карательные отряды. В Кочковской волости контрреволюционеры основали свою базу, расположенную между Кочками и Решетами (это был карательный отряд Бессмертного). В Камне, при поддержке Чехословацкого корпуса, они создали степной карательный отряд, которым командовал поручик Воронов. Отряд Воронова встретил поддержку со стороны отряда отставного казачьего атамана Бессмертного.

Житель села Кочки, основатель Кочковского районного историко-краеведческого музея Пикалов Дмитрий Емельянович вспоминал:

«Степной карательный отряд нагрянул в Кочки в погожий майский день 1918 года. Жители села грабителям оказали упорное сопротивление. Бандиты, озверев, сгоняли население к волостной управе, где устраивали порки, избивали людей нагайками и прикладами.

Белый офицер приказал разыскать и доставить в управу бунтарей, большевиков и агитаторов. Первыми привезли в «кутузку» Василия Пикалова, Павла Щербинина, Николая Бредихина и Степана Шашкова. Начался допрос, но добиться признания бандитам не удалось. Приговор всем четверым был короток: «Расстрел». Приговоренных к смерти привели в церковь, отпели [отпевают только после смерти] и повели на кладбище. Крики и плач присутствующих заглушил залп выстрелов. Еще шевелящиеся тела стали закапывать землей. Бредихин поднял руку, сжатую в кулак. Она была видна до тех пор, пока не засыпали могилу» [3, с. 68].

Карательный отряд вершил свои кровавые деяния двое суток, а затем ушел «наводить» порядки в Жуланскую и Быструхинскую волости.

Недовольство народа росло. Мужики стали собираться в группы, объединение которых способствовало организации партизанских отрядов. Три отряда были созданы в селах Кочки и Жуланка. Возглавил их Николай Тимофеевич Попов. Силами этого отряда, с помощью местных мужиков, Попов дал бой колчаковцам и отряду Бессмертного, заставив их убраться в город Камень.

Активное участие в партизанском движении принимали кочковцы Кулемин Корней Кондратьевич, Шашков Александр Андреевич и многие другие.

Небольшие отряды объединились в крупные революционные отряды. Был избран руководящий состав отряда. Командиром отряда стал Шашков Тимофей, комиссаром — Терехов Михаил, командиром роты — Шипилов Антон. Местные кузнецы Кудрявцев Григорий Андреевич, Чукаев Егор Семенович, Чурилов Кирилл ковали пики, шашки и другое холодное оружие для партизанского отряда.

«Налеты белобандитов на села продолжались. Чаша терпения у народа переполнилась. Настало время всеобщей борьбы за установление советской власти. Было принято решение объединить для совместных действий все отряды в один, образовать Главный революционный штаб Алтайской губернии. Партизаны единодушно избрали начальником штаба Игната Громова. Во многих малых и больших сражениях участвовали партизаны, одерживали победы и терпели поражения. На освобожденной территории партизаны создавали сельские и волостные советы новой власти. Долгожданный день был уже близок. Красная Армия, сражаясь с колчаковцами, продвигалась на восток. Партизанские отряды громили колчаковцев с тыла. Зимой 1919 года красноармейцы и партизаны встретились на улицах Камня» [2, с. 174].

В общее дело победы над колчаковцами внесли свой вклад решетовцы Николай Тимофеевич Попов, Афанасий Ефремович Скорняков, кочковцы Тимофей Степанович Шашков, Михаил Федорович Терехов, Степан Иванович Карелин.

Строительство новой жизни

После освобождения Кочковской земли от колчаковцев, советская власть приступила к строительству новой жизни. В 1920 году были созданы первые товарищества по обработке земли (ТОЗы). Они объединили бедняцкие хозяйства для совместного выращивания урожая. Организовались первые коммуны — «Победитель капитала», «Новая сила». В волости создано «Кредитное товарищество», предоставлявшее крестьянам в кредит сельхозмашины и транспортные средства.

12 сентября 1924 года — день рождения Кочковского района. В Ново-николаевской губернии проведено реформирование административного деления. Вместо 189 мелких волостей стало 44 крупных. Кочковская волость в составе Каменского уезда была образована на базе Решетовской, Кочковской и Жуланской волостей. В новообразованную волость вошло 16 населенных пунктов с 5498 дворами. Население составляло 31456 человек. На территории волости имелось 5 паровых, 2 ветряных и 6 конных мельниц, 7 частных маслобоек, 2 кожевенных завода и 4 крупорушки.

В этом же году жители Кочек впервые увидели аэроплан, на котором вернулась домой районная делегатка Матрена Маслова. В районе появился первый трактор, кинопередвижка. Сельчанам удалось увидеть фильм «Кастусь Калиновский».

Организаторами новой жизни стали коммунисты и комсомольцы. На первом волостном съезде коммунистов был избран волостной парткомитет, который возглавил Гладких Степан Петрович. Комсомольскую организацию возглавил Бровкин. Вскоре в районе появились первые пионерские отряды. В них было 90 пионеров.

Крепла и развивалась сибирская деревня. Первые успехи индустриализации позволили государству усилить снабжение деревни сельскохозяйственной техникой. Использование машин привело к увеличению посевных площадей, но урожайность по-прежнему была низкой. Валовой сбор зерна рос за счет прироста посева. Земля находилась в коллективной и частной собственности. В этот период большая часть земли принадлежала наиболее предприимчивым крестьянам — середнякам и кулакам. В декабре 1927 года состоялся 15 съезд ВКП(б), провозгласивший курс на развертывание коллективизации и на усиление наступления на кулачество.

В районе развернулась усиленная агитация среди бедняков и середняков о вступлении в колхоз. В 1928 году появились первые колхозы, а в 1933 году их было уже около 50. Для отдельных кочковских семей этот период имел трагические последствия. В марте 1930 года 54 зажиточные семьи были отправлены поэтапно за Васюганские болота на поселение. Тем не менее, коллективизация продолжалась. В районе в 1935 г. различными сельскохозяйственными культурами занято 34,4 тыс. га, из них пшеницей засеяно 31320 га, овсом — 1090 га, ячменем 530 га, картофелем выращивали на 1510 га.

Роковые сороковые

«22 июня 1941 года около 6 часов вечера в район пришла страшная весть: война. На следующий день в селах и поселках прошли митинги. На них прозвучал призыв к женщинам района заменить уходящих на фронт мужчин — пересесть на сенокосилки, тракторы, комбайны. Из района на фронт ушло 6187 чел. За долгие годы войны 2289 чел. погибли на полях сражения, пропали без вести, умерли от ран в госпиталях» [1, с. 82–83]. Воины-земляки проявили на войне небывалый героизм. За отвагу и смелость звание Героя Советского Союза присвоено Ляхину Григорию Родионовичу, Гридасову Григорию Макаровичу, Полянскому Петру Павловичу, Тихоненко Ивану Кондратьевичу, Тутученко Семену Павловичу, Чумову Афанасию Гавриловичу, Черновскому Семену Александровичу, Юдину Владимиру Георгиевичу. Наши земляки Николай Иванович Музыря и Василий Антонович Фисенко — участники Парада Победы.

Музыря Н.И.

Фисенко В.А.

Целина — это все-таки люди

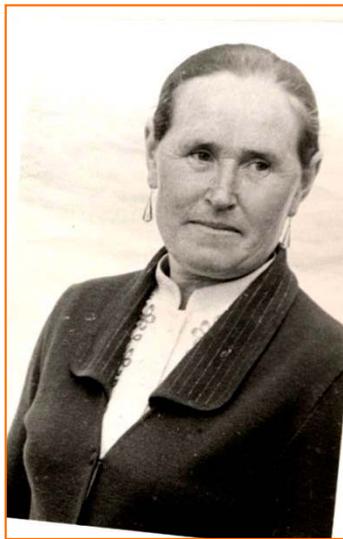
«Ещё всюю разгуливал и бесновался февральский буран, когда на Туманке — завьюженном, редко заросшем кустарником и бурьяном пустыре, появился колышек с вывеской «ЦЕНТРАЛЬНАЯ УСАДЬБА СОВХОЗА «ЦЕЛИННЫЙ». По призыву партии в Кочковский район прибыли 400 комсомольцев, молодых энтузиастов, готовых к освоению сибирских просторов. Проторив дорогу из села Кочки, гусеничный трактор приволок к

этому колышку вагончик и десяток железных бочек с горючим. Около вагончика появились палатки, над которыми тотчас задымились трубы железных печек. Вскоре сюда прибыли основатели и строители совхоза, молодые добровольцы из Новосибирска. Пробившиеся по тракторному следу грузовики привезли походное имущество новоселов, тракторы доставили лес и другие стройматериалы. Уже на следующий день застучали топоры строителей, ломы землекопов. Началось строительство города мечты. Через полгода на Туманке появилась первая улица из сборных и рубленых домов, хозяйственные и производственные здания» [4, с. 8]. Механизаторы вспахали и засеяли 2 тыс. га. С нетерпением все ждали первого целинного урожая. И вот настал тот час, когда в поле вышел первый уборочный агрегат Дмитрия Шаламова и Афанасия Тимошенко. На ток одна за другой прибывали машины с долгожданным целинным зерном. В 1956 году собрали небывалый урожай и сдали государству 1 млн 382 тыс. пудов при плане 1 млн 360 тыс. пудов.

Самоотверженный труд целинников не остался незамеченным. Указом Президиума СССР от 11 января 1957 года за успешное освоение целинных и залежных земель, успешное проведение уборки урожая и хлебозаготовок орденом Ленина были награждены 16 кочковцев, орденом Трудового Красного Знамени — 47, орденом Знак Почёта — 70 человек, медалью «За трудовую доблесть» — 72, медалью «За трудовое отличие» — 54.

Комсомолец бердского радиозавода Василий Антонович Устюжанин на целине стал коммунистом, научился выращивать самые высокие урожаи в районе. В 1966 году его бригада получила 24,5 ц зерна с гектара. В.А. Устюжанину было присвоено звание ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Животноводы района: доярки Безлепкина А.И., Гусаренко М.М., Каун А.А., Ридель Е.Ф. награждены орденом Ленина. Гусаренко М.М. за самоотверженный труд была удостоена чести представлять район на 24 съезде КПСС.

Гусаренко М.М.

Район сегодня

Ведущей отраслью экономики района по-прежнему является полеводство. Несколько лет подряд район является лидером в области по произ-

водству зерна. Животноводство многоотраслевое. Крупного рогатого скота было 31 тыс. голов, овец — 55 тыс., свиней — 3,5 тыс. Занимались звероводством и птицеводством. Сейчас в загонах осталось 11628 голов крупного рогатого скота. Остальные отрасли уже не существуют. В 2012 году произвели 123640 ц молока (в два раза меньше, чем в 1982 г.), мяса — 13270 ц (в 3,4 раза меньше). Правда, за последние 5 лет продуктивность коров стала расти. Однако темпы должны быть выше, молока и мяса нужно больше, чтобы завоевать рынок и иметь хорошую прибыль» [5 с. 5]. Хотелось бы надеяться, что положение дел в сельском хозяйстве и других отраслях района изменится к лучшему, и свой юбилей район встретит достойно.

Литература

1. Ермолина Н.Г. Кочковский район: 80 лет. — Новосибирск: ЦЭРИС, 2004.
2. Омбыш-Кузнецов. Повесть о партизане Громове. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
3. Новиков А.С. Заселение земли кочковской. — Новосибирск: ЦЭРИС, 2012.
4. Материалы Кочковского историко-краеведческого музея.
5. Газета «Степные зори». — 17 января. — С. 5.

Крупницкий Дмитрий Владимирович,
член Союза журналистов России, учитель истории высшей
квалификационной категории
средней образовательной школы № 183 г. Новосибирска

Пермякова Наталья Викторовна,
директор средней образовательной школы № 183 г. Новосибирска

Гулиева Аида Зилфугаровна,
студентка Сибирской государственной геодезической академии

Щеглова Юлия Сергеевна,
студентка Сибирской государственной геодезической академии

ФЕДОР АНИСИЧКИН — СОЛДАТ ПОБЕДЫ!

Наш герой прошел большой жизненный путь, это был путь нашей страны.

Федор Иванович Анисичкин родился в 17 июля 1915 г. в деревне Култуки Тумского района Рязанской области в семье крестьянина-бедняка. Отец умер в год рождения мальчика. Мать, братья и сестры работали до

революции 1917 г. по найму в кулацком хозяйстве. С 1924 г. по 1928 г. учился в Тумской начальной школе, которую успешно окончил. В 1928 г. семья выехала «по вызову старшей сестры Акулины» в Краснозерский район Сибири. В 1930 г. в школе вступил в комсомол. По настоянию комсомольской организации получал государственную стипендию. В 1931 г. окончил Петропавловскую школу колхозной молодежи. По окончании учебного заведения был принят на учебу в Барнаульский плодово-овощной техникум, «но по болезни учеба прервалась». В этом же году поступил в Анджеро-Судженскую школу горпромуча, «где кроме среднего образования получил специальность токаря по металлу и чертежника». По окончании горпромуча и по рекомендации Краснозерского районного комитета ВЛКСМ стал учителем в Краснозерской средней школе, где вел математику, русский язык и черчение. Как он вспоминал впоследствии, «партийными и комсомольскими организациями выдвинут на работу директором семилетней Лобинской школы», где отработал с 1936 г. по 1937 г. С 1937 г. по 1939 г. — директор Половинской средней школы. В это же время заочно закончил два курса физико-математического факультета Московского университета. В 1939 г. был призван в ряды Советской армии, «где учился в полковой школе, а затем в этой же школе командовал отделением до начала Великой Отечественной войны» [2]. По документам это не прослеживается, но можно предположить — он был в звании сержанта.

С начала войны участвует в боях на Западном фронте, ранен. С 5 сентября 1942 по 2 февраля 1943 г. — Сталинградский и Донской фронт. После окончания артиллерийского училища лейтенант Анисичкин прибыл на Сталинградский фронт. Здесь молодой командир огневого взвода получил боевое крещение. В своей первой схватке с врагом сибиряк проявил завидную выдержку и хладнокровие в критический момент боя, когда расчет одного из орудий выбыл из строя, Анисичкин сам метким выстрелом зажег немецкий танк. Впоследствии Федор Иванович вспоминал: «Бои в Сталинграде сделали меня настоящим фронтовиком, здесь я научился многому. А главное — понял, что немца можно бить, если взять в союзники храбрость, смелость, трезвый расчет, хладнокровие. Первая награда — медаль «За отвагу», затем «За оборону Сталинграда». Гвардии лейтенант и командир 1-го огневого взвода 7-й батареи 139-го гвардейского артиллерийского полка 69-й гвардейской стрелковой дивизии, в феврале 1943 г. принят ряды ВКП (б) политотделом 69-й гвардейской Краснознаменной Звенигородской стрелковой дивизии. 5 октября 1943 г. в боях за правый берег реки Днепр в районе хутора Змытница под сильным артиллерийским огнем противника, рискуя своей жизнью, гвардии лейтенант Анисичкин выдвинул орудия своего взвода на берег Днепра и прямой наводкой уничтожил три станковых пулемета, один миномет и до взвода автоматчиков, тем самым обеспечил переправу нашей пехоты на правый берег Днепра и за-

хват его выгодных рубежей. 7 октября 1943 г. он первым со своими орудиями переправился на правый берег Днепра и, следуя с боевыми порядками пехоты, ураганным огнем сметал огневые точки противника, обеспечивая продвижение вперед и закрепление выгодных рубежей нашей пехотой. В этом бою он уничтожил орудие противотанковой обороны и 3 станковых пулемета противника, и совместно с наступающими подразделениями 208-го гвардейского стрелкового полка отбил три контратаки противника.

10 октября 1943 г. противник в составе двух батальонов пехоты при поддержке 30 танков перешли в контратаку. Танки противника, сопровождаемые сильным артиллерийским и минометным огнем начали теснить нашу пехоту. Противотанковые пушки были подавлены танками противника. Два орудия гвардии лейтенанта Анисичкина оказались впереди пехоты [4, с. 1]. Товарищ Анисичкин удержал свои расчеты на боевом посту и мобилизовал их на борьбу с контратакующим врагом. Подпустив танки противника на 300–400 м, он метким выстрелом подбил головной танк управления типа «Тигр», а затем поджег второй «Тигр». Несмотря на то, что в это время Федор Иванович был ранен, он продолжал вести огонь и, подбив еще 3 средних танка, перенес огонь на пехоту противника, уничтожив до роты ее. Благодаря мужеству и умелым действиям Анисичкина контратака была отбита и наша пехота получила возможность занять прежнее положение и продвинуться вперед. Из двадцати семи артиллеристов в живых осталось только двенадцать, почти каждый имел ранение. Но задача была выполнена — плацдарм удержан.

Действия нашего героя высоко оценил командир 139-го гвардейского арtpолка подполковник Щербаков. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1944 г. гвардии лейтенанту Анисичкину Федору Ивановичу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» [1]. За активное участие в боевых действиях награжден орденом Ленина, орденами Отечественной войны 1-и и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», медалью «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и рядом юбилейных.

С 1946 по 1950 г. работал директором Веселовской средней школы, в это время закончил Новосибирский педагогический институт; 1950–1951 г. — секретарь Веселовского райкома ВКП (б); с марта 1951 г. по октябрь 1951 г. — второй секретарь Веселовского райкома ВКП (б); с октября 1951 г. по июль 1952 г. — первый секретарь Веселовского райкома ВКП (б); с июля 1952 г. по март 1953 г. — слушатель шестимесячных курсов переподготовки руководящих работников в Москве; с марта 1953 г. по июль 1953 г. — в резерве обкома КПСС; с июля 1953 г. по март 1957 г. — первый секретарь райкома КПСС Мошковского района; с апреля 1957 г. по май 1960 г. — директор Барлакского молсовхоза [2].

Он был изумительным учителем. Обычно, когда старшеклассники на уроках истории приступают к изучению темы «Великая Отечественная война», Федор Иванович приходил в школу в парадном мундире, при наградах, с Золотой Звездой Героя Советского Союза. Этой традиции, капитан Анисичкин следовал и, будучи директором школы, и позже, когда по состоянию здоровья перешел преподавать любимую им историю. О том, как он удерживал со своими артиллеристами плацдарм на Днепре, Федор Иванович по обыкновению начинает рассказ о Великой Отечественной войне. Он рассказывал о своих боевых товарищах. Заканчивая повествование, говорил, показывая на Золотую Звезду: «Это они мне ее заслужили. Сибиряк Иван Корнеев, волгарь Петр Смирнов, Иван Захаров из Якутии и другие. О них, о боевых товарищах, о нашем фронтовом братстве помню всегда». И затихает класс, слушая своего учителя, человека большого личного мужества, отважного защитника Родины. «Наверное, такой урок — отступление от темы, — говорил Федор Иванович. — Ведь до форсирования Днепра с начала войны пройдет два тяжелых года. И все-таки я поступаю правильно: этот урок как — бы «заряжает» детей, пробуждает у них живой интерес к событиям Великой Отечественной войны» [3].

Вспоминает бывший директор школы № 183, а ныне председатель совета ветеранов Юлия Михайловна Любимова: «С 1968 по 1970 гг. Ф.И. Анисичкин работал заместителем директора средней школы № 183 и одновременно был преподавателем черчения. В это время директором был участник и инвалид Великой Отечественной войны Василий Иванович Бражников. Вместе с ним работала учительницей географии Валентина Прокопьевна Кузнецова, они были дружны семьями. Ее дочери, ученице школы № 183, за упорный труд он подарил свой портрет. Мы гордились, что в Москве на Поклонной горе в музее Великой Отечественной войны в галерее Героев Советского Союза есть его имя».

Из воспоминаний учительницы русского языка Татьяны Алексеевны Карауловой — она отзывалась о нем, как о добром, отзывчивом человеке. Он помог ее классу сходить в туристический поход, а также помог устроить экскурсию в совхоз. С ним никогда не было никаких конфликтов. Общительный, его очень любили ученики. Вел большую воспитательную работу. Рассказывал о Великой Отечественной войне, показывал свои награды. Его всегда приглашали на пионерские и комсомольские собрания, и он охотно откликался. Он до последнего своего дня поражал своей активностью.

Ф.И. Анисичкин является ярким примером ответственного, отзывчивого, смелого человека. Человека с широкой душой и добрым сердцем. Он всегда был верен Отечеству, и был готов по ее зову придти на помощь. Когда Родина звала на фронт — он воевал, когда не хватало преподавателей — он был учителем. Федор Иванович Анисичкин — Герой, и это по праву, так как он относится к тому поколению, которое построило вели-

кую страну, спасло мир от фашистской чумы и восстановило разрушенное хозяйство после войны и обеспечило мир, не позволив нашей планете погибнуть от ядерной катастрофы. За это ему спасибо! Россия всегда была страной неравнодушных людей, которые всей душой болели за свою Родину.

Работая над материалами по данной теме мы пришли к выводу, что чувство долга у русского человека в крови, он никогда не склонит свою голову перед трудностями, преодолет все препятствия и добьется, чтобы его близким жилось лучше, чем они жили. Мы должны как можно активнее пропагандировать биографии таких людей, на их примере учить школьников, как надо жить.

Список источников и литературы

1. Архив МО СССР, Ф. 33, Оп. 793756, Д. 2.
2. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 23. Д. 110. ЛЛ. 1, 2, 2 об., 3, 3 об., 6, 6 об., 7, 69, 69 об.
3. Личный архив Д.В. Крупницкого. Документы. Письма. Воспоминания (Федоров С. Золотая звезда учителя // Советский воин).
4. Павлов В. Слава Герою Советского Союза офицеру Анисичкину! // Вперед к Победе. — 1944. 08.03. — С. 1.

Ермакова Анна Александровна,
ведущий специалист архивного сектора администрации
Исилькульского муниципального района Омской области

ЧЕЛОВЕК НА СВОЕМ МЕСТЕ

*Мы — исилькульские — душою крепкие,
 Для нас безделье, лень — слова нелепые.
 Трудом и песнями дела венчаются,
 Недаром с нас Сибирь-то начинается.*
 Г.Р. Гензель

Геннадий (Адольф) Рудольфович Гензель — заслуженный работник культуры России, ветеран труда, почётный житель Исилькульского района. Каждый житель города Исилькуль знает этого человека не понаслышке и может составить его портрет: высокий, широкоплечий мужчина с красивыми глазами цвета неба, благородная седина. Начав разговор с ним, словно забываешь обо всем и только слышишь его спокойную размеренную грамотную речь, которую всегда сопровождает лёгкая улыбка на устах.

Геннадий Рудольфович родился 27 февраля 1931 года в городе Вышнем Волочке, Калининской (ныне Тверской) области. Его отец — Рудольф Теодорович из прибалтийских немцев, а мама — русская женщина, Анна Ивановна Федотова.

Об отце вспоминает очень тепло: «Был он человеком музыкальным, играл на гитаре, мандолине, скрипке, а на музыку, как на добрый огонёк, собирались люди и пели» [3, с. 5].

Именно поэтому творческий путь Геннадия Рудольфовича уходит своими корнями в далёкое детство. Творческие способности развивались в семье. В шестилетнем возрасте с увлечением бежал на занятия в драматический кружок.

Но... нужно было как-то жить, помогать матери, зарабатывать на жизнь. В то тяжёлое время считалось нормально получить специальность и скорее работать! Большая часть молодых людей даже и не думали об образовании в техникуме или тем более в институте. Самостоятельная жизнь его началась с учёбы в ремесленном училище и работы на хлопчатобумажном комбинате.

В 1951 году был призван служить в армии во 2-ой гвардейской Таманской мотострелковой дивизии. Геннадий Рудольфович вспоминает с любовью годы службы в армии. Видимо, это время внесло огромный вклад в формирование его как человека творческого. Он был очень активным и деятельным, участвовал в творческой жизни дивизии — пел в вокальном ансамбле, которым руководила бывшая певица из Большого театра. К окончанию службы он вынес решение пойти в артисты. После службы ему представилась возможность остаться в Москве, но, видно, не предначертано судьбой заниматься творчеством и развивать свой талант в столице. Вышел Указ Хрущева об освоении целинных земель, и группа демобилизованных воинов, среди которых был А.Р. Гензель, основали молодёжный целинный совхоз в казахстанских степях. После окончания курсов работал мастером-комбайнером.

В 1957 году в Исилюльском районе, в селе Кромы срочно потребовался руководитель самодеятельного коллектива. Практический опыт механика-комбайнера пригодился, когда начал преподавать в сельском профтехучилище, где проработал до 1962 года. В это же время поступил в Омский педагогический институт. В 1963–1965 годах преподавал историю в

средней школе, постоянно участвовал в художественной самодеятельности. В это же время поступил заочно в Омский педагогический институт. В 1963–1965 гг. был преподавателем истории в средней школе. Параллельно не оставлял занятия в художественной самодеятельности. Ничего удивительного нет в том, что этого талантливого молодого человека пригласили работать в Исилькульский районный отдел культуры. Он занимался организацией самодеятельных коллективов и их концертами. И вот он стал заведующим районным отделом культуры. 26 лет он возглавлял отдел культуры. За этот период многое было сделано им, многое начато с нуля. И все его дела в большинстве своем были успешны. Он умел спокойно и убедительно доказать правоту своего дела. В те годы учреждения культуры вели огромную культурно-просветительскую работу, ежегодно проводились смотры художественной самодеятельности, работал драматический коллектив, который впоследствии был удостоен звания «Народный театр», в конце 80-х началась подготовка к созданию историко-краеведческого музея. С 1999 года А.Р. Гензель стал директором музея. Он очень полюбил свое дело. О музее он говорил: «Музей — это не «пыль веков», не только собрание старинных предметов для исторической памяти. Летопись времени — судьбы, поколения, их преемственность. Я не только открываю удивительные страницы в жизни своего района. Мне хочется, чтобы и мои современники, и потомки знали, что «история предков всегда любопытна тому, кто достоин Отечества»... [3, с. 55].

Адольф Рудольфович — автор текста современного гимна нашего города, который в конкурсе был признан лучшим, пишет стихи, в районной газете «Знамя» опубликованы материалы по истории края, опубликованы историко-публицистические очерки об истории и современном этапе развития СПК «Лесной» — крупном хозяйстве Омской области. Является одним из авторов исторических статей в областной книге «Солдаты Победы». Им написано более 20 очерков по истории родного края, в числе других авторов его стихи вошли в сборник «Огни Исилькуля». В сентябре 2008 года состоялась презентация персонального сборника стихов «Пусть время душу не остудит».

Ему нравится петь романсы, русские народные песни. В 2003 году на областном конкурсе исполнителей русского романса Адольфу Рудольфовичу Гензелю присудили гран-при.

Его огромный вклад в развитие культуры Исилькульского района высоко оценен Правительством. В 1974 году Адольфу Рудольфовичу присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», в 1985 году награжден медалью ВДНХ, в 1986 году — орденом «Знак почета», он является лауреатом Всесоюзных и Всероссийских конкурсов народного творчества. В период работы директором музея Адольф Рудольфович отмечен дипломом областного конкурса исторических очерков, посвящен-

ных 175-летию Омской области, дипломами главного управления культуры за активное участие в фестивале «Душа России», в областном смотре «Салют Победы», грамотой Главного Управления культуры «За творческий вклад в развитие музейного дела», в 2009 году награжден памятной медалью «Патриот России».

Адольф Рудольфович — Почетный житель Исилькульского района, член Президиума районного Совета ветеранов, член районной общественной редакции, член попечительского фонда Совета, член областного оргкомитета по проведению фестиваля музеев Прииртышья.

О людях талантливых очень часто говорят: «Человек на своем месте!» Это выражение можно отнести к Адольфу Рудольфовичу, где бы он ни был он везде на своем месте и всегда его окружает аура гармонии и спокойствия.

Библиографический список

1. Гензель Г.Р. «Пусть время душу не остудит» [Текст] / Г.Р. Гензель. — Исилькуль, 2008. — 88 с.
2. Грани личности и таланта [Текст] // Знамя. — 2006. — 26 февраля. — С. 3.
3. Культура № 5, октябрь 2003 // Информационно-методический бюллетень для российских немцев Омской области. — С. 55
4. Луговская В. «Гори, гори, моя звезда...» [Текст] / В. Луговская // Культура. — 2003. — № 5. — С. 53–56.
5. Обаева Е. Судьба в контексте эпохи [Текст] / Е. Обаева // Знамя. — 2011. — 4 марта.
6. Петрова С. «Гори, гори, моя звезда» [Текст] / С. Петрова // Знамя. — 1992. — 1 января.
7. Радул Н. Мастер ведёт в жизнь [Текст] / Н. Радул // Знамя. — 1963. — 7 ноября.

**Коломбет Ирина Викторовна,
начальник архивного сектора администрации Исилькульского
муниципального района**

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСИЛЬКУЛЬСКОМ РАЙОНЕ

Гражданская война продолжает оставаться одной из важнейших и загадочных страниц отечественной истории. Она оставила неизгладимый след в политической, экономической и духовной сферах жизни общества. Гражданская война и революция являются апогеем недовольства народных масс против существующего строя. Война охватила всю страну, и наш Исилькульский район не стал исключением.

В середине 1916 года в Исилькуле стали появляться листовки с призывами оказать сопротивление богачам, бросать работу, требовать повышения оплаты труда, уменьшения рабочего дня. «Ломовые извозчики, рабочие мастерских, боен, мельниц прекращали работы, и хозяева, боясь срыва выполнения договоров по поставкам, шли на удовлетворение требований. Батраки и рабочие крупных помещиков, таких как Даниленко, Грязнов, Гак, Функ в разгар уборки хлебов потребовали улучшения питания, всех условий, повышения зарплаты. Требования рабочих незамедлительно были выполнены» [2, с. 14]. Существующая власть стремилась «навести порядок» в Исилькуле и его окрестностях, в деревни выезжали наряды полицейских и казаков для сбора недоимок. Все подозреваемые в активном участии в забастовках, не исключая подростков 16-ти лет и стариков старше 55 лет, отправлялись на фронт в маршевые части.

Отголоски революционных событий в столицах в сибирскую глубинку приходили с опозданием и не вызывали бурных митингов, самым волнующим вопросом оставался вопрос: скоро ли кончится война? По воспоминаниям Клавдии Федоровны Колесниковой (Улановой), сохранившимся в фонде Исилькульской газеты «Знамя», впервые в Исилькуле открыто вышли на демонстрацию после февральских событий 1917 года. Примерно в то же время был избран и первый Совет, в который вошли преимущественно зажиточные люди, такие как купец Васильев [4, с. 2].

В фонде газеты «Знамя» в обзорах и очерках по истории района сохранилась статья слесаря локомотивного депо В. Токаря о жизненном пути своего коллеги Захарова Анатолия, в которой описываются воспоминания матери Захарова, тогда в 1975 году 80-летней женщины, о периоде Гражданской войны в Омской области: «Жили мы в Омске. Муж мой Иван Яковлевич работал в депо нарядчиком. Царь войну с германцами надумал, налогами задавил простой люд. Смута в народе большая, в городе и на железной дороге забастовки. Лютует казачья. Аресты, тюрьмы, расстрелы. Так до 1917 года. В феврале прилетела невероятная весть: царь отрекся от престола. Боже мой, что было! Революция, митинги, речи, призывы. Свобода — равенство! Война до победного конца! Бабым-то умом своим уяснила одно: нет царя — ну и поделом ему. Может, теперь-то жизнь полегчает, но все оставалось по-прежнему. Были богатые, были бедные, голодные и все также эшелонами отправляли на фронт новобранцев. Осенью снова весть: в Петрограде революция. У власти партия большевиков с Лениным. Пошла я в депо, ничего понять не могу, обычно суровые лица деповских светились радостными улыбками, все были вооружены, а над депо реял в воздухе красный флаг. В Омске установилась Советская власть» [5, с. 97–98].

Сын члена Исилькульского Совета рабочих депутатов Родиона Иванова, Николай Иванов, вспоминает: «В конце февраля 1917 года в городе исчезли полицейские, а на вокзале жандармы. На улице творилось нечто до этого

невиданное. На базарной площади собралась толпы народа. Толпы ликования, кричали: «Ура!» Из всех разговоров я понял — Царя нет» [2, с. 24].

В ноябре 1917 года в Исылкуле был создан Совет рабочих депутатов, в который вошли М. Захаров, Р. Иванов, А. Ломов, С. Субач и другие. Первым председателем Совдепа стал М. Захаров, комиссаром — А. Ломов [8, с. 64]. Был проведен ряд мер по конфискации земельных угодий и передаче их беднякам, улучшению положения беженцев, были увеличены пособия солдаткам, деньги взимались с крупных землевладельцев и торговцев. Важнейшей работой Совета стало обеспечение бесперебойной работы железной дороги и пропуск хлебных эшелонов в голодающие Москву и Петроград. Были резервированы хлебные запасы на мельницах Регера и Горелкина в нескольких купеческих складах. Совдепом был создан отряд Красной гвардии, в который вошли в основном венгры, всего отряд насчитывал около 26 человек [2, с. 31]. Отряд нес охранную функцию, охраняли железную дорогу, товарную станцию, депо и водокачку в с. Городище. На основании постановления Омского Совета об организации сельской милиции и о расформировании сельской полиции [1, с. 35], в поселке была создана милиция. Одной из мер борьбы с голодом была отправка семей рабочих из голодающих центров в Сибирь. Много семей эвакуированных прибыло на станцию Исылкуль. Для них изыскивались свободные земельные участки и оказывалась материальная помощь из складов переселенческого управления. Тогда же возникли хутора Новая-Москва, Ново-Петроград, Балтика и другие [6, с. 2].

Деятельность первого Совета была непродолжительной, 28 мая 1918 года вспыхнул белочешский мятеж. Начались бои под Марьяновкой. Чешский эшелон с этой станции был переведен в Исылкуль. Оккупанты захватили власть в свои руки, начались аресты членов Совета. Вот как вспоминает арест своего отца Родиона Иванова Н. Иванов: «4 июня (по старому стилю) вечером, часов в одиннадцать, к нам постучались, и я услышал разговор с Санькой (Александр Иванович Кудрин) — моим другом. Санька со слезами в голосе говорил: «Пусть дядя Родион сейчас же куда-нибудь уезжает, его сегодня ночью арестуют». Отец, несмотря на просьбу матери и ее сообщение о том, что готовится арест, как видно, не придавал тому значения, никуда не ушел. Утром 5 июня в четыре часа пришли Булгаков Иван, Бурцев Федор и два человека, забрали отца и увели» [2, с. 41]. Арестованных членов Совета отвели в стоящие в тупике между станцией и депо вагоны. В отряд, который занимался арестами большевиков, входили Иван Булгаков, Федор Рудаков, Федор Бурцев, Алексей Кудрин, Левандовский, в качестве наблюдателей выступали два чехословацких офицера. По воспоминаниям Н. Иванова, было два вагона с арестованными, в третьем располагалась охрана. Приближаться к вагонам не разрешалось, родственники арестованных допускались только к вагону охраны, где началь-

ник караула принимал передачи. Было объявлено, что арестованные должны питаться своими продуктами. К вечеру вагоны были заполнены до отказа, арестованных везли из близлежащих сел и деревень, вагоны не могли вместить всех привезенных, и они были размещены в товарных вагонах, наспех переоборудованных в теплушки [2, с. 42]. «Утром в 3 часа 5 июня 1918 года (по старому стилю) мой отец, Иванов Родион Васильевич, и двенадцать красногвардейцев мадьяр были отведены за насыпь недостроенной ветки железной дороги в навозную свалку и расстреляны» [2, с. 49].

«Весной я с ребяташками пошла на «назумы» — так называлось когда-то в Исилькуле свалка с востока от станции. «Стойте! — раздался чей-то истерический вопль. — Смотрите, дядя Иванов!» Ошеломленные, мы остановились. Перед нами лежали окровавленные, сваленные в кучу трупы. На всю жизнь в моих глазах осталось изуродованное штыками тело Родиона Иванова», — вспоминает К.Ф. Колесникова [4, с. 3].

Остальные члены Совдепа, в том числе А. Ломов, были расстреляны 8 июня 1918 года на юго-западной окраине Исилькуля в нескольких десятках метров севернее железнодорожного полотна. Из-под расстрела удалось сбежать только С. Субачу — получив тяжелое ранение, он был спрятан жителями деревни Благовещенка [9, с. 2]. И. Алексеенко, житель деревни Благовещенка вспоминает, как жителями деревни был обнаружен С. Субач: «В этот день хлеб должны были молотить у Павла Степановича Иванькова, собралось нас человек двадцать. Мне было дано задание отбрасывать ненужную солому. Захватываю я волокушей солому и все норовлю выше поднять. Вдруг услышал что-то вроде стопа человека. Прислушался... «Должно, показалось», — подумал я, но на второй раз явственно услышал тяжелый вздох и невнятное бормотание. Гляжу, а из края вчерашнего во роха высовывается кудлатая голова, а потом и весь человек в одном белье. Грудь и спина его были в крови. Окружив раненного плотным кольцом, мы затихли. «Я Субач... сегодня на рассвете был расстрелян... помогите, братушки... и воды попить...» [3, с. 12].

Оставшиеся на свободе большевики ушли в подполье и продолжали агитацию, создавались партизанские отряды. Один из таких отрядов действовал в деревнях Лукерьино Исилькульского района, Бычках, Дурбете, Нахимовке, Земляном Называевского района. Руководили отрядами братья Николай и Константин Левые [7, с. 1]. В Кромах и Добринке Исилькульского района особую активность проявлял матрос-большевик С.В. Харионов. Позже он был схвачен и расстрелян [8, с. 64].

В первый период Гражданской войны значительная часть сибирских крестьян, в том числе и Исилькульского района, занимала выжидательную позицию. Заметный поворот в их настроении начался с осени 1918 года, когда была объявлена мобилизация в белую армию, началось взыскание недоимок и долгов по старым ссудам, в свое время отмененных Советской

властью. С этого времени участились крестьянские восстания. В Лесном районе, за Лебяжьей и Камышловой, стали сосредотачиваться дезертиры. Карательные отряды колчаковцев вылавливали дезертиров и их пособников и устраивали массовые расстрелы.

С лета 1919 года стали появляться слухи о поражениях колчаковской армии на Урале. На станции Исилькуль появилась новая волна беженцев. В октябре 1919 года Колчак объявил мобилизацию в армию мужчин 1898–1899 годов рождения, массовым явлением стало уклонение от призыва [10]. Насильно мобилизованные нередко дезертировали. Из воспоминаний К.Ф. Колесниковой: «Недалеко от нашего дома, в пустом зернохранилище размещалась одна из частей, и я слышала, как рассуждали солдаты; особенно поносил непристойностями царя и Колчака солдат по фамилии Пушкин. Случалось, построят для проверки солдат, а двух-трех уже нет» [4, с. 4]. Режим Колчака в Исилькульском районе не получил поддержки народных масс.

Гражданская война развернулась почти на всей территории страны, а потери воюющих сторон, в конце концов, складывались в общие жертвы нашего народа. В Исилькуле о периоде Гражданской войны напоминают два памятника «Жертвам гражданской войны» — другое его название «Братская могила 10 красногвардейцев», и могила первого председателя Исилькульского совдепа А.М. Ломова.

Библиографический список

1. Архивный отдел и Государственный архив Омской области, партийный архив Омского обкома КПСС. Омские большевики в период Октябрьской революции и упрочения Советской власти. — Омск: Омское областное книжное издательство, 1985.
2. Исилькульский краеведческий музей. Воспоминания Н. Иванова, 1971.
3. Исилькульский МА Ф.4, Оп.1, Д.44.
4. Исилькульский МА Ф.4, Оп.1, Д.52.
5. Исилькульский МА Ф. 4, Оп. 1, Д. 78.
6. Кирсанов М. Шел год восемнадцатый // Знамя: Исилькульская районная газета. — № 64, 1967.
7. Колесников А. Годы революционные // Знамя: Исилькульская районная газета. — № 17, 1995.
8. Колесников А.Д., Машкарин М.И., Полканов В.Д., Огородникова Л.И., Хроменкова Н.И. Исилькуль на Транссибирской магистрали. — Омск: Редакция газеты «Омский вестник», 1995.
9. Петрищев И. Имя твое не забыто, комиссар // Знамя: Исилькульская районная газета. — № 41, 1967.

10. Симонов Д.Г. О военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 году; URL:www.zaimka.ru

**Помыткина Вера Леонидовна,
архивист 1 категории казённого учреждения «Исторический архив
Омской области», филиал в г. Таре**

ТАРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ (КОЛЛЕДЖ): ПЕРВЫЕ ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1928–1935 ГГ.)

В октябре 2013 года исполнится 85 лет со дня открытия в Таре педагогического техникума. С 1939 года это учебное заведение переименовано в педагогическое училище, с 22 марта 1996 года до сегодняшнего дня — педагогический колледж.

Становлению профессионального педагогического образования в Таре способствовала обстановка в стране в целом и в Таре в частности. Как до Октябрьской революции, так и в первые годы после неё большая часть населения нашей страны оставалась неграмотной. По переписи 1920 года 45 % жителей города Тары были грамотными, в целом по уезду грамотность составляла 16 % [2, с. 24]. Новая власть прекрасно понимала, что подъём сельского хозяйства и промышленности значительно ускорится с параллельным повышением уровня образованности населения. Поэтому с первых дней Советской власти наряду со множеством декретов, касающихся различных сфер жизни человека, Советом Народных Комиссаров было издано 192 декрета и постановления о деятельности учреждений просвещения. Самое масштабное наступление на безграмотность началось с опубликования декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». 26 декабря 1919 года Совнарком постановил: всё население республики в возрасте от 8 до 80 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться грамоте на родном или русском языке по желанию. Декретом предписывалось органам народного образования в двухмесячный срок после опубликования декрета составить планы по ликвидации безграмотности. Народному комиссариату просвещения и его местным органам предоставлялось право привлекать к обучению неграмотных всё грамотное население страны, непризванное в войска, в порядке трудовой повинности с оплатой их труда по нормам работников просвещения. Обучающимся работающим по найму, за исключением занятых на милитаризованных предприятиях, рабочий день сокращался на два часа на всё время обучения с сохранением заработной платы. Уклоняющиеся от установленных повинностей и мешающие неграмотным посещать школы привлекались к уголовной ответственности [1, т. 7, с. 50–51].

Было решено ликвидировать неграмотность среди населения страны в возрасте от 18 до 35 лет к 10-й годовщине Октябрьской революции — 2 ноября 1927 года [5, лл. 2, 31]. С целью быстрейшего осуществления ликвидации безграмотности, 19 июня 1920 года была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. В сентябре того же года Сибревком принял решение о создании при Сибнаробразе Сибирской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с неграмотностью (Сибргамчека), которая должна была составить план ликбеза по каждой Сибирской губернии. На февраль 1921 года в уезде была 281 школа первой и второй ступеней, в которых преподавало 369 учителей, обучалось 7 478 человек. В марте этого же года по уезду насчитывалось уже 300 школ 1 и 2 ступеней, 445 учителей и 7 528 учеников [3, лл. 79–86].

Тогда же встал вопрос о педагогических кадрах. В учителя шли люди, часто не имеющие специального образования, просто владеющие грамотой. С первых дней Советской власти в Москве, Петрограде и других городах создаются курсы переподготовки учителей, реорганизуются дореволюционные учебные заведения, открываются новые советские ВУЗы. Отвечая требованиям того времени, 23 октября 1921 года в Таре был открыт политехникум. Это имело огромное значение для города и уезда. Он являлся единственным средним профессионально-техническим учебным заведением на весь уезд. Дети, оканчивающие начальные и семилетние школы, чаще всего не имели материальной возможности продолжить обучение в других городах, а открытие политехникума в г. Таре делало доступным продолжение образования и решало кадровый вопрос. При политехникуме было два отделения: педагогическое и сельскохозяйственное, именно в этих специалистах уезд крайне нуждался. К сожалению, политехникум просуществовал всего два года и был закрыт в ноябре 1923 г. [4, л. 56].

Но уже через 5 лет, 3 октября 1928 года, в Таре состоялось открытие педагогического техникума. Говоря о первых годах деятельности техникума, мы рассмотрим все стороны жизни этого учебного заведения: хозяйственную сторону, педагогический состав, особенности методики преподавания, связанные со становлением советского профессионального педагогического образования.

В здании техникума было восемь кабинетов: учительская, общая аудитория, кабинеты математики, общественно-литературный, педагогический, химии и естествознания, военизации и музей [6, л. 6]. С 12 мая 1932 года техникуму передают здание бывшей школы № 4. Директор техникума Пётр Адамович Жук решает не отдавать это помещение под общежитие, а использовать его для учебных целей [6, л. 83].

С первого года работы при техникуме действовала библиотека. Но только в 1935 году она пополнилась учебниками и художественной литературой на сумму 7339 руб. 4 коп. — за счёт общего бюджета техникума.

На 7 февраля 1935 года книг и журналов насчитывалось 9002 экземпляра. Число читателей за 1934 год — 324 человека, выдано книг за год — 6940, с 1935 года в библиотеке книги переформируются по отделам и вводят карточную систему [7, л. 31].

До 1932–1933 учебного года в техникуме занятия проводились без перерыва длительностью 2 часа. Только на пятый год работы в двухчасовые занятия внесли 10-минутный перерыв. Учёба начиналась в 9 часов, после 4-го урока в 12 ч. 50 мин. — получасовая перемена, последний урок заканчивался в 15 ч. 10 мин. [6, л. 84].

Будущие педагоги, учась в техникуме, получали стипендию. Размер стипендии зависел от успеваемости и делился на три категории. На 1930–1931 учебный год стипендия для первой категории равнялась 35 рублям, для второй — 30 руб., для третьей — 25 руб. [6, л. 10]. Получаемых денег студентам явно не хватало для того, чтобы обеспечить себя. Пытаясь решить вопрос по улучшению материального обеспечения учащихся, 6 ноября 1930 года в техникуме прошло производственное совещание с присутствием инспектора краевого отдела народного образования Беймана, представителя районного Совета народного просвещения Бузы, а также 9 преподавателей и 60 учащихся. На совещании поднимался вопрос о создании учебно-показательного участка (этот вопрос так и не был решён), который помог бы решить вопрос с питанием студентов. Ведь плохое экономическое обеспечение, а также отсутствие одежды и обуви заставляли учащихся уходить из техникума [6, 11]. На момент проведения совещания стипендия за сентябрь ещё не была выплачена. Ситуация с улучшением материального положения учащихся так и не была решена к концу 1930 года. Уже в декабре 1930 года произошло снижение стипендии на 5 рублей для всех категорий студентов [6, л. 17]. К концу декабря удалось вернуть на прежний уровень стипендии учащимся, живущим в общежитии [6, л. 22]. С 8 января 1932 года стипендии выплачивались уже для учащихся четырёх категорий: 28, 23, 21 и 15 рублей соответственно [6, л. 65]. А 13 января лицам, живущим в общежитии, одновременно выплатили по 15 рублей «на улучшение быта» [6, л. 68]. В январе 1933 года стипендии варьировались, в зависимости от успеваемости, от 25 до 40 рублей [6, л. 95]. Процент обеспеченности студентов стипендией возрос с 55 до 80 % [6, л. 92]. Беднейшие студенты снабжались в 1932 году молоком и хлебом: в этом году у педтехникума уже было свое хозяйство и коровы, работала столовая [6, лл. 87, 92]. Известно, что весной 1933 года у педтехникума имелось два общежития, находящихся по адресам: пер. Избышева, № 23 и ул. Свердлова, № 70 [7, л. 4]. В протоколе расширенного методического совещания при Тарском педтехникуме за 22 декабря 1934 года упоминается, что на тот момент у педтехникума уже имелась базовая школа [7, л. 27].

Преподавательский состав педагогического техникума был следующим: директор Жук Пётр Адамович (1928–1936 гг.), преподавал ботанику; преподаватели математики: Правецкий и Женишек А.В.; физики и химии: Русанова и Георгиевский; обществоведения и истории — Фоминых; русского языка — Станиславский; литературы и методики русского языка — Подкаминская; физической и экономической географии и методики географии: Ланкевич и Тетта; труда и методики труда — Щербаков; педагогики и педагогической практики — Безвершук; методики физкультуры — Булатов; библиотекарем работала Тамарина [7, л. 5, 6]. На 1934 год в техникуме работало 9 человек с высшим специальным педагогическим образованием, 2 человека с общим высшим образованием, некоторые со стажем работы в области образования до 30 лет [7, л. 12].

Кроме трёхгодичного обучения, при педагогическом техникуме проводились и краткосрочные курсы обучения будущих учителей: 2-х, 3-х, 4-х и 6-ти месячные и одногодичные. Первый набор на 2-х месячные курсы был произведён в ноябре 1930 года. Претендентам отказывалось в зачислении в следующих случаях:

— если человек уже учится где-либо (в педтехникуме, в школе крестьянской молодёжи, прим.: Кудимова, Пестова);

— по социальному положению (прим.: Каешко — «дочь попа»);

— если у человека не было вообще никакого образования (прим.: Алтыбаева);

— «не отзывающиеся на мероприятия Советской власти» (прим.: Золотарев, Сабанцев) [6, л. 16].

Уже в декабре 1930 года проводился набор на 6-месячные курсы. Набиралось 5 групп по 45 человек, возраст обучающихся — с 15 лет. Начало занятий — январь 1931 года [6, л. 21]. Программа курсов включала: обществоведение — 120 часов (за счёт сокращения вопросов современности, вводилась тема «Устройство Советского государства (Конституция)», литература — 180 часов, математика — 216 часов, физика — 144 часа, военизация — 60 часов, физическая география — 45 часов и физический труд [6, л. 30]. Студентам курсов платилась стипендия, которая на 13 февраля 1931 года составляла (по категориям) 20 и 25 руб., для живущих в общежитии — 22 и 27 руб.

На заседании педагогического совета техникума 9 сентября 1930 года обсуждались планирование и учёт работы. В частности, говорилось, что «...так как в окружении педтехникума нет какого-либо индустриального производства и нет преподавателя «основ индустрии...», то временно эту дисциплину исключают из учебного плана [6, л. 2]. Во всём остальном программа первого курса не изменилась. В планировании программы обучения для второго курса техникума произошли следующие изменения. За счёт часов «основ индустрии» увеличивалось количество часов физики и

«политехнического труда». Также было добавлено 60 часов политэкономии, которая на I курсе не преподавалась, и 25 часов русского языка. На 10 % уменьшили часы «Истории классово-борьбы» и немецкого языка. Произошло и уменьшение часов педпрактики для второкурсников, «...так как учащиеся первого курса в прошлом году частично отбывали педагогическую практику в школах I ступени». На третьем курсе планировалось за счёт сокращения часов педагогической практики добавить 40 часов русского языка, 40 часов математики, за счёт сельскохозяйственного производства — изобразительного искусства 30 часов, «История классово-борьбы» — 30 часов. В то же время указывалось на то, что «уменьшение практических часов — явление ненормальное, вынужденное на данный год» [6, л. 3].

На педагогическом совете были разработаны темы для идеологического воспитания молодёжи. В процессе проработки темы «Пятилетний план» в основные задачи раздела «Культура пятилетки» планировалось провести 100 % вовлечение учащихся первого курса в работу студенческих общественных организаций под лозунгом «Станем активными борцами за выполнение пятилетнего плана!» [6, л. 3]. В качестве основных проектов по теме культпоход приняты следующие решения: 1) помощь в ликвидации неграмотности трудящихся города; 2) поднятие культурного уровня колхозников и помощь в освобождении их «от цепей религии». В третьем семестре решено было организовать проработку темы «Индустриализация страны и Сибири» [6, л. 3, 4].

Тем не менее, на заседании Совета педтехникума 29 мая 1932 года отмечалось и отсутствие стенгазеты, хотя к её выпуску имелись все возможности, и необходимость кружка марксистско-ленинского воспитания. Было отмечено, что многие мероприятия записываются, но не проводятся, плохое оформление наглядности в классных кабинетах [6, л. 85]. К началу четвёртого учебного года многие проблемы техникума оставались нерешёнными. Учебные программы имелись лишь по некоторым предметам, особенно плохо обстояло дело с обществоведческим циклом, где не существовало ни новых, ни старых программ. Отсутствовали учебники по педагогике и обществознанию, химии [6, л. 94]. К концу 1932–1933 учебного года появились положительные изменения. В докладе бригады, обследовавшей педагогический техникум в апреле 1933 года, говорится, что студенты стали серьёзнее относиться к учёбе, развёртывают социалистическое соревнование [7, л. 1]. Но отсутствовал обмен опытом между преподавателями, имеющими хорошие показатели, с преподавателями с низкими показателями. Такой важный предмет как педагогика не преподавался с начала 1932–1933 учебного года, преподавание началось с ноября 1932 г.

Учителям следовало составлять планы на учебный год по следующему образцу:

Тема и содержание задания	Целевая установка задания	Методы и организация работы. Указать: а) виды работ б) тема в) время	контрольные вопросы.

Рабочий план должен был быть составлен не менее чем за три дня до занятий, а после их проведения — проработки темы, план сдаётся в учебную часть с почасовыми отметками о ходе выполнения.

Для самоучёта работы учащихся вводилась круговая тетрадь и индивидуальный дневник [6, л. 4]:

а) круговая тетрадь

Число, месяц, количество уроков	Предмет и содержание работ	Фамилии отсутствующих на уроках

б) индивидуальный дневник

Дата, что проделано	Дома или в школе	Оценка работы преподавателем.

Работы оценивались по каждой теме. Практиковалось прикрепление слабых учеников к сильным учащимся.

Весной 1931 года состоялся первый выпуск. После окончания техникума всем выпускникам уже были определены рабочие места в школах города и округа. Первые выпускники техникума пошли работать заведующими и учителями школ I ступени, преподавателями литературы, обществознания и математики, инструкторами по физической культуре и преподавателями национальным меньшинствам в школу крестьянской молодёжи [6, л. 43].

В плане учебно-воспитательной работы педагогического училища сказано: «Учитель должен обладать глубокими знаниями по своей специальности, в совершенстве владеть педагогическим мастерством и являться носителем высоких моральных качеств. Готовить таких учителей, способных успешно решать сложные задачи обучения и воспитания подрастающего поколения — почётный долг педагогического учреждения» [6, л. 1].

За время своего существования теперь уже педагогический колледж доказал, что из его стен выходят именно такие педагоги.

Библиографический список

1. Декреты Советской власти. — М.: Издательство политической литературы, 1974.
2. Колесников А. Вглубь истории // Тара: к 400-летию основания города. — Омск, 1994.
3. ТФ ГИАОО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 88.
4. Там же. Оп. 1. Д. 111.
5. ТФ ГИАОО. Ф. 276. Оп. 1. Д. 1.
6. Там же. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1.
7. Там же. Оп. 1. Д. 2

СЕКЦИЯ № 6
ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ В РАБОТАХ
ЮНЫХ ИСТОРИКОВ-АРХИВИСТОВ

Батлук Ульяна,
ученица 10 класса Кольванской средней общеобразовательной школы
№ 3 Кольванского района Новосибирской области;

Левчук София,
ученица 10 класса Кольванской средней общеобразовательной школы
№ 3 Кольванского района Новосибирской области;

Научный руководитель: Кузьминых Наталья Михайловна,
учитель истории и обществознания Кольванской средней общеобразовательной школы № 3 Кольванского района
Новосибирской области

БЕРЕСТЯНЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Береста — это верхний слой берёзовой коры, белый снаружи и золотисто-желтый изнутри, удивительно пластичный и тёплый материал. Заготовка и обработка бересты требует большого терпения. Бересту лучше заготавливать вдали от селений в местах, специально отведённых для рубки леса, на лесоповалах. Удивительных свойств добивались от этого материала мастера. Прикасаясь к бересте, они превращали её в нарядные, практичные, гармоничные, изящные и прочные вещи. С древних времён на Руси береста была незаменима при изготовлении разных хозяйственно-бытовых предметов. В специально изготовленных туесах и коробах хранились продукты. Из бересты наши предки делали крыши домов, лёгкие летние жилища и лодки, поплавки для сетей, прекрасные украшения. Использовали её и как бумагу, о чём свидетельствуют берестяные грамоты, найденные в большом количестве в Новгороде.

Интерес к производству изделий из бересты не иссякает и в наши дни. Сегодня этот удивительный материал открывает пытливому разуму и рукам мастера свои новые секреты. В нашем посёлке есть люди, которые увлекаются производством изделий из бересты. Мы решили с ними познакомиться и узнать, какие же предметы можно заготавливать из бересты в современных условиях.

Береста — материал из леса. Но для Виктора Васильевича Маздорова лес не только источник жизни, но и источник вдохновения.

В 1990 году он открыл свою творческую мастерскую народных художественных промыслов «Век», где он и его небольшой коллектив продол-

жили народные традиции россиян, совершенствуя старое, постоянно придумывали что-то свое [1, с. 3].

Слава о мастерах разлетелась далеко за пределы Новосибирской области. В 2001 году мастерская, уже с новым названием «Сибирская береста»? переехала в Новосибирск. Но Виктор Васильевич не порывает связи со своей малой родиной. В 2006 году он выиграл конкурс на создание герба Колывани.

За почти два десятка лет в мастерской Маздорова изготовлено большое количество изделий: броши, круглые, овальные, с различными рисунками, всевозможные шкатулки, большие панно, бочонки, куклы. «Во всех работах чувствуется мастерское владение материалом, умение выразить мысли и чувства, душевное состояние. Это вдумчивая, кропотливая работа, в которой заключается смысл жизни художника и его сподвижников» [4, с. 4].

Предметов из бересты, по мнению Виктора Васильевича, чрезвычайно много. Наиболее просты по форме и изготовлению изделия из куска бересты. Некоторые из них можно сделать прямо в лесу — ковшики, ложки. Изготовление коробов требует знаний о шовном материале, еще более сложным является изготовление туесов — берестяных сосудов из целого, снятого в виде трубки отрезка бересты, так называемого сколотня. Затем украшаются резьбой, росписью, аппликацией, тиснением, приобретая изящество и выразительность. Главной любовью мастера являются иконы. Иконы, выполняемые в мастерской В.В. Маздорова, соответствуют всем церковным канонам — «Святая равноапостольная княгиня Ольга» первой в Древней Руси принявшая христианскую религию. «Владимирская Пресвятая Богородица» — покровительница Москвы и всей России.

Творчество В.В. Маздорова отмечено Почетными грамотами, другими наградами. Изделия, изготовленные в мастерской «Сибирская береста», находятся в частных коллекциях России, Германии, Англии, США, Японии и других стран. А также у Президента РФ Путина В.В., нашего земляка, Олимпийского чемпиона Александра Карелина и других известных людей России.

Александр Борисович Алексеев в свободное время вместе с женой Светланой Витальевной занимается изготовлением берестяных шедевров. О своём хобби он говорит: «Берестой увлёкся случайно... в 2000 г. случайно увидел шкатулку и родилась идея попробовать сделать самому» [2, с. 26]. Приходилось много работать. Посещал в Колывани, Новосибирске выставки изделий из бересты, фантазировал и в скором времени стал создавать собственные произведения. Он ничего не копирует, не заимствует из прошлого, из работ своих коллег, а благодаря творческому подходу к своему ремеслу добивается значительного разнообразия тем, орнаментов. Темы своих сюжетных композиций он черпает в природе сибирского края. Сочетание высочайшего вкуса и тонкого понимания материала делает ра-

боты Алексеева настоящими произведениями искусства, которое поражает воображение детей и взрослых. Искусно варьируя узоры, он заставляет каждый предмет как бы звучать по-своему.

Александр Борисович — член областного Дома народного творчества. Активно работает с «Сибирским вернисажем». Творчество мастера отмечено Дипломами «Сибирской ярмарки», областной художественной выставки «Береста. Ткачество» и многими другими наградами.

Работы А.Б. Алексеева можно встретить во всех художественных салонах и лавках г. Новосибирска, в других российских городах и за границей — в Германии, Польше, Чехии, Канаде, США, Турции, Австралии.

Ольга Николаевна Кирина с детства интересовалась традиционным народным искусством. Получила специальность художника по росписи. С 1981 года судьба Ольги Николаевны связана с Сибирью, с Кольванью [3, В. 1, с. 54–55]. Сначала работала на фабрике «Умелица», а с 1984 возглавляла кооператив «Художественная роспись». На основе русских традиций расписывали самовары, подносы, матрёшки, деревянную посуду, чаши.

В 2000 году Ольга Николаевна решила попробовать делать изделия из бересты. Первые уроки получила в семье Алексеевых.

По словам Ольги Николаевны, делать изделия из бересты очень просто. Для этого необходимо весной, когда начинается сокодвижение, заготовить бересту. В это время она эластична, легко снимается со ствола берёзы. На коре очень много слоёв, но снимается только верхний, чистится до «мягкой тряпочки». Снимать нужно только чистую бересту и желательна белую. Так как береста желтеет на солнце, то хранить её надо в тёмном месте. Для того, чтобы береста не свернулась, её необходимо прижимать. При изготовлении изделия на куске бересты шилом, иголкой проводятся линии, покрываются водной морилкой.

С особой любовью изготавливает Ольга Николаевна из бересты иконы. Она разработала свой уникальный стиль изготовления икон, руководствуясь принципом: «Икона — это не только и не столько произведение искусства, она есть предмет священный». Ольга Николаевна — участник региональных, республиканских, всесоюзных и международных выставок. Автор работ, которые радуют посетителей музеев и галерей городов России, США, Бельгии, Германии, Японии.

Таким образом, в своём исследовании мы проследили творчество мастеров, занимающихся изготовлением изделий из бересты, живших и живущих в р.п. Кольвань Новосибирской области. Необходимо отметить, что работы наших мастеров являются подлинными шедеврами, о чём красноречиво говорят полученные ими награды на разных конкурсах. Сюжетное многообразие и техника исполнения позволяют утверждать о многообразии их таланта.

Библиографический список

1. Киселева И. В мастерской художника. — Трудовая правда, 1996, 21 августа.
2. Нестеренок А. Берестой увлекся случайно... — Советская Сибирь, 2003, 22 мая.
3. Мастера Сибири, Урала, Дальнего Востока. — Новосибирск, 1992.
4. Рожкова Т. Берестяных дел мастер. — Трудовая правда, 1997, 11 октября.

Глушкова Эльвира,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Колыванского района Новосибирской области

Научный руководитель: Рагозина Людмила Петровна,
учитель русского языка и литературы Колыванской средней обще-
образовательной школы № 2 Колыванского района
Новосибирской области

ЧЕХОВСКАЯ СТРАНИЦА В ЖИЗНИ КОЛЫВАНИ

Всем читающим людям хорошо известно имя русского писателя Антона Павловича Чехова. Его творчество оказало влияние на развитие всей мировой прогрессивной литературы. Своим общечеловеческим содержанием, неукротимой ненавистью к пошлости и светлой верой в грядущее, непревзойденным совершенством формы и языка произведений Чехов бесконечно дорог и современному читателю, и зрителю. Этот великий писатель и человек вписал незабываемую страницу в жизнь нашего района.

В центре Колывани на здании бывшей почтовой конторы есть мемориальная доска, посвященная пребыванию А.П. Чехова в нашем поселке. Во время экскурсий в районном краеведческом музее мы часто слышим чеховскую фразу «В Колывани мне не дают почтовых лошадей...» Но опрос в школе показал, что многие учащиеся мало знают о том, что проездом на Сахалин великий русский писатель был в Колывани. Все это и побудило меня подробнее ознакомиться с биографией писателя и особенно с теми ее страницами, что связаны с его путешествиями по Сибири и пребыванием в нашей Колывани.

Чехов вошел в русскую литературу в середине 80-х годов XIX века и сразу же его произведения, ярко отражающие картины русской жизни, получили широкую известность. За сборник рассказов «В сумерках» Академия наук присуждает ему половину Пушкинской премии.

После того громкого успеха от Чехова все ждали новых талантливых произведений. И именно в это время, когда к нему пришла широкая из-

вестность, он собрался в поездку на остров Сахалин. Писатель считал, что оправдать эти ожидания можно, только воочию узнав реальную жизнь страны и ее народа. Он смотрел на свою поездку как на акт служения людям, науке.

«Если я литератор, то мне нужно жить среди народа... нужен хоть кусочек общественной и политической жизни...» [3, т. 12].

Готовясь к поездке, Чехов прочитал много книг о Сибири и Дальнем Востоке. Это «Сибирская история» Фишера, «Описание земли Камчатки» Крашенинникова, труды экспедиций Русского географического общества в Сибири. 20 января 1890 года Чехов подал в канцелярию Главного тюремного управления на имя начальника управления тюрем при министерстве внутренних дел М.Н. Галкина-Враского письмо с просьбой оказать «возможное содействие» к достижению «названных целей»: «Отправиться с научной и литературной целью в Восточную Сибирь и заодно посетить остров Сахалин» [3, т. 12]. Но никакой помощи от официальных властей Чехову оказано не было.

21 апреля 1890 года друзья и родные проводили А.П. Чехова из Москвы в Ярославль, где он сел на волжский пароход «Александр Невский» и плыл до Перми. Оттуда по железной дороге ехал до Тюмени, а от Тюмени на тарантасах и пароходах проделал путь до Сахалина (четыре тысячи верст: в Сибири железной дороги еще не было). А.П. Чехов писал: «Сибирский тракт — самая большая и, кажется, самая безобразная дорога во всем свете» [3, т. 12].

Более 2,5 месяцев длилось путешествие А.П. Чехова. «По сибирскому тракту, от Тюмени до Томска, нет ни поселков, ни хуторов, а одни только большие села, отстоящие одно от другого на 20, 25 и даже на 40 верст... не увидите вы ни фабрик, ни мельниц, ни постоянных дворов...» [3, т. 12].

Из Тюмени он выехал на лошадях 3 мая, 13 мая переехал Обь, а 15 мая был в Томске. «Здесь от Тюмени до Томска земля бурая, леса голые, на озерах матовый лед, на берегах в оврагах лежит еще снег» [3, т. 12] — записывал А.П. Чехов. После 7 мая пошли дожди, на глазах таял снег, разливались реки, затапливало луга. Начиналась весенняя распутица. В такое непригодное для дальней дороги время А.П. Чехов въехал в Колывань. Это случилось 12 мая 1890 года. Отсюда он должен был продолжать путь дальше на почтовых лошадях.

Колывань... С удивительно прямыми, тянущимися строго с востока на запад и с юга на север улицами открылась А.П. Чехову. Купеческие дома, одноэтажные и двухэтажные, украшали тогда город Колывань. По легенде, А.П. Чехов побывал в доме купца Жернакова Е.А. Этот колыванский купец занимался благотворительностью, был образованным человеком, имел богатую библиотеку.

12 мая 1890 года А.П.Чехов записывает в дневнике: «В Колывани мне не дают почтовых лошадей, говорят, что по берегу Оби затопило луга, нельзя ехать. Задержали даже почту и ждут особого распоряжения».

Сохранились устные сведения о том, что в ожидании лошадей А.П.Чехов останавливался в здании старой гостиницы по бывшей улице Купеческой (сегодня улица Советская, 25). Почтовая станция находилась в здании, где сейчас располагается почтовое отделение. Раньше это деревянное одноэтажное здание состояло из присутственного места и жилого помещения. Во дворе находился небольшой домик, где жили телеграфисты.

В своих воспоминаниях Чехов пишет, что «станционный писарь советует мне ехать на вольных в какой-то Вьюн, а оттуда в Красный Яр, из Красного Яра меня повезут верст 12 на лодке в Дубровино, а там уж мне дадут почтовых лошадей. Так и делаю: еду во Вьюн, потом в Красный Яр...» [3, т. 12].

В Красном Яре 14 мая 1890 года А.П. Чехов запишет: «Вообще народ здесь хороший, добрый и с прекрасными традициями... В доме полы выкрашены или устланы самодельными холщовыми коврами... вас не посадят пить чай без скатерти...»

На нашей колыванской земле рождаются у писателя строчки, подчеркивающие исключительную честность сибиряков. «И в самом деле, по всему тракту не слышно, чтоб у проезжего что-нибудь украли; когда идешь на станцию, вещи оставляешь на дворе; на вопрос, не украдут ли, отвечают улыбкой» [3, т. 12].

По приезду в Дубровино А.П. Чехов получил почтовых лошадей, доехал до реки Томи, на лодке переправился через реку и 15 мая прибыл в Томск.

«Боже мой, как богата Россия хорошими людьми», — эта знаменитая фраза А.П. Чехова, прозвучавшая из Сибири, без сомнения, относится и к жителям Колыванской земли [3. т. 12].

Колыванцы бережно хранят память о пребывании в нашем поселке великого русского писателя.

«День 26 августа выдался пасмурным. Накрапывал по-осеннему дождь. Но, несмотря на это, на митинг, посвященный открытию мемориальной доски в честь пребывания в 1890 году в Колывани А.П. Чехова, шли и шли люди. Они собирались около здания районного узла связи, где останавливался великий русский писатель в то время» [2], — писала об этом событии в районная газета «Трудовая правда» от 01 сентября 1983 года [2, с. 4].

Это был настоящий праздник. В воздухе раздавались звуки духового оркестра. В 13 часов митинг, посвященный открытию мемориальной доски, открыл (бывший) председатель исполкома районного совета депутатов В.М. Ноздрюхин. Перед участниками митинга выступили заместитель

председателя Новосибирской писательской организации Н.Я. Самохин, наш земляк, художник П.Л. Поротников, автор мемориальной доски, художник-монументалист, лауреат премии Ленинского комсомола А.С. Чернобровцев, писатель Ю.Г. Магалиф, Заслуженный учитель РСФСР М.Г. Вещеникина.

В 1983 году мемориальная доска, открытая в Колывани, была единственной вехой на пути следования А.П. Чехова на Сахалин.

На митинге речь шла и о том, что у колыванцев «есть задумка» в недалеком будущем открыть в доме, где останавливался А.П. Чехов (улица Советская, 25), музей. Но она так и не была воплощена в жизнь. И только мемориальная доска напоминает о той далекой весне 1890 года, когда писатель проездом на Сахалин останавливался в Колывани. Но мы, колыванцы, гордимся тем, что в далеком 1983 году эта мемориальная доска была первой и единственной в то время памятной вехой в Сибири на пути следования великого русского писателя А.П. Чехова на Сахалин.

Библиографический список

1. Кожевников С.Е. Сибирская страница в биографии А.П. Чехова. — Новосибирск, 1976.

2. Соловьев С.В. «В честь А.П. Чехова» // Газета «Трудовая правда». Р. п. Колывань. — № 115. — 1983.

3. Чехов А.П. Собрание сочинений в двенадцати томах. — Москва. Издательство «Правда», 1978.

Иванилов Кирилл,

**ученик 11 класса Венгеровской средней общеобразовательной школы
№ 1 Венгеровского района Новосибирской области**

**Научный руководитель: Шатова Ирина Николаевна,
учитель истории Венгеровской средней общеобразовательной школы
№ 1 Венгеровского района Новосибирской области**

**Научный консультант: Шатов Александр Геннадьевич, кандидат
исторических наук**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕНГЕРОВСКОГО РАЙОНА

История исследований археологических памятников Новосибирской области достаточно широко освещалась специалистами [4, 12, 13, 14, 15]. В числе первых работ в рамках реализации государственной программы «Свод памятников истории и культуры народов России» были опублико-

ваны материалы по Венгеровскому району [3]. Для археологов наш район представлял и представляет до сих пор широкое поле деятельности по выявлению и изучению памятников археологии.

Раскопки древних курганов в Западной Сибири, в том числе и на территории Венгеровского района, начались давно. Описание ряда памятников вошли в печатные издания, начиная с конца XVIII столетия. Начало археологического изучения памятников Барабы следует отнести к 30–40 годам XVIII века, когда в Сибири работала академическая экспедиция Г.Ф. Миллера [4, с. 11].

В 1771–1772 гг. на территории Зауралья и Западной Сибири работала Оренбургская экспедиция, возглавляемая академиком И.П. Фальком. Им охарактеризованы Вознесенское городище и Усть-Тартасский могильник, описаны оборонительные сооружения городища Чуланкуль и курганные группы, открытые неподалёку от него. И.П. Фальк писал: «Выше впадения Тартаса в Омь находилось 206 курганов, частью раскопаны, частью же целы» [10, с. 6].

С 1895–1896 гг. раскопки Барабинской лесостепи производил прозектор Томского университета С.М. Чугунов. Эти работы можно считать первыми научными раскопками на территории Венгеровского района. Чугунов исследовал Усть-Тартасский могильник, где раскопал 13 курганов. Большинство погребений оказалось разграбленными. Чугунов С.М. провел также археологическую разведку по реке Омь, снял первый план Вознесенского городища и указал местонахождение ряда курганных групп [3, с. 6].

В 1896 г. профессор Томского университета В.М. Флоринский собрал через местные власти сведения о сибирских курганах. Так была составлена первая сводка расположения курганов по Венгеровскому району. Большое внимание он уделил курганному полю, расположенному по Московскому тракту между с. Спасское /Венгерово/ и Туруновское, названное им Усть-Тартасским могильником [4, с.13].

В материалах П.М. Пономаренко встречаем материалы из «Геологического исследования Сибирского почтового тракта», в которых И.Д. Черский оставил такое замечание «...между станциями Туруновской и Спасской, между последней и Вознесенской, около дороги наблюдается местами немало курганов /до 2,5 м высоты и до 14 м в диаметре/, а жители деревни Туруновской говорили, что на пашнях они находят иногда «громовые стрелы». Черский по территории района проезжал летом 1885 г. [16, Т. 1. Д. 26, с. 13].

В 1908 г. студент Томского университета А.М. Молотилов, собиравший материалы по сибирской диалектике, дал описание Вознесенского городища, курганных групп по рекам Омь и Тартас. В 1925 году были проведены первые раскопки Вознесенского городища сотрудниками Омского краеведческого музея А.М. Жихарёвым и В.А. Клодтом и продолжены в

1926–1927 годах П.А. Дмитриевым и В.П. Левашовой. Раскопки дали материалы в основном эпохи барабинских татар. П.М. Пономаренко отмечает, что В.П. Левашова и Ф.В. Мелехин открыли «Игнатьевские курганы» и «Игнатьевское городище».

В 1966 году на территории района начала археологические исследования Т.Н. Троицкая. В результате был исследован курган памятника Венгерovo-1А, в котором было обнаружено непотребоженное погребение эпохи железа, а также поселение одиноцкого типа. Т.Н. Троицкая уточнила и дополнила сведения о Вознесенском городище, Вознесенских курганах. Ею были обследованы Усть-Тартасский могильник и примыкающее к нему городище, которое получило название Венгеровское поселение» [16, Т. 1. Д. 26, с. 15].

В 1971 году свердловский археолог В.А. Борзунов провел разведку в Барабе и открыл несколько памятников у села Козловка, Иртышский отряд под руководством д.и.н. В.А. Могильникова обследовал ряд курганных групп и выявил поселения эпохи раннего железа и барабинских татар [3, с. 10].

В 1973 году осмотр археологических памятников Венгеровского района совершил легендарный ученый-археолог, академик А.П. Окладников. Его интересовали прежде всего памятники древнекаменного века. Так же он осмотрел памятники у с.Козловка, знаменитый Усть-Тартасский могильник и поселение Ложка-4 [3, с. 8–11].

С 1974 года на территории района работает Барабинский отряд Новосибирской археологической экспедиции НГПИ под руководством В.И. Соболева. В 1976 году был обследован Соболевым В.И. Усть-Тартасский форпост.

В 1979–1981 годах в Барабинской лесостепи работал археологический отряд Ленинградского университета под руководством Д.Г. Савинова. Исследователем изучены могильники Венгерovo-1, Венгерovo-7.

В последние десятилетия XX века крупные раскопки в Венгеровском районе проводили Н.В. Полосьмак (памятники раннего железного века Ложка-4 и 2), В.И. Соболев (им получен наиболее представительный материал по Вознесенскому городищу), В.С. Елагин (памятники I тыс. н.э., в том числе интереснейшие комплексы в районе села Туруновка), А.И. Соловьев (памятник Усть-Изес-1 и могильник Чуланкуль-1), А.В. Нескорov (раскопки памятника Старый Сад) [16, Т. 1. Д. 26, с. 15–21].

С 1972 года на территории Венгеровского района ежегодные исследования проводит Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН. Руководит экспедицией академик РАН, д.и.н., профессор В.И. Молодин. Он считает Венгеровский район с точки зрения археологии уникальным [5, с. 6].

Уникален могильник Сопка-2. Первые исследования на Сопке-2 были произведены в 1979 году [14, с. 29]. Вскрытие памятника велось методом передвижных траншей шириной 4 метра. Исследование продолжалось 14 лет. За это время было вскрыто около 24255 кв. м площади. Всего на памятнике было исследовано 689 погребений, около 70 курганов и 46 культурных земляных сооружений [5, с. 6].

В полевом сезоне 1999 г. были проведены работы по обнаружению и уточнению культурно-хронологической принадлежности ряда археологических памятников в Венгеровском районе. Были исследованы: курган из могильника Гришкина заимка, два кургана могильника Малинино-1 и курган могильника Малинино-3 [6, т. 5, с. 439–445].

В 1999 году был открыт могильник Гришкина заимка. Изучены хозяйственные постройки заимки, функционировавшей до конца 20-х гг. XX века. Время её возникновения может относиться к концу 19 века [7, т. 8, с. 585–591]. Также был полностью исследован курганный могильник Камыши-1. Материалы данного могильника дали ещё одну разновидность погребальной практики кротовской культуры [8, т. 5, с. 433–438].

На территории Венгеровского района место впадения реки Тартас в реку Омь характеризуется большой концентрацией археологических памятников различных эпох (от палеолита до позднего средневековья), что свидетельствует о постоянном освоении этой территории человеком. Здесь в разные годы производились археологические раскопки, которые позволили выявить смену культур и разработать историко-культурную периодизацию. Данный регион является благоприятным для изучения изменений палеоландшафта и палеоклимата в эпоху голоцена, а также адаптации человеческих популяций к этим процессам [2, т. 10. Ч. 1, с. 291–295]. Именно здесь был заложен разведочный шурф памятника Ложка-5. Исследования ещё предстоят.

В 1998 г. В.В. Бобровым были начаты раскопки уникального поселения Автодром-2. Его уникальность заключается в том, что это пока крупнейший памятник, содержащий керамику, орудия труда и остатки жилищ эпохи неолита в лесостепной зоне Западной Сибири. В 2003 г. были получены незначительные материалы эпохи ранней бронзы. Раскопки памятника продолжаются [1, т. 10. Ч. 1, с. 185–188].

С 2004 года начато полномасштабное изучение погребальных комплексов грунтового могильника Тартас-1. Полевые работы начались с геофизической разведки. Получена уникальная информация для воссоздания картины контакта аборигенного (позднекротовского) с пришлым (федоровским) населением в XIII–XII вв. до н.э. Исследователи отмечают, что это крупный некрополь эпохи ранней и развитой бронзы, перспективы изучения которого трудно переоценить [9, т. 10. Ч. 1, с. 358–364].

Библиографический список

1. Бобров В.В. Ст. «Материалы раскопок на поселении Автодром-2 (предварительные результаты)» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 10. — Ч. 1. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.

2. Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А. Ст. «Особенности геологической расшифровки стратиграфии памятников Автодром-2 и Ложка-5» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 10. — Ч. 1. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.

3. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. — Новосибирск, 1998.

4. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985

5. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. — Новосибирск: Изд-во Института Археологии и этнографии СО РАН, 2001.

6. Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Жемерикин Р.В., Марченко Ж.В. Ст. «К археологической карте Западной Барабы» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 5. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999.

7. Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Ст. «Хозяйственный сезонный комплекс русского населения Западной Барабы (конец XIX — начало XX вв.)» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 8. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002.

8. Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Шатов А.Г. Ст. «Новый могильник кротовской культуры в Барабе» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 5. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1999.

9. Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Ст. «Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1)» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». — Т. 9. — Ч. 1. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003.

10. Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пиесонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Ст. «Исследование могильника бронзового века Тартас-1» в сб. «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий». —

Т. 10. — Ч. 1. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004.

11. Пономаренко П.М. Отчий край. Очерки по истории Венгеровского района. — Новосибирск, 2005.

12. Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье // Уч. пособие для общеобразовательных учебных заведений. — Новосибирск: Дизайн-ИНФОЛИО, 1996.

13. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, 1980.

14. Троицкая Т.Н., Соболев В.И. Наш край в древности и средневековье // Уч. пособие для общеобразовательных учебных заведений. — Новосибирск: Студия Дизайн-ИНФОЛИО, 1996.

15. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. — Новосибирск, 2004.

16. Личный архив П.М. Пономаренко. Ф. 141. Т. 1. Д. 26. Отдел архивной службы администрации Венгеровского района НСО.

Камаев Радмир,

ученик 9 класса Юрт-Акбалыкской основной общеобразовательной школы Колыванского района Новосибирской области

Научный руководитель: Мавлютов Вильюр Рафикович,

учитель истории Юрт-Акбалыкской основной общеобразовательной школы Колыванского района Новосибирской области

МАЛО-КОРЮКОВСКАЯ ИНОРОДЧЕСКАЯ ВОЛОСТЬ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Село Юрт-Акбалык — одно из старейших коренных татарских поселений Сибири, входившее в состав Мало-Корюковской инородческой волости Томского уезда Томской губернии. В списке населенных мест Сибирского края 1928 года указывается дата образования нашего села — 1700 год.

При изучении истории Мало-Корюковской инородческой волости использованы документы Томского Государственного архива, переданные в школьный музей новосибирским писателем А.Ж. Садыровым, документы Новосибирского Государственного архива и Колыванского районного архива.

Инородческие волости как орган управления и сбора налогов (ясака), сформированные ещё в 17 веке, упразднены были только в начале 20 века в результате новой административной реформы по управлению коренными жителями Сибири.

Согласно введённому в действие в 1822 году «Уставу об управлении инородцев Сибири» сибирские татары в правовом отношении приравнива-

лись к русским тягловым сословиям — мещанам и государственным крестьянам. Устав закреплял за ними находившиеся в пользовании земли, позволял открывать свои школы, определял порядок и размеры взимания ясака [3].

Вместе с тем Устав 1822 года жёстко ограничивал возможности выезда жителей инородческих сел за пределы губернии. Для получения права выезда нужно было получить увольнение от старосты села и волостного старосты, в котором указывались личные данные инородца и требование по истечении указанного срока возвратиться в своё село. Жители Мало-Корюковской инородческой волости, получив увольнения и годичные паспорта, имели право выезжать за пределы волости на работу. Полицейское управление следило за обязательным исполнением всех этих предписаний. Данные правила действовали в отношении всех групп российских мусульман на протяжении всего 19 века.

В списке населенных мест Томской губернии 1899 года наше село именуется как Юрты Акбалыкская, расположенная на реке Уень, впадающей в реку Обь. В селении 37 крестьянских дворов и 2 некрестьянских. Численность населения составляет 185 человек, из которых 97 мужского пола и 88 женского. Жители села совместно с «юртами Орскими» владели 85000 десятин земли. Уже в это время в Юрт-Акбалыке имеется мечеть и мусульманская школа [1, л. 104, 105].

Мало-Корюковская волость как инородческая прекратила своё существование уже при Советской власти. Во второй половине 1922 года проводилось укрупнение волостей, и Мало-Корюковская волость вошла во Вьюнскую волость [4, л. 150].

Интересная информация, характеризующая изменения, произошедшие в жизни села, имеются в Списке населенных мест Сибирского края 1928 года, составленном на основании переписи 1926 года. Юрт-Акбалык в это время крупный сельский населенный пункт. Число хозяйств составляет 104 двора. Население — 529 человек, из которых 268 мужчин и 261 женщина. В селе работает сельсовет и школа 1-й ступени. Мечеть не указывается, хотя в это время она еще работает.

Следует отметить, что, несмотря на то, что государство на протяжении нескольких веков выстраивало систему управления инородческим населением, внутри мусульманских поселений распорядок жизни определялся в первую очередь мусульманскими традициями, главным хранителем которых был мулла. Он вел метрические книги, вёл разбор заявлений прихожан, следил за исполнением всех обрядов и традиций мусульманской общины.

В школьном музее хранится паспорт Юрт-Акбалыкской семилетней школы 1956 года, в котором годом построения мечети в селе значится 1910 год. Но, как уже указывалось выше, в Списке населённых мест Томской губернии 1899 года мечеть уже значится как действующая.

Сохранилась единственная фотография здания этой мечети, на которой есть запись: «Колхоз им. Свердлова, село Юрт-Акбалык (Курбес). Выезд к 3-му Большевикскому севу. 25 мая, 1932 год».

На фотографии запечатлены жители села возле бывшей мечети. Бывшей, потому что полтора месяцами ранее, 6 апреля 1932 года исполкомом Колыванского райсовета было принято решение о закрытии мечети по ходатайству Юрт-Акбалыкского сельского Совета и передаче здания под школу [5, л. 113]. Некоторое время после этого на крыше мечети ещё стоял минарет.

По воспоминаниям местной жительницы Зайнулиной М.С., которой сегодня 103 года, в 1910 году старое здание мечети «пятистенок» размером 8x5 м было разобрано и перевезено в соседнее село Батурино её дядей, зажиточным жителем этого села Тухватуллиным Курбаном, который установил его на Татарской улице рядом со своим домом. А жители села Юрт-Акбалык построили новую мечеть. Видно отсюда и проходит в некоторых документах 20 века 1910 год как дата открытия мечети, хотя она, как мы убедились, работала еще в 19 веке. В мечети проводились мусульманские религиозные обряды, детей обучали грамоте на татарском языке, для письма и чтения использовали буквы арабского алфавита. Все важные вопросы сельской общины решались в мечети.

После открытия новой школы в 1973 году старое здание было разобрано и вывезено в р.п. Колывань.

Новое возрождение мусульманской общины в селе Юрт-Акбалык началось в 2012 году. Сейчас она проходит регистрацию под названием «Нур» и входит в состав Духовного Управления мусульман Сибири Омского муфтията. Было начато строительство мечети под руководством Гизатуллы Мавлютова.

Сегодня жители села не только возрождают утраченное за прошедшие годы, но и бережно хранят историческую память о прошлом села Юрт-Акбалык Мало-Корюковской волости Томской губернии. Здесь до сих пор делают уникальные лодки — долбленки, технологию изготовления которых местные жители пронесли через века. По признанию новосибирских археологов, такие лодки сегодня не делают больше нигде в мире.

В музее Юрт-Акбалыкской школы хранится архивный документ — «Приговор» Юрт-Акбалыкской общины 1914 года о найме писаря из села Батурино, где перечислены фамилии 35 жителей, потомки которых до настоящего времени проживают в нашем селе и продолжают традиции своих предков. А мы, нынешние школьники, хотим не только помочь в сохранении этих традиций, но и в будущем приумножить их.

Библиографический список

1. Список населенных мест Томской губернии на 1899 год. — Томск, 1899.

2. Списки населенных мест Сибирского края. — Т. 1. — Новосибирск, 1928.
3. Маркова М.Ф. Татары-мусульмане Томской губернии. — Томск, 2008.
4. Административно-территориальное деление Сибири. Справочник. — Новосибирск, 1966.
5. Протоколы Колыванского райисполкома за 1932 год. Колыванский районный архив. Ф. 1. Д. 235.

**Карпухина Татьяна,
ученица 8 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Колыванского района Новосибирской области**

**Научный руководитель: Березина Лариса Георгиевна,
учитель истории Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Колыванского района Новосибирской области**

**ГАВРИИЛ ИВАНОВИЧ ПАСТУХОВ:
КОЛЫВАНСКИЙ КУПЕЦ ВТОРОЙ ГИЛЬДИИ (1823–1893 гг.)**

Духовной потребностью каждого человека является сохранение памяти о прошлом своей страны, своего народа, своей семьи.

Особый интерес у современников вызывает история своего края и людей, которые жили здесь.

Полтора столетия назад Колывань была небольшим уездным городом, население которого состояло в основном из мещан и купечества.

Многие купцы, имея большие доходы, занимались благотворительностью. В основном она распространялась на церковь и образование.

Я учусь в школе, которая 132 года назад была построена на деньги купца Гавриила Ивановича Пастухова. В то время это было здание городского двухклассного училища, подведомственного Министерству народного просвещения России. Судьба этого человека меня очень заинтересовала и мне захотелось узнать о нём побольше. Каким он был, чем занимался. К сожалению, сведений о нём сохранилось очень мало. Всё, что мне удалось собрать по крупицам, я изложила в своём исследовании.

В Томском государственном архиве сохранился «Формулярный список о службе лиц, служащих в Колыванском двухклассном городском училище за 1885 год». Из него я узнала, что Гавриил Иванович Пастухов родился в 1823 году. Он, как и многие в то время, получил домашнее образование. Был женат на Авдотье Яковлевне, но детей у них не было.

В 1851 году в возрасте двадцати семи лет он получил звание купца II-ой гильдии. И, видимо, Пастухов был очень предприимчивым человеком,

если в таком молодом возрасте обладал немалым капиталом. В этом же документе в графе «благоприобретённое» перечислена собственность, которой он владел к 1885 году: «У него самого в городе Колывани было два дома: один каменный о трёх этажах, а другой деревянный о двух этажах» [5, л. 17].

Кроме дома купец имел прачечную, три склада, две конюшни, кирпичную кладовую, амбар.

В книге П.Ф. Кочнева «Жизнь на Большой реке (записки сибирского приказчика)» есть воспоминания о нём: «...Пастухов был богатый торговец, в Колывани имел большой каменный дом и каменные склады для товаров, прямо на дому скупал хлеб, мясо, масло, сало и другие продукты, на базаре торговал в двух лавках мануфактурами и всякими товарами...» [2, с. 223].

Гавриил Иванович был человеком своего времени и, как любой торговец, из всего старался извлечь выгоду. Вот ещё одно воспоминание о нём, приведённое Кочневым:

«...Назавтра я пошёл к Г.И. Пастухову получить от него деньги, предварительно купив в лавке разного товару рублей на 40. Когда стал с ним прицениваться, он искал глазами, нельзя ли мне ещё чтонибудь продать и, взяв на столе перочинный ножик, сказал: «Стоит 3.50, а я отдам за 3 рубля». Я стал отговариваться, а он, увлечшийся, отдал за 2.75. И, чтобы его не сердить, я купил ножик, хотя и знал, что цена ему 1.5 рубля» [2, с. 24].

Как видно из этих воспоминаний, Гавриил Иванович был успешным торговцем. Но вполне можно допустить, что получал он большие прибыли не всегда честным путем. В истории Колывани даже сохранилась легенда об этом. «Занимаясь продажей хлеба, купец Пастухов обвешивал людей. Дело в том, что по этикету гиря числилась 2 пуда, а в действительности вес этой гири составлял 2 пуда 10 фунтов.

Каким-то образом мошенничество было раскрыто, и Пастухов был отдан под суд. По приговору суда ему было вынесено наказание: каждый церковный праздник ходить в церковь в чугунных калошах, каковые и были отлиты специально для него.

С тем, чтобы откупиться от наказания, он взял на себя обязательство выстроить школу и церковь, которое он и выполнил» [1, л. 5].

Так это было на самом деле или нет, остаётся только догадываться. Но учитывая сохранившиеся воспоминания о нём, вероятность такого события очень велика.

И, всё же, не смотря ни на что, купец Пастухов оставил о себе в Колывани хорошую память.

В архивных документах, в энциклопедической литературе сохранились сведения о том, что Гавриил Иванович активно занимался благотворительностью. В Томском государственном архиве сохранилось письмо

Директора училищ Томской губернии от 23 сентября 1878 года И. Смирнова к Главному Инспектору училищ Западной Сибири. В нём, в частности, сообщалось, что «...Кольванский купец Гаврило Иванович Пастухов письмом от 16 марта 1878 года к Г. Томскому Губернатору изъявил желание выстроить в городе Кольвани дом для Кольванского двухклассного городского училища, снабдить училище необходимыми классными принадлежностями и содержать оное на свой счёт семь лет...» [4]

Своё намерение купец исполнил. В Формулярном списке сделана запись, что в 1880 году: «На принадлежащем ему в городе Кольвани участке по плану, утверждённому под № 466, выстроен каменный одноэтажный дом для городского двухклассного училища...» [5, л. 18]

Само здание ему обошлось в 15000 рублей, а в обеспечение содержания училища было внесено 15330 рублей в Кольванскую городскую управу.

С тех пор прошло более ста лет, а здание школы стоит до сих пор.

В 1890 году на средства Г.И. Пастухова была выстроена Градо-Кольванская Покровская училищная церковь. Она была построена специально для двухклассного городского училища.

К сожалению, церковь не сохранилась. В начале 30-х годов она была переоборудована под клуб для Областной школы тракторных механиков, а в 60-е годы его снесли и на этом месте теперь стоит жилой многоквартирный дом.

Строительством училища и церкви благотворительность Г.И. Пастухова не ограничивалась. В «Формулярном списке» есть перечисление пожертвований, которые делал купец на пользу общества. Вот некоторые из них.

Для Кольванской соборной церкви он пожертвовал Евангелие, колокола и утварь. За что получил благословение Святейшего Синода.

В 1881 году внёс 1000 рублей на строительство здания Томского университета. За свой счёт в 1868 году отремонтировал Кольванский военный лазарет, за что получил благодарность губернского начальства.

За участие в благотворительности Г.И. Пастухов не раз получал награды. В 1874 году его наградили серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шее. За пожертвования в пользу учебных заведений Министерство Народного Просвещения вручило ему золотую медаль с надписью «За усердие» для ношения на шее на Владимирской ленте в 1882 г.

Гавриил Иванович являлся Почётным гражданином города Кольвань, был много лет подряд Почётным смотрителем городского училища.

К сожалению, нет возможности проследить весь жизненный путь Пастухова. С тех пор прошло слишком много времени. Бурные события начала XX века способствовали тому, что многие документы утеряны безвозвратно, а очевидцев давно нет в живых. Но из тех сведений, что удалось собрать об этом удивительном человеке, до нас доходит личность неординарная. В нём сочетались, с одной стороны, торговая хватка, стремление к

наживе, с другой стороны, желание поделиться своими личными деньгами на благо общества.

В Колывани до сих пор действует построенная им школа, а в его двухэтажном каменном доме, как в одном из самых красивых в посёлке, расположена Детская школа искусств, из открытых окон которой летом льется прекрасная музыка. Это память, которую оставил о себе купец Гавриил Иванович Пастухов.

Библиографический список

1. Колыванский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366 а.
2. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой реке (записки сибирского приказчика). — Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2006.
3. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. — Новосибирск, 1995.
4. «Письмо к главному инспектору училищ Западной Сибири от 23 09.1878 г.». ГАТО. Ф..99. Оп..1. Д. 796.
5. «Формулярный список о службе лиц, служащих в Колыванском двухклассном городском училище за 1885 год». ГАТО. Ф. 100. Оп. 2. Д. 27а.

Кулешов Никита,

ученик 11 класса Новотырышкинской средней общеобразовательной школы Колыванского района Новосибирской области

**Научный руководитель: Фарафонова Надежда Петровна,
учитель истории Новотырышкинской средней общеобразовательной школы Колыванского района Новосибирской области**

У ИСТОКОВ РОДНОЙ ШКОЛЫ (ИСТОРИЯ НОВОТЫРЫШКИНСКОЙ ШКОЛЫ В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ)

Роль образования в жизни человека трудно переоценить. Сегодня каждый крупный населенный пункт имеет школу. Есть она и в селе Новотырышкино. С тех пор как она появилась, прошло 118 лет. Путь ее становления был тернистым и трудным.

До конца 18 века крестьяне по закону были лишены возможности получать образование в государственных и церковных школах. К тому же они сами скептически относились к школьному образованию, считая, что оно отвращает детей от крестьянского труда. Не исключением оказалась и наша Тырышкинская волость.

В 1796 году жители Чаусской и Тырышкинской волостей решительно возражали против открытия у них народного училища, ибо не видели «в оном никакой для упражнении в сельских пользы» и «единое только...

отягощение». Многие из них не желали отдавать детей в школы, дабы не лишиться рабочих рук, постоянно нужных в хозяйстве. «Заниманием детей наших в училище можем лишиться необходимой в домообзаводстве помощи» [3, л. 284].

Но жизнь не стоит на месте. К середине XIX века среди крестьянства Сибири всё сильнее стала проявляться тяга к образованию. В селах создаются церковно-приходские школы, доступ в которые представителей низшего сословия был гораздо шире, чем в Европейской России. На территории нашего района такие школы стали появляться в конце XIX века.

Согласно справочной книге по Томской епархии, в 1895 г. в селе Тырышкинском открылась школа грамоты, где обучалось 22 мальчика и 8 девочек.

Кроме этого, в приходе церкви Святой Троицы существовало 3 домашних школы грамоты, где обучалось 53 мальчика и 14 девочек. Итого, начальное образование в селе получали 97 детей.

Учил детей чтению, письму и счёту псаломщик Яков Александрович Плотников, 43-х лет, окончивший Томскую Губернскую гимназию. Жалование за обучение, 64 рубля в год, он получал от местных жителей. Школа помещалась в отдельном здании и содержалась на средства местного общества.

В первые годы XX века в Тырышкинском работала церковно-приходская школа, в которой обучалось 63 человека, и четыре домашних школы. В школе при церкви Святой Троицы работали псаломщик Яков Семенович Мазаев и священник Илларион Петрович Нестеров, который имел награды, в том числе и за труды по народному образованию.

После революции 1917 года новая власть, понимая важность просвещения подрастающего поколения, уделяет образованию все больше внимания. В нашем селе решено было построить «высше-начальную» школу.

Тырышкинским Волостным Земским собранием был создан в поддержку будущей школы специальный фонд. Обращаясь за помощью к Собранию Уполномоченных Центрального Ново-Николаевского Союза Кредитных кооперативов, Волостная Земская Управа выражала надежду на то, что «...вы как истинные представители народной среды отнесётесь с полным сознанием к необходимости просвещения детей тёмной народной массы и не остановитесь пред оказанием просимой поддержки» [2, д. 1, л. 7, л. 42].

Горячо убеждал жителей Тырышкинской продолжить строительство в селе новой школы и бывший её житель Семен Ткачев, проживавший в то время в Уфимской губернии. В письме он призывал односельчан «...продолжить начатое доброе дело — постройку школы, ...мною было собрано 12 тысяч рублей и исходатайствован от Земства лес... но благодаря злым действиям людей, которые желают, чтобы наши дети остались такими, же темными, как и мы... расстроили сход граждан, и лес был не

вывезен...» [2, д. 1, л. 94.]. Семен Ткачев подробно расписал, в какое время и сколько нужно заготовить леса и камня на фундамент, сколько человек должно при этом участвовать и за счет каких средств. Построить школу он рекомендовал в центре села. Но здание школы в 1919 году так и не было построено.

В 1919 году в Тырышкинской волости существовало 8 начальных училищ и все они располагались в домах, арендованных у жителей.

В училищах работали заведующий, учитель пения, преподаватель гимнастики, законоучитель и сторож [2, д. 1, л. 15].

Для наблюдения за делом народного образования по распоряжению Земской Уездной Управы в 1922 году в волости организуется Школьный Совет. Но решение об открытии новой школы могли принять только сами жители. Общество, желающее открыть у себя школу, должно найти и нанять подходящее помещение с квартирой для учителя, оборудовать и обеспечить отоплением на весь учебный год, нанять сторожа и принять все мелкие расходы по школе и на первоначальную мебель [2, д. 1, л. 92].

В 1924 году общее число школ в районе было двадцать. Общее число учащихся — 2049 человек. В школах работало 40 учителей, на каждого приходилось примерно 40 детей [2, т. 49, л. 33, 90]. В селе Новотырышкино на одного преподавателя приходилось до 100 детей, потому что в коммуны, которая в 1920 году была организована в Новотырышкинской волости, приходило много детей-сирот, которых коммунары поселяли в «детскую коммуночку» и учили за общественный счет. А учителей в это время в школе было всего трое: директор М. Селеменев и учителя Лебедева и Стойлова.

Школа получала на год 8 тетрадей, ручек — 9 дюжин, карандашей — 90 дюжин, писчей бумаги — 1 пачку в 30 фунтов, чернильного порошка — 120 шт., учебников 198 книг, 12 коробок перьев.

В коммуне «Красный Октябрь», объединявшей в это время села Большая Черемшанка, Подволошная и Новотырышкино, вопросу о школьном образовании уделялось серьезное внимание. Одной из лучших коммун России нужны были грамотные специалисты сельского хозяйства.

Назрел вопрос о преобразовании семилетней школы в школу крестьянской молодежи (ШКМ), в которой могли бы, сохраняя общеобразовательный уклон, преподавать и сельскохозяйственные дисциплины. Такая школа и была открыта в Новотырышкино в 1929 году.

Первыми учителями в ней были Шатилова Варвара Кирилловна, Берсенев Ефим Прокопьевич, супруги Кандыковы. После работы в школе учителя шли по домам к пожилым людям, чтобы научить их читать и писать. Участвовали в работе изб-читален, вели занятия в школьных пунктах при сельсоветах.

Школа занимала два помещения. Здание для начальных классов находилось на берегу р. Оёш, около церкви, старшие классы учились в двух-

этажном доме бывшего купца Липина. Позже здесь же, в подвальном помещении, разместятся и начальные классы.

В 1930 году в стране вводится всеобщее начальное образование, а в городах обязательное семилетнее. В районе в это время работало всего 4 средних школы с семилетним обучением, среди них и Новотырышшинская, в которой преподавало 11 учителей и обучалось 479 учеников. Заведовал семилеткой в это время П.Ф. Войтенко [2, д. 302, л. 81].

В 1937 году после окончания Ульяновского пединститута его сменил Осипов Леонид Иванович, который проработал директором 39 лет до 1976 года. На его долю выпали тяжелые сороковые годы. В памяти односельчан он остался человеком добрым, заботливым и очень человечным, так же, как и его жена, Таисия Кирияновна, заслуженный учитель Российской Федерации.

Во время войны новотырышшинские школьники вместе с учителями всё свободное от учебы время проводили на колхозных полях, оказывая посильную помощь фронту.

В 50-х годах на территории сельского совета располагались четыре начальные школы и одна неполная средняя школа в Новотырышкино.

Она располагалась всё в том же двухэтажном здании и требовала капитального ремонта. Но в старых стенах школы кипела интересная жизнь. Ученики трудились на пришкольном участке, собирали макулатуру и металлолом. Отличившихся чествовали на празднике «Героев труда». Труд ребят был замечен в колхозе. Так в 1959 году школьниками было посажено и убрано четыре с половиной гектара картофеля. В период заготовки кормов многие учащиеся работали в колхозных бригадах. Много внимания уделялось физическому развитию школьников. Каждый ученик должен был сдать нормы ГТО (Готов к Труд и Обороне). Вся воспитательная работа в школе проходила через деятельность пионерской и комсомольской организаций. В каждом классе был создан пионерский отряд, входивший в пионерскую дружину школы.

В 1960 году школа получила статус восьмилетней, а в 1961 начинает сбываться долгожданная мечта всех жителей села — силами колхоза «Красный Октябрь» начато строительство новой школы. В строительстве принимали участие и сами школьники.

1 сентября 1966 года в эксплуатацию было введено новое здание на 320 мест. Школьники вошли в просторные светлые классы. Радовались все — и дети, и родители, и учителя.

В 1977 году Новотырышшинская школа получила статус средней. И это была не меньшая радость. Ведь раньше, чтобы получить аттестат о среднем образовании, ещё два года нужно было учиться в райцентре.

Я горжусь своей школой. Через её стены прошли многие сотни детей, которые, став взрослыми, создавали славу нашего колхоза, района и области. Десятки бывших её выпускников награждены орденами и медалями.

Среди них есть имена, которые знают не только в нашем селе, но и далеко за его пределами. Это Михаил Худов — летчик, Александр Плитченко — поэт, председатель писательской организации города Новосибирска, Степанов Николай Васильевич, всю жизнь проработавший в нашем селе фельдшером и зубным врачом, и многие другие, ставшие учителями, врачами, научными работниками.

В своей работе я продолжил изучение истории школы, начатое другими учащимися, и надеюсь, что открытие её новых страниц, совершат другие ребята.

Библиографический список

1. Антошин Ю.Г. Время больших перемен. — Новосибирск: Западно-сибирское книжное издательство, 1980.
2. Архив Колыванского района. Ф. 1. Оп. 1. ДД. 1, 49, 90, 101, 116, 133, 185, 302, 381, 391.
3. Зверев В.А., Зуев А.С., Кузнецова Ф.С. История Сибири. Часть 2. Сибирь в составе Российской империи / Учебное пособие для 8 класса общеобразовательных учреждений. — Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 1999.
4. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1990.
5. Сасса Г.А. Наследники коммунаров АО «Красный Октябрь» — 80 лет. — Новосибирск: Советская Сибирь, 2000.
6. Справочная книга по Томской епархии за 1898–1899, 1902–1903, 1909–1910.
7. Степанова К., Степанова Н., Терентьева В. Исследовательская работа «История школы в нас и мы в ней». — 2008.

Михеева Ксения,
ученица 9 класса Каргатской средней общеобразовательной школы
№ 1 Каргатского района Новосибирской области

Научный руководитель: Дегтярева Ольга Васильевна,
учитель истории Каргатской средней общеобразовательной школы
№ 1 Каргатского района Новосибирской области

КАРГАТСКИЙ УЕЗД В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ УФИНОТДЕЛА)

Двадцатые годы XX века. После нескольких бурных лет революции и ожесточенной гражданской войны Россия возвратилась на путь мирной жизни. История страны этого периода достаточно хорошо изучена, подробно описана в школьных учебниках. Но история Каргатского района

первой половины 20-х годов малоизвестна. Гражданская война и коллективизация вызывали всегда наибольший интерес краеведов, а 20-е годы как бы оставались в тени. Во время посещения районного архива мы узнали, что сохранились документы Каргатского Уфинотдела 20-х годов. Работники архива рассказали, что эти документы содержат интересную информацию о налоговой системе, налогоплательщиках, позволяют узнать интересные подробности бытовой жизни каргатцев. Мы решили исследовать этот малоизвестный период, опираясь на документы Уфинотдела. Хронологические рамки исследования — 1922–1924 гг. Не претендуя на полное и всестороннее описание выбранного периода, мы попытаемся через исторические документы проанализировать некоторые стороны жизни района.

Цель исследования: реконструировать на основе источников историю Каргатского района в 1922–1924 гг.

Задачи: охарактеризовать территорию и население Каргатского уезда в 20-е г. XX века, описать борьбу с последствиями Гражданской войны, исследовать систему налогообложения.

Работа по сбору материалов для исследования проходила в районном архиве в декабре 2012 г. Основным источником для нашей работы стали документы Каргатского Уфинотдел: (Фонд 39).

Характеристика организации «Каргатский Уфинотдел». Всего в Уфинотделе (уездный финансовый отдел) в рассматриваемый период работало 54 человека: охрана — 25 чел.; сметно-налоговый отдел — 9 чел.; канцелярия — 5 чел., а также инспекторы, делопроизводители, конторщики. Главной обязанностью Уфинотдела было начисление и сбор налогов в уезде и городе. Большинство документов представлено в рукописном варианте, сохранность удовлетворительная.

Территория и население Каргатского уезда в 20-е годы XX века. На протяжении XX века размер территории Каргатского района изменялся. В 1922 году она была наибольшей — 106 590 кв. верст. К концу века она составляла 5,6 тыс. кв. км. По территории Каргатского уезда проходила железная дорога через станции Кожурла, Убинская, г. Каргат, Чулым. Соседними уездами являлись: на западе — Каинский, на юге — Славгородский, на юго-востоке — Каменский, на востоке — Новониколаевский. Уезд делился на волости. В разных источниках указывается разное их количество. В документах Уфинотдела сохранились сметы доходов и расходов только по 16 волостям. Современная карта Каргатского района существенно изменилась. Многие территории вошли в состав других районов (Убинского, Доволенского, Кочковского, Чулымского). С 1965 года наш район существует в современных границах.

Год	1922	1925	1959	1970	1982	1989	1995	2007	2009
Население (чел.)	217000	41882	33979	32790	27500	25150	25000	20355	19647

Используя различные источники, мы составили таблицу, отражающую изменения численности населения.

Снижению численности населения на протяжении века также способствовали усиливающиеся в обществе миграции и низкий естественный прирост.

Борьба с последствиями Гражданской войны. После Гражданской войны жизнь налаживалась медленно. В 1922 г. сибиряки ещё голодали. В Каргатском уезде собирались пожертвования на борьбу с голодом. Специальная комиссия должна была ежемесячно представлять отчёты в г. Новониколаевск о сборе пожертвований. Отчеты уездная комиссия предоставляла нерегулярно. В одном из документов читаем: *«Несмотря на целый ряд распоряжений о предоставлении ежемесячных сведений о поступлении пожертвований на борьбу с последствиями голода, вами до сих пор не предоставлены сведения ни за один месяц».*

Сохранилась ведомость пожертвований за январь 1923 г. Пожертвования можно было внести хлебом, продуктами, фуражом, золотом, серебром. Но жители уезда в основном вносили деньги. Суммы были незначительные.

Система налогообложения: налоги, состав налогоплательщиков, льготы по налогам, борьба с неплательщиками.

Главной обязанностью Уфинодела было начисление и сбор налогов в уезде и городе. Налоговая система советского государства только формировалась, поэтому мы видим пробелы в деятельности отдела. Так в 1923 году еще нет сведений о контингенте налогоплательщиков в сельской местности, не отработана система взимания местных налогов с должников. Это хорошо прослеживается в нижеследующей записке.

В Новониколаевский Губфинодел.

«Вследствие предложения Налогового управления ГФО, от 16-го января с/з за № 204513, Каргатский УФО сообщает:

1/ Контингент плательщиков по городу Каргату состоит из 778 лиц, имеющие те или иные объекты, подлежащие обложению местными налогами. О контингенте плательщиков в сельских местностях сведений не имеется, так как в этой области обследования ещё не произведено.

2/ О качественном составе контингента плательщиков по городу Каргату нужно сказать, что таковой в подавляющем большинстве состоит из крестьян, хлебопашцев, мелких бедных ремесленников, разных служащих и рабочих и в незначительном числе мелких торговцев, и считать его платежеспособным в полной мере нельзя, т.к. часть его совсем

не состоятельна к платежам, а часть /крестьянство/, уплачивая сельхозналог, считает себя необязанным уплачивать местные городские налоги и всячески от них уклоняется.

4/ По городу Каргату в настоящее время выяснены следующие объекты обложения: 1/ лошадей рабочих 446, ломовых 13 и выездных 5, 2/ скота: коров старше 2-х лет — 901, молодяка — 197, и мелкого — 521, 3/ выездных экипажей — 4, 4 /велосипедов — 6 и 5/ прислуги.

5/ Оценка строения по городу Каргату в прошлом была произведена огульно и, как таковая, в данное время не может служить мерилом для обложения, и поэтому необходимо произвести переоценку» [Д. 9].

Интересно, что налоги платили не только за скот, имущество, но и за содержание прислуги.

Запрос в Новоиколаевский Губфинотдел

«Прошу по возможности разъяснить срочно, считать ли кучеров, дворников и дворовых работников домашней прислугой, а их хозяев привлекать к налогу с лиц, пользующихся прислугой. Запрос вызван тем, что в разъяснении ...справочно-консультационного отдела разъясняется, что к домашней прислуге относятся лица, обслуживающие семью в домашнем внутреннем обиходе, а не наружном, к которому относятся кучера, дворники и дворовые работники» [Д. 24, Л. 6].

Жители уезда платили налоги государственные и местные.

Местные налоги и сборы вводились согласно постановлениям Губисполкома: налог со строений в городских поселениях; налог с плакатов, афиш, реклам в городских поселениях, с объявлений; налог с лошадей и выездных экипажей в городских поселениях; налог со скота и других домашних животных в городских поселениях; налог с аукционных продаж имущества в городских поселениях; налог со сделок, совершаемых на бирже; прописочный сбор в городских поселениях; налог с грузов привозимых и вывозимых по ж/д и водным путям; налог с велосипедов, самодвижущихся экипажей, яхт и моторных лодок; налог с заведений для потребления на месте кушаний и напитков; разовый сбор с подвижной торговли; налог с извозного промысла; налог с промышленных садов и огородов; судебные пошлины и др. [Д. 24, Л. 51]. Не все эти налоги могли быть собраны в Каргатском уезде по причине «отсутствия объектов обложения благодаря местным условиям» [Д. 24, Л. 31]. Так в уезде не собирались налоги с промышленных садов и огородов, со сделок, совершаемых на бирже, с перевозного промысла, плакатов, объявлений, аукционов (там же).

Борьба с неплательщиками. Гражданам, не уплатившим налоги, рассылались специальные окладные листы с указанием задолженности и сроков погашения. Неуплаченные налоги превращались в недоимку, на которую начислялась пеня: в течение первых 15 дней просрочки по одной четверти процента ежедневно, за последующие дни по полпроцента ежеднев-

но. К злостным неплательщикам применялись более жесткие меры: арест по постановлению губорганов; арест по постановлению уездорганов; привлечение неплательщиков к судебной ответственности; опись и арест имущества недоимщика; продажа описанного имущества недоимщика.

Если гражданин был не в состоянии уплатить недоимки, то производилось обследование его имущества.

Результаты обследования имущества Бычкова Григория

<i>Верхняя одежда/пальто или полушубок</i>	<i>2 старых полушубка</i>
<i>Платье верх/пиджак, брюки и т.д.</i>	-
<i>Бельё нижнее</i>	<i>7 пар</i>
<i>Обувь сапоги/валенки</i>	<i>2 пары старых тимов 2 сапог</i>
<i>Головной убор</i>	<i>2 старых фуражки</i>
<i>Чугуны</i>	<i>2</i>
<i>Сундук и прочее для хранения одежды</i>	-
<i>Столовые приборы</i>	<i>2 простые чашки</i>
<i>Чайные приборы</i>	-
<i>Стулья, табурет</i>	-
<i>Кровать</i>	-

К имуществу относится не только мебель, кухонная утварь, но и одежда, нижнее белье. В выводах комиссии сказано, что Бычков Григорий не в состоянии уплатить недоимки.

Интересные факты. В документах называются зарплаты разных категорий населения и стоимость различных вещей. Самую высокую зарплату в Уфинотделе получал заведующий — 1440 рублей в год (13 разряд). Зарплата остальных сотрудников зависела от их разряда. Служащие самого низкого разряда (3) получали 320 рублей в год. В ведомостях по волостям мы встретили зарплаты учителя, фельдшера, сторожа, библиотекаря.

Сравнительная таблица зарплат

<i>Зарплата Заведующего Уфинотдела</i>	<i>Зарплата служащего Уфинотдела</i>	<i>Зарплата учителя в сельской школе</i>	<i>Зарплата сторожа в школе</i>	<i>Зарплата фельдшера на селе</i>	<i>Зарплата библиотекаря</i>
<i>1440 рублей в год, 120 в месяц.</i>	<i>320 рублей в год, 26,6 в месяц.</i>	<i>17 рублей в месяц</i>	<i>5 рублей в месяц</i>	<i>17 рублей в месяц</i>	<i>10 рублей в месяц</i>

Сравнительная таблица стоимости некоторых предметов и услуг

<i>Стоимость железной лопаты</i>	<i>Стоимость поперечной пилы</i>	<i>Пошив брюк и плаща у портного</i>
15 рублей	55 рублей	200 рублей

Вещи стоили очень дорого. А пошив брюк и плаща для служащих превращался в настоящую проблему.

В доходно-расходных сметах волостей указаны объекты социальной сферы 20-х годов. В каждой волости от 5 до 10 школ, библиотека, избы-читальни, фельдшерские пункты.

Так в Форпост Каргатской волости: 2 библиотеки, 2 избы-читальни, 9 школ, при каждой пункт ликвидации безграмотности. Фельдшерский пункт в среднем ежедневно посещает 10 человек и на каждого расходуются медикаментов на 12 копеек.

Заключение

Задачи, поставленные нами во введении, решены, цель работы достигнута. Но в ходе исследования стало понятно, что все рассмотренные нами документы могут быть изучены более глубоко. Так доходно-расходные сметы по волостям могут стать источником для отдельного исследования.

Выражаем благодарность работникам районного архива за помощь в подборе материалов.

Источники

Документы Каргатского Уфинотдел: (Ф. 39)

- Д. 14. По взысканию местных налогов.
- Д. 1. К сведению и руководству.
- Д. 16. Общая отчётность и доклады.
- Д. 22. По льготам для сельских хозяев на кустарные ремесла и промыслы.
 - Д. 12. По доставлению сведений и отчётности.
 - Д. 24. Переписка с Губфинотделом.
- Д. 11. По переписке с финагентами Фининспектора Каргатского района.
 - Д. 23. Сметы доходов и расходов по волостям.
 - Д. 15. Списки плательщиков подоходного налога по имущественной совокупности доходов.
 - Д. 13. Приказы по Каргатскому Уфинотделу.

Литература

1. Административно-территориальное деление Сибири. Справочник. — Новосибирск. 1966.

2. Наша малая Родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области 1921–1991. — Новосибирск: ЭКОР, 1997.

3. Районы и города Новосибирской области. Природно-экономический справочник. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1996.

Небосева Ольга,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 3 Колыванского района Новосибирской области

Косенкова Татьяна,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 3 Колыванского района Новосибирской области

Научный руководитель: Кузьминых Наталья Михайловна,
учитель истории и обществознания Колыванской средней
общеобразовательной школы № 3 Колыванского района
Новосибирской области

КОЛЫВАНСКИЙ МЯТЕЖ

Когда мы были маленькими детьми, не раз обращали внимание на памятники, которые одиноко стоят на территории храма и на окраине Колывани. Повзрослев, мы заинтересовались их историей и выяснили, что памятники борцам за власть Советов есть не только в Колывани, но и во многих селах района. Чтобы ответить на вопрос, почему аналогичные памятники не установлены во всех селах Колыванского района, мы стали изучать события с ними связанные.

В конце 1919 — начале 1920 г. Красная Армия при активной поддержке партизан и городских повстанцев освободила Сибирь от белогвардейцев и интервентов. Повсеместно была восстановлена Советская власть. Но полгода спустя в крае начались контрреволюционные вооруженные выступления.

Основными причинами восстаний были:

1. Недовольство крестьянства политикой «Военного коммунизма».
2. Передел земли (что особенно отразилось на кулачестве и середняках).
3. Низкий авторитет партийных и советских органов власти на местах.

Весной 1920 г. в Сибири стала проводиться продразверстка. Стране нужен был хлеб, а крестьяне его отдавали неохотно. Все ошибки и недостатки партийной работы умело использовались противниками Советской власти, которые готовили почву для вооруженного восстания, группируя

вокруг своих штабов недовольную часть населения. Одно из таких выступлений произошло на территории нашего района в июле 1920 г.

Кольвань была заштатным городком, с городским самоуправлением. Население — 10–11 тысяч человек. Город типично мещанский, которым управляли купцы и мелкие заводчики, много было ремесленников-кустарей. Во главе с поручиком Яковлевым (Северским) Н.А. был сформирован штаб мятежников. Но центр подготовки восстания находился не в Кольвани, а в селе Вьюны.

«В селе каменная церковь, каменная просторная школа, кредитное товарищество, лавка общества потребителей, маслодельный завод, больница, кожевенный завод Потапова, 4 лавки местных кулаков-богачей, 4 водяных мельницы. Крестьяне жили зажиточно, некоторые прямо богато» [1, с. 9].

«В марте 1920 г. в с. Вьюны появляется отстраненный от должности врача в Кольвани Соловьев Николай Иванович и получивший назначение в это село.

И вскоре к нему в больницу стали поступать под видом сотрудников и больных колчаковские офицеры. Некто Иванов из Новониколаевска с сыном организовал во Вьюнах кузницу. Сюда же бухгалтером в кредитное товарищество устроился Комиссаров, как выяснилось потом, полковник с Дальнего Востока. Руководителем был Перхов Валериан Павлович, работавший агрономом второго участка во Вьюнах, а его помощником был Кириллов» [1, с. 15].

За три месяца мятежники в глубокой тайне основательно подготовились к выступлению против Советской власти. У штаба была своя разведка, своя почта (конная) между Новониколаевском, Кольванью, окрестными деревнями, был разработан план восстания, имелись необходимые документы для агитации. Поэтому восстание повсеместно началось четко и слаженно.

«5-го июля Вьюны были захвачены белогвардейцами и начался погром. Убито семьями до 50 семейств коммунистов и бедняков-крестьян. Не жалели женщин и малолетних детей» [4, с. 14].

«Лозунгами были: «Да здравствует Советская власть без коммунистов», «Бей коммунистов» [2, с. 4].

В этот же день, 5 июля, поскакали по селам верховые с приказом вьюнского штаба начинать мятеж. Вслед за ними из Вьюнов выезжали вооруженные отряды «в помощь» мятежникам разных сел.

Вьюнский военный штаб издает приказ о мобилизации мужчин в возрасте от 17 до 45 лет и ставит задачи: «захватить Кольвань, прервать провод Кольвань–Дубровино–Томск, произвести набор добровольцев, двигаясь в южном направлении, прервать линию железной дороги, переброситься в южную часть уезда, связаться с Алтаем, одновременно перекинувшись на правый берег реки Оби и заняв исходный пункт Дубровино, двигаться в направлении железной дороги...» [5, с. 140].

«6 июля 1920 г. в Колывани были мобилизованы подводы для вывозки хлеба и кустарно-промышленных изделий в г. Новониколаевск, но повстанческая группа, прервав телеграфную связь с Новониколаевском, пустила провокационный слух, что японцами взят уже Омск и коммунисты стараются скорей увезти хлеб для себя. Этот провокационный слух имел свое действие и народ стал стихийно собираться на базарную площадь... Чтобы разбить эти провокационные слухи, председатель Колыванского горисполкома т. Предтеченский решил выступить и провести митинг. В это время от деревни Вьюны приехал отряд мятежников, который оцепил, обезоружил милицию, а затем вместе с колыванскими повстанцами захватил все советские и партийные органы и начали учинять расправу. Всех арестованных уводили в Александровскую церковь, которая была превращена в место заключения для смертников, и по указу штаба мятежников расстреливали их. Всего было расстреляно около 30 человек» [3, с. 6].

«После разгрома партийно-советских учреждений было организовано свое управление, именуемое «Крестьянско-партизанской думой». Председателем думы был избран купец Хрипин. Всего 64 человека. Затем Колыванский штаб провел меры: собирал оружие и вооружал повстанцев, в частности, в селе Чаус взяли две пушки екатерининских времен и установили их для обороны; мобилизовали кузнецов ковать пики и сабли, население рыть окопы; вели агитацию среди населения путем митингов, воззваний. Общее количество мятежников достигло 2 тыс. человек» [4, с. 11].

Самые значительные силы повстанцев находились в Колывани и Ново-Тырышкинской волости.

«Мятежники бесчинствовали во всех населенных пунктах, творя кровавую расправу над коммунарами коммуны «Краснореченской», зверствовали в Чаусе, Вьюнах, М. Черемшанке, Сидоровке, Южино, Тропино, Паутово, Амбе» [1, с. 47].

«О восстании в Колывани был поставлен в известность Томский губревком. Из Томска в Новониколаевск срочно выехала комиссия губревкома, которую возглавил зам. Председателя губревкома Алексей Иванович Беленец. Нет сомнений, что Сиббюро ЦК ВКП(б) информировало Москву о событиях в Колывани» [2, с. 9].

Для руководства подавлением мятежа был создан ВРК. «Была поставлена задача: взять город Колывань и захватить засевших там повстанцев. С этой целью Колывань была окружена частями сводного отряда, а со стороны реки Оби послан пароход для действий с востока» [5, с. 145].

В оперативной сводке штаба сообщалось: «Сводный отряд занял г. Колывань в 24 часа 10 июля. Окрестности Колывани очищены от бандитов.

К 12 июля все повстанческие территории были очищены. Мобилизованные разбежались, часть мятежников ушла в Баксинскую и Шегарскую тайгу. Весной 1921 года эти группы были ликвидированы» [1, с. 53].

Жестоким было подавление мятежа. Повстанцев, захваченных с огнестрельным оружием в руках, расстреливали на месте. Руководителей и активистов, взятых в плен или позднее арестованных, коллегия Новониколаевской уездной ЧК, ее Кольванское отделение приговаривали к расстрелу или заключению в концлагерь. В результате с обеих сторон погибло около 600 человек, и примерно столько же лишено свободы.

Мятеж обернулся трагедией для сотен людей: одни погибли, другие потеряли кормильцев, третьи пострадали. Пролитая кровь ожесточила сердца людей, оказавшихся по разные стороны баррикад. Она на многие годы вызвала чувства взаимной ненависти и вражды друг к другу у односельчан и даже родственников.

В июле 2013 года исполняется 93 года трагедии, происшедшей на территории нашего района. Сегодня о ней напоминают памятники, установленные во многих селах, большинство из которых находится в состоянии разрушения. Новое время по-новому оценивает то, что когда-то было сделано нашими дедами и прадедами. Но христианская заповедь всепрощения вечна. Поэтому ошибки наших отцов, ошибки наших дедов и прадедов нужно уметь прощать. Потому что они искренне верили в то, что делали. И за эту веру осуждать их нельзя, а помнить и уважать необходимо.

Библиографический список

1. Глазырин М.К. Восстание. — Кольвань, 1970.
2. Гордиенко В.С. Кольванская партийная организация в период кулацко-белогвардейского мятежа. — Кольвань, 1972.
3. Князев Н.Н. Историческая справка о селе Кольвань. — Кольвань.
4. Самойлов И.И. Кулацкий мятеж в районе Кольвани в июле 1920 г. — Новосибирск, 1974.
5. Шишкин В.И. Кольванский мятеж: документальная хроника. — Сибирские огни, 1990. — № 10.

**Обыденников Андрей,
ученик 11 класса Кольванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Кольванского района Новосибирской области**

**Научный руководитель: Березина Лариса Георгиевна,
учитель истории Кольванской средней общеобразовательной школы
№2 Кольванского района Новосибирской области**

ИСТОРИЯ ОДНОЙ УЛИЦЫ

Я родился и живу в Кольвани. Мой поселок с 1990 года относится к числу исторических поселений. И это не случайно. История современной

Кольвани начиналась с Чаусского острога, который был построен для обороны южной границы Российского государства от набегов кочевников.

В конце XVIII века через острог прошла главная дорога Сибири — Московский тракт, который связал Восток и Запад России. В 1822 году была образована Сибирская губерния, и был «вновь учреждён город Кольвань и назначен он из Чаусского острога».

В 1834 году было решено перенести поселение на новое место. Для этого был составлен план будущего города, утвержденный царем Николаем I. Это было связано с тем, что прежнее место не имело «достаточного пространства для развития». Кроме того, Кольвань стала ежегодно подвергаться наводнениям и «купцы, проезжая с караванами транзитом, стали на этом участке Московско-Сибирского тракта спрямлять путь по более возвышенной местности, оставляя лежащий в низине город в стороне» [4, л. 14].

Все эти причины привели к тому, что город было решено перенести на новое место, которое Кольвань занимает и сейчас.

В районном краеведческом музее имеется копия плана города, соответствующего которому и шло заселение. Он был составлен архитектором из Томска К. Турским и имел вид крупной прямоугольной сетки кварталов, ориентированных с юга на север и с запада на восток. Ширина улиц была определена в 32 метра.

Рассматривая план, я с волнением иду свою улицу. Вот она: пролегла с юга на север, справа от собора. Свое начало она брала от деревни Мельниково. Всего четыре квартала отделяло деревню от центра города.

Первоначально улица была небольшой и составляла 1 километр 400 метров в длину.

Возможно, в 1845 году, когда её стали заселять первые жители, она называлась иначе. Но на плане конца XIX века она уже значится как улица Жернаковская. Так она была названа в честь известного в городе Кольвани купца Евграфа Александровича Жернакова. И в этом году ей исполняется 168 лет.

Евграф Александрович Жернаков родился в 1847 году на Урале. В начале 70-х годов XIX века он с двумя братьями переселился в город Кольвань Томской губернии.

В середине 70-х годов Евграф Александрович становится купцом 2-й гильдии и расширяет торговлю не только в самой Кольвани, но и за её пределами. Он открывает магазины в Томске, Барнауле, Бердске, в селе Ордынское.

Жернаков был удачливым торговцем, и в 1890 году он совместно с купцом А. Гадаловым становится владельцем 4-х пароходов. Имея свои пароходы, он начал заниматься не только покупкой, но и перевозкой хлеба. Разворачивая хлебную торговлю, Жернаков строит по пути следования речного транспорта амбары и склады для хранения зерна.

К концу XIX века он, помимо хлеба, торговал разными товарами. Среди них: мука и крупа собственного помола, масло, свечи, мыло, а также алебастр, швейные ручные машины фирмы «Зингер», мануфактура и др. Одновременно в Колывани он открывает мыловаренный и свечной заводы, строит крупчатую мельницу. Жернаков продавал хлеб не только в Томской губернии и в России, но и зарубежным предпринимателям. С 1898 года Жернаков через представителя крупной хлеботорговой фирмы стал поставлять зерно на европейские рынки.

К началу XX века Евграф Александрович Жернаков был одним из самых богатых и удачливых предпринимателей не только Колывани, но и Западной Сибири.

Но не только своими торговыми делами прославился Жернаков, он вел и большую благотворительную деятельность.

В 1891 году он был награжден за неё орденом «Святой Анны» 3-ей степени, а в 1892 году ему было присвоено звание потомственного почетного гражданина города Колывани. На протяжении 12 лет он занимал должность Городского Головы Колыванской Городской Думы и очень ответственно относился к своим обязанностям.

Евграф Александрович постоянно выделял денежные средства на содержание церковно-приходской школы для мальчиков при церкви Александра Невского, попечителем которой он являлся.

Щедрая благотворительность Евграфа Александровича на поддержание церковных школ и церквей не осталась незамеченной. Святейший Синод в 1902 году наградил его за «особые труды, усердие и ревность по благоустройству церковных школ епархии Александра Невского храма г. Колывани» [6].

В последние годы XIX века жизнь колыванских купцов стала меняться. Это было связано со строительством Транссибирской магистрали. По проекту Н.Г. Гарина-Михайловского железнодорожный мост через реку Обь решено было строить в районе села Кривощеково. В образовавшийся здесь Новониколаевск со всей округи стекались люди. Быстро развивающаяся торговля привлекала сюда и купцов из Колывани. В 1894 году Евграф Жернаков открывает на новом месте «Универсальный магазин розничной торговли», а в 1895 году окончательно перебирается в Новониколаевск. Он строит новый жилой двухэтажный дом на углу нынешнего Красного проспекта и улицы Сибревкома, а также амбары для хранения хлеба, магазины, мельницы для переработки зерна, заводы. Живя в Новониколаевске, Жернаков продолжает заниматься благотворительностью. В своем доме разместил библиотеку в 600 томов для приказчиков. Постоянно помогал содержать Новониколаевский приют. Входил в комитет по строительству в городе собора Александра Невского, участвовал в комиссии по разработке проекта по проведению трамвайных линий.

Умер Жернаков в возрасте 61 года, оставив о себе хорошую память. Его деятельность оказала влияние на развитие не только города Колывань, но и других городов и сел Сибири. Как Городской Голова он заботился о развитии города, о благосостоянии его жителей, не жалел личных денег на благотворительность. Я думаю, что его современники заслуженно назвали одну из центральных улиц Колывани его именем — Жернаковская.

После революции 1917 года из жизни выбрасывалось всё, что было связано со старыми порядками. Так было и с названиями колыванских улиц. Бывшая Купеческая стала называться Советской, Покровская — Революционным проспектом. Улица Жернаковская в «Инвентаризационной ведомости муниципализированного имущества по Колыванскому району» за 1926 год уже значится как улица имени Карла Маркса [3, л. 6].

Для обычного жителя провинциального города имя Карла Маркса мало что говорило. Если купца Жернакова помнили старожилы, то Карл Маркс был для них мифической личностью. Со временем все привыкли к новому названию, и сейчас мало кто вспомнит, как она называлась прежде.

Но на этой улице остался двухэтажный каменный дом купца Жернакова. Сейчас в нем идет реставрация и в ближайшем будущем в это историческое здание переедет Колыванский краеведческий музей. Планируется здесь создать зал истории колыванского купечества, где всем посетителям расскажут, что музей находится в доме Евграфа Жернакова на улице Жернаковской.

Какое бы имя ни носила улица — это улица моего детства. Я здесь живу и знаю её вдоль и поперек. Здесь живут мои друзья, приятели и просто знакомые.

Возвращаясь домой, я прохожу мимо старых домов, которые сохранились с тех далеких времен. Вижу, как рядом с ними вырастают новые современные коттеджи. И понимаю, что время не остановить.

На мой взгляд, нельзя предавать забвению события, обстоятельства, имена — всё то, что было когда-то частью нашей культуры. Данное исследование является моим вкладом в сохранение истории моей улицы, моего поселка, моего родного края.

Библиографический список

1. Дорохова А.И. Жернаков с улицы Жернаковской // Печатное издание Колыванского районного музея.
2. Ноздрин Г.А. Деловая элита старой Сибири. — Новосибирск, 1998.
3. Колыванский районный архив. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93.
4. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Колывань историческая. — Новосибирск: Наука, 1996.
5. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой реке (записки сибирского приказчика)». — Новосибирск: Издательский дом «Сова», 2006.
6. «Томские епархиальные ведомости». — 1902. — № 15.

**Попель Юлия,
ученица 10 класса Средней общеобразовательной школы № 1
г. Черепанова Новосибирской области**

**Научный руководитель: Албутова Лариса Григорьевна,
учитель истории, педагог дополнительного образования Средней
общеобразовательной школы № 1 г. Черепанова Новосибирской
области**

«СЕЛО МОЕ, БУРАНОВО РОДНОЕ»

*Малая Родина: тот уголок,
что мне так с детства знаком,
тот материнский ночной огонек,
что душу выводит на свет.*

Правда говорят, что молодость живет будущим, а старость прошлым. Чем старше становится человек, тем больше он вспоминает свои прожитые годы, тем дороже они ему становятся, и хочется вернуться в далекие детские годы. Все чаще встают в память места, где ты родился, где рос. И даже больше: откуда есть начало того места, которое зовется Малая Родина.

Вот она, моя малая родина: далекое сибирское село Бураново на границе Новосибирской области и Алтайского края, которое образовалось более двухсот лет назад.

Мне всегда было интересно слушать рассказы моей бабушки об истории села, ведь сама я там родилась и прожила без малого 13 лет. Меня всегда интересовало, какая история у моей малой родины? Сейчас мне 16 лет и я хочу поведать Вам эту историю.

Речка Кривая делит село на две части. Она оправдывает свое название. Река изгибается, петляет, поворачивается, огибает какой-нибудь холм и напоминает длинную извивающуюся змею. Но вот Кривая круто поворачивает вправо, влево — и понесла свои воды в Алтайский край, в речку Баравлянку. Так говорят те, кто видел, куда она впадает. А исток Кривой — маленький ручеек, вытекающий из родника.

В конце 19 — начале 20 веков сюда приехали люди из Белоруссии. Но старожилы говорят (вернее, говорили, теперь их нет в живых), что первым, кто приехал на речку Кривую, был Буранов Иван Савельевич — казак, переселенец с Дона. Человек, любящий воду, не мог без неё жить. Вот и облюбовал он эти места. Трудно представить картину, которая открылась первопроходцу и основателю села. Непроходимые лесные дебри по берегам реки, то с одной стороны, то с другой — согры, которые сохранились и до нынешних дней. Построил он своё нехитрое жильё на

левом берегу, почти у самой реки. Обосновался. Постепенно сюда стали съезжаться и другие переселенцы из Могилевской губернии, с Украины. Так на высоких холмах левого берега появилась улица переселенцев — Шавнево. Трудно было переселенцам обживать эти территории, потому что кругом был лес. Но со временем они обжили вольные земли. Село разрасталось. Появились улицы и на правом берегу. Там же образовался центр села с церковью. А при советской власти появилась школа, магазин, а в церкви расположился клуб. Во время гражданской войны через Бураново проходила армия Колчака, а буквально в километре от села, в Мокром Логу, состоялось сражение белых с красными. Когда Колчаковцы вошли в село, они убили 5 активистов. Позже в память об этих людях и о сражении в Бураново поставили постамент с фамилиями погибших активистов.

После гражданской войны в 20-е годы 20 века крестьяне получили земельные наделы. Те, кто получил наделы далеко, стали выезжать из села. Так образовались деревня Смородинка, хутора Ясная Поляна и Светлый Ключ. Крестьяне были очень довольны своей землей. Но партия большевиков наметила новый курс политики: создание колхозов и объединение крестьян. В Бураново зажиточная часть населения оказала сопротивление коллективизации. В летописи Буранова это противостояние партии называется «Бурановский мятеж». Но все же партийным активистам удалось убедить бурановцев принять идею создания колхозов.

В последующие годы крестьяне Бурановского сельсовета объединились в три колхоза: «Красная Армия», «Стахановец» и «Оборона Страны». Одним из занятий крестьян в колхозах было выращивание льна. Но где его обрабатывать? И тогда, в 1932 году, построили льнозавод. Было выбрано место на берегу реки, но при первом же включении всех агрегатов завод стал медленно погружаться в трясину. Льнозавод вынуждены были строить снова в конце улицы Кривой, в поскотине, на холме. Льнозавод выпускал свою продукцию до 1962 года, пока сеяли лен в Бураново и в хозяйствах Черепановского и Маслянинского районов. Потом посеvy льна повсеместно сокращались и прекратились. Прекратил свое существование и завод.

Шло время. Бураново развивалось, росло. В 1941 году грянула война. Великой Отечественной назовет ее народ, вставший от мала до велика на защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков.

Свой посильный, а часто и непосильный, вклад вносили и наши односельчане. На фронт с первых дней ушли все мужчины призывного возраста, а затем пошли совсем юные, 17-летние мальчишки. Не вернулись с войны только из нашей деревни, погибли и пропали без вести 128 человек. Все погибшие внесены в книгу памяти села Буранова, автором которой является работник музея Шароварникова Любовь Михайловна. Хранится эта книга в музее.

Из альбомов, имеющих в музее, и из бесед со старожилками я узнала, что в 1952 году все три колхоза были объединены в один колхоз. Первым его председателем был Киселев Парфён Емельянович.

В начале 60-х годов бурановцы стали рабочими совхоза «Заря» с центральной усадьбой в селе Огнево-Заимка.

В истории моего села были моменты подъема и падения. В 1969 году с разделением совхоза «Заря» Бурановское отделение передали в Листвянский совхоз. На территории бывшего Бурановского сельсовета были созданы три отделения совхоза. С постоянными экспериментами над селом, укрупнениями и разукрупнениями жизнь в селе все ухудшалась. Молодежь уезжала, оставались одни старики да те, кому деваться некуда. Старшее поколение уходило на пенсию, работать сильно было некому. Хозяйство приходило в упадок. Исчезли такие прекрасные посёлки, как Смородинка и Светлый Ключ. И кому от этого стало лучше, что люди были вынуждены покинуть родную землю, а от Бураново осталась пятая часть?

В 1981 году Бердский электромеханический завод взял село в свой состав. Для Бураново это время является рассветом. Руководство БЭМЗа с первых дней приступило к переустройству села: прокладке дорог, строительству хозяйственных и социально-культурных строений. И все шло к тому, что Бураново должно было вырасти в поселок городского типа. Проведены были коммуникации, построены двух- и четырёхквартирные жилые дома, прекрасная средняя школа, детский сад, гаражи, мастерские, контора, общежитие, заложен фундамент и возведен цокольный этаж гостиницы. Бураново расцветало на глазах. Молодежь, до того покидавшая село, стала возвращаться. Все сулило прекрасное будущее нашему селу. Но все пошло не так, как мечталось и планировалось, история круто повернула. Бураново опять попало в черную полосу.

Началась перестройка, БЭМЗ вынужден был отказаться от села, потому что не мог справиться с собственными проблемами на фоне общего развала страны. А после распада СССР люди стали уезжать из села, им просто негде было работать.

В начале 21 века от совхоза почти ничего не остались. Поля снова зарастают березками. Но в селе работает школа, клуб, магазины, хотя жителей с каждым годом становится все меньше и меньше. От былого величия не осталось и следа. Но может быть, когда-нибудь сюда придут предприимчивые люди, помогут селу подняться, расцвести, возродиться. Ведь невозможно потерять, забыть, покинуть эти прекрасные места, которые я считаю своей малой родиной.

Библиографический список

1. Летопись села Бураново (материалы школьного музея).
2. Папков С.А. Черепановский район. — 2000.

3. Рассказы бабушки Нестеровой Эммы Ивановны.
4. Рассказы работника музея Шароварниковой Любови Михайловны.
5. Газета «Черепановские вести». — Черепаново. НСО.

Савкова Маргарита,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 1 Колыванского района Новосибирской области

Скобёлкина Ольга,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 1 Колыванского района Новосибирской области

Нестерова Екатерина,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 1 Колыванского района Новосибирской области

Ильина Людмила,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 1 Колыванского района Новосибирской области

Научный руководитель: Микулина Светлана Юрьевна,
учитель математики Колыванской средней общеобразовательной
школы № 1 Колыванского района Новосибирской области

ЛЮБИМАЯ КОЛЫВАНЬ В ЗАДАЧАХ

У каждого человека есть свой маленький уголок на планете, место, где он родился и рос. Есть такая земля и у нас. Находится она в старинном сибирском поселке Колывань. Богата историей Колыванская земля — от трехсотлетней давности до наших дней. В 2013 году отмечается 300-летие Чаусского острога, положившего начало нашей Колывани. За свою длинную, по сибирским меркам, историю Колывань побывала губернским и уездным городом, селом и рабочим поселком.

В России Колывань известна тем, что вошла в государственную программу поддержки и получила в 1992 году статус исторического поселения, который присвоен ей с учетом значимости её истории и богатого архитектурного наследия. За три века на нашей колыванской земле произошло много интересных и даже удивительных событий, о которых мы должны помнить и знать.

Математика... Решение задач. На первый взгляд, с краеведением нет ничего общего. Но с каким интересом мы решаем задачи, в которых говорится о нашей малой Родине.

О значимости использования элементов истории математики при обучении учащихся говорится в работах многих известных отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами совершенствования математического образования. Так, Т.А. Иванова [3] отмечает, что «исторический материал должен быть представлен в программах, стандартах и учебниках по математике, как для общеобразовательных классов, так и для профильных. В учебниках он должен органично включаться в основной текст раздела, темы, параграфа» [3].

Историзм в математической задаче имеет место тогда, когда к условию задачи добавляется исторический факт, включенный в текст задачи или дополнительно.

Для того, чтобы отработка вычислительных навыков не была однообразной и скучной, а стала увлекательной и знакомила учащихся с историей, памятными местами и достопримечательностями родного края, мы поставили перед собой цель создать дидактические материалы по математике с использованием краеведческого материала для учащихся 5 класса. Решение на уроках математики задач, содержащих информацию о родном поселке, мы считаем, повысит интерес к предмету, будет способствовать расширению кругозора, покажет связь математики с окружающей действительностью. Когда история сплетается с умением решать задачу, задача становится более значимой. Она помогает узнать новые факты, погрузиться в прошлое, реально представить его картины, стать участником былых событий.

Для создания сборника с дидактическими материалами мы изучили тематическое планирование по математике 5 класса. Выяснили, что сначала 5-классники изучают тему «Действия с натуральными числами», далее идет тема «Площади и объёмы», затем «Обыкновенные дроби» и «Действия с десятичными дробями». В соответствии с этими темами определилась и структура нашего сборника.

В первой главе нашего сборника пятиклассники будут изучать натуральные числа по заданиям, построенным на событиях из ранней истории нашего посёлка — это Чаусский острог и город Кольвань 18–19 веков. Вторая глава — «Площади и объёмы» — посвящена храмам и соборам Кольвани. В третьей главе учащиеся познакомятся с памятниками и достопримечательностями Кольвани, при этом смогут закрепить свои знания по теме «Обыкновенные дроби». Те-

ме «Действия с десятичными дробями» будет посвящена следующая глава сборника «Купеческие дома нашего посёлка».

Таким образом, в течение всего учебного года учащиеся 5 класса, изучая новый материал по математике, могут на уроках знакомиться дополнительно с краеведческим материалом. Решая задания и отработывая вычислительные навыки, они узнают много нового про свою малую Родину.

Практическая работа по созданию сборника дидактических материалов «Любимая Колывань в задачах» включала следующие этапы: сбор фактических данных об истории р.п. Колывань, составление задач и заданий, оформление задач в печатном виде с иллюстрациями и в виде мультимедийных презентаций и апробацию сборника.

Сбор информации, необходимой для реализации проекта, включал посещение Колыванского краеведческого музея, районного архива, библиотеки, общественных организаций, интервью с родителями и сторожилами посёлка, самостоятельное фотографирование исторических и культурных объектов — купеческих домов и памятников, расположенных на территории Колывани. В результате у нас появилось достаточно исторического материала, на основе которого мы уже могли составлять задачи и задания.

Мы хотели, чтобы наш сборник был познавательно-увлекательным, так как интерес школьника к учению — это один из самых мощных факторов обучения. При составлении заданий и задач из исторической справки выбирали математическое содержание, цифровые данные и тщательно продумывали содержание задания. Старались, чтобы задача была интересной, понятной и звучала корректно с точки зрения как математики, так и краеведения. Информацию представляли в логическом порядке. Придумали различные способы соединения краеведческого материала и вычислительных примеров.

Вот, к примеру, такие задания. «Поставил Чаусский острог в 6 верстах от устья р. Чаус (приток Оби) томский дворянин. Решив данные примеры, вы узнаете его фамилию (Д.И. Лаврентьев)».

«Чаусский острог занимал выгодное торгово-транспортное положение, через него проходил главный тракт Сибири. Решите уравнение, заполните таблицу и вы узнаете его название (Московский)».

В сборнике «Любимая Колывань в задачах» мы использовали не только примеры, уравнения, задачи, но и сочинили ребусы, составили кроссворды. Предлагаем пятиклассникам и разные формы подачи условия: схемы, цепочки, закодированные ответы.

Апробация нашего сборника прошла во время проведения внеклассных мероприятий для 5–6 классов под названием «Любимая Колывань в задачах». Мы видели, с каким интересом и удовольствием ребята решали задачи, предложенные нами. А ещё в их памяти ярко запечатлелись многие события из истории нашего посёлка.

Надеемся, что созданный нами сборник задач о своей малой Родине «Любимая Колывань в задачах» поможет не только отработать и закрепить вычислительные навыки по основным темам курса 5 класса, но и ближе прикоснуться к истории родной колыванской земли, почувствовать свою причастность к тем событиям, которыми жила наша Колывань на протяжении трёх веков.

В дальнейшем мы планируем продолжить работу по этой теме и создать банк задач для учащихся 6 класса, чтобы повысить значимость патриотического воспитания детей в нашей школе.

Библиографический список

1. Виленкин Н.Я. и др. Математика: Учебник для 5 класса общеобразовательных учреждений. — М.: Мнемозина, 2009.
2. Зубарева И.И., Мордкович А.Г. 9-е изд., стер. — М., 2009.
3. Историзм в обучении математике. Учебное пособие. — М.: Дрофа, 2010.
4. Марчукова С.М. Реализация принципа историзма в контексте гуманитаризации естественнонаучного образования // Гуманистический потенциал естественнонаучного образования. Сб. науч. тр. кафедры теории и методики естественнонауч. образов. СГПУПМ / под ред. И.Ю. Алексашиной. — СПб., 1996.
5. Распоряжение Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы»

Терентьева Анастасия,
ученица 10 класса Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Колыванского района Новосибирской области

Научный руководитель: Заичкина Наталья Анатольевна,
учитель истории Колыванской средней общеобразовательной школы
№ 2 Колыванского района Новосибирской области

НЕ ЗНАЯ ПРОШЛОГО — НЕ ПОНЯТЬ НАСТОЯЩЕГО

Гонения, которые претерпела Православная церковь в России в XX веке, многими историками признаются тяжелейшими со времени появления христианства. Они превосходили все предыдущие по масштабам охваченной территории и по продолжительности во времени, нисколько не уступая в жестокости. В двадцатом веке судьба колыванских церквей складывалась далеко не лучшим образом. С приходом нового демократического времени пришли и благодные времена для церкви. Повсюду стали подни-

мать из руин храмы, молодежь пошла в церковь, началась эпоха Духовного Возрождения России.

В районном центре Колывани на улице Советской в глубине квартала находится здание, внешне похожее на советский клуб. До перестройки здесь размещался кинотеатр, а с 1990-х годов вещевого рынок, страховая компания, медицинский кооператив, центр социального обслуживания населения...

Все последние десятилетия в обиходе называлось это здание кинотеатром «Победа» и редко кто из жителей мог вспомнить о том, что когда-то это был первый в Колывани каменный православный собор во имя Святой Живоначальной Троицы.

Как известно, первоначально Колывань размещалась на месте села Чаусского и жители ее являлись прихожанами здешней Богоявленской церкви. Но с переносом города на теперешнее место и ростом числа жителей назрел вопрос о постройке храма в новой Колывани.

По ходатайству епископа Томского Парфения перед Святейшим Синодом в 1859 году была разрешена к построению в Колывани церковь с наименованием «соборную». Как свидетельствуют документы из архивного фонда Томской духовной консистории, «храм был заложен 15 августа 1861 г. и освящен 1 октября 1867 года. Зданием собор каменный, с таковой же в одной связи колокольной, покрыт железом, сложен очень прочно. Собор построен тщанием прихожан» [1, д. 1034].

Расположен был Свято-Троицкий собор согласно плана города Колывани 1834 года на Соборной площади вблизи Московско-Сибирского тракта. Величественная постройка была видна отсюда, так как поначалу храм стоял в «чистом поле», вдали от основного массива жилой постройки. Во второй половине XIX века она была обстроена домами самых богатых людей в городе — купцов Орлова, Пастухова, Кроткова, Кривцова, Жернакова, Култашева, Паисова. Здесь же размещались базар, церковно-приходская школа, Городская Дума и Управа.

В 1876 году Свято-Троицкий собор расширился, к нему были пристроены два боковых придела с престолом во имя святой великомученицы Екатерины и престолом во имя Святого Преподобного Кирилла и мученицы Наталии. История сохранила нам имя главного жертвователя на сооружение этих приделов — имя купца первой гильдии Кирилла Климовича Кривцова [2, л. 13 об.].

Указом Томской Духовной Консистории от 4 марта 1876 года Кривцов возведен в должность церковного старосты Свято-Троицкого собора. Следует отметить, что на средства этого же купца и его наследников в 1889 году в Колывани была построена еще одна церковь во имя Святого Благоверного Александра Невского.

Следует отметить, что благотворительная деятельность купца Кривцова помогала и развитию народного образования в Колывани. На его сред-

ства было выстроено здание приходского училища для девочек, за что он был «всемиловнейшее награжден серебряной медалью на Аннинской ленте для ношения на груди». Приказом Генерал-Губернатора Западной Сибири от 24 июля 1870 года Кривцов назначен Почетным Блюстителем Колыванского Владимирского приходского училища.

Храм Святой Живоначальной Троицы стал первым каменным зданием «новой» Колывани, центром православной духовной культуры на огромной территории Новосибирского Приобья. Быстрый рост населения Колывани, которое к началу 80-х годов XX века составляло уже 12 тысяч человек, увеличивало и приход собора.

До нас дошло имя первого настоятеля собора — протоиерея *Михаила Федоровича Вавилова*. Вавилов — сын священника, в 1812 году окончил Тобольскую семинарию, с аттестатом первого разряда, до Колывани служил в Томском Духовном Правлении.

Удалось установить имена и других священнослужителей Троицкого собора. Это протоиереи Федор Сосунов, Диомид Чернявский (очень известный священник в Западной Сибири, основатель Новониколаевского приюта «Ясли»), Трифон Шостак, священники: Константин Львов (с 1892 г.), Павел Комаров (1895–1901 гг.), Михаил Безсонов (1903–1909 гг., позднее служил в Воскресенской церкви г. Новониколаевска), Михаил Ерлексов (с 1907 г.), Василий Курков (с 9 апреля 1910 по 1912 г.), Михаил Лавров (с 23 мая 1913 и в 1914 году был диаконом Свято-Троицкого собора г. Колывани. С 1913 по 1914 — учитель соборной церковно-приходской школы. Позднее служил в Троицком соборе священником), Нил Глушинский (с 22 сентября 1911 и в 1914 году был настоятелем), Павел Угодин (с 13 июня 1914), Александр Шереметинский (с 1914 был вторым священником), Иоанн Ткачев. Диаконы: Павел Ураев (1859–1873 гг., с 1873 г. священник), Алексей Омский (с 1889 г.), Петр Доброумов, Иоанн Горячев (с 1909 года). Псаломщики: Николай Иволин (1859–1878 гг.), Димитрий Сосунов (позднее священник в Барнаульском уезде), Александр Молчанов (с 1890 г.), Павел Колесников (с 1910 года), Павел Попов (с 1909 года), Севастиан Курков (1909–1911 гг.), Николай Липовицкий (1888), Александр Молчанов (с 1890 г.), Павел Попов (с 1909 г.), Севастиан Курков (1909–1911 гг.), Павел Колесников (с 1910 г.).

Самым известным священником Троицкого собора был отец Василий Курков. *Курков Василий Андреевич родился около 1879 г. в семье мещанина. В 1900 г. окончил Бийское катехизаторское училище, а с 1902 г. обучался в регентском классе Санкт-Петербургской Придворной капеллы. 27 июля 1906 г. был рукоположен в сан диакона к Троицкому собору г. Колывани. Свое служение совмещал с преподавательской деятельностью: был заведующим и законоучителем Колыванской соборной церковно-приходской школы и законоучителем 2-го женского народного училища министерства народного просвещения в Колывани. В 1909 г. рукоположен*

во священника. С 1910 по 1915 гг. священник Свято-Троицкого колыванского собора. С 1915 года и до своей смерти отец Василий Курков служил в Вознесенской церкви Новониколаевска. В 1937 году обвинен в участии в церковно-монархической организации и расстрелян [3, с. 618].

Церковным старостой собора с 1901 г. состоял колыванский купец 2-й гильдии Николай Тимофеевич Орлов, уроженец Колывани, с 1903 по 1907 год исполнявший должность и председателя Колыванской городской Думы.

В 1902 году при Соборе Святой Живоначальной Троицы была открыта церковно-приходская школа. Заведующим школой с 1907 г. состоял священник Михаил Ерлексов; он же преподавал Закон Божий. Настоятелем был Нил Ермолаевич Глушинский. В 1915 году в школе обучалось 43 мальчика.

В настоящее время в здании размещается Колыванский краеведческий музей. Основан в 1976 году. Наш музей один из лучших музеев Новосибирской области. В восьми залах хранится более 12 тысяч экспонатов, один из экспонатов — макет Собора Живоначальной Троицы.

По свидетельству старожилов храм поражал своим богатым убранством, величественно пел хор, звучал бас диакона, струился синий кадильный дым. Шли годы, и казалось, так будет всегда...

Но не прошло и года после начала революции, и в начале 1918 года советским правительством был принят декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Началось разграбление и уничтожение церквей и монастырей, осквернение мощей и святынь, преследование духовенства, закрытие храмов.

Не миновала подобная судьба и Колывань. По невыясненным причинам в ночь на 1 февраля 1932 года в Троицком соборе вспыхнул пожар. Огонь быстро удалось погасить, но фактом пожара воспользовалась новая власть, священнослужителей собора обвинили в умышленном поджоге, и решением Западносибирского крайисполкома [4, л. 119] храм был закрыт. До сих пор память об этом страшном дне сохранилась в рассказах старожилов Колывани.

Вот рванули за веревки —

Покачнулся белый свет...

И упали стопудовки:

Купол, колокол и крест.

Позднее все церковное имущество было вывезено в Новосибирск. Дальнейшая судьба всех ценностей неизвестна, и только лишь фрагменты трех плащаниц находятся в настоящее время в фондах Новосибирского областного краеведческого музея.

В годы советской власти здание Собора подверглось переделкам и реконструкции: в 30-е годы были убраны купола, колколья и главки, в 50-е годы главный западный фасад получил завершение треугольным фронтоном с советской символикой. Но масштаб здания, фрагменты декора его боковых фасадов сохранили признаки прежнего собора.

В 2012 году исполнилось 145 лет Собору Святой Живоначальной Троицы. В конце 2009 года в Соборе открыт приход. С 2010 года начались реставрационные работы по восстановлению первоначального облика Собора Святой Живоначальной Троицы. 15 февраля 2013 года состоялось очень значимое для всех колыванцев событие — преосвятейший Тихон освятил собор.

Мы уверены, пройдет еще немного времени и центр Колывани снова будет украшать собор Святой Живоначальной Троицы в прежнем его величии и колокольный звон будет напоминать о том, что история Колывани продолжается.

Библиографический список

1. ГАТО, Ф. 170, Оп. 1, Д. 1034. Ведомость о самостоятельной церкви Томского округа села Чаусского во имя Богоявления Господня.
2. ГАТО, Ф. 170, Оп. 1, Д. 1872, Л. 13 об.
3. Книга памяти жертв политических репрессий. — Т. 2. — Новосибирск, 2008.
4. Колыванский районный архив. Ф. 1, Оп. 1, Д. 235.
5. Матвеева Л.Л. «Собор Святой Живоначальной Троицы» — памятники истории Колывани // Новосибирский архивный вестник. — № 5. — 2000.
6. Матвеева Л.Л., Гусаченко В.Л. Колывань историческая. — Новосибирск: Наука, 1996.
7. Районная газета «Трудовая правда» «Из истории церквей» от 8 июля 2007 г. — №№ 66–68.
Районная газета «Трудовая правда» «К возрождению через покаяние» от 1 апреля 2011. — № 13.

Черенкова Анастасия,

ученица 10 класса гимназии № 11 «Гармония» г. Новосибирска

**Научный руководитель: Андрейченко Олеся Николаевна,
учитель истории высшей квалификационной категории гимназии
№ 11 «Гармония» г. Новосибирска**

**Научный консультант: Давыденко Наталья Алексеевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории
Новосибирского государственного педагогического университета**

ВИЗИТЫ Н.С. ХРУЩЁВА В НОВОСИБИРСК В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Визиты высокопоставленных лиц в Новониколаевск стали обычным делом с первых лет возникновения города. Быстро строящийся город, располо-

женный в центре России, привлекал к себе внимание многих известных людей, прежде всего политических деятелей. Иностранным гостям, как правило, в городе показывали местные достопримечательности — промышленные объекты, институты Академгородка, балет в Оперном театре.

Советских лидеров интересовали прежде всего вопросы социально-экономического развития города и области. Среди тех, кто проявлял особую заботу о развитии города, был Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964 гг.), Председатель Совета Министров СССР (1958–1964 гг.) Никита Сергеевич Хрущёв. Хрущёву приглянулся молодой и перспективный город Новосибирск. С 1956 по 1961 гг. с визитами он приезжал сюда четыре раза. Сохранившиеся «хрущёвки», СО РАН, ОбьГЭС — те места, которые и сейчас напоминают о визитах более чем полувековой давности.

В рамках начавшейся «десталинизации» в жизни Советской страны начались очень важные события, которые затронули и наш город. Приоткрылся «железный занавес», ослабла цензура, кроме того, этот период также явился временем реабилитации.

В период «хрущёвской оттепели» одно за другим появилось множество учебных заведений [1, с. 257–268]. Постепенно изменялся внешний облик города. В Новосибирске был построен целый ряд жилых, учебных и административных зданий, строилось множество заводов, реконструировались старые и эвакуированные в годы Великой Отечественной войны фабрики [2, с. 61–62]. Ускоренными темпами строились панельные, реже кирпичные дома от двух до пяти этажей в высоту. Это были «хрущёвки», которые сооружались повсеместно во время нахождения у власти Никиты Сергеевича.

Период «хрущёвской оттепели» стал важнейшим этапом формирования облика нашего города. Особое внимание уделялось развитию науки и энергетики. Крупными событиями стали создание СО РАН и строительство Академгородка. В эти же годы происходило строительство Новосибирской ГЭС [3].

Летом 1956 года Хрущёв, совершая поездку в регионы освоения целинных и залежных земель, в июле впервые посетил Новосибирск в составе группы руководителей партии и правительства РСФСР. 24 июля он выступил с большой речью на Совещании работников сельского хозяйства областей, краёв и автономных республик Сибири [1, с. 256], после чего состоялся митинг трудящихся [4]. Вскоре после визита Хрущёва, 23 октября 1956 года произошло грандиозное событие — Новосибирская область была награждена Орденом Ленина [5].

Период развития города после первого визита Хрущёва характеризовался дальнейшим развитием инфраструктуры и культуры. Немаловажным событием стал запуск первого троллейбуса. Это событие произошло 6 ноября 1957 года [6, с. 202].

18 мая 1957 года произошло очень важное для города событие, определившее одно из направлений его дальнейшего развития. В этот день было принято Постановление Совмина СССР от 18.05.1957 № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР [7].

Строительные работы научного центра находились под особым контролем властей и продолжались форсированными темпами в последующие годы. «Город — будет. Саду — цвести!» Статья под таким заголовком, размещённая в газете «Советская Сибирь», рассказывала о будущем Академгородка. И особое слово о строительстве Новосибирской ГЭС. Строительство ГЭС началось в ещё в 1950 году. Но именно в середине 1950-х гг. приняло наибольший размах. Помимо активной внутренней политики города, руководство вело и активную внешнюю политику. Несмотря на то, что отношения с Китаем были натянуты, наш город сотрудничал с этим государством. Заметки о тесных связях присутствуют на страницах газет. Так, например, 15 ноября 1958 года несколько тяжёлых продольно-строгальных станков с завода имени Ефремова были направлены в Китай (г. Ухань) [6, с. 205].

Осенью 1959 года Новосибирск вновь посетил Н.С. Хрущёв (9–10 октября). Говорят, к приезду «вождя» в Новосибирск было организовано великолепное продовольственное снабжение, и на столах жителей города появились даже диковинные для тех лет бананы. Но это изобилие не интересовало Хрущёва — он ехал оценить проект перспективной застройки Академгородка. Никита Сергеевич распорядился ускорить темпы строительства «города учёных». После этого визита началось массовое сооружение в городе четырёх-, пятиэтажных домов из сборных панелей, в том числе малометражных [1, с. 275].

5 марта 1961 года Никита Сергеевич вновь в Новосибирске. Целью его поездки на этот раз стало участие в Совещании передовиков сельского хозяйства. В ходе этого визита Никита Сергеевич посетил также выставку образцов сельскохозяйственной техники, 10 марта побывал в Институте геологии и геофизики. Газета «Вечерний Новосибирск» подробно описала визит Н.С. Хрущёва.

Свой последний, четвёртый визит, Никита Сергеевич нанёс в Новосибирск в конце ноября 1961 года. Он побывал во Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства, где осмотрел почвообрабатывающие и уборочные машины, рыхлители почв и сеялки. Тогда же в Новосибирск приехал президент Финляндии Урхо Калева Кекконен для встречи с главой Советского правительства. Это событие широко освещалось в печати. Состоялись беседы Хрущёва и Кекконена по вопросам внешних границ государств, где Хрущёв заручился поддержкой Финляндии. Никита Сергеевич произнес речь на Совещании работников сельского хозяйства.

Посещение Н.С. Хрущёвым Новосибирска дважды в течение 1961 года показывает пример особого внимания властей к нуждам успешно развивающегося и перспективного сибирского города. Успешно развивалась и Новосибирская область, она вошла в число ведущих сельскохозяйственных районов страны. К началу 1960-х гг. Новосибирская область входила в пятерку крупнейших животноводческих регионов РСФСР. Изучая период «хрущёвской оттепели», я пришла к выводу о том, что в эти годы менялся сам город: активно развивалась наука, промышленность, жилищное строительство. Открывались новые учебные заведения. В городе до сих пор сохранились объекты, которые в полной мере можно назвать «хрущёвскими детищами». Это, прежде всего, Академгородок, построенный с легкой руки Никиты Сергеевича. Открытый в 1958 г. Новосибирский государственный университет является кузницей научных кадров нового типа. Ещё одним детищем Хрущёва стала Новосибирская ГЭС.

Решение жилищного вопроса, важнейшего социального вопроса, не только того, но и настоящего времени, успехи в сельском хозяйстве области — было бы несправедливо отрицать причастность Председателя Совета Министров к этим событиям. Изучая 4 визита Н.С. Хрущёва в наш город, я составила таблицу посещений.

Работая на данной темой, я поняла, что в период хрущёвской оттепели закладывались основы, определившие направления развития и облика нашего города. В ходе исследовательской деятельности я установила, что Хрущёв был в нашем городе 4 раза (июль 1956, ноябрь 1959, март 1961, ноябрь 1961), его визиты совпали по времени с крупными событиями в жизни нашей страны: освоение целины и космоса, развитие науки и образования, решение жилищного вопроса и продолжающейся холодной войной, что и отразилось в содержании его визитов, которые получили большой резонанс в СМИ, а также повлияли на дальнейшее развитие нашего города. В настоящее время Новосибирск является крупным промышленным, транспортным, деловым, научным и культурным центром федерального значения, расположенным за Уралом. И, на мой взгляд, важная роль в этом принадлежит Н.С. Хрущеву.

Библиографический список

1. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Сибирская издательская фирма, 1993.
2. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирское книжное издательство — 1991.
3. «Советская Сибирь». — № 241. — 1956 г.
4. «Советская Сибирь». — № 170. — 1956 г.
5. «Советская Сибирь». — № 249. — 1956 г.

6. Новониколаевская губерния — Новосибирская область. 1921–2001. — Новосибирск, 2001.

7. <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-zakony/n3r.htm>

Шипова Елена,
ученица 10 класса Венгеровской средней общеобразовательной школы
№ 2 Венгеровского района Новосибирской области

Научный руководитель: Леоненко Татьяна Фёдоровна,
учитель истории Венгеровской средней общеобразовательной школы
№ 2 Венгеровского района Новосибирской области

П.М. ПОНОМАРЕНКО — ПОДВИЖНИК КРАЕВЕДЕНИЯ

Село Венгерovo — село старинное, ему 250 лет. У него богатая и интересная история. Интересны и судьбы людей, проживающих в нем. Собрать материал об истории села, о людях, которые в нем жили — это значит сохранить духовное богатство села.

Тема моей исследовательской работы: «П.М. Пономаренко — подвижник краеведения». Она о человеке, краеведе с большой буквы — такой титул по праву можно присудить П.М. Пономаренко: 30 лет кропотливой работы в архивах, собственные наблюдения, общение со старожилami, обширные знания сделали материалы Петра Михайловича интересными, полезными, познавательными. Его обширные труды всегда будут служить первоисточником сведений об истории села, нашего района. Они отражают действительность той эпохи, о которой он пишет.

Благодаря его стараниям память о нашем селе, о его людях сохранилась и стала достоянием истории — был открыт краеведческий музей и стали вестись археологические раскопки государственного масштаба.

На таких, как он, неравнодушных людях, находящихся в постоянном поиске, держится наша земля. Про таких говорят, что они — соль земли русской.

Цель моего исследования: формирование представления о роли П.М. Пономаренко в исследовании истории Венгеровского района.

Для достижения поставленной цели были поставлены задачи:

1. Выявить литературу и другие источники о П.М. Пономаренко.
2. Изучить жизненный путь П.М. Пономаренко.
3. Обобщить изученный материал и сделать выводы.

При написании работы были изучены, проанализированы и использованы опубликованные статьи о Петре Михайловиче, периодическая печать, мемуарная литература, состоялась встреча с дочерью, Н.П. Пономаренко. Очень много интересных фактов было почерпнуто из личного архи-

ва П.М. Пономаренко. Хранится весь этот бесценный материал в Районном архиве. Эти документы дают возможность последовательно и объективно охарактеризовать взгляды П.М. Пономаренко как краеведа-историка.

П.М. Пономаренко прожил яркую и сложную жизнь. Родился он 25 января 1905 года в с. Спасском Усть-Таркской волости Каинского уезда Томской губернии в семье Михаила Васильевича Пономаренко, правнука Деревягина, который был одним из участников крестьянского восстания под предводительством Устима Кармелюкана Правобережной Украины в 1832–1835 гг. и сосланного в Восточную Сибирь. До места ссылки он шел в кандалах своим ходом. По дороге сломал ногу и был оставлен в Голопупово в месте пересылки, до которого он добирался на деревянной ноге. За это жители села дали ему прозвище «Деревягин».

Петр был первенец в небогатой середняцкой семье, добывающей средства к существованию путем ведения своего хозяйства. До революции родители смогли обеспечить ему образование в объеме церковно-приходской школы. Затем нужно было помогать семье: сеять хлеб, косить сено и многое другое, что делали старшие: тогда дети выросли очень рано и подросток не боялся никакой, даже самой трудной работы. Терпеливо и упорно трудился Петр наравне со взрослыми от зари до зари — и так изо дня в день. Но большого достатка семья так и не имела. Трудное детство закалило характер Петра, научило никогда не сдаваться.

1917 год. Петр Пономаренко всей душой принимает советскую власть, одним из первых записывается в комсомол. А с 1925 по 1927 год учится на агрономическом факультете в г. Омске. Затем служба в армии.

В период коллективизации, с 1930 по 1932 год, Петр Михайлович работает старшим агрономом в Спасской МТС. Нам, сегодняшним школьникам, сложно представить то время. О нем можно узнать только из учебников истории да рассказов бабушек и дедушек. Он испытал все: и недоверие односельчан к советской власти, и побои, но работал не жалея сил, убеждая и наглядно доказывая обратное, так как свято поверил в идеалы нового общества. На его глазах создаются колхозы, ликвидируется кулачество, рождается и утверждается новая власть. Это были трудные годы, но он радовался и гордился трудовыми успехами земляков. П.М. Пономаренко принимает активное участие в создании районной газеты. На первом заседании редколлегии предложил назвать создающуюся районную газету «Молочное животноводство».

За участие в Великой Отечественной войне Петр Михайлович награжден: орденом Отечественной войны 2 степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией», имеет Благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Из личного листка по учету кадров узнаю, что после войны работает заместителем директора и старшим агрономом совхоза № 596 Саратовской области, заведующий инструкторским отделом Венгеровского РК ВКП (б), заведующий сельхозотделом. В декабре 1953 г. уходит на пенсию как инвалид Великой Отечественной войны, сказывается тяжелое ранение, полученное под Москвой.

Из воспоминаний дочери Н.П. Пономаренко: «В это время отец вплотную занялся изучением родного края. Началось все с того, что однажды, читая газету, в материале о нашем районе он обнаружил, как ему показалось, не совсем правильные сведения. Решил их проверить, стал рыться в разных документах, справочниках и незаметно увлекся этой работой. Начал разыскивать различные материалы о районе, всюду, где только представлялось возможным. В это же время установил тесные связи с Новосибирским областным музеем, с которым тесно сотрудничал до самой своей кончины».

Бывая в разных населенных пунктах, встречался с людьми, записывал их рассказы, собирал предметы старины, большинство из которых отправлял в музей, так что в областном музее среди экспонатов есть предметы и из нашего Венгеровского района. Побывал в библиотеках, архивах, музеях разных городов — Ленинграда, Томска, Омска, Новосибирска, работал в Ленинской библиотеке Москвы. Упорно собирал материалы по истории района, с древних времен и до нашего времени. Через межобластной библиотечный абонемент выписывал книги, делал выписки, касающиеся нашего района. Список этой литературы весьма обширен: С.В. Киселев «Древняя история Южной Сибири» («Барабинская степь») (1949 г.), В.М. Флоренский «Курганы Томской губернии» (1889 г.), В.П. Левашова «Вознесенское городище» (1928 г.), В. Долгоруков «Путеводитель по Сибири» (1901–1902 гг.) и другие.

Постепенно накапливался богатый материал, которого могло хватить с избытком для написания книги по истории Венгеровского района, чем Петр Михайлович и начал заниматься вплотную. К 1968 году рукопись была готова, но, к сожалению, книга так и не была издана. Местные власти не захотели помогать в издательстве книги. Но проделанная работа не пропала даром. В 1966 году в районной газете «Ленинец» под рубрикой «К 50-летию Советской власти» под общим названием «Отчий край» началась публикация очерков П.М. Пономаренко по истории родного края: «Природные условия», «Заселение русскими и динамика роста», «Археологические памятники Венгеровского района», «Жизнь по-новому», «На подъеме», «Годы испытаний», «Шаги в будущее», «Годы становления», в 80-е годы были опубликованы материалы под общей рубрикой «По залам и стендам Венгеровского краеведческого музея», которые он так и не сумел

закончить. Одновременно публиковались в газете и отдельные материалы по истории района «Так начиналось село».

Материалов было так много, что возникла необходимость в создании в Венгерове своего музея. Эта работа стоила П.М. Пономаренко большой крови, нервов и средств. Приходилось убеждать в необходимости создания музея чиновников всех рангов, ходить по кабинетам, рассказывать и доказывать. Наконец, мечта его сбылась, выделили помещение, и в 1978 году открылся районный краеведческий музей. Находится он в бывшем доме купца Д.С. Кочугова. В музее три зала: природы, археологии, истории до-советского и советского периода. Много подлинных бытовых вещей и орудий труда крестьян, уникальных исторических вещей (кованый ящик для церковной утвари, кандалы, цельно-резаный ковш). Много материалов посвящено Гражданской войне в Сибири и др. В 1994 году по ходатайству районного Совета ветеранов, возглавляемого И.А. Ломовым, решением районной администрации музею по праву было присвоено имя его основателя, Петра Михайловича Пономаренко. Это было встречено с пониманием и одобрением многими жителями района, лично знавшими краеведа.

П.М. Пономаренко активно занимался общественной работой, работой по патриотическому воспитанию молодого поколения. Встречался со школьниками, допризывниками, вел краеведческий кружок в Ново-Тартасской школе, был одним из организаторов районного хора ветеранов. Он член совета ветеранов, ведет большую переписку с разными людьми. К нему приходят письма из Орджоникидзе, где в 1983 году был открыт памятник нашему земляку, Герою Советского Союза П.П. Барбашову. В составе делегации из 5 человек, приглашенных из нашего района для участия в этом мероприятии, был и П.М. Пономаренко.

Вот строки из письма, написанного в июле 2002 года, адресованного его дочери, Н.П. Пономаренко. «Я поныне преклоняюсь перед мужеством П.М. Пономаренко. Урок гражданского мужества я получил от него на районной партийной конференции, где был делегатом с правом совещательного голоса, на которой райкомовские подхалимы по очереди поносили его за справедливую критику их аппарата обкома КПСС за бестолковщину в сельском хозяйстве. С открытым ртом я слушал его. Эмоциональное, резкое, мужественное выступление и этот урок гражданского мужества я запомнил и руководствовался им всю свою жизнь. Мужество выступления П.М. Пономаренко на партийной конференции прежде всего в том, что оно произносилось в годы сталинщины, когда вновь уже после войны начало свирепствовать МГБ. Только воинские заслуги спасли его в те времена от репрессий, и то, что критиковал он обком КПСС, хотя в бедах сельского хозяйства был повинен прежде всего Сталин, закрепостивший беспаспортных крестьян».

На территории Венгеровского района имеется много археологических памятников разных эпох и культур в виде городищ, курганов, групповых и одиночных. Благодаря ученым, путешественникам и исследователям Барабы — Фалька, П.С. Палласа, С.М. Чугунова, А. Молотилова и других — ряд памятников вошел в печатные издания, начиная с 18 в.

В 1966 году часть археологических памятников исследовала Т.Н. Троицкая, доцент Новосибирского педагогического института, кандидат исторических наук. Она уточнила и дополнила сведения о Вознесенском городище и Вознесенских курганах. Однако отсутствие средств не позволило вести раскопки.

Естественно, что краевед П.М. Пономаренко не мог остаться в стороне от этого важного дела. Он установил и постоянно поддерживал связь с Татьяной Николаевной. Но только летом 1973 года в квартире П.М. Пономаренко появились три археолога, в их числе был тогда еще аспирант В.И. Молодин (ныне академик Российской Академии наук, доктор исторических наук, профессор, заместитель Председателя РАН, заместитель директора по науке института археологии и этнографии СО РАН). И с того времени раскопки ведутся и продолжают до сих пор, делаются большие открытия под руководством В.И. Молодина. Собран уникальный материал. К числу наиболее значимых достижений относятся широкомасштабные раскопки комплекса разновременных, разнокультурных и разнотиповых памятников, объединенных общим названием Сопка-2, расположенных в месте впадения реки Тартас в реку Омь». Как пишут А.В. Новиков и В.И. Молодин в книге «Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области», «открытием этого уникального для науки местонахождения мы обязаны П.М. Пономаренко — жителю села Венгерovo, бывшему фронтовику, орденосцу, страстному краеведу, патриоту Венгеровского района. П.М. Пономаренко не занимался специальными археологическими разведками, однако он, путешествуя по району, всегда отмечал интересные с его точки зрения места, включая насыпи, курганы, рвы и валы городищ. Так случилось и с Сопкой, на которой Петр Михайлович заметил курганы и ров городища.

В 1973 году из-за сильного паводка нам с Петром Михайловичем не удалось добраться на Сопку на машине, однако, заинтересовавшись рассказом краеведа, к нему были посланы тогда еще студенты Е.А. Сидоров и В.С. Елагин (ныне кандидат исторических наук). На лошади Петр Михайлович организовал это путешествие, показав ребятам Сопку, в результате чего был снят первый план памятника, и возникло окончательное решение начать здесь стационарные исследования.

Не можем особо не отметить, что все годы, пока был жив Петр Михайлович, он самым действенным и бескорыстным образом помогал нам при раскопках не только добрым советом, но и продовольствием».

Из воспоминаний дочери Петра Михайловича: «В то время местные власти не проявляли особого интереса к работе археологов. Поэтому наша квартира превратилась в базу экспедиции. А сам он превратился в экспедитора-снабженца. Кстати, два памятника на территории Венгеровского района открыты им. Это городище Сопка-1 и могильник Сопка-2. Сопка-2 — неолит 17 века, а Сопка-1 — начало 1–2 тысячелетия нашей эры».

Благодарность и признательность, выраженная Петру Михайловичу Пономаренко в книге отзывов краеведческого музея: «Хотелось бы выразить глубокую благодарность Петру Михайловичу Пономаренко — человеку, который всего себя отдает изучению истории родного края. Его знания и личные участия обеспечивают четкую работу экспедиций», — пишет В.И. Соболев, преподаватель истфака НГПИ¹⁵.

В результате сбора разного материала, выписок из газет и книг, вырезов, фотографий, ксерокопий, писем и т.п. накоплен огромный архив по истории Венгеровского района и не только. В 1988 году, спустя 4 года после смерти П.М. Пономаренко, после разбора и приведения его в порядок тремя сотрудниками Новосибирского областного архива личный фонд П.М. Пономаренко был передан на постоянное хранение в отдел архивной службы территориальной администрации Венгеровского района.

Фонд № 141 включает в себя 165 дел и ждет своего исследования, т.к. в нем заключено много полезных сведений. Вот некоторые из них: очерки и статьи по истории Венгеровского района под общим названием «Отчий край» (шесть томов), газеты и вырезки из газет по истории Сибири и Венгеровского района, по вопросам развития сельского хозяйства в 11 томах, сведения о замечательных людях с. Венгерovo, письма к П.М. Пономаренко в 8 томах, книги, собранные П.М. Пономаренко по интересующим его вопросам, в частности, это Б.Л. Борисов «История Новосибирской области», М.Н. Колобков «Кулундинская степь», В.Д. Борисова «Экономическое развитие Барабы за 40 лет» и многое другое.

Заключение

Петра Михайловича Пономаренко не стало в 1984 году, но до сих пор люди помнят его, вспоминают добрым словом, когда используют сведения о нашем районе, которые П.М. Пономаренко собирал всю свою жизнь. «Все больше и больше удивляешься, откуда у этого пожилого человека, ветерана Великой Отечественной войны, было столько сил, энергии и задора? На этот вопрос ответить просто — Петр Михайлович всей душой любил родной край, живущих здесь людей; очень стремился, спешил со-

¹⁵ Книга отзывов Краеведческого музея им. Пономаренко П.М., отзыв В. Соболева, с. Венгерovo. — 1973 г. — С. 5.

брать и сохранить все интересное, чтобы мы с вами знали свое прошлое и дорожили настоящим»¹⁶.

В музее проходят экскурсии, там есть отдельный стенд, посвященный П.М. Пономаренко.

«Без прошлого нет настоящего, — любил повторять Петр Михайлович. — Мы должны знать свою историю, плохая она или хорошая, но она — наша. И другой уже не будет. Мы потомки тех, кто осваивал сибирские просторы, родился, жил и умирал на такой неласковой и такой прекрасной сибирской земле, должны знать о своем прошлом. Каждый человек должен оставить свой след на Земле».

Говорят, что память есть у деревьев, воды, земли. И, конечно, у человека. Память активна. Она не оставляет человека равнодушным, бездельным. Она сильнее времени. Лучшее средство для передачи памяти от поколения к поколению — это краеведение. У краеведения большие возможности в воспитании активных и ответственных граждан России. Краеведение занимает достойное место в общественной жизни страны. В его основе были и остаются функции собирания, хранения и распространения краеведческих знаний, воспитание молодого поколения в духе любви и уважения к своей Родине, сохранения для грядущих поколений памятников и свидетельств нашего времени.

Историю делают люди своими делами, поступками. Любовь к Родине является внутренним мировоззренческим стержнем, который во многом определяет жизненную позицию человека и гражданина. Уходят люди из жизни, стираются следы прошлого, но остается память о добрых делах и поступках. Так и произошло с П.М. Пономаренко. Я уверена, что П.М. Пономаренко оставил свой след не только на земле, но и в сердцах многих людей. Петр Михайлович — пример беззаветного служения Родине, чье имя мы должны знать и помнить с благодарностью. Это был не просто человек, а Человек с большой буквы. Этот человек учит нас хранить прошлое и дорожить настоящим.

Знакомясь с его жизненным путем, его краеведческими трудами, у меня возникло ощущение, что он передал мне частицу своих мыслей, чему-то научил меня. Я с удовольствием буду рассказывать о нем, где бы я ни была, ставить его в пример и гордиться своим земляком.

Библиографический список

1. Рукопись П.М. Пономаренко «Отчий край». — Новосибирск, 2005.
2. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. — Вып. 3. — Новосибирск, 1998.

¹⁶ Книга отзывов краеведческого музея. Отзыв П.И. Иванова, с. Венгерovo. — 1988. — С. 115.

3. Архив газеты «Ленинец».
4. Книга отзывов Краеведческого музея им. Пономаренко П.М. — Венгерова, 1973.
5. Книга отзывов Краеведческого музея им. Пономаренко П.М. — Венгерова, 1985.
6. Книга отзывов Краеведческого музея им. Пономаренко П.М. — Венгерова, 1988.
7. Отдел архивной службы администрации Венгеровского района Новосибирской службы. Личный фонд Пономаренко П.М. Ф. 141, Оп. 1, ДД. 26; 41; 53.

Ермаков Артем,
ученик 5 класса Исилькульского общеобразовательного лицея
Исилькульского района Омской области

Научный руководитель: Савченко Ольга Борисовна,
учитель истории и обществознания Исилькульского
общеобразовательного лицея Исилькульского района Омской области

ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСИЛЬКУЛЬСКОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Введение

К истории можно относиться по-разному. Её можно любить, можно не любить. Но её нельзя забывать. Прошлое необходимо знать не только для того, чтобы правильно соотносить роль и поступки отдельных людей, но и поколений в целом. Не зря говорится, что народ, позабывший свою историю, не может иметь будущего [6, с. 4].

Нам захотелось узнать о памятниках нашего города больше, поэтому, заинтересовавшись этой темой, мы решили заняться исследовательской работой над ней.

Поставили *цель*: узнать, что могут рассказать памятники об истории города Исилькуля и Исилькульского района.

Объект исследования: памятники города Исилькуля и Исилькульского района.

Предмет исследования: исторические события и люди, которым посвящены памятники.

Гипотеза: если мы будем знать памятные места нашего города, то мы будем лучше знать его историю.

Задачи исследования:

1. Научиться пользоваться справочной литературой, архивными и музейными документами.

2. Овладеть навыками проведения исследовательской работы.
3. Узнать, какие виды памятников установлены в городе Исилькуле и Исилькульском районе.
4. Узнать, каким историческим событиям посвящены памятники города.
5. Провести анкетирование среди лицеистов о памятниках нашего района.
6. Проанализировать проведенную анкету.

1. Виды памятников

Различаются следующие виды памятников истории и культуры:

- памятники истории — здания, сооружения, памятные места и предметы, связанные с важнейшими историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, а также с развитием науки и техники, культуры и быта народов и т.п.;
- памятники археологии — городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производства, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя древних населенных пунктов;
- памятники градостроительства и архитектуры — архитектурные ансамбли и комплексы, исторические центры, кварталы, площади, улицы, остатки древней планировки и застройки городов и других населенных пунктов, сооружения гражданской, промышленной, военной, культовой архитектуры, народного зодчества, а также связанные с ними произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного, садово-паркового искусства, природные ландшафты;
- памятники искусства — произведения монументального, изобразительного, декоративно-прикладного и иных видов искусства;
- документальные памятники — акты органов государственной власти и органов управления, другие письменные и графические документы, кино-фотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, редкие печатные издания.

В нормативных документах отмечено также, что к памятникам истории и культуры могут быть отнесены и другие объекты, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

2. Героям Великой Отечественной войны

На территории города Исилькуля и Исилькульского района расположены следующие памятники, посвященные героям Великой Отечественной войны:

— памятник воинам-землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (г. Исилькуль, площадь Победы, 1967 год);

— могила героя Советского Союза Андрея Дмитриевича Фролова, 1917–1984 гг. (г. Исилькуль, кладбище);

— *в селах:*

а) Лесное:

— могила Гетьмана (Гетмана) Михаила Романовича, полного кавалера ордена Славы, 1912–1960 гг., находится на поселковом кладбище. На лицевой грани закреплен керамический портрет Гетьмана М.Р., ниже установлена мраморная доска, на которой выбит текст: «Кавалер 3-х Орденов Славы Гетьман Михаил Романович 1912–1960»;

б) Боевое:

— памятник Герою Советского Союза С.И. Ермолаеву (пос. Боевой, Исилькульский район, 1975 год);

в) в селах Маргенау, Благовещенка, Первотаровка, Новорождественка, Баррикада, Медвежье, Украинка, Солнцевка — памятники воинам, павшим в годы войны.

3. В камне и бронзе

Наверное, нет в нашей стране ни одного города, ни одного районного центра, где бы не было памятника Владимиру Ильичу Ленину. Они сооружались на самых лучших площадях, на самых видных и людных местах, там, где каждый день бывает много взрослых и детей [6, с. 294].

Памятник Владимиру Ильичу Ленину установлен в городе Исилькуле в самом центре города, на площади Ленина перед зданием Администрации (райисполкома) в 1968 году.

Памятники В.И. Ленину установлены и в селах Исилькульского района: Солнцевка, Украинка, Лесное, Маргенау.

4. Борцам за Советскую власть

В Исилькуле есть несколько памятных мест, связанных с периодом установления Советской власти в регионе (1918–1920 гг.):

— братская могила 10 красногвардейцев, расстрелянных белогвардейцами, находится в г. Исилькуле по ул. Дёповская (территория хлебоприемного пункта), первый памятный знак установлен в 1918 г., реставрирован в 1936 г., стела установлена в 1978 г.

В братской могиле захоронены: председатель ревкома Р.В. Иванов, члены ревкома С.Я. Субач и П.И. Петручик, секретарь первой комсомольской организации Н.А. Серебряков, убитый кулаками уполномоченный по хлебозаготовкам Воротов Г.М., секретарь комсомольской организации А. Пальчак и крестьяне-заложники И.С. Киселев, И.К. Портных, С.Ф. Монташов. На протяжении многих лет на братскую могилу приходили пионеры и школьники. За братской могилой ухаживали и ухаживают ученики МКОУ «Средняя школа № 4».

— *могила комиссара Исылкульского Совета А.М. Ломова* — первого председателя Исылкульского Совета, погибшего от рук белогвардейцев, г. Исылкуль, территория плодопитомника, 1918, в 1968 году установлен обелиск.

У меня возник вопрос: почему А.М. Ломов похоронен не на кладбище? И я нашел ответ на свой вопрос в статье И. Лукьяненко, опубликованной в газете «Знамя» в 1979 году: «Белогвардейцы не разрешали родственникам хоронить убитых. Стал собираться народ. Видя, что он разъярен, убийцы разрешили похоронить комиссара Ломова где угодно, но только не на кладбище. Так 8 июня 1918 года на юго-западной окраине Исылкуля появилась могила комиссара Ломова».

5. Памятники Героям Социалистического труда

На территории Исылкульского района существует памятники Героям Социалистического Труда:

— *могила Героя Социалистического Труда комбайнера Михеева Павла Григорьевича* находится на городском кладбище. На лицевой грани памятника закреплен керамический портрет Михеева П.Г., в правом верхнем углу выбита звезда Героя Социалистического труда, а ниже текст: «Первый Герой Социалистического труда в Исылкульском районе Михеев Павел Григорьевич 15.02.1914–09.04.1957»;

— *могила Героя Социалистического Труда — агронома Г.Ф. Иванова* находится в юго-западной части кладбища ОПХ «Боевой». На плите закреплена фотография и выбит текст: «Герой Социалистического труда Иванов Григорий Фёдорович 26.12.1910–16.06.1979»;

— *могила Героя Социалистического Труда — комбайнера А.Т. Архипенко* расположена на сельском кладбище д. Маргенау в северо-западной части. На могиле установлен памятник. В левой центральной части памятника установлена мраморная доска, на которой выбита звезда и текст: «Герой соц. труда Архипенко Александр Тимофеевич 15.10.1911–04.09.1975».

6. Памятники истории — рабочий клуб железнодорожников, средняя школа № 1

В 1922 году железнодорожники станции Исылкуль стали инициаторами создания рабочего клуба. Первоначально клуб занимал одно из помещений на южной стороне станции. В 1924 году после смерти В.И. Ленина рабочие и служащие обратились в райком профсоюза железнодорожников с просьбой о присвоении рабочему клубу имени Ленина, а в 1925 году приступили к строительству нового здания, которое было завершено в 1926 году.

Деревянную пристройку, в которой находились комнаты для кружков работы, костюмерная и гримерные комнаты в 1956 году решили сделать кирпичной.

В 1997 году в здании клуба был открыт историко-краеведческий музей. Благодаря трудам небольшого коллектива, 928 дарителям музея был сформирован уникальный фонд документальных, изобразительных, вещевых и фольклорных источников исторического и культурного достояния района, который насчитывал более 13 000 экспонатов.

Двухэтажное здание школы по улице Революции начали строить весной 1939 года.

С февраля 1942 по март 1943 для раненых воинов Советской Армии в школе размещался эвакогоспиталь № 2479. За железной дорогой хоронили снятых с санитарных поездов, умерших в дороге от ран. После войны в здание школы вернулись ученики. Сейчас в нем расположена начальная школа МКОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1».

Заключение

В ходе работы над темой я получил полезные навыки: научился пользоваться справочной литературой, производить поиск по архивным и музейным документам, вести исследовательскую работу по плану, анализировать полученные результаты.

Данное исследование было основано на том, что если мы будем знать памятные места нашего города, то мы будем лучше знать его историю.

Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу исследования, было проведено анкетирование среди учащихся пятых, восьмых, девярых классов лица с целью выяснить, знают ли ребята, что такое памятник, какие памятники существуют на территории Исилькуля и Исилькульского района, историю создания памятников нашего города (см. Приложение № 22).

Результаты анкетирования (см. Приложение № 23) показали, что ребята плохо знают историю создания исторических памятников города.

На этом моя работа по теме не закончилась. Я собираюсь выступить на классных часах в разных классах лица, посвященных истории г. Исилькуля и Исилькульского района с материалом об исторических памятниках нашего города и района. Затем проведу повторный опрос ребят путем анкетирования. Результаты проанализирую, сравнив с предыдущим опросом. Таким образом, гипотеза подтвердится либо будет опровергнута.

Список источников

Архивный сектор Администрации Исилькульского муниципального района Омской области: Ф. 1, Оп. 1, Д. 290; Ф. 4, Оп. 3, ДД. 37 А. 38, 97, 160

Сайт: <http://www.warheroes.ru>

Библиографический список

1. «Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь / Пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. — М.: Воениздат, 1987.
2. За власть Советов! Краткие биографические очерки об участниках революционных событий в Омском Прииртышье (1917 — июнь 1918 гг.). — Омск, 1987. — 136 с.
3. Колесников А.Д. Памятники Великой Отечественной войны // Памятники и памятные места Омска и области / А.Д. Колесников — Омск, 1987.
4. Лукьяненко И. О чем рассказывают обелиски // Знамя. — 1979. — 2 ноября.
5. Омичи — Герои Социалистического Труда. — Омск: Кн. изд-во, 1990.
6. Петров И.Ф. В камне и бронзе. — Омск: Омское книжное издательство, 1981. — 320 с., илл.
7. Сибирцев Н. Память // Омская правда. — 1980. — 24 июня.
8. Шлевко Г.М. Ради жизни на земле. — Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, Омское отд., 1972.